

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№7 2021 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

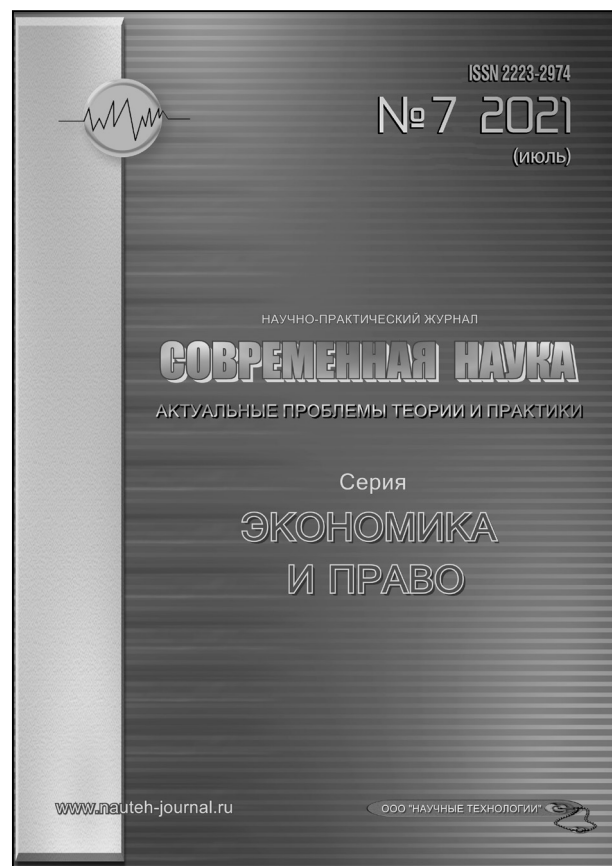
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.07.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Багирова Е.В., Лазарева М.В. — Особенности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций
Bagirova E., Lazareva M. — Features of state support of socially oriented non-profit organizations 6

Боташев Р.А., Айдинова Д.Х.-М. — Действие механизма инфляционной спирали в современной экономике России
Botashev R., Aidinova D. — The effect of the inflationary spiral mechanism in the modern Russian economy 10

Васильев И.И. — Оценка и регулирование риск-аппетита банка
Vasilyev I. — Evaluation and regulation of the bank's risk appetite 17

Гурков Р.А. — Основные характеристики мирового рынка высоких технологий и его географическая структура на современном этапе экономического развития
Gurkov R. — The main characteristics and geographical structure of the world market of the high technologies at the current stage of the economic development 21

Гурков Р.А. — Географическая и отраслевая структура мировых инвестиционных потоков в контексте международного технологического обмена
Gurkov R. — Geographic and sectoral structure of global investment flows in the context of international technological exchange 31

Зубкова С.В., Машкина В.А. — Финансовые рынки в период пандемии: тенденции, прогнозы, точки роста
Zubkova S., Mashkina V. — Financial markets: pandemic status and growth points 40

Зубкова С.В. — Проблемы внедрения рекомендаций «Базель IV» в России
Zubkova S. — Problems of implementation of Basel IV recommendations in Russia 44

Ковалева Е.Б., Пыткина С.А., Главацкий В.Б. — Научно-методический подход к совершенствованию управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона в цифровую эпоху
Kovaleva Ye., Pytkina S., Glavatsky V. — Scientific methodical approach to improving development management of a region's spatial sectoral structure in digital era 48

Козлов М.В. — Проблемы развития инструментария анализа данных в IT-аудите
Kozlov M. — Problems of development of data analysis tools in IT-audit 54

Кокорев С.С. — Особенности законодательного регулирования применения метода стандарт-костинг для целей налогообложения на примере различных стран
Kokorev S. — Features of the legislative regulation of the application of the standard-costing method for tax purposes on the example of different countries 59

Крышка В.И. — Институт найма в современной рыночной экономике России: постановка проблемы и попытка ее решения с позиции вещных и личных прав собственников
Krishka V. — The institute of hiring in the modern market economy of Russia: setting the problem and trying to solve it from the position of property and personal rights of owners 64

Кузьмичёва А.А. — Вызовы рынку труда в условиях COVID-пандемии: новые тенденции кадровой работы
Kuzmicheva A. — Challenge to the labor market in the context of the COVID pandemic: new trends in personnel work 70

Ли На — Исследование легализации деловой среды Китая
Li Na — Research on the legalization of the Chinese business environment 75

Метревели Е.Г. — Новое значение ключевой ставки и рынок ипотечного кредитования в 2021 году <i>Metreveli E.</i> — The new key rate value and the mortgage market in 2021	82
Овчинников А.П. — Критерии и показатели оценки эффективности инновационного предприятия в условиях импортозамещения (на примере предприятий медицинской промышленности) <i>Ovchinnikov A.</i> — Criteria and indicators for evaluating the effectiveness of an innovative enterprise in the context of import substitution (on the example of medical industry enterprises)	85
Павленков И.М. — Организационно-управленческие вопросы создания контроллингового центра муниципального образования <i>Pavlenkov I.</i> — Organizational and managerial issues of creating a controlling center of a municipality	88
Плотник М.А. — Методика оценки экономической эффективности мероприятий по управлению устойчивостью военно-логистической системы <i>Plotnik M.</i> — A method of evaluation of military and economic effectiveness of measures of sustainability management of a military logistic system	95
Полякова В.М. — Организация таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов: принципы и факторы повышения эффективности <i>Polyakova V.</i> — Organization of customs control of goods moved under smart contracts: principles and factors to increase efficiency	101
Чамкин П.А. — Оценка эффективности и государственное регулирования управления санаторно-курортными организациями, оказывающими услуги в рамках системы обязательного медицинского страхования <i>Chamkin P.</i> — Effectiveness evaluation and government legislation of sanatoriums and health resorts in state with compulsory health insurance system	106
Чэнь Чжэньгуан — Исследование экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России <i>Chen Zhenguang</i> — Study of economic cooperation between Heilongjian province of China and the Far East of Russia	110
Чэнь Чжэньгуан — Исследование нового пути экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией на фоне создания китайско-российского моста Хэйлунцзян <i>Chen Zhenguang</i> — Study of a new way of economic and trade cooperation between the province of Heilongjian and Russia in the background of the establishment of the Chinese-Russian bridge	114
Право	
Антощенко А.В. — Некоторые вопросы государственного регулирования в сфере лесопользования <i>Antoshchenko A.</i> — Some issues of state regulation in the field of forest management	117
Аристархов Д.А. — Об эффективности организационных форм взаимодействия следователя с органами дознания <i>Aristarkhov D.</i> — About effective organizational forms of interaction between investigators and agencies of inquiry	121
Балданов Р.В. — Право на доступ к справедливому судебному разбирательству в случае несостоятельности стороны арбитражного соглашения <i>Baldanov R.</i> — Right of access to a court in case of party's insolvency of arbitration agreement	126
Баранов Г.А. — Ретроспективный взгляд на институт судебных примирителей <i>Baranov G.</i> — A retrospective look at the institution of judicial conciliators	130
Богатова И.А. — Особенности проблем правовой охраны индивидуального художественного стиля как объекта интеллектуальной собственности <i>Vogatova I.</i> — Features of the problems of legal protection of individual artistic style as an object of intellectual property	134

Вилисова И.Б. — Особенности ответственности за незаконное использование персональных данных физических лиц <i>Vilisova I.</i> — Features of responsibility for the illegal use of personal data of individuals137	Мирзоев З.Т., Исаков А.Р., Кушхов Х.Л., Дышеков М.В. — Запрет определенных действий — альтернативная мера пресечения в УПК РФ <i>Mirzoev Z., Isakov A., Kushkhov Kh., Dyshekov M.</i> — <i>Prohibition of certain actions</i> — an alternative measure of restraint in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation171
Гантемиров К.Р. — История развития уголовно-правовой охраны объектов патентных прав в дореволюционной России <i>Gantemirov K.</i> — The history of the development of criminal law protection of objects of patent rights in pre-revolutionary Russia140	Покровская Н.В. — Перспективы оспаривания международных экономических санкций в контексте обязательств России перед ВТО <i>Pokrovskaya N.</i> — Prospects for challenging international economic sanctions in the context of Russia's obligations to the WTO174
Зюльков Д.С. — Залог цифровых прав как способ обеспечения исполнения обязательств субъектов МСП <i>Zyulkov D.</i> — Pledge of digital rights to ensure the fulfillment of obligations of small and medium-sized companies146	Сапежинская А.А. — Проект ОЭСР BEPS: Overview, нынешнее положение и перспективы развития <i>Sapezhinskaya A.</i> — OECD BEPS Project: Overview, current situation and prospects179
Каландаришвили З.Н., Куренков Г.А. — К вопросу о современных интегральных (синтетических) типах правопонимания в юридической науке <i>Kalandarishvili Z., Kurenkov G.</i> — On the question of modern integral (synthetic) types of legal understanding in Legal Science.153	Степенко В.Е., Коробкина Н.О. — Государственный транспортный контроль (надзор) как административно-правовое средство выявления правонарушений в сфере транспорта <i>Stepenco V., Korobkina N.</i> — State transport control (supervision) as an administrative and legal means of detecting offenses in the field of transport ... 186
Канатов Т.К. — Проблемы гармонизации и унификации дефиниций «творчество», «творческий труд» и «умственный труд» в науке и законодательстве стран ЕАЭС <i>Kanатов T.</i> — Problems of harmonization and unification of the definitions of "creativity", "creative work" and "mental work" in science and the legislation of the EEU countries156	Суханов С.В. — Заявление работника о банкротстве как возможность инициировать подконтрольную процедуру банкротства <i>Sukhanov S.</i> — An employee's statement for bankruptcy as a possibility to initiate a supervised bankruptcy procedure189
Лучина А.Ю. — Влияние явки с повинной на осуществление защиты при несогласии подзащитного с обвинением в убийстве <i>Luchina A.</i> — The influence of the admission of guilt the protection when the defendant does not agree with the murder charge.163	Фадеев И.А. — Орган дознания как субъект процессуальной проверки <i>Fadeev I.</i> — The body of inquiry as a subject of procedural verification192
Мальков С.М., Агафонов А.В. — Обязательные признаки объективной стороны состава преступления при порче земли <i>Malkov S., Agafonov A.</i> — Must objective party of the crime at land damage.166	Яковлев Д.Ю. — Установление личности: современное состояние проблемы идентификации неопознанных трупов <i>Yakovlev D.</i> — Identification: the current state of the problem of identification of unidentified corpses197
	Информация
	Наши авторы. Our Authors200
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале202

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

FEATURES OF STATE SUPPORT OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

**E. Bagirova
M. Lazareva**

Summary. In this paper, the characteristics of socially oriented non-profit organizations are considered, and the main measures of state support for socially oriented non-profit organizations are presented. The main state programs supporting the activities of socially oriented non-profit organizations are identified.

Keywords: state support, socially oriented non-profit organizations, state regulation, resource center for socially oriented non-profit organizations.

Некоммерческий сектор является важнейшим в решение различных социальных проблем и в становлении культурного общества России. Центральным звеном в данном секторе является социально ориентированные некоммерческие организации.

В последнее время произошел поворот государства в сторону «третьего сектора» экономики. Некоммерческие организации (НКО) уже являются партнерами государственных органов власти в оказании гражданам социальных услуг [3, с. 87]. Но все же вклад НКО в российский ВВП до сих пор очень мал всего около 1%, а занято в «третьем секторе» лишь 1,1% экономически активного населения страны.

Государственное регулирование экономических процессов вытекает из самой сущности государства. Государство с момента возникновения в силу своего предназначения как института, призванного выражать и реализовывать всеобщую волю всего населения и его интересы, наряду с комплексом других выполняет также ряд социальных и экономических функций [1, с.184].

Все вопросы, касающиеся государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России, регламентируются основным документом — Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 № 7-ФЗ (да-

Багирова Елена Владиславовна

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»

Лазарева Маргарита Викторовна

*К.п.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры»
elenabagirova@hotmail.com*

Аннотация. В данной работе рассмотрены признаки социально ориентированных некоммерческих организаций, и представлены основные меры государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Определены основные государственные программы, поддерживающие деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: государственная поддержка, социально ориентированные некоммерческие организации, государственное регулирование, ресурсный центр социально ориентированных некоммерческих организаций.

лее — Закон «О некоммерческих организациях») [5]. Адресность — это ключевая особенность социально ориентированных некоммерческих организаций. Обеспечение эффективной государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций требует выполнения четких критериев, которые позволяют отличить данные организации от других некоммерческих организаций. Исходя из закона «О некоммерческих организациях» социально ориентированные некоммерческие организации имеют следующие признаки, которые представлены для наглядности в виде схемы (рисунок 1).

Тенденцией последних лет в государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций является утверждение комплексных государственных программ [4, с. 75]. Данные программы поддержки в основном уже включают значительную часть предусмотренных законодательством форм поддержки.

В настоящее время существуют различные формы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) (рисунок 2).

Также существует еще определенная особенность государственной поддержки СО НКО в РФ ею является

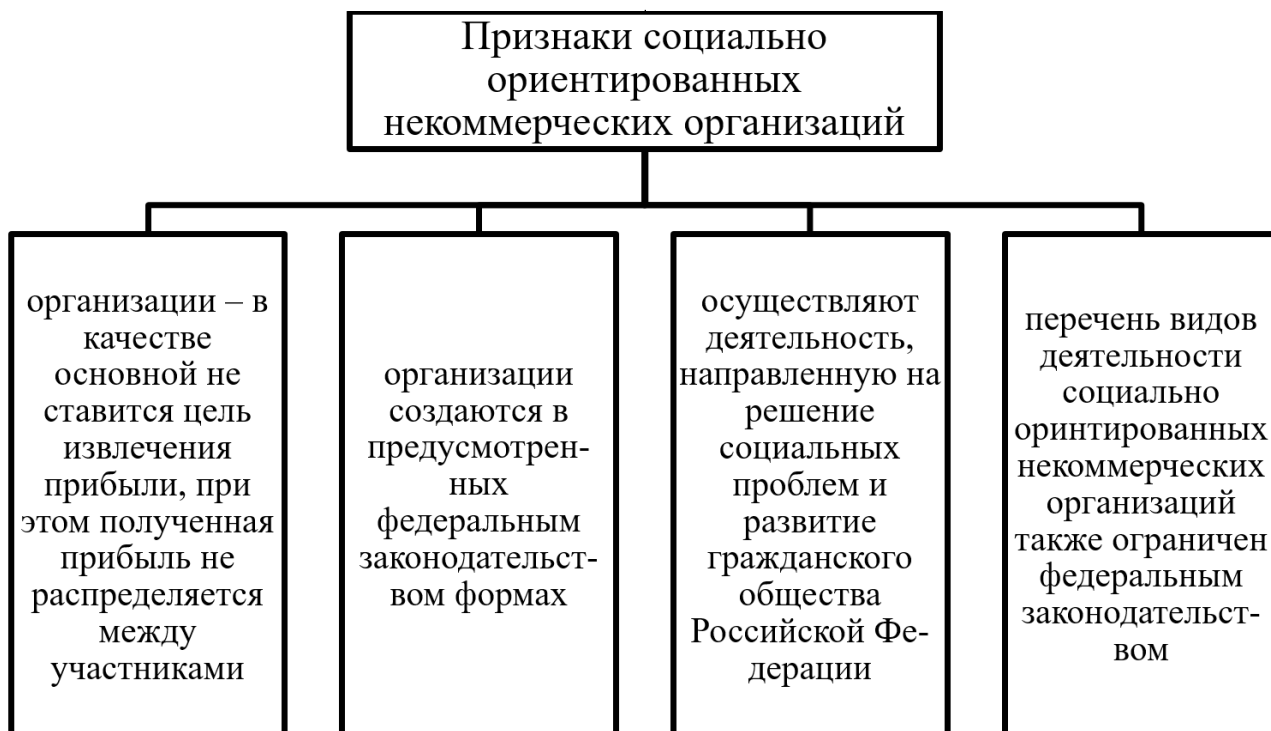

Рис. 1. Признаки социально ориентированных некоммерческих организаций

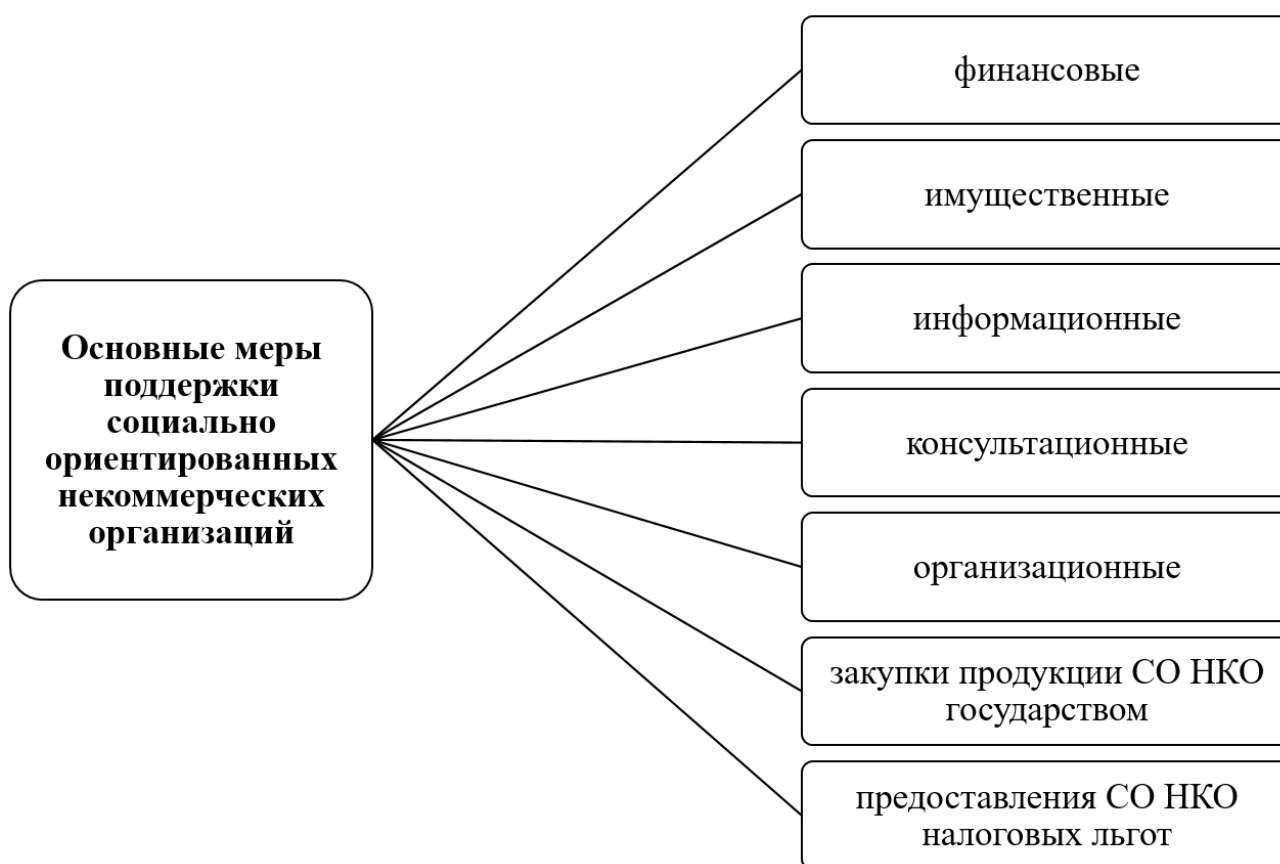

Рис. 2. Меры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций

**Основные государственные программы, поддерживающие деятельность
СО НКО**

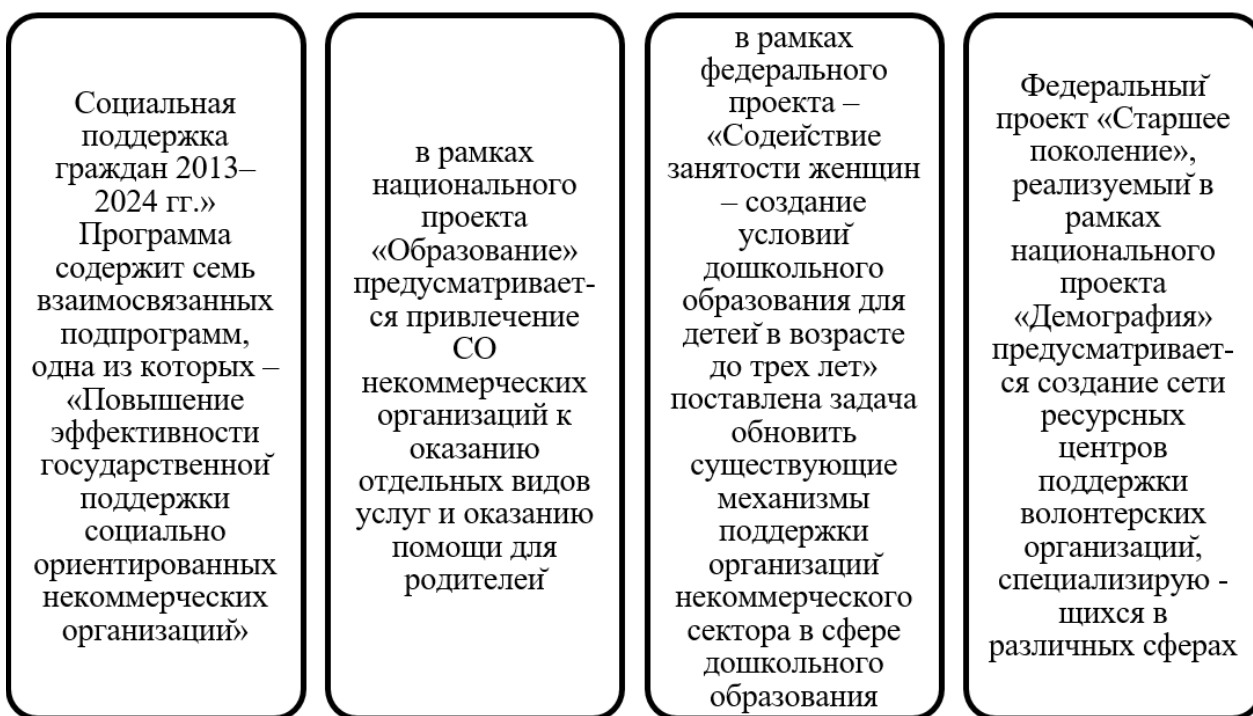

Рис. 3. Государственные программы поддержки СО НКО

многоуровневый характер поддержки. Согласно закону «О некоммерческих организациях», поддержка СО НКО осуществляется на трех следующих уровнях: федеральный, региональный и муниципальный.

Также важной особенностью является и многообразие видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Существуют следующие основные виды деятельности СО НКО:

1. социальная поддержка и социальное обслуживание граждан;
2. помощь населению в преодолении последствий стихийных бедствий;
3. оказание юридической помощи гражданам и др.

В настоящее время инновационные механизмы поддержки так же коснулись и деятельности СО НКО. Данные инновации воплотились в деятельности ресурсных центров. Ресурсный центр СО НКО — это организация, которая оказывает информационную, консультационную, образовательную, организационную и иную ресурсную поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям, которая также еще

и содействует внедрению в их деятельность новых социальных и управленческих технологий, формированию среды, способствующей развитию и деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Опыт деятельности таких ресурсных центров НКО показывает положительную динамику в области развития некоммерческого сектора в России. Например, в Кузбассе существует два таких центра:

- ♦ Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив» (информационная, консультационная, образовательная, финансовая, продвижение лучших практик СО НКО, работа по включенности СО НКО в сферу социальных услуг);
- ♦ Центр инноваций социальной сферы (информационная, финансовая, консультационная, образовательная, продвижение, популяризация лучших бизнес-моделей в социальной сфере) [2, с. 176].

В рамках государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в РФ

реализуются следующие виды государственных программ (рисунок 3).

На протяжении последних нескольких лет наблюдается значительное увеличение финансирования СО НКО с 4 млрд. руб. в 2014 году до 35 млрд. руб. в 2019 году,

но при этом есть проблемы, которые следует решать. Такие, например, как недостаточность и неравномерность государственной поддержки по субъектам РФ, весьма сложное оформление отчетности некоммерческой организации, невысокий уровень информационной поддержки. Все это конечно же препятствует развитию СО НКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова С.Г. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография / Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. — 206 с.
2. Мухамедиева С.А. Формирование кадрового потенциала как условие обеспечения качества социально-культурной деятельности в организациях сферы культуры / С.А. Мухамедиева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 44. С. — 175–184.
3. Нащёкина Е.В. Социально-ориентированные некоммерческие организации в России: монография / Елена Витальевна Нащёкина, Елена Витальевна Ким. — Москва: ВГУЮ, 2019. — 119 с.
4. Шмелева М.В. Правовое регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации: административный и финансовый аспекты: монография / М.В. Шмелева. — Ульяновск: УГУ, 2020. — 166 с.
5. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 № 7-ФЗ. Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 12.05.2021).

© Багирова Елена Владиславовна, Лазарева Маргарита Викторовна (elenabagirova@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный институт культуры

ДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА ИНФЛЯЦИОННОЙ СПИРАЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

THE EFFECT OF THE INFLATIONARY SPIRAL MECHANISM IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

**R. Botashev
D. Aidinova**

Summary. The article studies the effectiveness of the inflationary spiral model in the Russian economy in modern conditions. The study was conducted by applying the method of correlation and regression analysis and statistical data for the last 20 years. As a result of the analysis, the mechanism of influence of the main factors on the level of inflation is revealed, and an economic and mathematical model for forecasting the level of inflation is obtained. Along with extensive statistical data on inflation, unemployment and wages, the paper uses theoretical provisions on the mechanism of the inflationary spiral and macroeconomic indicators of Russia and developed countries.

Keywords: price, price discrimination, inflation, inflationary spiral, demand inflation, cost inflation, stagflation, labor price, employment, unemployment, inflationary expectations, inflationary inertia.

Боташев Руслан Азаматович

Доцент, Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск
botashevruslan@mail.ru

Айдинова Диана Хаджи-Муратовна

К.э.н., доцент, Карачаево-Черкесский
государственный университет
Имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск
diana.aidinova@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование эффективности действия модели инфляционной спирали в экономике России в современных условиях. Исследование проведено путём применения метода корреляционно-регрессионного анализа и статистических данных за последние 20 лет. В результате анализа раскрыт механизм влияния основных факторов на уровень инфляции, а также получена экономико-математическая модель для прогнозирования уровня инфляции. Наравне с обширными статистическими данными об инфляции, о безработице и заработной плате в работе используются теоретические положения о механизме действия инфляционной спирали и макроэкономические показатели России и развитых стран.

Ключевые слова: цена, ценовая дискриминация, инфляция, инфляционная спираль, инфляция спроса, инфляция издержек, стагфляция, цена труда, занятость, безработица, инфляционные ожидания, инфляционная инерция.

Как известно, все государства, где действует рыночная экономическая система, сталкиваются с проблемой инфляции (inflation) в разной степени, которая проявляется в устойчивом росте общего уровня цен. Годовое увеличение цен может идти разными путями: быть незначительным и нарастать медленными темпами (ползучая инфляция) или быть существенным и набирающим темпы (гиперинфляция).

Дело в том, что инфляция — это сложный противоречивый процесс, который, как правило, вызывает серьезные социально-экономические последствия. Борьба с инфляцией всегда была и остается основной задачей макроэкономической политики государства, т.к. инфляция отрицательно влияет на все стороны экономической деятельности и уровень жизни населения. Особую сложность представляет собой выявление особенностей действия механизма инфляционной спирали в условиях страны с переходной экономикой как Россия.

Нетрудно догадаться, что переход экономики на рыночные отношения значительно повысил значение денег, а инфляция, как известно, в первую очередь снижает покупательную способность денег. Сегодня проблемы денежных отношений становятся основными вопросами по модернизации экономики страны. Как показывает опыт многих стран, переход на рыночные отношения, как правило, сопровождается быстрым ростом цен и усилением действия инфляционных факторов. Поэтому при проведении исследования причин инфляции очень важно, в первую очередь, правильно оценить, является ли переход на рыночные отношения причиной углубления инфляции. Может быть и такая ситуация, что накопленный ранее инфляционный потенциал получает теперь свое реальное выражение.

Следует отметить, что в условиях рыночных отношений у правительства страны резко сокращаются возможности искусственного сдерживания инфляции, а порою они становятся просто невозможными. Вместе с тем сле-

дует заметить, что непоследовательность и непродуманность правительством страны некоторых шагов перехода к рынку, ещё сильнее усугубляют имеющиеся трудности и усиливают инфляционные процессы [1, с. 147].

Можно выделить две основные причины возникновения инфляции:

1. избыточный спрос на валовый национальный продукт при полном использовании производственных мощностей (Demand-pull inflation);
2. рост издержек на производство продукции (заработная плата, сырье и материалы, электроэнергия и т.д.) — Cost-push inflation.

Монетаристская школа учёных-экономистов утверждает, что инфляция спроса вызвана нерегулируемой эмиссией денег и предписывает строгий контроль над ростом денежной массы в качестве средства снижения избыточных расходов. За снижение расходов ратует кейнсианская школа. Представители этой школы рекомендуют это осуществить путем увеличения налогов и путём сокращения государственных расходов. При таком подходе инфляция издержек ассоциируется в основном с чрезмерным ростом номинальной заработной платы и внезапно возникающими при этом скачками цен на некоторые товары.

В настоящее время теория «инфляционных издержек» является наиболее распространенной теорией макроэкономического анализа. Ядром этой теории является модель инфляционной спирали: «заработная плата — цены». Инфляционная спираль (inflationary spiral of price-wage spiral), или спираль цен и заработной платы, связана с возникновением в 70-е годы XX столетия нового явления в теории инфляции, которую назвали «инфляцией экономических кризисов». Позднее это явление получило название «стагфляция».

С возникновением стагфляции зарубежные экономисты взялись за обоснование теории инфляционной спирали «заработная плата — цены», которая стала основой теории «инфляционных издержек». При этом инфляция учеными рассматривается в качестве результата давления спроса на рост издержек. В результате чрезмерное увеличение средней заработной платы по отношению к производительности труда вызывает новое повышение цен. В качестве основного способа подавления инфляции ими рекомендуется политика ограничения спроса и доходов рабочих [7, с.93].

Дело в том, что первоначальный резкий рост цен на товары и услуги, вызванный ростом затрат на сырье, может привести к тому, что профсоюзы станут требовать повышения номинальной заработной платы для поддержания уровня жизни рабочих. Если они доби-

ваются удовлетворения своих требований, то производители повышают цены на свою продукцию с целью удержать прибыли. В свою очередь, новый рост цен снова влечёт за собой новое повышение заработной платы и т.д. В результате запуска механизм инфляционной спирали начинает сам себя раскручивать, т.е. можно утверждать, что механизм инфляционной спирали является механизмом самовоспроизводства инфляции.

На наш взгляд, инфляционная спираль формируется по следующему алгоритму:

1. в результате пересмотра условий трудового договора между наемными работниками и работодателями на рынке труда сначала происходит установление нового уровня заработной платы;
2. затем, как следствие, возникает изменение общего уровня заработной платы в масштабах национальной экономики. Если этот процесс на рынке труда не уравновешивается ростом производительности труда и другими факторами, то увеличение издержек на единицу продукции, как правило, приводит к сокращению производства товаров и услуг;
3. сокращение производства и, соответственно, предложения приведет к росту цен как следствие при увеличивающемся спросе;
4. рост цен, в свою очередь, дает новый импульс к переговорам между наемными работниками и работодателями о новом витке увеличения оплаты труда;
5. таким образом, ситуация повторяется на новом витке спирали «зарплата — цены» и т.д.

Следует заметить, что модель инфляционной модели, безусловно, должна рассматриваться на основе заработной платы и совокупного спроса. Это объясняется тем, что в развитых странах заработная плата в общем объеме себестоимости составляет значительную долю (60–70%), а в России она составляет лишь 20–25%. Поэтому в нашей экономике инфляционное значение заработной платы невелико.

При этом следует иметь в виду, что если в экономике не действуют антиинфляционные механизмы, то инфляция способна разогнаться вплоть до экономического краха, так как рост цен порождает дальнейший еще больший рост цен. Следует также отметить, что инфляционная спираль раскручивается на основании действия определенных факторов. Эти факторы в основном связаны не столько с инфляцией спроса в сфере обращения, сколько с инфляцией издержек в области производства [5, с. 47].

На наш взгляд, механизм влияния основных факторов на определенные сегменты рынка может быть представлен в виде следующей схемы (рис. 1):

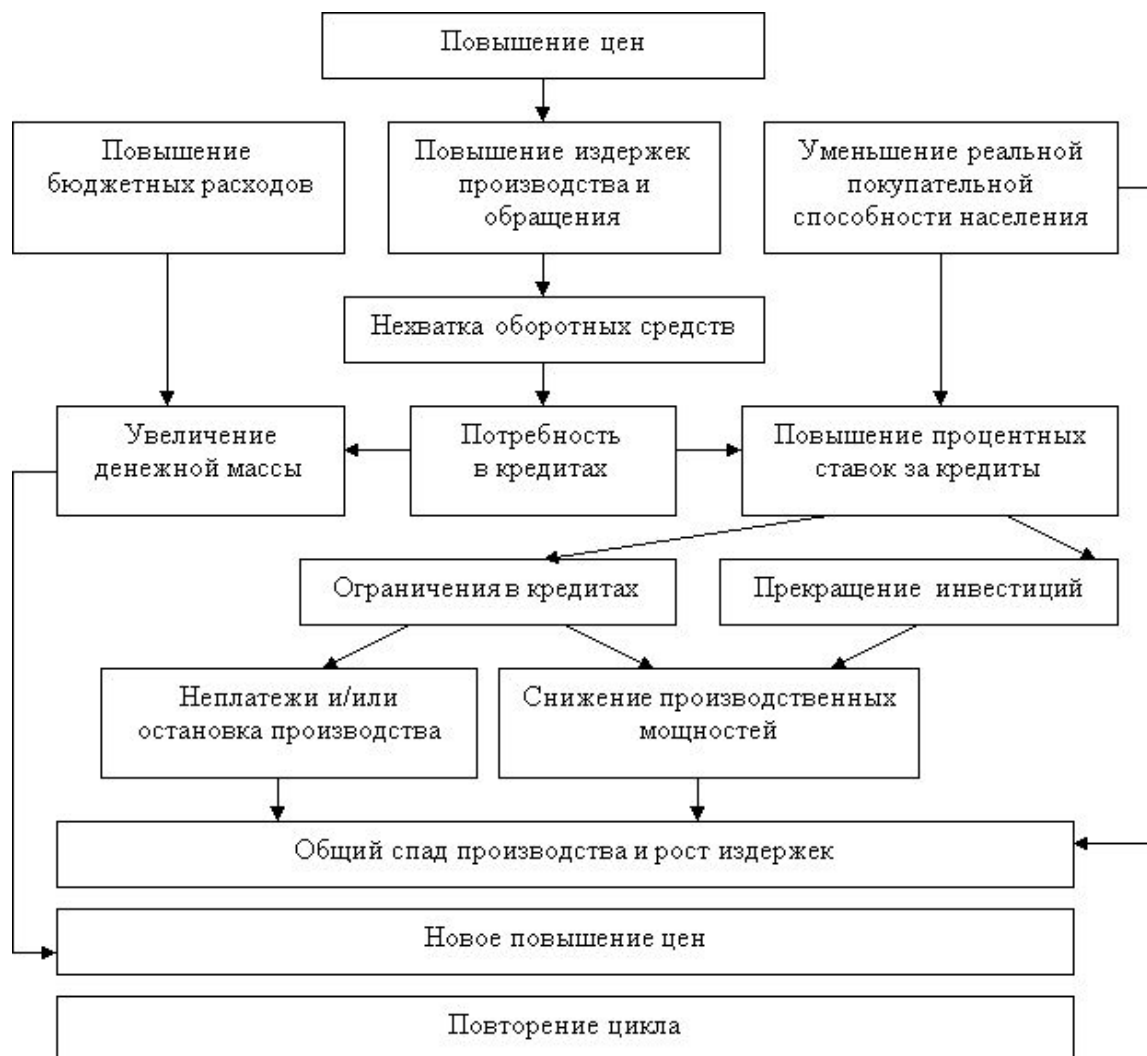

Рис. 1. Схема механизма инфляционной спирали

В чем же всё-таки, состоит несостоятельность теории западной модели инфляционной спирали «заработная плата-цены», которую далее назовём моделью «W- P»?

Чтобы выяснить некоторые моменты данной проблемы, рассмотрим основные аргументы этой концепции. Наиболее примитивный аргумент, на наш взгляд, заключается в том, что рост заработной платы якобы неизбежно должен вести к повышению цен на товары и услуг.

Как известно из истории экономических учений, еще в середине XIX века в своем научном докладе «Заработная плата, цена и прибыль» К. Маркс доказал, что заработная плата не только теоретически, но и практически может повышаться как за счет увеличения общей массы вновь созданной стоимости, так и за счет лучшего распределения и перераспределения этой стоимо-

сти. Однако в обоих случаях, как правило, нет прямой связи заработной платы с ценой продукции.

Западная теория инфляционной спирали «заработная плата — цены» по-нашему мнению порочна не потому, что в действительности якобы нет роста заработной платы, а потому, что она игнорирует объективный закон о необходимости такого роста в соответствии с ростом производительности труда когда цены остаются постоянными. Игнорирование этой объективной закономерности проявляется также и в настоящее время в государственной политике развитых стран, когда они вводят в действие механизм замораживания заработной платы и цен на товары и услуги.

Следует заметить, что ученые — экономисты давно заметили связь, в соответствии с которой инфляция оказывает сильное воздействие на занятость населения. Если рассматривать эмпирические исследования,

то между уровнем занятости и уровнем инфляции действительно наблюдается определенная связь. При этом получается, что, если безработица высокая, то инфляция держится на низком уровне, и наоборот.

Английский ученый Олбан Ульям Филлипс, инженер по образованию, в своих трудах впервые применил математические методики систем замкнутого контроля к анализу макроэкономических связей. При помощи этой методики Филлипс доказал, что существует зависимость между процентным ростом заработной платы и уровнем безработицы — чем выше уровень роста заработной платы, тем ниже уровень безработицы.

В 1958 году зависимость между уровнем безработицы, ростом заработной платы и цен была предложена Филлипсом в виде графика. Согласно данному графику, падение уровня безработицы по причине роста совокупного спроса вызывает ускорение темпов роста заработной платы, отражая стремление фирм повысить оплату труда своих работников в связи с увеличением спроса на продукцию фирмы. Таким образом, кривая Филлипса предполагает наличие альтернативы — либо безработица, либо инфляция, подталкиваемая спросом.

Ученый использовал в своей работе данные по английской статистике на 1850–1860 годы. Он выстроил специальный график, который наглядно показывает обратную связь изменения ставок заработной платы и уровня показателя безработицы. Следует заметить, что взаимосвязь инфляции и безработицы заключается в том, что при высоком уровне безработицы заработная плата будет держаться на низком уровне, что, несомненно, вызовет медленный рост цен. В соответствии с построенным графиком Филлипс установил, что рост безработицы в Англии более, чем на 2,5–3% приводит к резкому росту цен и заработной платы.

Кривая Филлипса позже была модифицирована американскими учеными-экономистами Самуэльсоном и Солоу. Исходя из того, что теоретически понятия инфляции и безработицы тесно связаны между собой, авторы эмпирически исследовали зависимость уровня занятости и инфляции. Исследователи показали, что инфляция может держаться на низком уровне, если безработица высокая. Кривая Филлипса была изменена с учётом ценовых ожиданий на увеличение заработной платы в денежном выражении.

Как известно, при естественном уровне безработицы темпы инфляции не замедляются, но и не ускоряются. Если государственные власти предпримут меры к снижению безработицы ниже естественного уровня, то тогда уровень инфляции на кривой Филлипса возрастёт.

Если предположить, что темп роста номинальной заработной платы превышает темп объёмов производства на одного человека, тогда уровень безработицы возвращается к своему новому естественному уровню, соответствующему более высокому ожидаемому уровню инфляции. Если власти снова попытаются снизить уровень безработицы, это неизбежно вызовет ускорение инфляции. Вновь возросший уровень зарплаты в денежном выражении подтолкнет уровень безработицы к состоянию «естественного», ещё более высокому ожидаемому темпу инфляции. Чтобы сбить темпы инфляции, власти вынуждены приложить все усилия к временному поддержанию уровня безработицы выше естественного уровня. Нетрудно догадаться, что по мере снижения темпов роста номинальной заработной платы, уровень безработицы постепенно сокращается до своего «естественного» состояния.

В последнее время экономическая нестабильность в странах с рыночной экономикой всё больше обнаруживается в виде, так называемой, стагфляции — это одновременный спад производства и инфляция, в результате чего одновременно растут и цены, и безработица. Дело в том, что, если в прошлом выводы Филлипса подтверждались на практике, то в последнее время наметилась тенденция к сосуществованию безработицы и инфляции вместе. Это привело к попыткам пересмотреть кривую Филлипса, делая некоторые поправки, например, на эффект ценовых ожиданий и т.д.

Следует заметить, что в экономике любой страны действуют факторы, относимые и к инфляции спроса, и к инфляции издержек. Поэтому речь может идти только о преобладании факторов той или иной группы. Инфляция издержек и инфляция спроса взаимосвязаны, поэтому их трудно четко подразделить. Как и инфляция спроса, инфляция издержек имеет механизм самоограничения. Она порождает спад, а спад сдерживает рост издержек. Резкий, непредвиденный рост издержек ведёт к нарушению в механизме предложения, т.е. ведёт к стагфляции — сочетанию спада и инфляции. В результате сочетания инфляционного спроса и инфляции издержек возникает *инфляционная спираль*. Инфляция спроса и инфляция издержек также взаимно усиливают друг друга. Например, наращивание военных расходов — вызывает инфляцию спроса — растут заработная плата, цены на материалы и услуги — в ответ на рост издержек растут цены фирм — требуется новая зарплата и т.д. [3, с. 47].

В результате исследования эффективности действия механизма инфляционной спирали, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы:

Инфляция спроса вызывается следующими денежными факторами:

Таблица 1. Динамика уровня инфляции, безработицы и заработной платы в России за 2001–2020 гг.

№	годы	инфл Y (%)	безраб X ₁ (%)	зарпл X ₁ (%)	YX ₁	YX ₂	X ₁ X ₂	X ₁ ²	X ₂ ²	Y ²
1.	2001	18.80	9.0	35.2	169.2	661.7	316.8	81.0	1239.0	353.4
2.	2002	15.06	7.9	34.5	118.9	519.6	272.6	62.4	1190.3	226.8
3.	2003	11.99	8.2	26.1	98.3	312.9	214.0	67.2	681.2	143.8
4.	2004	11.74	7.8	22.6	91.6	265.3	176.3	60.8	510.8	137.8
5.	2005	10.91	7.2	26.9	78.6	293.5	193.7	51.8	723.6	119.0
6.	2006	9.00	7.2	24.9	64.8	224.1	179.3	51.8	669.8	81.0
7.	2007	11.87	6.1	23.5	72.4	278.9	143.4	37.2	552.3	129.5
8.	2008	13.28	6.3	27.2	83.7	83.7	171.4	36.7	739.8	176.4
9.	2009	8.80	8.4	8.4	73.9	73.9	70.6	70.5	70.6	77.4
10.	2010	8.78	7.5	12.4	65.9	65.9	93.0	56.3	153.8	77.1
11.	2011	6.10	6.6	13.1	40.3	40.3	86.5	43.6	171.6	37.2
12.	2012	6.58	5.5	12.5	36.2	36.2	68.8	30.3	156.2	43.3
13.	2013	6.45	5.5	11.6	35.5	35.5	63.8	30.2	134.5	41.6
14.	2014	11.36	5.2	9.1	59.1	59.1	47.3	27.1	82.8	129.0
15.	2015	12.90	5.6	5.1	72.2	72.2	28.6	31.4	26.0	166.4
16.	2016	5.40	5.5	7.9	29.7	29.7	43.5	30.3	62.4	29.2
17.	2017	2.50	5.5	6.7	13.8	13.8	36.9	30.3	44.9	6.3
18.	2018	4.30	4.9	11.6	21.1	21.1	56.8	24.0	134.6	18.5
19.	2019	3.00	4.9	7.5	14.7	14.7	36.8	24.0	56.3	9.0
20.	2020	4.90	5.9	5.4	28.9	28.9	31.9	34.8	29.2	24.0
Всего		183.7	130.7	332.2	1268.8	3131.0	2332.0	881.7	7429.7	2026.7
Средн		9.19	6.54	16.61	63.44	156.55	116.6	44.09	371.49	101.34

1. Милитаризация экономики и рост военных расходов.
2. Кредитная экспансия банков.
3. Импортируемая инфляция.
4. Чрезмерные инвестиции в тяжелую промышленность.

Инфляция издержек рассматривается с позиций роста цен под воздействием следующих факторов:

1. Механизм монополистического ценообразования.
2. Снижение роста производительности труда.
3. Спад производства.
4. Возросшее значение сферы услуг.
5. Ускорение прироста издержек и особенно заработной платы в расчёте на единицу продукции.
6. Энергетический кризис.

В ходе исследования мы обнаружили, что в России процесс инфляции осуществляется не в полном соответствии с вышеприведенными теоретическими концепциями. В предпринятом нами исследовании были использованы данные Росстата о темпах инфляции, безработицы и заработной платы в российской экономике за 2001–2020 годы [8, с. 27].

В исследовании нами изучается зависимость уровня инфляции Y (%), от уровня безработицы X₁ (%) и тем-

пов прироста заработной платы X₂(%) за 20 лет с 2001 по 2020 год. Для удобства проведения исследования результаты расчётов и промежуточных результатов поместим в таблицу 1.

Таким образом, в результате применения метода наименьших квадратов было получено следующее уравнение множественной регрессии:

$$Y^* = -9,7 + 4,773 X_1 - 0,743 X_2$$

Параметр a₀ = -9,7 здесь не имеет содержательного смысла и носит чисто расчётный характер. Параметр a₁ = 4,773 (коэффициент линейной регрессии) показывает, что повышение в экономике России уровня безработицы (X₁) на 1% при фиксированном (постоянном) значении темпа роста средней заработной платы (X₂) приводит к повышению уровня инфляции в среднем на 4,773%. Следовательно, в экономике России, согласно результатам нашего исследования, между уровнем безработицы и уровнем инфляции имеется не обратная, а прямая связь.

Параметр a₂ = -0,743 означает, что при повышении темпов прироста заработной платы (X₂) на 1% при фиксированном (постоянном) значении уровня безработицы уровень инфляции снизится на 0,743%, т.е. меж-

ду темпами роста средней заработной платы и уровня инфляции имеется обратная связь, т.е. при повышении заработной платы на 1%, темп инфляции снизится на 0,743%, при повышении заработной платы на 10%, соответственно, инфляция снизится на 7,43% и т.д.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в условиях российской рыночной экономики выводы, сделанные учёными, «не работают». Чтобы разобраться в этой проблеме подробнее, продолжим наше исследование.

Сравним влияние факторов X_1 и X_2 на результат Y при помощи средних коэффициентов эластичности:

$$\varepsilon_1 = 4,773 * 130,7/9,19 = 67,9; \varepsilon_2 = 0,743 * 332,2/9,19 = 26,9$$

Полученные коэффициенты эластичности показывают, что увеличение уровня безработицы (от своего среднего значения) или снижение только темпов роста заработной платы на 1% увеличивает в среднем уровень инфляции на 67,9% или 26,9%. Таким образом, подтверждается большее влияние на уровень инфляции уровня безработицы, чем темпы роста заработной платы.

Найденные в результате исследования коэффициенты парной корреляции: $r_{yx1} = 0,727$; $r_{yx2} = 0,097$; $r_{x1x2} = 0,712$ указывают на то, что связь между инфляцией и безработицей весьма сильная, связь между инфляцией и заработной платой весьма слабая, а межфакторная взаимосвязь между безработицей и заработной платой

весьма сильная, т.к. $r_{x1x2} = 0,712 > 0,7$. При такой межфакторной зависимости рекомендуется один из факторов исключить из рассмотрения. По нашему мнению, будет исключен фактор X_2 (темп роста средней заработной платы).

Чтобы убедиться в этом частные коэффициенты корреляции:

$$r_{yx1x2} = (0,727 - 0,097 * 0,712) / (1 - 0,097^2) (1 - 0,712^2) = 0,873$$

$$r_{yx2x1} = (0,097 - 0,727 * 0,712) / (1 - 0,727^2) (1 - 0,712^2) = 0,321$$

Сравнение коэффициентов парной и множественной корреляции показывает, что из-за высокой межфакторной зависимости коэффициенты парной корреляции дают завышенные оценки тесноты связи. Поэтому из исследования следует исключить фактор X_2 , у которого теснота парной зависимости меньше, чем теснота межфакторной связи.

Коэффициент множественной корреляции $R_{yx1x2} = 1 - (1 - 0,727^2) (1 - 0,321^2) = 0,765$ показывает на достаточно

сильную связь всего набора факторов с результатом исследования — уровнем инфляции. Такую же оценку надежности полученного в результате нашего исследования уравнения регрессии дает F — критерий Фишера:

$F_{факт} = 0,765^2 / (1 - 0,765^2) = 4,11$, т.е. $F_{факт} > F_{табл} = 3,49$, что означает вероятность случайно получить такое значение F — критерия не превышает допустимый уровень значимости 5%. Следовательно, полученное значение не случайно, оно сформировалось под влиянием существенных факторов X_1 и X_2 , т.е. подтверждается статистическая значимость всего уравнения и показателя тесноты связи $R_{yx1x2} = 0,76$.

Если из исследования, как было рекомендовано выше, исключить фактор X_2 , то можно ограничиться уравнением парной регрессии $Y_x = a_0 + a_1 X$. Рассчитав параметры, получим уравнение $Y_{x1} = 4,56 + 0,708 X_1$. Коэффициент регрессии $a_1 = 0,708$ указывает на то, что с увеличением среднего уровня безработицы на 1%, средний уровень инфляции в России возрастет в среднем на 0,708%.

Тесноту линейной связи оценим при помощи коэффициента корреляции

$$r_{xy} = 0,708 * 1,149 / 4,109 = 0,21, \text{ где}$$

$$S_{x1} = \sqrt{44,09 - 6,54^2} = 1,149;$$

$$S_y = \sqrt{101,34 - 9,19^2} = 4,109;$$

То, что коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,198$ означает, что 21% вариации уровня инфляции объясняется вариацией уровня безработицы.

В заключение отметим, что из всего вышесказанного можно сделать вывод, что показатель безработицы является одним из ключевых показателей для определения общего состояния экономики для оценки её эффективности. Поэтому все усилия Правительства страны в борьбе с инфляцией должны быть, в первую очередь, направлены на снижение уровня безработицы.

Для противодействия инфляции издержек, которая, по нашему мнению, сейчас существует в нашей экономике, нужно не сдерживать заработную плату, не повышать налоги и проценты на кредит, не стимулировать импорт, наоборот — так как экономика находится на спаде и главная угроза — это безработица и недозагрузка мощностей, государству необходимо стремиться расширить совокупный спрос, увеличить бюджетные расходы и экспорт, снизить проценты на кредит и этим стимулировать производство и занятость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег/ Д.М. Кейнс. Гелиос АРВ, 2002. — 352 с.
2. Бауэр В.П. Инфляция: метрика причин и следствий // В.П. Бауэр. РЭА им. Г.В. Плеханова, 2005. — 56 с.
3. Михайлов А.Г. Социальный аспект инфляции// ЛитРес, 2017. — 21 с.
4. Кизилов В., Сапов Г. Инфляция и её последствия// ЛитРес, 2017. — 45 с.
5. Скосырева Н.П. Регрессионное моделирование инфляционных процессов: монография/ Н.П. Скосырева Н.П. РосНОУ, 2012. —242 с.
6. Ищханов А.В., Линкевич Е.Ф. Инфляционные процессы в новой России: статья// Фик, 2009. — 43с.
7. Батчаев М.Х.-К. Инфляция и антиинфляционная политика (теория и практика): учебное пособие/ М.Х.-К. Батчаев, Кисловодск, КГТИ, 2004, 116 с.
8. Российский статистический сборник// Росстат, М, 2020, 700 с. ISSN978–5–89476–407–9

© Боташев Руслан Азаматович (botashevruslan@mail.ru), Айдинова Диана Хаджи-Муратовна (diana.aidinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Карачаево-Черкесский Государственный Университет

ОЦЕНКА И РЕГУЛИРОВАНИЕ РИСК-АППЕТИТА БАНКА

EVALUATION AND REGULATION OF THE BANK'S RISK APPETITE

I. Vasilyev

Summary. The income of commercial banks and their level of economic security are a manifestation of the risk to which they will agree and take into account in the course of their activities.

Today, every credit institution operates in conditions of instability and uncertainty of the external environment and, accordingly, in a risk environment. In the process of achieving their goals, commercial banks face risk every day. All the income can earn is a manifestation of the risk to which they will agree and take into account in the course of their activities.

Thus, each commercial bank determines the result that it hopes to get. This result is the starting point for the formation of a portfolio of strategic directions for its development. In this context, it is important to determine how much risk is acceptable to achieve these goals. This uses the concept of risk appetite, which allows establishing a balance between the desired result and the possible danger in the process of achieving goals.

Keywords: risk-appetite, risk neutralization, banking risks, risk-management, banking services.

Васильев Игорь Иванович

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации
vasilev-1962@inbox.ru*

Аннотация. Доходы коммерческих банков и уровень их экономической безопасности являются проявлением того риска, на который они соглашались и учтут в процессе своей деятельности. Для этого целесообразно использовать концепцию риск-аппетита, которая позволяет установить баланс между желаемым результатом и возможной опасностью в процессе достижения целей. Обязательным условием укрепления безопасности экономической деятельности коммерческого банка является оценка и нейтрализация рисков, опасностей и угроз.

Сегодня каждая кредитная организация работает в условиях нестабильности и неопределенности внешней среды и, соответственно, в условиях риска. В процессе достижения своих целей коммерческие банки сталкиваются с риском каждый день. Все доходы, которые они могут получить, являются проявлением того риска, на который они соглашались и учтут в процессе своей деятельности.

Таким образом, каждый коммерческий банк определяет результат, который он надеется получить. Этот результат является отправной точкой формирования портфеля стратегических направлений его развития. В данном контексте важно определить, насколько риск является приемлемым для достижения данных целей. Для этого используется концепция риск-аппетита, которая позволяет установить баланс между желаемым результатом и возможной опасностью в процессе достижения целей.

Ключевые слова: риск-аппетит, нейтрализация рисков, банковские риски, риск-менеджмент, банковские услуги.

Нестабильность рыночной конъюнктуры, из-за которой возникли значительные трудности в схемах управления рисками в кредитных организациях, способствует ухудшению их финансового состояния. Значительно повышают банковские риски процессы, которые происходят в современных реалиях на мировом финансовом рынке. Все это снижает финансовую устойчивость коммерческих банков.

Роль и значимость риск-аппетита в коммерческом банке

В эффективном функционировании банка важную роль играет риск-менеджмент. От грамотной разработанной банком стратегии управления рисками зависит то, что банк не получит убытков и не возникнет ситуация с банкротством кредитной организации.

Определение риск-аппетита позволяет банкам избежать банкротства в период финансовой нестабильности.

Большие трудности, связанные с нестабильностью, которая характерна рынку финансов и банковскому сектору, как стране в отдельности и в целом на мировой арене стали динамично выражаться в конце 20 и начале 21 веков. С 90-х по 2010 гг. на мировой арене миновали три глобальных кризиса, серьезно затронувшие банковский рынок: в 1990-х годах нефтяной кризис, в 2007 году кризис на рынке недвижимости и в 2008 году кризис на рынке ипотечных ценных бумаг [1].

Чрезвычайно сильно на рынке банковских услуг сказался и отразился кризис 2008, вызвавший собой банкротство мировых гигантов. К краху этих кредитных организаций привели опрометчивые действия руководства

по реализации инвестиционных решений, которые взвалили на себя очень высокий риск при операциях с ценными бумагами, который имели спекулятивный характер.

В первую очередь эти промахи связаны с плохо организованной работой риск-менеджмента, который в свою очередь сумел в нужный момент реализовать мероприятия для устранения финансовых убытков, давших повод для прекращения деятельности банков.

Кризисные события 2008 года повлекли за собой процедуры банкротства значимых инвестиционных банков Америки. До начала этих событий кризисные явления стали проявляться на рынке жилой недвижимости, повлекшие за собой утрату платежеспособности огромной части населения США, всё это выразилось в росте просроченных ссуд по ипотечным платежам, образовались задолженности по кредитам и трудности с последующей продажей недвижимого заложенного имущества. Эти факты в значительно сильно отразились на работе кредитных организаций, основным видом деятельности которых было ипотечное кредитование. Все эти мировые столкновения в масштабном размере на финансовом рынке привели к актуальности развития более эффективного риск-менеджмента в коммерческом банке и к организации верного определения риск-аппетита на рынке банковских услуг [2].

Большинство банков перешли на организацию более тщательной работы по планированию своих финансовых показателей и деятельности в целом с использованием более эффективных инструментов риск-менеджмента. На фоне данных событий возникло новое понятие — «риск-аппетит», именно оно становится одним из ведущих определений в банковской сфере после мировых финансовых кризисов.

Распознавание наиболее опасных рисков ситуаций является началом в управлении банковскими рисками. Многие авторы этот этап в риск-менеджменте банка считают самым важным, так как именно он помогает более тщательно спрогнозировать и сформулировать события, которые могут повлиять на банковскую деятельность, тем самым помогут решить проблемы наступления финансовых трудностей и помогут сформировать правильную стратегию управления банковскими рисками.

Сформировать перечень данных рисков предпочтительно с помощью мнения экспертов, которые являются квалифицированными специалистами в данной области и имеют достаточный стаж работы. К ним относятся как сотрудники подразделений риск-менеджмента, так и сотрудники других отделов, не связанных напрямую с управлением банковскими рисками.

После создания значимых рисков их необходимо разбить на группы и на каждую группу назначить ответственного исполнителя того или другого подразделения коммерческого банка. Именно на этом этапе устанавливается корректный уровень «аппетита к риску».

В практике международного управления рисками «аппетит к риску» — принимается как максимально допустимый уровень риска, где кредитная организация готова нести для достижения необходимого дохода.

Указание ЦБ РФ от 15.04.2015 № 3624 — У (ред. от 03.12.2015) «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы» применяет определение «склонность к риску», именно он является близким по значению к определению «аппетит к риску». Но данное понятие при различных интерпретациях на сегодняшний день носит дискуссионный характер [3].

Многие эксперты доказывают, что необходимо отличать понятия и термины «аппетит к риску», «толерантность к риску», «границы риска» и «переносимость риска». Также следует подчеркнуть, что определение «аппетит к риску» достаточно активно используют в своей деятельности не только кредитные организации, но и коммерческие организации.

В практической деятельности банков к определению понятия «аппетит к риску» используются различные мнения. Например, в документе («Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом группы ВТБ») риск-аппетит трактуется как «количественная и качественная система показателей, которая устанавливает целевой профиль рисков, «группа ВТБ может принять с учетом обязательств, выставленных заинтересованными лицами чтобы получить установленные стратегические целевые ориентиры».

Нормативный документ ПАО Сбербанк «Стратегия управления рисками и капиталом Группы ПАО Сбербанк», делает упор на более широкое понятие «аппетита к риску» как «системы показателей, которые показывают риск по максимуму, который Банк могут принять при создании стоимости, получения установленных целевых ориентиров, в том числе необходимого уровня доходности, выполнения стратегических инициатив и реализации своей главной миссии». Данное определение является наиболее оптимальной, так как собирает в себе не только несколько первоочередных понятий определения, но и предполагает взять на вооружение значимый принцип VBM (Value Based Management) — установление для акционеров стоимости [4].

В процессе управления банковскими рисками установка корректного определения риск-аппетита считается значимым звеном выстраивания эффективной стратегии управления рисками кредитной организации. Зачастую причиной высокого риск-аппетита кредитная организация встречается образование просроченных задолженностей, уменьшением стоимости активов, снижением ликвидности, что приводит к неодобрительной ситуации вкладчиков и бегство капитала. Снятие денежных средств с депозитов приводит кредитную организацию к еще более серьезным проблемам и по итогу может привести к ликвидационным (банкротство) процедурам, либо организацией управления сторонними органами и вступлением в процесс оздоровления коммерческого банка (санация).

Рост наступления роста числа плохих займов считается стремлением банка повысить доходы посредством предоставления кредитов клиентам с несоответствующей историей по кредитам и значительным риском, связанным с утратой платежеспособности. В данном случае для таких клиентов устанавливается «премия за риск» в виде более высокой процентной ставки, которая выступает как источник дополнительного процентного дохода. Но зачастую уровень данного риска не соответствует реализуемой банком стратегии развития.

В российской банковской практике сегодня существует огромное количество примеров необоснованных действий, которые обратились в серьезные проблемы и повлияли негативно на ликвидность и собственный капитал кредитной организации. Следует отметить, что наличие данных трудностей в кредитной организации выявляются чаще всего только после проверок надзорных органов или компаний, оказывающих аудиторские услуги.

Отрицательным моментом в деятельности кредитных организаций является пренебрежение более тщательной проверки заемщика на действительный его вид деятельности. Удостовериться в том, что клиент, нуждающийся в займе, ведет свой бизнес в рамках определенного промежутка времени, например, за последний год можно, при помощи запроса платежного документа об уплате налогов на обозначенную сумму. Как правило, это установленный процент от суммы лимита, который открыт на заемщика. Также подтверждающим фактором реального ведения бизнеса может быть факт предоставления заемщиком бухгалтерской отчетности в налоговые органы за кварталный период. Так как приема налоговой инспекцией отчетности от заемщика является стопроцентным подтверждением его деятельности в реальности.

Невыполнения процедуры проверки деятельности заемщика в реальности может свести к тому, что де-

нежные средства, которые кредитная организация предоставляет посредствам займа, могут быть извлечены со счетов заемщика либо на счета дочерних компаний или партнеров, либо напрямую основному бенефициару предпринимателю.

Потребность собственников и руководителей кредитных организаций повысить доходы может привести к неутешительным проблемам, которые проявятся в потере прибыли от основной деятельности по банковским операциям — предоставлении кредитов и оформлении, и открытии депозитных счетов.

Одной из значимых ролей в деятельности собственников банка и его руководства считается желание строго действовать в рамках стратегии его развития. Именно поэтому на первый план выходит построение продуктивного механизма в управлении банковскими рисками.

При плохо организованной системе управления рисками банк прекращает соблюдать обязательные нормативы, на которые устанавливает требования ЦБ РФ, которые вызваны, прежде всего, уменьшением собственного капитала и недостаточным количеством ликвидных активов. Всё это приводит к отзыву (лишению) лицензии на право заниматься банковской деятельностью, либо руководство банком переходит внешним управленцам, то есть под контроль внешних надзорных органов [5].

Можно сделать вывод, грамотно диагностированный риск-аппетит и отчетливые действия в политике управления банковскими рисками смогут оказать большому количеству кредитных организаций миновать проблемных ситуаций, снижающих их ликвидность, тем самым предотвратить в банковском секторе отзыв лицензий.

Однако, следует помнить, что большинство кредитных организаций принадлежат бизнесменам, которые занимаются параллельно развитием в других экономических отраслях, что приводит к выводу денежных средств из организации при помощи третьих лиц. Всё это в большей степени увеличивает банковские риски, которые негативно отражаются на развитии кредитной организации и банковском секторе страны в целом. Всё это вынуждает Банк России применять более жесточенные меры по восстановлению всей банковской отрасли за счет отзыва лицензий большого количества коммерческих банков.

Риск-менеджмент одно из важных направлений в эффективной деятельности работы банка. Правильность определения риск-аппетита позволяет банкам избежать процедуры банкротства (ликвидационных процедур) в период финансовой нестабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шереметьева, М.П. Банковский сектор РФ: текущее состояние и тенденции развития / М.П. Шереметьева // Молодой ученый. — 2019. — № 21 (259)
2. Зверев, А.В., Мандрон В.В., Мишина, М.Ю. Механизм санации кредитных организаций: российская практика // Финансы и кредит. 2019. № 8. — с. 1727–1741.
3. Официальный сайт Банка России. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения 12.09.2020)
4. Банковская система в современной экономике: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. О.И. Лаврушина и др., — Москва: КноРус, 2019. — с. 176
5. Артеменко Д.А., Шишков С.А. Анализ эффективности мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Научный вестник Южного института менеджмента. 2017. № 4. — с. 34–39.
6. «Basel IV — Emerging from the mist». KPMG. Retrieved. May 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://assets.kpmg.com> (дата обращения 22.09.2020)
7. Bessis Joel. Risk management in banking /J. Bessis. — John Wiley & Sons. — 2018. — 821 p
8. Effects of Covid-19 on the banking sector: the market's assessment // Bank for International Settlements 2020. All rights reserved. Brief excerpts may be reproduced or translated provided the source is stated. — 2020. — № 12. — с. 9.
9. Risk Management Principles for Electronic Banking, Basel Committee on Banking Supervision, Bank for International Settlements, Basel. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/bcb98.pdf>. (дата обращения 21.09.2020)

© Васильев Игорь Иванович (vasilev-1962@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОГО РЫНКА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

THE MAIN CHARACTERISTICS AND GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF THE WORLD MARKET OF THE HIGH TECHNOLOGIES AT THE CURRENT STAGE OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT

R. Gurkov

Summary. The article discusses the main trends in the world market of high-tech and science-intensive goods and services. The author conducts a comparative analysis of the productivity of high-tech and knowledge-intensive industries indicated by the value added. The sectoral approach to determining the level of manufacturability of industries is based on the methodology of the International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (ISIC, Rev. 4). The author concluded that the leadership in the high-tech and medium-tech industries production is transferring to the countries of Asia, while countries of the North America and Western Europe are losing their positions.

Keywords: technology transfer, scientific research, high-tech industry, technologies, Asian countries, innovative economy, trade and economic development.

Гурков Родион Александрович

Аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; Ведущий советник отдела стран Юго-Восточной Азии и Океании Департамента стран Азии, Африки, Латинской Америки Минпромторга России
gurkov_rodion@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции, протекающие на мировом рынке высокотехнологичных и наукоемких товаров и услуг. Автором проводится сравнительный анализ производительности высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности в соответствии с показателями добавленной стоимости, формируемой этими отраслями. За основу взят отраслевой подход определения уровня технологичности отраслей промышленности, базирующийся на методологии Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК) — International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (ISIC, Rev. 4). Проведенный анализ, позволил автору сделать вывод о том, лидерство в производстве продукции и услуг высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня переходит к странам Азии, а страны североамериканского и западноевропейского континента продолжают утрачивать свои позиции.

Ключевые слова: международный технологический обмен, научно-исследовательская деятельность, высокотехнологичная промышленность, технологии, страны Азии, инновационная экономика, торгово-экономическое развитие.

В международной плоскости вопрос разделения отраслей промышленности в соответствии с уровнем их технологического развития впервые был затронут еще в начале 80-х годов XX века и на сегодняшний день не предложено более структурированной альтернативной методологии, чем методология разработанная ОЭСР, в основу которой положен анализ соотношения затрат на исследования и разработки с добавленной стоимостью, формируемой отраслью или валовым выпуском, формируемым этой отраслью [1]. Итогом продолжительной работы вышеупомянутой организации стало создание единого мето-

дического пособия «Руководство по измерению информационного общества» [2].

В настоящее время мировая практика использует два основных подхода определения уровня технологичности отрасли или товара.

«Продуктовый подход» предполагает технологическую градацию промышленной продукции по расходам на ее исследования и разработки при производстве в соотношении к стоимости единицы этой реализованной продукции. В настоящее время при данном под-

Таблица 1. Показатели объемов производства и доли в мировом ВВП высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности, 2019 г.

Промышленность	Добавленная стоимость (млрд. долл. США)	Доля мирового ВВП (%)
Общий объем высокотехнологичных и наукоемких отраслей	9020,7	11,1
Высокотехнологичная промышленность	3241,8	4,0
Авиационная промышленность	243,1	0,3
Компьютерные, электронные и оптические изделия	1185,9	1,5
Фармацевтическая промышленность	698,7	0,8
Научно-исследовательская деятельность	652,5	0,8
Программное обеспечение	461,6	0,6
Среднетехнологичная промышленность высокого уровня	5778,9	7,1
Химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов	1026,5	1,3
Электротехническое оборудование	655,7	0,8
ИТ-услуги	1621,8	2,0
Прочие машины и оборудование	1195,2	1,5
Автомобильный транспорт	1109,7	1,4
Железные дороги и военная техника	119,9	0,1
Оружие	50,1	0,1

Источник: рассчитано автором на основе [5].

ходе используется четвертая редакция Стандартной международной торговой классификации «(Standard International Trade Classification, SITC)» [3].

«Отраслевой подход» опирается на классификацию отраслей промышленности в зависимости от интенсивности осуществления затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. При данном подходе используется четвертая модернизированная версия Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК) — International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (ISIC, Rev. 4)[4], которая впервые расширила анализ интенсивности затрат на НИОКР на непроемкие отрасли, которые включают широкий спектр услуг.

Для дальнейшего анализа тенденций на мировом рынке высокотехнологичных и наукоемких товаров и услуг, нами будет взят за основу отраслевой подход.

Согласно данным Международной стандартной отраслевой классификации к **высокотехнологичным отраслям промышленности** относятся: авиационная промышленность, компьютерная, электронная и оптическая продукция, фармацевтическая промышленность, научно-исследовательская деятельность, создание программного обеспечения.

К **среднетехнологичным отраслям промышленности высокого уровня** относятся: производство химических веществ (за исключением фармацевтических

препаратов), электротехническое оборудование, информационно-технологические услуги (ИТ), машины, оборудование, автотранспортные средства, железнодорожный и другой транспорт, а также оружие. В этих отраслях наблюдается более низкий, но все же существенный уровень технологичности. (Таблица 1).

Совокупный объем добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности в 2019 г. составил чуть более 9 трлн. долл. США, что составляет 11,1% мирового ВВП. При этом на долю производства среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня приходится 64% мирового объема производства или 7% мирового ВВП. Доля производства высокотехнологичных отраслей практически в два раза ниже (36% общего объема высокотехнологичной и наукоемкой продукции и услуг) и составляет 4% мирового ВВП.

Согласно имеющимся статистическим данным, определилось пять основных центров — производителей высокотехнологичной и наукоемкой продукции: США, Европейский Союз (ЕС), Китай, Япония и группа азиатских стран (другие страны Азии) — Республика Корея, Республика Индия, Республика Индонезия, Малайзия, Республика Филиппины, Республика Сингапур, Королевство Таиланд и Социалистическая Республика Вьетнам (Таблица 2).

Как в США, так и в ЕС доля производства высокотехнологичных и наукоемких отраслей в их внутреннем ВВП составляет, как и в среднем по миру 11%. Доля Ки-

Таблица. 2. Добавленная стоимость производства высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности по странам и регионам 2004–2019 гг., млрд. долл. США

Страны	2004	2009	2015	2016	2017	2018	2019
Мир	3876,3	6003,7	7679,8	7545,2	7779,1	8277,1	9020,7
США	1173,6	1455,7	1803,8	1913,5	2003,8	2112,6	2296,4
ЕС	1127,7	1761,8	1821,4	1675,7	1706,8	1757,7	1928,5
Азия	1160,8	1912,4	2996,0	3037,6	3179,5	3438,5	3798,9
Китай	257,5	695,4	1574,0	1644,5	1697,6	1905,8	2184,4
Индия	34,4	82,2	147,2	161,2	169,1	190,8	209,2
Индонезия	18,5	34,7	55,5	52,5	54,9	58,6	58,8
Япония	627,4	740,7	668,0	634,3	710,7	672,0	703,8
Малайзия	16,8	25,1	35,1	34,2	32,9	35,5	39,9
Филиппины	5,2	8,9	12,7	13,6	14,8	15,4	15,0
Сингапур	17,3	28,8	45,8	44,4	45,5	52,7	57,5
Южная Корея	101,3	163,0	259,6	255,7	249,0	279,9	294,3
Таиланд	15,6	32,2	34,4	33,8	34,4	35,5	38,9
Вьетнам	1,7	5,4	21,8	20,2	23,2	28,8	30,6

Источник: составлено автором на основе [5]

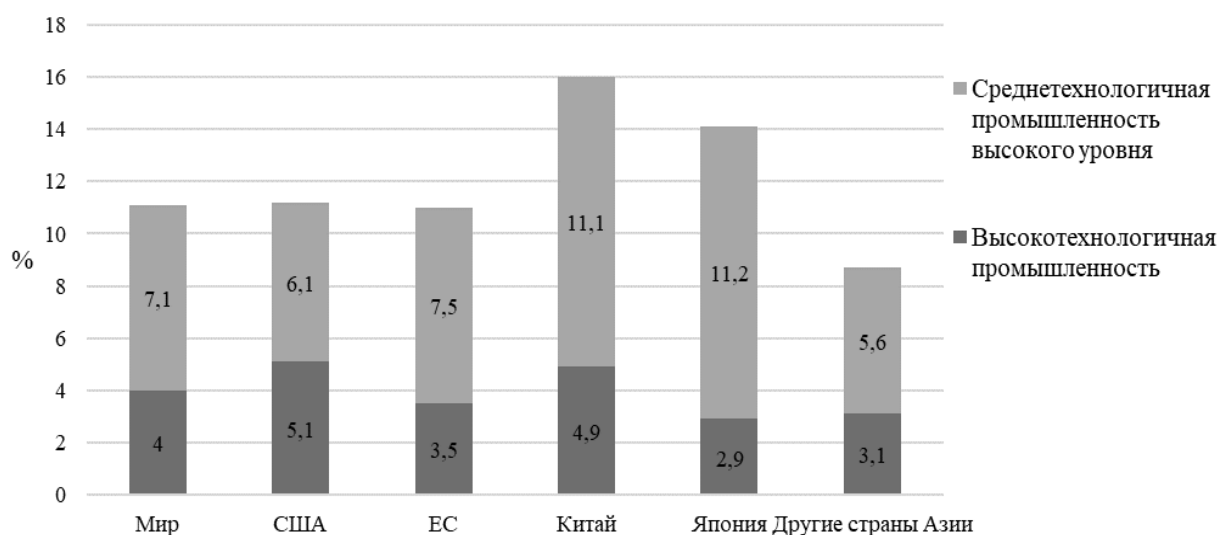

Рис. 1. Доля производства высокотехнологичных и наукоемких отрасли промышленности в ВВП отдельных стран и регионов, 2019 г.

Источник: рассчитано автором на основе [6].

тая и Японии существенно превышает среднемировые показатели за счет более высокого объема выпуска продукции среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня. Совокупная доля производства высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности других стран Азии в 2019 г. составила 8,7%, с преобладающей долей среднетехнологичных отраслей высокого уровня. Стоит также отметить, что доля выпуска высокотехнологичных отраслей других стран Азии сопоставима с аналогичными показателями Японии и стран ЕС (Рисунок 1).

С 2004 г. мировой объем добавленной стоимости производства высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности вырос в 2,3 раза (с 3,8 трлн. долл. США в 2004 г. до 9,0 трлн. долл. США в 2019 г.), что обусловлено как ростом цен, так и количественным ростом производства.

Рассматривая тенденции, протекающие в **высокотехнологичных отраслях промышленности**, на протяжении последних двух десятилетий США остаются крупнейшим в мире (более 30%) производителем про-

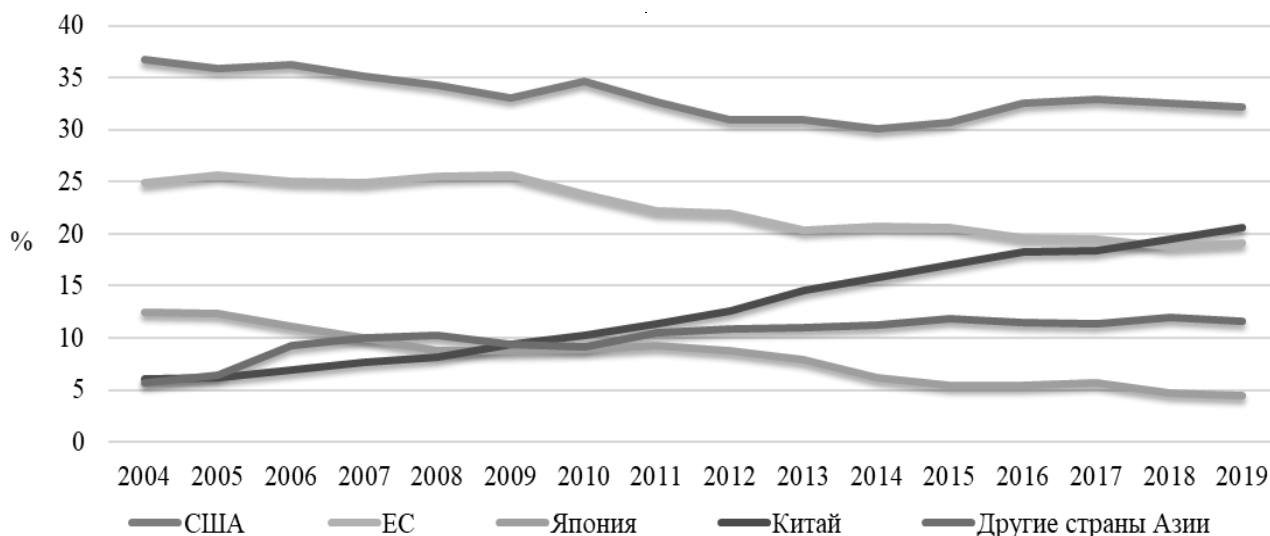

Рис. 2. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости производства продукции и услуг высокотехнологичной промышленности 2004–2019 гг. (%)
 Источник: рассчитано автором на основе [5].

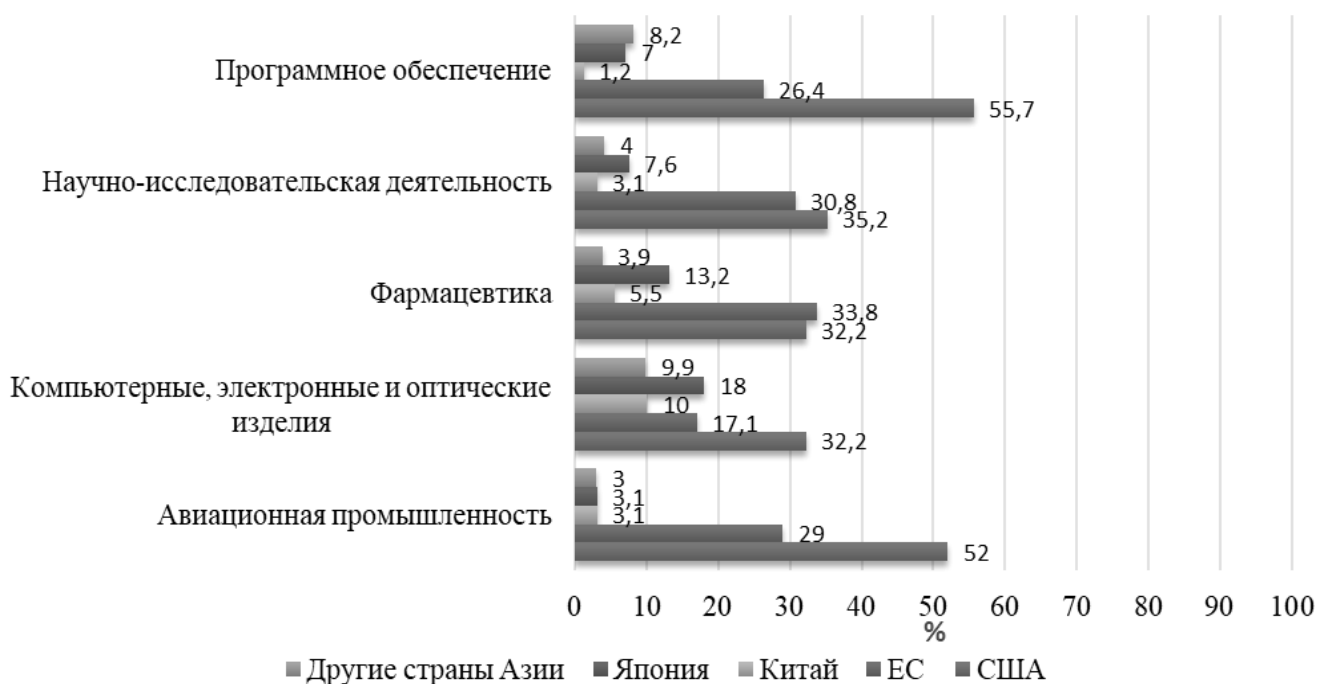

Рис. 3. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости мирового производства высокотехнологичных отраслей промышленности в 2004 г. (%)
 Источник: рассчитано автором на основе [5].

дукции данного сегмента –1,04 трлн. долл. США (Рисунок 2). На доли Китая и ЕС приходится по 20% мирового объема добавленной стоимости выпуска продукции высокотехнологичных отраслей (669,4 млрд. долл. США и 619,4 млрд. долл. США соответственно).

Стоит отметить что, за последнее десятилетие Китай превратился в крупного производителя продукции и услуг высокотехнологичных отраслей промышленности, и его доля в мировом производстве постоянно растет, в то время как объемы добавленной стоимости

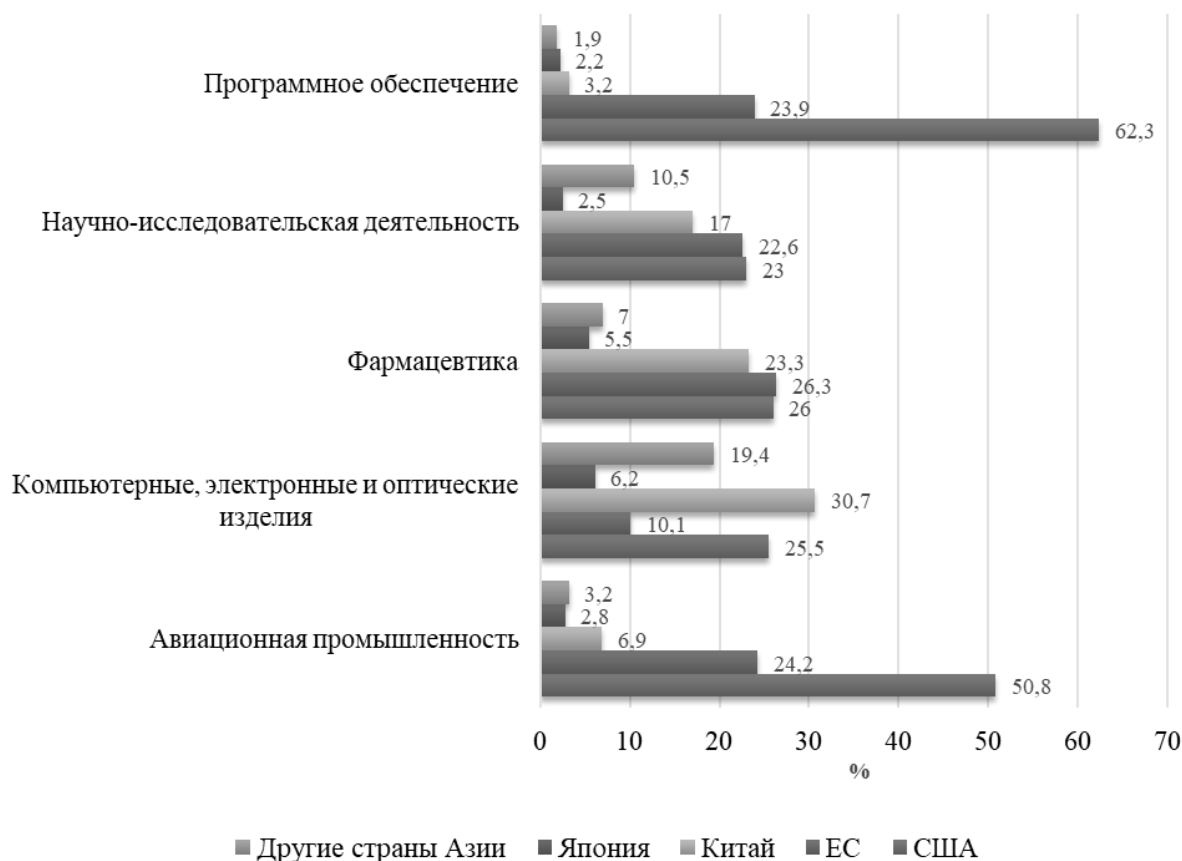

Рис. 4. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости мирового производства высокотехнологичных отраслей промышленности в 2019 г. (%)

Источник: рассчитано автором на основе [5].

производства Японии и страна ЕС замедлились, что привело к снижению их позиций на мировом рынке высоких технологий.

Совокупный объем добавленной стоимости производства продукции высокотехнологичных отраслей других стран Азии варьируется в диапазоне 8–13% мирового выпуска и остается стабильным.

Большинство производственных процессов высокотехнологичных отраслей промышленности подвержены процессу глобализации, в которые вовлекаются сложные цепочки добавленной стоимости, охватывающие все большее количество стран. Глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС) состоят из широкого спектра различных видов деятельности, начиная от создания концепции и заканчивая итоговой формой готового продукта или спектра предоставляемой услуги. ГЦДС предоставляют возможность всем странам мира, обладающим сравнительными преимуществами, участвовать в производстве, специализируясь на отдельных его сегментах, а не на выпуске всего продукта целиком.

По состоянию на конец 2019 года **США** являются крупнейшим в мире производителем товаров и услуг высокотехнологичных отраслей и занимают лидирующие позиции в авиационной промышленности — 50,8% (–1,2% в сравнении с показателем доля 2004 г.) с объемом производства 123,4 млрд. долл. США и разработке программного обеспечения — 62,3% (+6,6% показателя 2004 г.) с объемом производства 287,3 млрд. долл. США (Рисунок 3, Рисунок 4).

Значительную роль в сфере высоких технологий США занимает сфера наукоемких услуг. Однако доля производства добавленной стоимости снизилась в сравнении с показателями 2004 г. (сокращение составило 12,2%) и в настоящее время на нее приходится 23% мирового объема производства научно-исследовательских услуг — 149,7 млрд. долл. США.

Также США являются одним из лидеров в производстве фармацевтической и компьютерной, электронной и оптической продукции. В фармацевтической промышленности США разделяют лидерство с ЕС — 26% и 26,3% соответственно, или 181,8 млрд. долл. США

и 183,5 млрд. долл. США. В этой отрасли также произошло сокращение доля производства в сравнении с показателем 2004 г. (-6,2%).

В компьютерной, электронной и оптической промышленности США являются вторым по величине производителем в мире — 25,5% (302,2 млрд. долл. США), уступая Китаю с долей — 30,7% (364,2 млрд. долл. США).

Китай и ЕС являются вторыми по величине производителями товаров и наукоемких услуг высокотехнологичных отраслей промышленности с ростом доли участия в создании добавленной стоимости мирового производства Китая и снижением доли ЕС. Китай сумел существенно нарастить свои позиции с 6% (92,1 млрд. долл. США) в 2004 г. до 20,6% (669,4 млрд. долл. США) в 2019 г., что отмечается ростом во всех высокотехнологичных отраслях промышленности.

Наибольший прирост наблюдается в производстве компьютерной, электронной и оптической продукции — в 6 раз с 61,9 млрд. долл. США в 2004 г. до 364,2 млрд. долл. США в 2019 г. Однако несмотря на то, что Китай добился впечатляющего прогресса в своих суперкомпьютерных способностях за последние 10 лет, китайские полупроводниковые компании по-прежнему зависят от иностранных поставок комплектующих.

Китай является важной составной частью «Фабрики Азии» — системы производственно-сбытовых цепочек электронных товаров, сосредоточенной в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай занимает ведущую роль в этой системе, как место финальной сборки электронной продукции и как крупнейший импортер и экспортер электронных компонентов, за счет развитых производственных мощностей, широкой сети поставщиков, большого количества квалифицированной рабочей силы и способности быстро наращивать производство, что требуется для производства электронной продукции, имеющей короткий цикл развития [7 С. 226].

Япония, Сингапур, Республика Корея являются одними из крупнейших производителей компонентов и готовых электронных изделий и находятся в тесной кооперации с Китаем. Эти три азиатские экономики являются основными импортерами электронных компонентов из Китая. Согласно данным ОЭСР по торговле добавленной стоимостью, Китай является важнейшим поставщиком компьютерной, электронной и оптической продукции в Японию, Республику Корея (более 30% импорта этих стран), а также занимает 17% импорта Сингапура. Одновременно Республика Корея является основным экспортером комплектующих этой отрасли промышленности в Китай. В свою очередь в 2015 г. объем импорта китайской компьютерной, электронной

и оптической продукции составил 25% общего импорта Республики Корея [7 С. 240].

Китай также заметно увеличил свои позиции в производстве фармацевтической продукции (с 16,1 млрд. долл. США в 2004 г. до 162,5 млрд. долл. США в 2019 г. — в 10 раз) и предоставлении научно-исследовательских услуг (с 7,7 млрд. долл. США в 2004 г. до 111,2 млрд. долл. США в 2019 г. — в 15 раз), став третьим по величине мировым производителем этих отраслей.

Быстро растущий уровень среднего класса, проводимые Китаем реформы системы здравоохранения и увеличивающийся спрос на медицинские услуги способствовали быстрому развитию фармацевтической промышленности Китая [8]. Многие транснациональные биофармацевтические компании создали научно-исследовательские центры в Китае для получения доступа к внутреннему рынку страны. Китайские компании в свою очередь продолжают расширять инвестиционные потоки в фармацевтическую отрасль промышленности [9]. В авиационной промышленности Китая последние 5 лет также наблюдался стремительный рост — на 64% (с 10,3 млрд. долл. США в 2015 г. до 16,8 млрд. долл. США в 2019 г.).

Доля **ЕС** в создании добавленной стоимости мирового производства высокотехнологичных товаров и наукоемких услуг сократилась с 25,6% в 2009 г. до 22% в 2012 г. и варьировалась в диапазоне 18–21% с 2012 по 2019 гг. (Рисунок 4). ЕС является вторым по величине производителем авиационной техники (24,2% мировой производства — 58,7 млрд. долл. США) и создателем программного обеспечения (23,9% — 110,1 млрд. долл. США). В производстве компьютерной, электронной и оптической продукции доля ЕС в 2019 г. занимает значительно меньшую долю — 10,1% (119,7 млрд. долл. США), чем в США и Китае.

Участие **Японии** в создании добавленной стоимости мирового производства высокотехнологичных отраслей промышленности сократилось с 12,5% в 2004 г. до 4,5% в 2019 г. Наибольший спад наблюдался в производстве компьютерной, электронной и оптической продукции с 18% (110,6 млрд. долл. США) до 6,2% (74,0 млрд. долл. США) за аналогичный период. Снижение доли Японии в производстве высокотехнологичных отраслей промышленности является следствием снижения численности высококвалифицированных специалистов этих отраслей, а также переносом производственных мощностей в Китай и другие страны.

Объемы добавленной стоимости в производстве высокотехнологичных отраслей промышленности **других стран Азии** вырос в 3,2 раза с 87,7 млрд. долл. США

Таблица 3. Объемы добавленной стоимости производства высокотехнологичных отраслей промышленности других стран Азии, 2004–2018 гг. (млрд. долл. США).

Отрасли	2004	2009	2015	2018	2019
Программное обеспечение	3,37	5,16	6,35	6,5	6,82
Научно-исследовательская деятельность	9,7	22,7	47,1	55,9	59
Компьютерные, электронные и оптические изделия	60,9	95,8	144,2	153,5	159,7
Фармацевтика	11,4	22,1	29,5	40,1	45,7
Авиационная промышленность	3,03	4,71	7,21	6,25	7,46

Источник: рассчитано автором на основе [5].

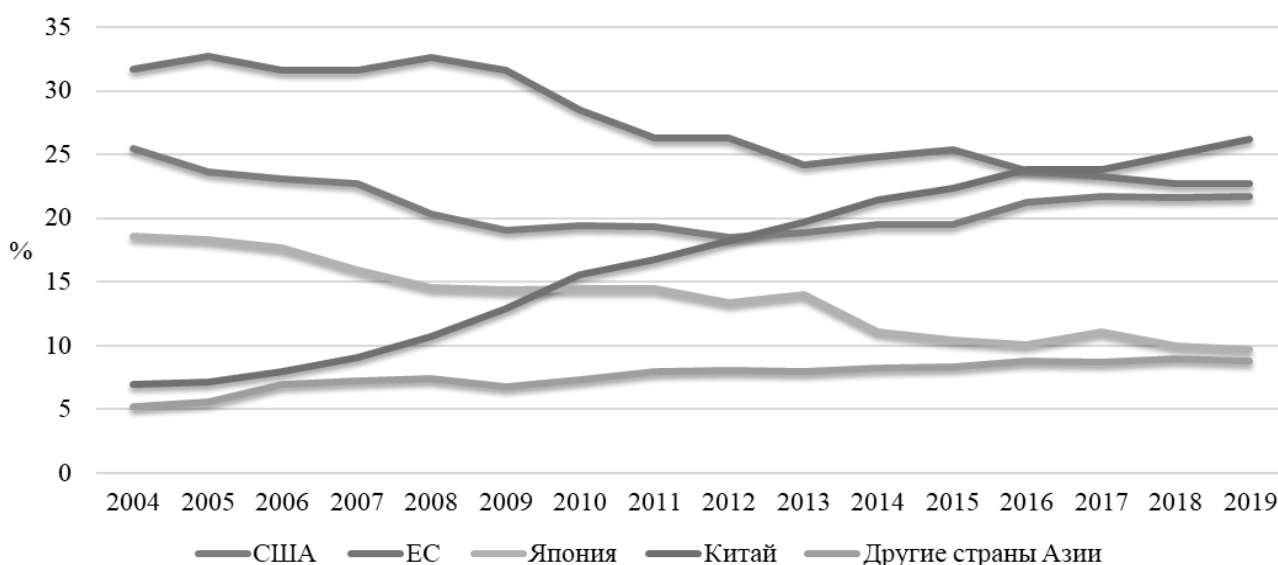

Рис. 5. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости производства продукции и услуг среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня, 2004–2019 гг. (%)

Источник: рассчитано автором на основе [5].

в 2004 г. до 280,1 млрд. долл. США. в 2019 г. Наибольший прирост наблюдается в производстве компьютерной, электронной и оптической продукции — в 2,6 раза с 60,9 млрд. долл. США в 2004 г. до 159,7 млрд. долл. США в 2019 г., а также в предоставлении научно-исследовательских услуг — рост в 6 раз с 9,7 млрд. долл. США в 2004 г. до 59 млрд. долл. США в 2019 г. (Таблица 3).

В среднетехнологичных отраслях промышленности высокого уровня наблюдается несколько иная ситуация.

С 2016 г. **Китай** является крупнейшим мировым производителем в этих отраслях, увеличивший свою долю в создании добавленной стоимости мирового объема производства с 7% в 2004 г. до 26,2% в 2019 г. (с 165,4 млрд. долл. США до 1,5 трлн. долл. США), за которым следуют **ЕС** и **США** — 22,7% (1,3 трлн. долл. США) и 21,7% (1,25 трлн. долл. США) соответственно (Рисунок 5).

Доля **Японии** в создании добавленной стоимости мирового производства среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня сократилась практически в 2 раза с 18,6% в 2004 г. до 9,6% в 2019 г. мирового объема производства среднетехнологичных отраслей высокого уровня, однако стоимостные показатели продолжали расти (с 437,3 млрд. долл. США в 2004 г. до 557,6 млрд. долл. США в 2019 г.).

Доля **других стран Азии** в создании добавленной стоимости мирового производства среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня после повышения в 2006 г. на протяжении последних лет сохраняет стабильные показатели с небольшим ежегодным приростом. В 2019 г. эта доля составила 9% общего объема производства — 463,8 млрд. долл. США.

Среднетехнологичные отрасли промышленности высокого уровня также, как и высокотехнологичные отрас-

Таблица 4. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости мирового производства среднетехнологичной промышленности высокого уровня в 2004 г. (%)

Отрасли среднетехнологичной промышленности высокого уровня	Мировой объем производства (млрд. долл. США)	США	ЕС	Китай	Япония	Другие страны Азии
Химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов	428,4	25,8%	28,4%	10,1%	12,2%	6,2%
Электротехническое оборудование	268,7	16,9%	32,2%	11,8%	22,7%	5,6%
ИТ-услуги	554,3	33%	34,3%	1,46%	17,9%	3,7%
Машины и оборудование	496,3	21,2%	34,4%	8,2%	22,2%	4,1%
Автомобильный транспорт	546,5	26,2%	29,4%	6,3%	20%	5,8%
Ж/Д и др. транспорт	42,4	23,8%	25%	13,9%	9,4%	13,1%
Оружие	18,2	14,8%	30,2%	2,19%	2,74%	5,63%

Источник: рассчитано автором на основе [5].

Таблица 5. Доля участия отдельных стран и регионов в создании добавленной стоимости мирового производства среднетехнологичной промышленности высокого уровня в 2019 г. (%)

Отрасли среднетехнологичной промышленности высокого уровня	Мировой объем производства (млрд. долл. США)	США	ЕС	Китай	Япония	Другие страны Азии
Химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов	1026,4	21,1%	17,0%	29,1%	5,6%	8,9%
Электротехническое оборудование	655,7	9,4%	17,6%	46,2%	10,2%	7,5%
ИТ-услуги	1621,8	36,9%	26,6%	10,1%	7,5%	8%
Машины и оборудование	1195,2	15,0%	24,2%	33,3%	13,5%	5,7%
Автомобильный транспорт	1109,7	15,2%	24,4%	27,2%	13,0%	9,6%
Ж/Д и др. транспорт	119,9	15,0%	15,3%	37,0%	4,2%	12%
Оружие	50,1	18,2%	21,0%	10,1%	1,4%	9%

Источник: рассчитано автором на основе [5].

ли промышленности имеют сложные ГЦДС, и, как правило, располагаются вблизи рынков сбыта. Транспортные издержки занимают значительную часть конечной стоимости продукции этих отраслей, в виду своих больших физических размеров и показателей массы (например, автомобили, крупная бытовая и спецтехника).

США являются крупнейшим в мире производителем ИТ-услуг, с долей чуть менее 40% добавленной стоимости мирового производства этой отрасли (598,1 млрд. долл. США). Стоит отметить что это единственная отрасль среднетехнологичной промышленности высокого уровня, где США еще удается удерживать лидирующую позицию в течение последних 15 лет. Производство химических веществ, за исключением фармацевтических препаратов составляет 21,1% мирового объема (216,7 млрд. долл. США), железнодорожный и другой транспорт — 15% (17,9 млрд. долл. США) (Таблица 4, Таблица 5).

По состоянию на 2019 г. **Китай** является крупнейшим в мире производителем химических веществ, за исключением фармацевтических препаратов — 29,1% мировой добавленной стоимости производства среднетехнологичной промышленности высокого уровня; электротехнического оборудования — 46,2%; автотранспортных средств — 27,2%, машин и оборудования — 33,3%, а также железнодорожного и другого транспорта — 37%. Эти отрасли промышленности развивались в течение двух последних десятилетий стремительными темпами.

Добавленная стоимость мирового объема производства электротехнического оборудования выросла в три раза с 268,7 млрд. долл. США в 2004 г. до 655 млрд. долл. США в 2019 г., при этом доля Китая в мировом производстве этой отрасли увеличилась почти в 10 раз за аналогичный период (с 31,8 млрд. долл. США до 302,9 млрд. долл. США).

Таблица 6. Место стран и регионов в формировании добавленной стоимости высокотехнологических отраслей промышленности и среднетехнологических отраслей промышленности высокого уровня.

Отрасль	США		ЕС		Япония		Китай		Другие страны Азии	
	2004	2019	2004	2019	2004	2019	2004	2019	2004	2019
Высокотехнологические отрасли промышленности										
Программное обеспечение	1	1	2	2	3	4	5	3	4	5
Научно-исследовательская деятельность	1	1	2	2	3	5	5	3	4	4
Компьютерные, электронные и оптические изделия	1	2	3	4	2	5	5	1	4	3
Фармацевтика	1	1	2	2	3	5	4	3	5	4
Авиационная промышленность	1	1	2	2	5	5	4	3	3	4
Среднетехнологические отрасли промышленности высокого уровня										
Химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов	1	2	2	3	3	5	4	1	5	4
Электротехническое оборудование	3	4	1	2	2	3	4	1	5	5
ИТ-услуги	1	1	2	2	3	5	5	3	4	4
Машины и оборудование	2	3	1	2	3	4	4	1	5	5
Автомобильный транспорт	1	3	2	2	3	4	4	1	5	5
Ж/Д и др. транспорт	1	3	2	2	5	5	3	1	4	4
Оружие	2	2	1	1	5	5	4	3	3	4

Примечание: ранжирование от 1 до 5 (от большего объема в производстве, к меньшему).

Источник: составлено автором.

Производство машин и оборудования также увеличилось в 3 раза с 496,3 млрд. долл. США в 2004 г. до 1,19 трлн. долл. США в 2019 г. Доля Китая в мировом производстве этой отрасли также выросла в 5 раз до 33,3% в 2019 году в сравнении с показателями 2004 г. (с 40,4 млрд. долл. США до 397,6 млрд. долл. США).

Мировое производство автомобильной промышленности выросло в 2,3 раза и составило 1,1 трлн. долл. США в 2019 г. против 546,5 млрд. долл. США в 2004 г.

Китай сумел превзойти ЕС по объемам производства этой отрасли и, начиная с 2018 г., стал крупнейшим в мире производителем автомобилей, заняв почти 30% мирового производства (с 34,4 млрд. долл. США в 2004 г. до 302 млрд. долл. США в 2019 г.).

Объем добавленной стоимости ЕС в мировом производстве среднетехнологических отраслей промышленности высокого уровня начал снижаться в период с 2008 г. с 33% и в 2019 г. составил 23%, в основном за счет роста доли китайской продукции.

ЕС является вторым по величине производителем автотранспортных средств и ИТ-услуг с долей в миро-

вом производстве 24% и 27% соответственно, уступая лишь Китаю и США.

Япония является четвертым крупнейшим производителем автотранспортных средств с долей мирового производства 13%, но, к сожалению, утратила свое лидерство по всем остальным отраслевым группам.

Добавленная стоимость мирового объема производства среднетехнологических отраслей высокого уровня **других стран Азии** в 2019 г. достигла значительных показателей — 8% мирового объема, в частности в таких отраслях как химические вещества, за исключением фармацевтических препаратов — 8,9% (92 млрд. долл. США), железнодорожного и другого транспорта — 12% (14,3 млрд. долл. США), автотранспортных средств — 9,6% (106,1 млрд. долл. США), ИТ-услуг — 7,8% (127,5 млрд. долл. США).

Таким образом, на сегодняшний день мировыми лидерами в производстве высокотехнологических товаров и наукоемких услуг являются: США, ЕС, Китай, Япония и группа других стран Азии, представленная Республикой Корея, Республикой Индией, Республикой Индонезией, Малайзией, Республикой Филиппины,

Республикой Сингапур, Королевством Таиланд и Социалистической Республикой Вьетнам.

«Расстановку сил» на рынке мирового производства технологической продукции для наглядности мы представили в табличной форме (Таблица 6).

США и ЕС продолжают занимать лидирующие позиции во всех высокотехнологичных отраслях промышленности, за исключением отрасли по производству компьютерной, электронной и оптической продукции, где на первое место вышел Китай, который, в том числе, значительно улучшил свои позиции во всех высокотехнологичных отраслях промышленности.

Другие страны Азии (Республика Корея, Республика Индия, Республика Индонезия, Малайзия, Республика Филиппины, Республика Сингапур, Королевство Таиланд и Социалистическая Республика Вьетнам) смогли усилить позиции как в отрасли по производству компьютерной, электронной и опти-

ческой продукции, так и в фармацевтической отрасли и продолжают поступательно наращивать объемы производства продукции высокотехнологичных отраслей промышленности.

Все данные изменения в негативном ключе затронули Японию, которая утратила свои позиции в производстве высокотехнологичной продукции.

Лидером в производстве продукции среднетехнологичных отраслей промышленности высокого уровня является Китай, за исключением таких сфер, как производство оружия и предоставление ИТ-услуг, где все также сильны позиции США и ЕС. Другие страны Азии смогли добиться определенных успехов в химической промышленности.

В среднетехнологичных отраслях промышленности высокого уровня Япония также продолжает терять долю в производстве под натиском Китая и других стран Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD. The Development of Indicators to Measure the Output of R&D: Some Preliminary Results and Plan for Future Work, STP (79), 1979.
2. OECD (2011). OECD Guide to Measuring the Information Society 2011. OECD Publishing.
3. Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. United Nations Publication. Standard International Trade Classification Revision 4.
4. Galindo-Rueda F, Verger F. 2016. OECD Taxonomy of Economic Activities Based on R&D Intensity. OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2016/04. OECD Publishing, Paris. — p.10.
5. Электронная база данных IHS Markit [Электронный ресурс]. — URL: <https://ihsmarkit.com/products/data-lake.html>
6. Электронная база данных Кноема [Электронный ресурс]. — URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/BBП>
7. M. Ohara et al. (eds. Industrial Dynamics in China and India: Firms, Clusters, and Different Growth Paths (2011, Hardcover) Institute of Developing Economies (IDE), JETRO 2011.
8. Yuanzhe Cao, Liujuan Zhu, Yanhua Shi — Performance Comparison of Rod-baffle and Segment-baffle Heat Exchangers Using Numerical Simulations [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.scribd.com/document/368960559/Cao-2014>
9. Chen Zhao, Jianqing Xu — Toward universal influenza virus vaccines: from natural infection to vaccination strategy [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.coi.2018.03.020>

© Гурков Родион Александрович (gurkov_rodion@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА МИРОВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТОКОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБМЕНА

GEOGRAPHIC AND SECTORAL STRUCTURE OF GLOBAL INVESTMENT FLOWS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL TECHNOLOGICAL EXCHANGE

R. Gurkov

Summary. The article discusses the main trends, direction and sectoral cross-section of the world investment flows, as one of the main mechanisms of international technological exchange (technology transfer). The author analyzes world investment flows based on the statistical indicators of the outflows and inflows of FDI over the last thirty years. At the same time, the author analyzes the sectoral structure of FDI based on the available data on mergers and acquisitions. The author concludes that developing countries are building capacity and changing the direction of FDI from West-West and South-West to South-South and West-South. At the same time, the key industries receiving the largest volumes of FDI are financial services, the oil and gas industry, telecommunications and electronics, the pharmaceutical industry, and software development.

Keywords: international technological exchange, technology transfer, global financial market, foreign direct investments, mergers and acquisitions, high-tech industry, technologies, developing countries, South-East Asia.

Гурков Родион Александрович

Аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации; Ведущий советник отдела стран Юго-Восточной Азии и Океании Департамента стран Азии, Африки, Латинской Америки Минпромторга России
gurkov_rodion@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции, направленность и отраслевой срез мировых инвестиционных потоков, которые являются одним из основных механизмов международного технологического обмена. Автором проведен анализ мировых инвестиционных потоков, построенный на статистических показателях оттоков и притоков ПИИ за последние тридцать лет. Одновременно автором анализируется отраслевая структура ПИИ на основе имеющихся данных по сделкам по слияниям и поглощениям. Автором делается вывод о наращивании потенциала развивающимися странами и изменению вектора направленности ПИИ с Запад-Запад и Юг-Запад на Юг-Юг и Запад-Юг. Вместе с тем, ключевыми отраслями в которые поступает наибольшие объемы ПИИ являются финансовые услуги, нефтегазовая промышленность, телекоммуникации и радиоэлектроника, фармацевтическая промышленность, создание программного обеспечения.

Ключевые слова: международный технологический обмен, мировой финансовый рынок, прямые иностранные инвестиции, слияния и поглощения, высокотехнологичная промышленность, технологии, развивающиеся страны, Юго-Восточная Азия.

Международный технологический обмен — является комплексным процессом, осуществляемым в различных формах и с помощью различных механизмов [1].

В условиях развития рыночной экономики и торгово-экономических связей наибольший интерес представляет **коммерческая форма международного технологического обмена**, при которой разработчик (продавец) осуществляет передачу своей технологии (знания, технологического товара или наукоемкой услуги) потребителю (покупателю) за обусловленное в рамках договорно-правовых обязательств вознаграждение [2].

Основным условием осуществления данной формы технологического обмена выступает извлечение ком-

мерческой выгоды (прибыли) разработчиком технологии, и выражается как в виде денежного эквивалента, так и опосредованно, путем модернизации своей разработки [3].

На сегодняшний день мировая практика одним из механизмов [4] коммерческого осуществления международного технологического обмена [5] выделяет **прямые иностранные инвестиции (ПИИ)** и сопровождающие их строительство, реконструкция, модернизация предприятий, а также создание совместных предприятий или сделки по слиянию и поглощению других предприятий с целью расширения и усиления бизнеса.

Трансграничное перемещение потоков инвестиционного капитала, основанное на эффективном между-

народном сотрудничестве, приобретает все большее значение в контексте стабилизации и увеличении темпов роста экономики любой страны.

Потоки ПИИ являются вкладом иностранных хозяйствующих субъектов, которые могут осуществляться как в денежном, так и товарном эквиваленте.

По определению, взятому из руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции Международного Валютного Фонда прямыми иностранными инвестициями называются инвестиции, вкладываемые в предприятия любой отрасли экономики, но только не в стране инвестора, целью которых является получение длительной прибыли. Задача инвестора также заключается в получении существенного права голоса в управлении иностранным предприятием [6]. Инвестором может осуществляться управление и влияние на деятельность компании, территориально расположенной в другой стране, в том случае, если в его собственности находится не менее 10% акций, имеющих право голоса [7].

Согласно определению, представленному в программных документах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), прямыми иностранными инвестициями называется процесс по осуществлению резидентом одной страны (прямым инвестором) международных инвестиций в предприятие резидента другой страны (реципиента), отличной от страны инвестора, с целью достижения своих долгосрочных целей в отношении этого предприятия [8].

ПИИ определяются как инвестиции, отражающие устойчивый интерес и контроль со стороны прямого иностранного инвестора, резидента одной экономики, предприятия, резидента другой экономики (иностранного филиала).

«Приток ПИИ включает капитал, предоставленный прямым иностранным инвестором иностранному партнеру, или капитал, полученный прямым иностранным инвестором от иностранного партнера.

Отток прямых иностранных инвестиций представляет собой те же самые потоки с точки зрения другой экономики [9].

Прямые иностранные инвестиции являются вложениями, рассчитанными на долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество партнеров. Данный механизм международного технологического обмена является одним из инструментов повышения производительности и технологичности предприятий.

«Иностранный инвестор приносит новые способы организации производственных процессов, новые технологии и обеспечивает себе доступ на рынок страны, куда осуществляет инвестирование [10].

В свою очередь государство, осуществляющее привлечение иностранного капитала в свою экономику, устраняет имеющийся инвестиционный «голод», содействуя расширению инвестиционных процессов, поднятию и оживлению экономики, передаче опыта и обучению новым, ранее не имеющимся, технологическим процессам научно-технический персонал, стимуляции развития производственных мощностей; устранению безработицы и повышению уровня доходов населения, а также увеличению доли экономически эффективного человеческого капитала.

С целью выявления ключевых географических направлений мировых инвестиционных потоков проведем анализ статистических показателей по оттокам и притоку ПИИ за последние двадцать лет. При этом под притоком ПИИ нами будет пониматься импорт иностранного капитала, под оттоком — экспорт собственного капитала в зарубежные страны.

Приток ПИИ является показателем благоприятного инвестиционного климата, а также наличия инвестиционно-привлекательных отраслей экономики в стране. Отток ПИИ, в свою очередь свидетельствует о существующей необходимости выхода стран на новые рынки в качестве инвесторов, приобретения зарубежных активов, завоевания конкурентных позиций на мировой арене. Стоит отметить, что в мировом масштабе показатели притоков и оттоков ПИИ должны совпадать, однако в рамках данного анализа могут наблюдаться незначительные погрешности в статистических данных. Данный факт является следствием отсутствия данных по притоку и оттоку некоторых стран, а также несоблюдением рекомендаций ЮНКТАД по подсчету объемов ПИИ (10 и более% акций в капитале компаний).

С целью определения ключевых **импортеров ПИИ**, рассмотрим статистику, отражающую динамику входящих мировых инвестиционных потоков (притоков прямых иностранных инвестиций) за 1990–2019 гг. в структуре развитых и развивающихся стран, в том числе стран с переходной экономикой, которая представлена на Рисунке 1.

Из представленных данных видно, что к 2019 г. общий объем притоков ПИИ в сравнении с показателем 1990 г. вырос в 7,5 раз (со 170,1 млрд. долл. США до 1,54 трлн. долл. США). За этот же период мировой ВВП увеличился с 23,4 трлн. долл. США до 87,3 трлн. долл. США в 3,7 раза [12], а экспорт товаров и услуг —

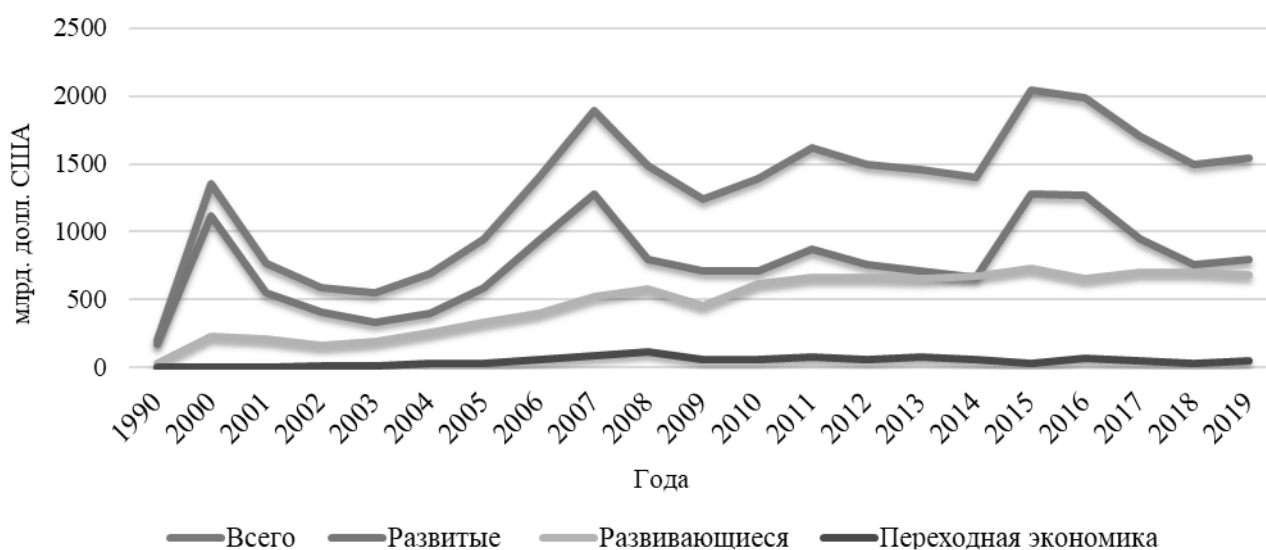

Рис. 1. Динамика изменения прямых иностранных инвестиций (чистый приток, в текущих ценах) за 1990–2019 гг., млрд. долл. США
 Источник: Составлено автором на основе [11].

в 5,8 раз с 4,3 трлн. долл. США до 25 трлн. долл. США [13]. Сопоставление темпов роста ПИИ, мирового ВВП и мирового экспорта товаров и услуг позволяет говорить о том, что ПИИ являются мощным инструментом усиления глобальной экономики.

Согласно Рисунку 1 в 2003, 2009 и 2014 годах наблюдалось снижение притока ПИИ (550,6 млрд. долл. США, 1236,1 млрд. долл. США и 1403,0 млрд. долл. США соответственно), что может быть вызвано волатильностью мировой экономической ситуации и возникавшими геополитическими рисками. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о цикличности процессов иностранного инвестирования и подверженности влияния на них глобальных мировых тенденций.

«Отраслевая структура ПИИ претерпела значительные изменения с конца XX к началу XXI века. Если в начале 2000-х годов на долю сферы услуг в накопленных запасах притоков ПИИ приходилось около 40–45%, то в последние годы этот показатель варьируется в диапазоне 65–70%» [14]. В настоящее время структура накопленных ПИИ сохраняет тенденцию преобладания доминирующей доли сферы услуг — 61,2%, на обрабатывающую — 27,8%, на долю первичного сектора экономики (добыча сырья и сельское хозяйство) — 11% [15].

Увеличение доли мировых инвестиций в сферу услуг, по нашему мнению, связан со следующими факторами: во-первых, данная тенденция подтверждает динамику роста сферы услуг в мировом ВВП, а во-вторых,

является следствием снятия странами барьеров для входа на рынки услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Региональная структура мирового притока ПИИ в начале XXI века также претерпела ряд изменений. Так согласно статистике, приведенной в Приложении Ф, на долю развитых стран мирового притока ПИИ в 1990 г. приходилось 83,3% (170,1 млрд. долл. США). Основной объем притока ПИИ приходился на три ключевых географических центра: США и Канаду, ряд европейских стран, а также Республику Корея и Японию.

Однако начиная с 2000-х годов данный показатель претерпел существенное снижение и в 2008 г. составил 53,3% или 794,3 млрд. долл. США. В 2019 г. суммарный показатель чистого притока ПИИ развитых стран составил чуть больше половины всех поступлений — 51,9% (800 млрд. долл. США).

Одновременно доля развивающихся стран в совокупности со странами с переходной экономикой за последние двадцать лет существенно выросла с 17,4% в 2000 г. до 52,2% в 2014 г. (с 35,3 млрд. долл. США до 734,3 млрд. долл. США), а относительно показателя 1990 г. — количество привлеченных ПИИ выросло в 20 раз. В 2019 г. данный показатель составил чуть меньше ½ всех входящих прямых инвестиций — 47,9% или 739,7 млрд. долл. США.

Выборочно представим статистику по ряду развитых и развивающихся стран за период с 1990 по 2019 года,

Таблица 1. Основные страны-реципиенты прямых иностранных инвестиций 1990–2019 гг. (млрд. долл. США).

	Страна	1990	2000	2008	2014	2017	2018	2019
Развитые	США	48,4	74,4	306,4	201,7	277,3	253,6	246,2
	Великобритания	30,4	115,3	92,2	24,6	101,2	65,3	59,1
	Нидерланды	11,0	63,8	6,7	45,0	60,4	114,3	84,2
	Германия	2,9	198,3	8,1	3,2	60,3	73,5	36,3
	Франция	16,5	27,5	37,6	2,6	24,8	38,1	33,9
	Сингапур	5,5	14,7	11,8	73,2	83,6	79,7	92,0
	Япония	1,8	8,3	24,4	12,0	10,9	9,8	14,5
	Республика Корея	1,0	11,5	11,2	9,2	17,9	12,2	10,6
Развивающиеся	Китай	7,9	95,3	174,6	247,7	250,1	252,8	219,7
	Индия	0,2	3,5	47,1	34,5	39,9	42,1	50,5
	Индонезия	-	-	9,3	21,8	20,5	20,5	23,4
	Малайзия	2,6	3,7	7,1	10,8	9,3	7,6	7,6
	Таиланд	2,5	3,4	8,0	4,8	6,6	10,4	4,1
	Вьетнам	0,2	1,2	9,5	9,2	14,1	15,5	16,1
	Филиппины	0,5	2,2	1,5	5,2	8,7	6,6	5,0
	Бразилия	1,0	32,7	45,0	63,8	66,5	59,8	71,9
Показатели	Общий объем притоков ПИИ	132,4	655,8	800,5	769,3	1052,1	1061,8	975,1
	Объем притоков ПИИ развитых стран	117,5	513,8	498,4	371,5	636,4	646,5	576,8
	Доля развитых стран в общем притоке ПИИ (%)	57,6	37,9	33,4	25,9	37,4	43,2	37,5
	Объем притоков ПИИ развивающихся стран	13,9	109,3	257,1	334,0	349,2	355,5	326,4
	Доля развивающихся стран в общем притоке ПИИ (%)	6,8	8,0	17,3	23,3	20,5	23,7	21,2

Источник: Рассчитано автором на основе [11].

которые привлекли в свою экономику значительные объемы притоков ПИИ (Таблица 1).

За период 1990–2019 гг. совокупный объем притоков ПИИ вышеприведенных стран вырос в 7,4 раза со 132,4 млрд. долл. США до 975,1 млрд. долл. США. Доля этих стран в общем объеме притоков ПИИ на протяжении всего временного диапазона была более половины и варьировалась в диапазоне 55–60%.

Основными странами-реципиентами инвестиционных потоков стали такие развитые государства, как Соединенные Штаты Америки, ряд европейских стран — Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Королевство Нидерландов, Федеративная Республика Германии, Французская Республика, и три азиатские страны — Республика Сингапур, Япония и Республика Корея, а также развивающиеся страны Азии, такие как Китайская Народная Республика, Республика Индия, Республика Индонезия, Малайзия, Королевство Таиланд, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Филиппины и одна из стран Латинской Америки — Федеративная Республика Бразилия.

Объем привлеченных ПИИ вышеупомянутых развитых стран вырос в 5 раз со 117,5 млрд. долл. США

в 1990 г. до 576,8 млрд. долл. США в 2019 г. Стоит отметить, что, хотя количественные объемы привлеченных ПИИ этих стран росли, доля в совокупном объеме уменьшалась из года в год (с 57,6% в 1990 г. до 37,5% в 2019 г.).

Доля приведенных в Таблице 1 развитых стран в совокупном объеме привлеченных ПИИ развитых стран на протяжении 1990–2019 гг. не опускалась ниже отметки 55%, и в 2019 г. составила 72%.

Наибольший интерес для нас представляют развивающиеся страны, чьи объемы привлеченных ПИИ выросли в 25 раз с 13,9 млрд. долл. США в 1990 г. до 326,4 млрд. долл. США в 2019, с 6,8% до 21,2% совокупного притока ПИИ. Особую роль в привлечении ПИИ сыграли страны Азии (в первую очередь Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины), чья доля в совокупном объеме притока ПИИ развивающихся стран на протяжении последних тридцати лет не снижалась менее 60% и в настоящее время составляет 69,3%.

С целью определения ключевых экспортеров ПИИ, далее рассмотрим динамику исходящих мировых инвестиционных потоков (оттоков прямых иностранных инвестиций) за 1990–2019 гг. в структуре развитых

Таблица 2. Основные страны-экспортеры прямых иностранных инвестиций 1990–2019 гг. (млрд. долл. США).

	Страна	1990	2000	2008	2014	2017	2018	2019
Развитые	США	30,9	142,6	308,3	333,0	300,4	90,6	124,9
	Великобритания	17,9	232,7	198,2	151,3	117,5	41,5	31,5
	Нидерланды	14,3	75,6	68,5	59,4	46,9	18,8	124,7
	Германия	24,2	57,0	71,5	84,0	104,0	78,8	98,7
	Франция	38,3	161,9	103,2	49,9	35,6	105,6	38,6
	Сингапур	2,0	6,8	8,0	52,4	48,8	29,7	33,2
	Япония	50,7	31,5	128,0	130,8	164,7	143,2	226,6
	Республика Корея	1,2	4,8	19,5	28,0	34,1	38,2	35,5
Развивающиеся	Китай	8,4	61,6	114,5	150,0	256,9	244,0	188,8
	Индия	-	-	21,2	11,8	11,1	11,5	12,1
	Индонезия	-	-	5,9	7,0	2,1	8,0	3,4
	Малайзия	0,1	2,0	14,9	16,4	5,6	5,1	6,3
	Таиланд	0,2	0,2	0,3	5,6	16,9	18,5	11,9
	Вьетнам	-	-	0,3	1,2	0,5	0,6	0,5
	Филиппины	0,2	0,3	2,2	6,3	1,7	0,7	0,7
	Бразилия	0,6	2,2	20,4	3,2	19,0	16,3	15,5
	Саудовская Аравия	0,7	1,6	3,5	5,3	7,2	22,9	13,1
	Объединенные Арабские Эмираты	0,3	0,4	15,8	11,7	14,0	15,0	15,9
Показатели	Совокупный объем оттоков ПИИ	159,1	638,6	795,9	774,3	886,6	798,4	1176,5
	Объем оттоков ПИИ развитых стран	148,6	570,3	596,9	555,8	551,6	455,8	908,3
	Доля развитых стран в общем оттоке ПИИ (%)	60,9	49,0	34,8	43,9	34,4	46,2	69,1
	Объем оттоков ПИИ развивающихся стран	10,5	68,3	199,0	218,5	335,0	342,6	268,2
	Доля развивающихся стран в общем оттоке ПИИ (%)	4,3	5,8	11,6	17,2	20,9	34,7	20,4

Источник: Рассчитано автором на основе [11].

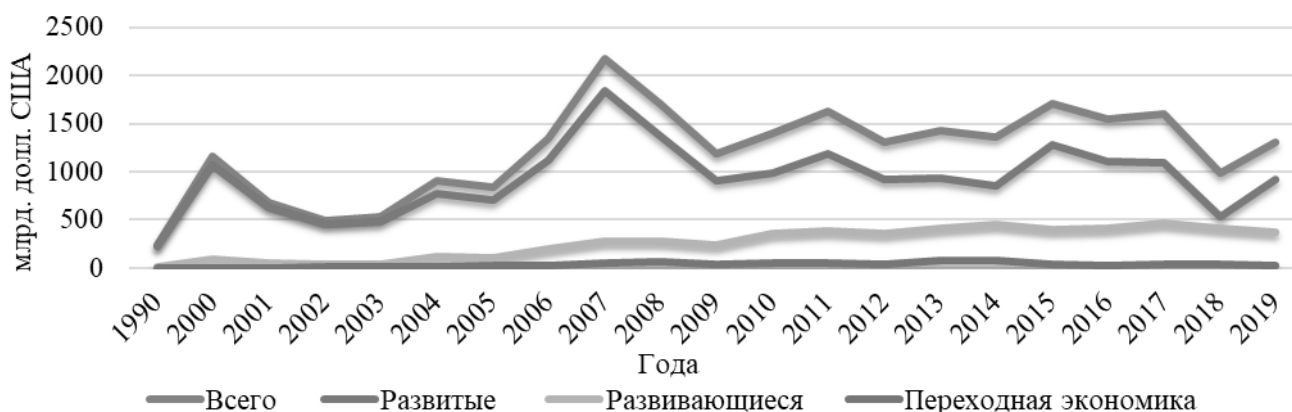

Рис. 2. Изменение уровня прямых иностранных инвестиций (чистый отток, в текущих ценах) стран по уровню развития за 1990–2019 гг., млрд. долл. США
Источник: Составлено автором на основе [11].

и развивающихся стран, в том числе стран с переходной экономикой, которая представлена на Рисунке 2.

Из представленных данных видно, что к 2019 г. общий объем притоков ПИИ в сравнении с показателем 1990 г. вырос в 5,4 раз (с 243,8 млрд. долл. США до 1,31 трлн. долл. США).

Традиционно ключевыми странами-инвесторами на протяжении последних 30 лет остаются развитые страны, в частности большая часть приходится на европейские страны, однако их доля постепенно снижается. Так, в 1990 г. на них приходился почти весь экспорт ПИИ — 94,6% (230,7 млрд. долл. США), однако начиная с 2010 г. данный показатель составил чуть

Таблица 3. Мировые объемы сделок по слияниям и поглощению (млрд. долл. США)

Год	1990	2000	2008	2014	2017	2018	2019
Объемы сделок M&A	54,0	362,3	307,5	395,4	377,6	412,7	370,1
Мировой объем притоков ПИИ	204,0	1356,6	1490,0	1403,0	1700,5	1495,2	1539,8
Доля M&A в общем объеме ПИИ (%)	26,5	27	21	28	23	28	24

Источник: Рассчитано автором на основе [16].

более 2/3 всего экспорта инвестиций и в 2019 г. достиг доли 69,7% (916,8 млрд. долл. США).

Иная картина наблюдается в динамике поступления инвестиций из развивающихся стран. Данные приведенной статистики подтверждают, что начиная с 2010 г. суммарная доля развивающихся стран в совокупности со странами с переходной экономикой в мировом экспорте капитала значительно увеличилась (с 5,3% в 1990 г. до 29,2% в 2010 г.), а объем исходящих инвестиций увеличился более чем в 30 раз с 13,1 млрд. долл. США до 407,5 млрд. долл. США. В 2019 г. на долю стран с развивающейся и переходной экономикой пришлось около трети мирового экспорта инвестиций (30,2% или 396,8 млрд. долл. США).

Выборочно представим статистику по ряду развитых и развивающихся стран за период с 1990 по 2019 года, экспорт инвестиций которых в экономики других стран показал наилучшую динамику (Таблица 2).

За период 1990–2019 гг. совокупный объем оттоков ПИИ вышеприведенных стран вырос в 7,3 раза со 159,4 млрд. долл. США до 975,1 млрд. долл. США. Доля этих стран в общем объеме оттоков ПИИ на протяжении всего временного диапазона была более половины и варьировалась в диапазоне 50–80%.

Основными странами-экспортерами инвестиций стали такие развитые страны как: Соединенные Штаты Америки, ряд европейских стран — Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Королевство Нидерландов, Федеративная Республика Германии, Французская Республика, и три азиатские страны — Республика Сингапур, Япония и Республика Корея, что полностью дублирует перечень стран-реципиентов ПИИ. В списке основных развивающихся стран-экспортеров инвестиций по сравнению с развивающимися странами-реципиентами инвестиций мы выявили ряд изменений. Ими стали: Китайская Народная Республика, Республика Индия, Республика Индонезия, Малайзия, Королевство Таиланд, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Филиппины, Федеративная Республика Бразилия, а также к ним присоединились Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Объем экспортированных иностранных инвестиций вышеупомянутых развитых стран вырос в 6 раз со 148,6 млрд. долл. США в 1990 г. до 908,3 млрд. долл. США в 2019 г. Количественные объемы оттоков прямых иностранных инвестиций этих стран росли, однако доля в совокупном объеме уменьшалась из года в год (с 60,9% в 1990 г. до 46,2% в 2018 г.). Доля приведенных в Таблице 27 развитых стран в совокупном объеме исходящих прямых иностранных инвестиций в 2019 г. составила 69,1%.

Объемы оттока ПИИ вышеприведенных развивающихся стран, выросли в 26 раз с 10,5 млрд. долл. США в 1990 г. до наилучшего показателя 342,6 млрд. долл. США в 2018, с 4,3% до 34,7% совокупного оттока ПИИ. В 2019 г. данный показатель снизился и составил 20,4%.

Особую роль в экспорте ПИИ сыграли первую очередь Китай, Малайзия, Бразилия, в последние годы усилились позиции арабских стран — Саудовской Аравии и ОАЭ. Доля последних в совокупном объеме оттока ПИИ всех развивающихся стран на протяжении последних тридцати лет не снижалась менее 70% и в настоящее время составляет 71,9%. Таким образом прослеживается тренд в усилении развивающимися странами-инвесторами своих позиций.

Тенденция, присущая началу XXI века направленности потоков прямых иностранных инвестиций из развитых стран в развитые (Запад-Запад) и из развивающихся стран в развитые (Юг-Запад) за последние два десятилетия существенно поменялась. Теперь можно говорить об усилении динамики направленности потоков ПИИ из развитых в развивающиеся (Запад-Юг) и из развивающихся в развивающиеся (Юг-Юг).

Среди различных форм прямых иностранных инвестиций особого внимания заслуживают сделки по слияниям и поглощениям (mergers & acquisitions — M&A), занимающие более четверти всех потоков ПИИ (Таблица 3). Сделки по M&A отражают стремления бизнеса расширить свои позиции на мировой арене — масштабировать свои мощности.

По данным американского Института слияний, поглощений и альянсов (Institute for Mergers, Acquisitions

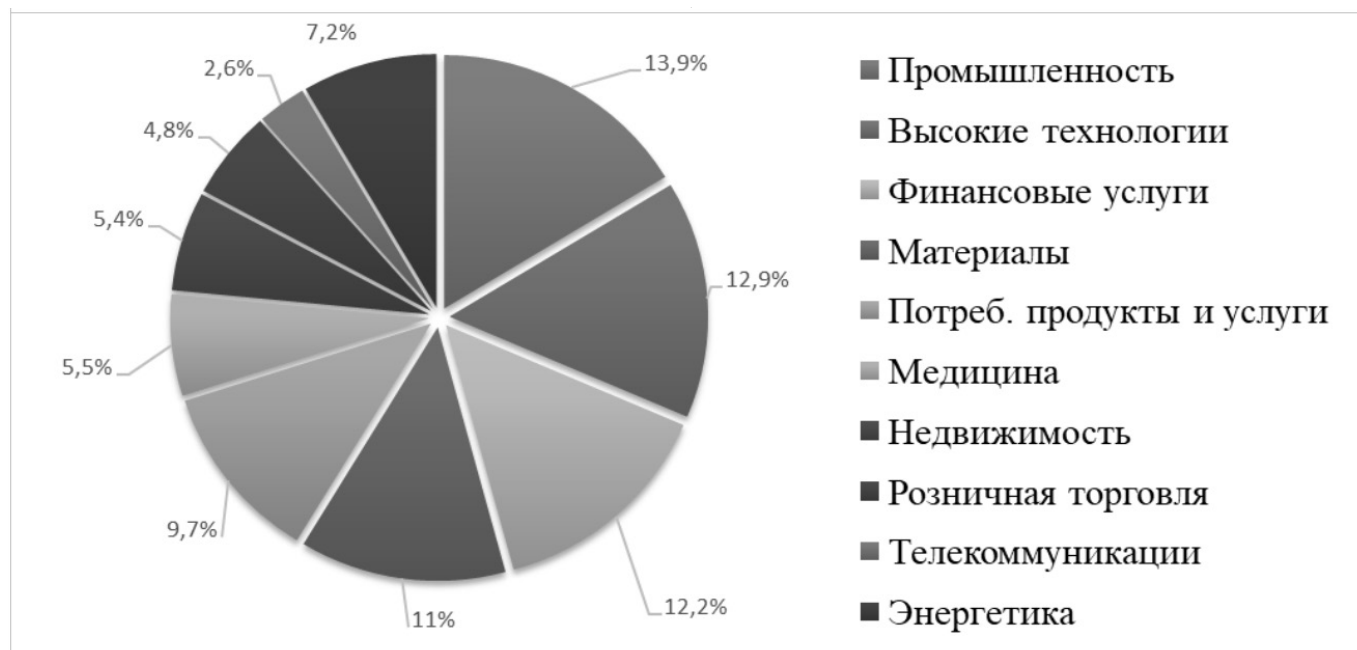

Рис. 3. Количество слияний и поглощений по отраслям (1985–2016 гг.,%)
 Источник: Составлено автором на основе [17].

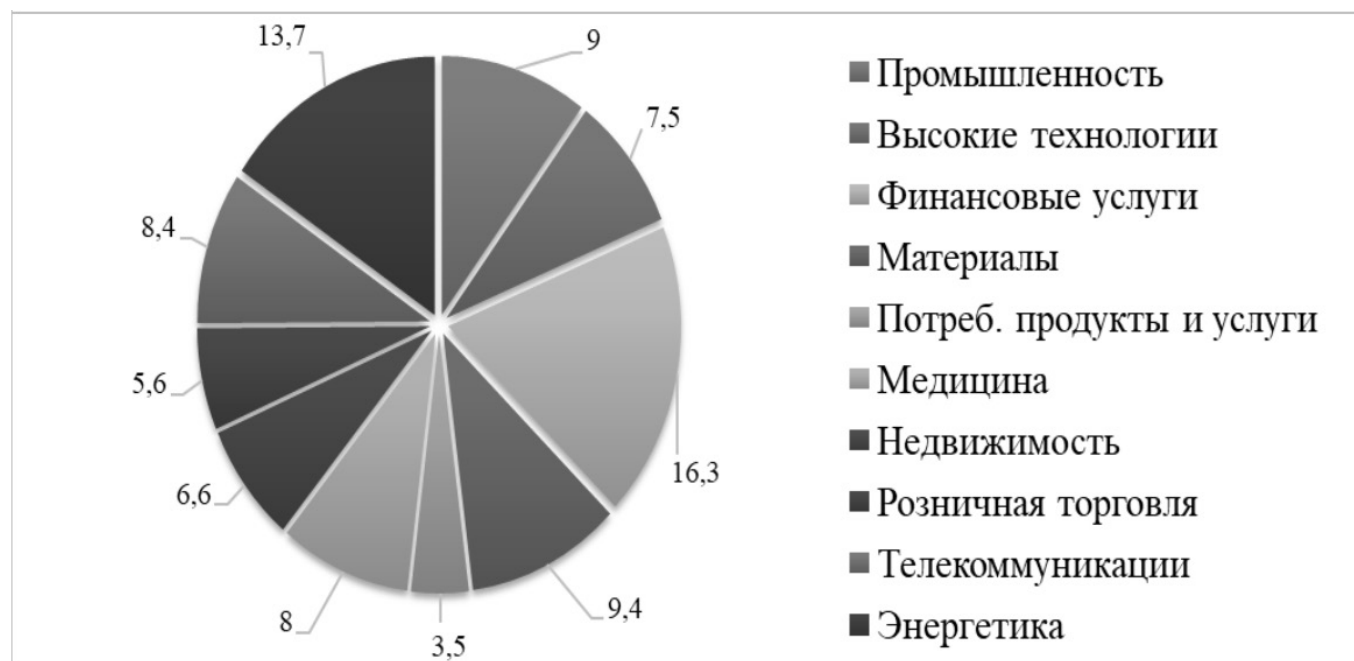

Рис. 4. Объем сделок по слиянию и поглощений по отраслям (1985–2016 гг.,%)
 Источник: Составлено автором на основе [17].

Таблица 4. Стоимостные показатели сделок по слияниям и поглощению по отраслям, 1985–2019 гг. (млрд. долл. США).

Отрасли/года	1985	1990	2000	2008	2014	2017	2018	2019
Финансовые услуги (объем)	1,3	4,9	23,5	36,5	9,4	8,7	10,0	12,6
Количество сделок (ед.)	247	979	1041	1107	914	803	718	619
Энергетическая промышленность (объем)	6,4	6,3	36,6	46,0	57,3	46,4	57,3	51,7
Количество сделок (ед.)	225	794	2278	3570	3313	3502	3549	3204
Телекоммуникации и радиоэлектроника (объем)	0,4	6,3	109,1	21,1	24,7	11,0	11,9	7,7
Количество сделок (ед.)	41	304	1315	1001	716	760	786	712
Фармацевтическая промышленность (объем)	1,0	1,1	22,2	13,0	51,0	10,4	24,2	35,0
Количество сделок (ед.)	32	175	437	888	906	1130	1376	1253
Создание программного обеспечения (объем)	0,1	0,3	23,3	9,8	18,2	16,1	21,8	20,6
Количество сделок (ед.)	29	266	5616	2809	2952	3530	3913	3656

Источник: Рассчитано автором на основе [17].

and Alliances — IMAA) с 1985–2016 гг. большее количество сделок происходило в промышленном секторе (126 тыс. сделок на 6,1 трлн. долл. США). Второе место по количеству сделок занимают сделки в сфере высоких технологий (118 тыс. сделок на 5,0 трлн. долл. США). Сделки в сфере финансовых услуг занимают третье место (111 тыс. сделок на 10,8 трлн. долл. США (Рисунок 3).

Что же касается стоимостных показателей сделок слияний и поглощений, то наибольших показателей в совокупности с 1985–2016 гг. достиг сектор финансовых услуг — 10,8 трлн. долл. США., энергетика — 9,0 трлн. долл. США., материалы — 6,2 трлн. долл. США., промышленность — 5,9 трлн. долл. США., телекоммуникации — 5,5 трлн. долл. США., медицина — 5,3 трлн. долл. США., высокие технологии — 5,0 трлн. долл. США. (Рисунок 4).

Ключевыми отраслями, в которых за период с 1985–2019 г. произошло значительное количество сделок по слиянию и поглощению в больших стоимостных объемах являлись: финансовые услуги, нефтегазовая промышленность, телекоммуникации и радиоэлектроника, фармацевтическая промышленность, создание программного обеспечения (Таблица 4).

Подводя итог, отметим, что представленные данные позволили нам сделать вывод, что наибольшую активность в период с 2000–2014 гг. в рамках сделок по слиянию и поглощению компаниями своих капиталов продемонстрировали три отрасли: энергетическая промышленность, телекоммуникации и радиоэлектроника, а также услуги по созданию программного обеспечения. В последние же годы большинство сделок происходят в сфере энергетического оборудования, создания ПО и фармацевтической промышленности.

При этом основными странами-реципиентами и странами-экспортерами потоков прямых иностранных инвестиций за последние два десятилетия являлись развитые страны, среди которых США, четыре европейских страны — Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция, три азиатских страны — Сингапур, Япония и Корея, а также ряд развивающихся стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии: Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Филиппины.

Развивающиеся страны из года в год наращивали свой потенциал и к настоящему времени смогли преломить вектор направленности потоков прямых иностранных инвестиций в свою пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инновационный менеджмент: учебник / Ильенкова С.Д [и др.]; под ред. Ильенковой С.Д. — 3-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2007
2. Зенин И.А. «О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде» / Право интеллектуальной собственности. 2015. № 3. С. 5.
3. Тюрина В.Ю., Ипполитова А.А. Маркетинговая стратегия как фактор развития трансфера и коммерциализации инновационных технологий / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2015. № 2 (15). С. 163.
4. Основы международной торговли: Учеб. пособие / Под ред. Козака Ю.Г., Логвиновой Н.С. — ЦУЛ, 2005. С. 113

5. Международный менеджмент: Учебник для вузов / Пол ред. С.Э. Приноварова. — СПб.: Питер, 2000. С. 506
6. «Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ — 6-е издание [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2007/pdf/bpm6.pdf>
7. Основы внешнеэкономической деятельности: региональный аспект: учебно-методический комплекс / Толмачёв А.С. БФУ им. И. Канта (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)
8. OECD Benchmark Definition of Foreign Direct Investment — 4th ed. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investments> С. 11
9. ЮНКТАД (2019b). Отчет О Мировых Инвестициях 2019: Особые Экономические Зоны. Издание Организации Объединенных Наций. Е. 19.И. D. 12.
10. Иностраные инвестиции и современное предпринимательство: учебное пособие / К.Ю. Багратуни, М.В. Данилина — Москва: РУСАЙНС, 2018. — 148 с. — С. — 61.
11. Электронная база UNCTADStat [Электронный ресурс]. — URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
12. Глобальный ВВП мира. IFinance / [Электронный ресурс]. — URL: <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/>
13. Мировой экспорт товаров и услуг. IFinance / [Электронный ресурс]. — URL: <http://global-finances.ru/mirovoj-eksport-po-godam/>
14. UNCTAD. World Investment Report 2019. — N.-Y., Geneva, UNCTAD, 2019
15. World Development Indicators / World DataBank. [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-developmentindicators>
16. Электронная база IMAA [Электронный ресурс]. — URL: <https://imaa-institute.org/mergers-and-acquisitions-statistics/>
17. Электронная база IMAA [Электронный ресурс]. — URL: <https://imaa-institute.org/m-and-a-by-industries/>

© Гурков Родион Александрович (gurkov_rodion@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Всероссийская академия внешней торговли

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ, ТОЧКИ РОСТА

FINANCIAL MARKETS: PANDEMIC STATUS AND GROWTH POINTS

**S. Zubkova
V. Mashkina**

Summary. This article examines trends that manifested in the financial market during the pandemic period. The financial shocks that all countries faced had a significant impact on the financial sector. The article identifies the leaders of stock markets, including representatives of the medical sector, IT, telecommunications and some others. Also, some forecasts for the development of the world and domestic financial market are given.

Keywords: financial market, pandemic, currency depreciation, securities, stock market.

Зубкова Светлана Валерьевна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
zubkovasv@inbox.ru*

Машкина Валерия Андреевна

*Финансовый университет при Правительстве РФ
lerka-neka@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены тенденции, которые проявились на финансовом рынке в период пандемии. Финансовые шоки, с которыми столкнулись все страны оказали существенное влияние и на сферу финансов. В статье определены лидеры фондовых рынков, в числе которых оказались представители медицинской сферы, IT, телекоммуникаций и некоторые другие. Также, приводятся некоторые прогнозы по развитию мирового и отечественного финансового рынка.

Ключевые слова: финансовый рынок, пандемия, падение курса валют, ценные бумаги, фондовый рынок.

Пандемия COVID-19 повлияла на все сферы жизнедеятельности, не оставив без внимания и финансовые рынки всего мира. Все финансовые институты и процессы, происходящие там, изменились, адаптировались в современных условиях. Локдауны, действия правительств в сфере экономики, изменившиеся предпочтения потребителей — все это оказало влияние и на финансовые рынки.

Оценивая тенденции, происходящие на финансовом рынке, следует сказать, что еще в декабре 2019, январе-феврале 2020 года, когда в Китае коронавирус уже стал огромной проблемой, мировой финансовый рынок никак не среагировал, напротив фондовый рынок США достигал рекордов. Это связано с тем, что все прогнозы сводились к тому, что COVID-19 — это очередная локальная вспышка, которая не является чем-то удивительным для азиатского региона.

Ситуация на рынках существенно изменилась в марте-апреле 2020 года. Произошло, то, что мог наблюдать каждый человек — быстро распространяющаяся пандемия, высокая смертность, замешательство в действиях мировых правительств, закрытие границ, карантины и т.д. В этот период фондовый рынок существенно обвалился: индексы развитых стран сократились на 30–40%, развивающихся стран на 40–60% (рис. 1) [1]. Наблюдался финансовый шок, особенно

на развивающихся рынках, где произошел масштабный отток капитала.

Также, важно то, что валюты развивающихся стран существенно снизились по отношению к доллару США, так как местные фондовые рынки начали ориентироваться именно на валюты развитых стран. Российский рубль тоже оказался под давлением. Это связано и с пандемией, и с падением цены на нефть, и с геополитическими факторами. Когда коронавирус стал уже очевидной катастрофой для всех, инвесторы начали отказываться от рискованных активов, в том числе и рубля, и вкладывать в защитные активы (например, золото). Наибольшее ослабление российской валюты было отмечено в марте (80,88 курс доллара США, 86,7 — евро на 24.03) и ноябре (80,57 — доллар США, 93,75 — курс евро на 03.11) — эти периоды как раз совпадают с началом первой и второй волны COVID-19. Прогнозы экспертов сводятся к тому, что создание вакцины от коронавируса и начало массовой вакцинации в разных странах приведет к стабилизации и укреплению национальной валюты. Однако, очевидно, что все зависит также и от геополитической обстановки, новых санкций и др.

Интересно то, что уже к маю ведущие экономики, а соответственно и фондовые рынки практически полностью восстановились. Это связано прежде всего

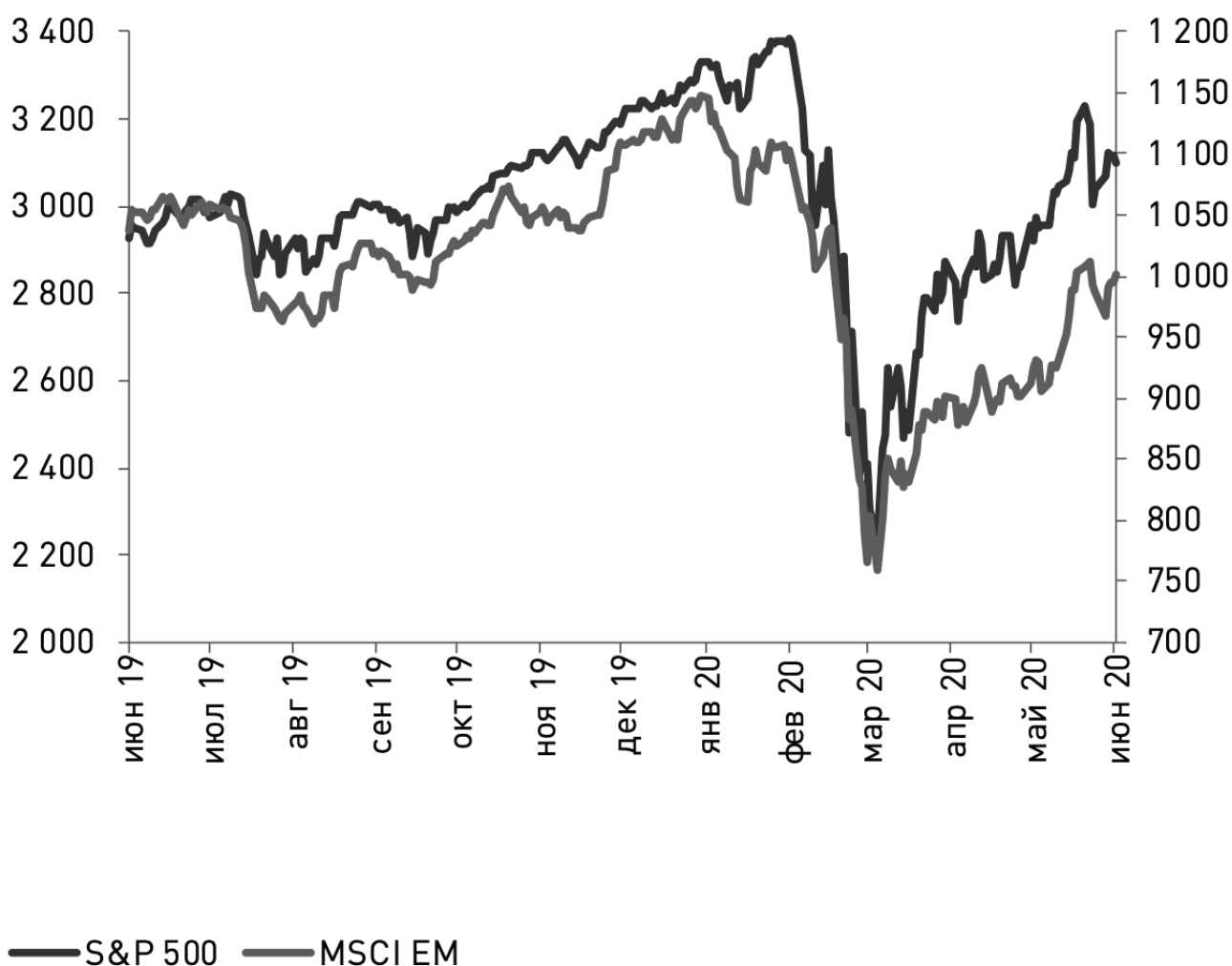

Рис. 1. Динамика фондового рынка США (S&P 500) и фондовых рынков развивающихся стран (MSCI EM), 2019–2020 гг.[1]

с мерами правительств по стимулированию экономики: снижение процентных ставок, льготы для бизнеса и т.д. Снижение процентных ставок Центральными банками привело к падению ставок на депозиты. Интерес к фондовым рынкам существенно увеличился: население обратилось на рынок для получения большего дохода, чем в коммерческих банках. Антон Новиков, аналитик «Фридом Финанс»: «Пандемия с точки зрения притока новых участников на биржи сказалась довольно положительно. На всех значимых площадках наблюдался рост торгов. Скорее всего данная тенденция продолжится, так как доходности банковских депозитов по всему миру крайне низкие и часто не опережают инфляцию.» [2]. Однако это послужит не только преимуществом для развития рынка, но и породит проблемы, связанные с тем, что часть «новоиспеченных» инвесторов не обладает абсолютно никакими знаниями по работе на фондовом рынке, что говорит о спонтанности и непредсказуемости их действий.

Банки скорее всего будут удерживать своих клиентов, чтобы сохранить какой-то баланс, чтобы депозитный рынок оставался стабильным. Банк России, сохранив в очередной раз 12 февраля 2021 года ключевую ставку на уровне 4,25%, по сути, не дал каких-то возможностей для коммерческих банков для повышения ставки по депозитам. Однако, Эльвира Набиуллина заявила о том, что Банк России будет переходить к нейтральной денежно-кредитной политике, и дальнейшие события подтвердили ее слова, в настоящее время ставка уже 5,5%, и есть мнение, что ставка будет дальше повышаться.

В любом случае коммерческие банки в посткоронавирусный период либо поднимают ставки, чтобы удерживать своих клиентов, либо предлагают им более широкий спектр услуг в пакете. Сохранение клиентской базы и поддержание дополнительной ликвидности необходимы банкам, чтобы увеличить объемы кредитования, что важно в период кризисов.

Диаграмма изменения максимальной процентной ставки за выбранный период

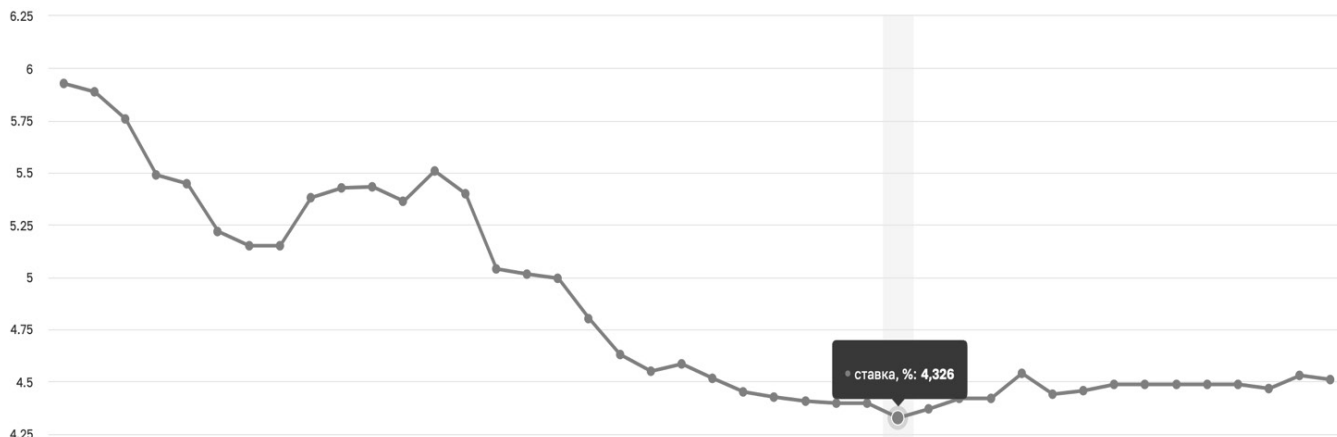

Рис. 2. Диаграмма изменения максимальной процентной ставки топ-10 коммерческих банков РФ в период 1 декады января 2020 по 3 декаду февраля 2021 года [4]

Также, угроза для банков — не только фондовый рынок, который может показаться для населения наиболее привлекательным, но и цифровой рубль. Банки будут конкурировать теперь с «третьей формой денег», которая будет эмитироваться Банком России. Вынужденное поднятие ставок будет также связано и с тем, что вклады, открытые в конце 2019 года или начале 2020 будут истекать: это значит, что клиенты могут отказаться от низкодоходных депозитов в пользу тех же ценных бумаг или даже наличности [3].

Таким образом, коронавирус обозначил новые реалии для банковского сектора России: коммерческие банки будут предпринимать попытки сохранить средства клиентов путем поднятия ставок и создания комплексных продуктов, которые могут заинтересовать потребителя. На рисунке 2 мы видим, что уже с начала октября наблюдается тенденция к увеличению максимальной процентной ставки. Банки уже сейчас предлагают новые условия для клиентов — сезонные вклады, промовклады. Иначе, деньги могут перетечь на фондовый рынок, что поставит под вопрос стабильность банковской сферы и финансового рынка в целом.

Следующая тенденция состоит в том, что в пандемийный период существенно изменились предпочтения инвесторов — внимание было обращено на те компании, которые выиграли из-за коронавируса, например фармацевтического сектора, телекоммуникации и IT. По мнению экспертов спрос на данные сферы будет расти и в будущем, однако, многие компании уже переоценены. Примером колоссального роста можно назвать акции Zoom — только за второй квартал выручка компании выросла на 355% (до \$633,5 млн); ак-

ции за год выросли 490%[5]. Из фарма-сферы лидером роста стали акции компании Moderna — биотехнологическая компания в числе многих занималась разработкой вакцины от коронавируса и довольно успешно проводила клинические испытания. Эти факторы подогревали оптимизм инвесторов: цена акций за год выросла на 301% [6]. На фоне грандиозных успехов одних компаний наблюдались и грандиозные снижения у других. Основной удар пришелся на добывающие отрасли (Chesapeake Energy), так существенно сократился спрос на нефть; сферу перевозок и туризма из-за мировых карантинных мер и локдаунов (Carnival, Boeing, American Airlines) и др.

Что касается каких-либо прогнозов, многие эксперты уверены, что рынки будут расти, это касается и российского фондового рынка. Президент НАУФОР отмечает: «Соответственно, будет развиваться и индустрия — рост численности клиентов требует технологических решений, повышения разнообразия с одной стороны и стандартизации услуг с другой стороны, рост активов будет позволять ей все больше зарабатывать на них, а не на комиссиях, будет расти роль консультационной поддержки и управления портфелями.[7].

Финансовый рынок изменяется, приходят новые участники, которые могут конкурировать в современных реалиях, адаптироваться к новым процессам и тенденциям. Будущее финансового рынка в «посткоронавирусный» период зависит от того, когда пандемия закончится, от результатов вакцинации; от действий правительств в области снятия ограничений, новых механизмов для трансграничного перемещения граждан, а также в сфере стимулирования экономики. Уже точ-

но можно сказать, что далеко не все компании смогут восстановиться после кризисного года, тем более что и предпочтения инвесторов могут измениться и в долгосрочной перспективе.

Пандемия COVID-19 существенным образом повлияла на мировые финансовые рынки: в начале года это был

финансовый шок, но уже к маю 2020 г. отдельные сектора восстановились; кто-то показал существенный рост, а кто-то обанкротился. Количество инвесторов увеличивается, а их предпочтения меняются. Никто не может дать однозначных прогнозов, однако ясно то, что финансовый рынок и мировая экономика постепенно приспособились к функционированию в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. — 2020. — № 7. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268459/HSE_Covid_07_2020_1_6.pdf (дата обращения: 05.02.2021).
2. Гид для инвестора: стратегии и тренды в эпоху ковида // Forbes. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/brandvoice-photogallery/tinkoff/407069-gid-dlya-investora-trendy-i-strategii-v-epohu-kovida?photo=1> (дата обращения: 16.02.2021).
3. На финансовые рынки пандемия оказала положительное влияние // Финам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/analysis/marketnews/pa-finansovye-rynki-pandemiya-okazala-polozhitelnoe-vliyanie-20200907-17100/> (дата обращения: 07.02.2021).
4. Банкам придется повысить ставки по депозитам // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/14/857895-bankam-depozitam> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Официальный сайт ЦБ РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/statistics/avgprocstav/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=1.01.2020&UniDbQuery.To=3.02.2021> (дата обращения: 03.03.2021).
6. Гаврикова В. Финансовые рынки в эпоху COVID: новые звезды и потерянные деньги // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/card/5fad079f9a7947f70fd42880> (дата обращения: 05.02.2021).
7. Президент НАУФОР: мы не увидели никакого вреда, который нанесла индустрии пандемия // Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/725183> (дата обращения: 07.02.2021).

© Зубкова Светлана Валерьевна (zubkovasv@inbox.ru), Машкина Валерия Андреевна (lerka-neka@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ «БАЗЕЛЬ IV» В РОССИИ

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF BASEL IV RECOMMENDATIONS IN RUSSIA

S. Zubkova

Summary. This article considers the main provisions of the current recommendations of the Basel Committee on Banking Supervision, as well as the difficulties of their implementation in Russian banking practice. The new recommendations for assessing the credit and operational risk of Basel IV require in some areas a radical change in the existing regulation, for which the Russian banking system is not ready, especially given the tightening of the monetary policy of the Bank of Russia.

Keywords: Basel IV, credit risk, operational risk, a standardized approach, risk sensitivity, counterparty risk.

Зубкова Светлана Валерьевна

*К.э.н. доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
zubkovasv@inbox.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные положения современных рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору, а также сложности их внедрения в российской банковской практике. Новые рекомендации по оценке кредитного и операционного риска Базель IV требуют в некоторых направлениях кардинального изменения существующего регулирования, к которому российская банковская система не готова, особенно с учетом ужесточения денежно-кредитной политики Банка России.

Ключевые слова: Базель IV, кредитный риск, операционный риск, стандартизированный подход, чувствительность к риску, риск контрагента.

Банковский сектор, являясь важнейшей отраслью экономики в любой стране мира, с одной стороны отражает реальную экономическую ситуацию, с другой, как показала пандемия, может стать основой для выхода из кризиса и развития экономики страны. Современное состояние российских банков эксперты оценивают как вполне удовлетворительное. Так, эксперты рейтингового агентства «АКРА» отмечают в своих оценках, что «банковский сектор сумел пройти острую фазу ухудшения операционной среды без значительных потерь», сохранив стабильность [1]. На рисунке 1 представлена динамика активов и капитала российских банков, которая говорит, что банки активно кредитуют экономику, несмотря на снижение темпов капитализации.

В то же время в отрасли остаются такие негативные моменты, как концентрация активов, снижение маржинальности операций, прогнозируемый рост просроченной задолженности и резервов на возможные потери по ссудам из-за отложенного кредитного риска, снижение рентабельности, опережающий рост розничных кредитов относительно корпоративных, необходимость роста вложений в цифровизацию и информационную безопасность и т.д.

Все эти аспекты требуют от Банка России особого взвешенного подхода к развитию регулирования банковского сектора. Учет международных рекомендаций, ужесточение национальных исследований, с од-

ной стороны, и учет роли сектора в восстановлении экономики в послепандемийный период, с другой,— это сложнейшая задача для регулятора.

Необходимо отметить, что в своей работе по совершенствованию регулирования Банк России, также как и центральные банки многих государств, опирается на сложившиеся стандарты Базельского комитета по банковскому надзору, которые активно развиваются [3].

На рисунке 2 представлены основные этапы развития Базельских рекомендаций/

В рекомендациях Базель III уделялось большое внимание структуре капитала и источникам его формирования, а также показателям ликвидности банковского сектора. Положение Банка России от 04.07.2018 N646-П «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)» практически полностью учитывает международные рекомендации и активно используется регулятором для оценки качества капитал российских банков. В то же время, необходимо отметить, что и в мире, и в России до сих пор не полностью решены регуляторные вопросы по оценке ликвидности. Сроки постоянно отодвигаются или применение показателей ограничивается отдельными группами банков. Банк России, например, применяет контроль показателей ликвидности в соответствии с Базелем III, норматива краткосрочной ликвидности

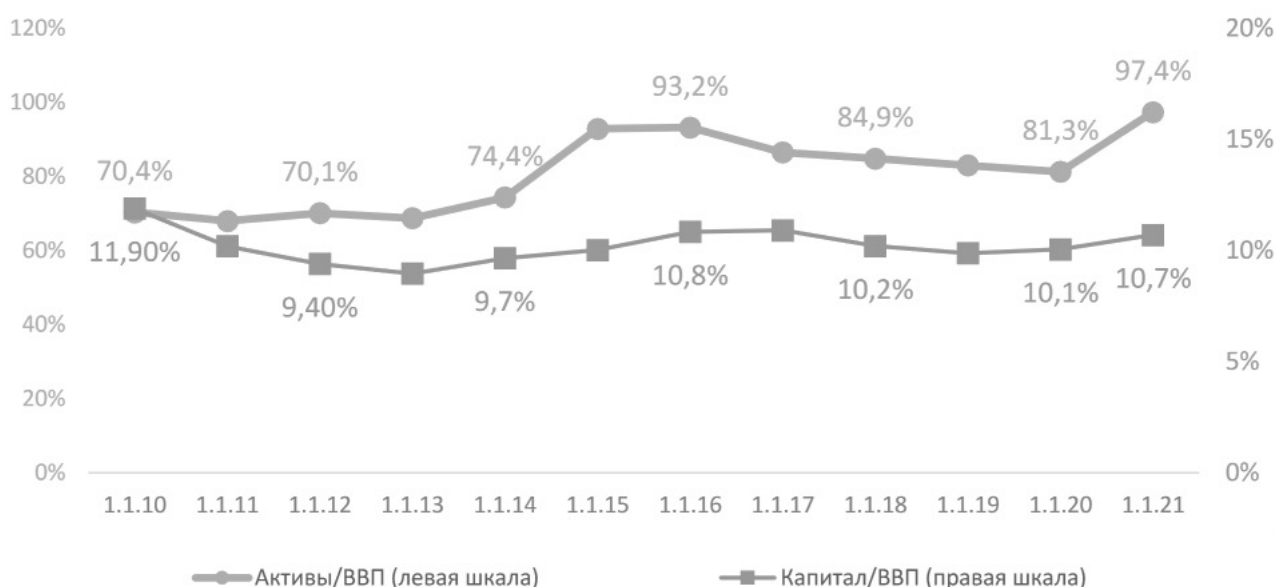

Рис. 1. Динамика активов и капитала банковского сектора в России [2]

и норматива стабильного фондирования только для системно значимых банков, в информативном порядке. Данные показатели не публикуются, расчет, а соответственно и анализ их затруднителен, поскольку требует серьезного совершенствования операционной и управленческой отчетности банков. Пока нет полной ясности, будут ли эти показатели применяться для всех российских банков.

Развитие мировой банковской системы после кризиса 2008–2010 гг показало, что на первый план при регулировании и оценке банковской деятельности выходят такие аспекты как качество системы управления рисками, оценка отдельных видов риска, в первую очередь, кредитных и операционных, а также подходы к оценке активов, взвешенных с учетом риска.

В 2017 году Базельский комитет по банковскому надзору по результатам проделанной большой аналитической работы представил новые подходы по оценке рисков, как продолжение своих рекомендаций Базель III, начатых по итогам кризиса 2008 г. в 2012 г. БКБН назвал их итоговым документом по завершению своей работы по совершенствованию оценки деятельности банка и повышению их финансовой устойчивости. Эти подходы были настолько кардинальными и глубокими, что специалисты стали говорить о Базеле IV, как новом этапе развития банковского регулирования.

В первую очередь, Базельский комитет обратил внимание на применение стандартизированного подхода и подхода на основе оценки внутренних рейтин-

гов (IRB) при оценке кредитных рисков. Особенности подхода оценки кредитных рисков на основе IRB подхода заключаются в том, что банки на основе своих исторических данных должны создать модели оценки рисков и присвоения внутренних рейтингов в зависимости от степени риска. Такие модели очень сложны, необходимо время для валидации этих моделей, период разработки таких моделей не менее трех лет. В российской практике IRB — подход применяется пока только 3 банками, ПАО Сбербанк, АО Юникредит Банк, и АО «Альфа-Банк». Модели, разрабатываемые при применении IRB подхода, отличаются в зависимости от вида кредитных операций, соответственно, каждая модель требует валидации и проверки со стороны Банка России. Это существенно усложняет процесс контроля за оценкой кредитного риска, также не добавляет ему прозрачности. Понимая это, БКБН принял решение ограничить применение данного подхода, минимальный уровень рисков на основе стандартизированного подхода должен составлять не менее 72,5% от капитала. Банки, начиная с 2022 года, должны постепенно довести этот показатель с 50% до необходимого уровня 72,5%.

Коэффициенты риска, применяемые при стандартизированном подходе, дифференцированы и характеризуются повышенной чувствительностью к риску за счет более высокой сложности.

Базельский комитет определил более детализированный подход к не отнесенным к определенному классу рискам для банков и корпораций, для специали-

1988 - Basel Capital Accord	1988 - Базельское соглашение о капитале
Pre-Basel	До Базеля
No standardised rules on capital adequacy for banks. Rules depend on bank regulators of individual countries. No rules in some countries.	Отсутствовали стандартизированные правила достаточности капитала для банков. Правила зависят от банковских регуляторов отдельных стран. В некоторых странах правила отсутствуют.
1988 Basel sets rules for credit risk only.	1988 - Базель устанавливает правила исключительно для кредитного риска.
Credit risk	Кредитный риск
1996 - Market risk amendment	1996 - Поправка к концепции рыночного риска
2004 - Finalisation of the revised Basel II Framework	2004 год - Завершение работы над пересмотренной концепцией Базель II
Credit + Market risk	Кредитный + Рыночный риск
Basel II rules for credit, market and operational risk.	Правила Базель II в отношении кредитного, рыночного и операционного риска.
2009 - Basel 2.5 changes to market risk and securitisations	2009 - Базель 2.5, изменения в отношении рыночного риска и секьюритизации
BCBS adds standardised approach and internal model approach for market risk.	BCBS добавляет для рыночного риска стандартизированный подход и подход на основе внутренней модели.
Credit + Market + Operational risk	Кредит + Рынок + Операционный риск
2010 - Introduction of the new Basel III Framework	2010 - Внедрение новой платформы Базель III
Capital + Liquidity + Leverage	Капитал + Ликвидность + Финансовое плечо
Basel III adds revised definition of capital, risk-based capital requirements, a leverage ratio requirement and new liquidity standards.	Базель III добавляет пересмотренное определение капитала; требования к капиталу, основанные на риске; требования к коэффициенту финансового плеча и новые стандарты ликвидности.
Overview Pillar I ratios	Обзор коэффициентов по Компоненту I
Capital ratio CET1 RWA	Коэффициент достаточности капитала CET1 RWA
LCR	Коэффициент общей ликвидности (LCR)
Liquidity buffer Net cash outflows	Буфер ликвидности Чистый отток денежных средств
NSFR	Коэффициент чистого стабильного финансирования (НСФР)
Available stable funding Required stable funding	Имеющееся стабильное финансирование Требуемое стабильное финансирование
Leverage ratio	Коэффициент финансового плеча
Tier 1 Capital Total exposure	Капитал 1-го уровня Общая фактическая задолженность
Large exposures	Активная рискованная банковская операция

Рис. 2. Основные этапы развития рекомендаций БКБН [4]

зированной кредитования МСП, для залогового кредитования с учетом качества и стоимости залога и др.

Учитывая высокие крупные риски на одного контрагента, БКБН уделил особое внимание определению порога упрощенного регулирования в размере 100 млрд. Евро, выше которого устанавливается требование к двойному уровню капитала контрагента.

Изменения по части RWA, объединенные в рамках нового стандартизированного подхода, являются индивидуальными и в значительной степени зависят от бизнес-моделей банков. По мнению PwC, анализ воздействия данного решения, показывает изменения в диапазоне от снижения RWA на -10% до увеличения до 30% [4].

Применение новых коэффициентов при стандартизированном подходе в отношении кредитного риска может оказать значительное влияние на опре-

деленные портфели, особенно на риски, связанные с недвижимостью и специализированным финансированием.

Повышенные требования к оценке риска секьюритизированных активов, производных финансовых инструментов в рамках стандартизированного подхода также будут влиять на достаточность капитала при введении рекомендаций в банковскую практику.

В российской банковской практике последние изменения Инструкции Банка России от 29.11.2019 N199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» уже включают некоторые положения Базеля IV, в части отдельных коэффициентов взвешивания в рамках финализированного подхода. Однако, несоответствие терминологии БКБН и Банка России вносит некоторую путаницу при оценке степени внедрения тех или иных положений БКБН.

Особое внимание, учитывая высокую важность в условиях развития цифровизации и информатизации, Базель IV уделил внедрению новых подходов по оценке операционного риска, в частности постепенного перехода к стандартизированному подходу. Внутренние модели не должны больше использоваться при оценке данного вида риска, а требования к капиталу должны основываться на факторе, отражающем доход банка, и факторе, отражающем убытки за предыдущие периоды (компонент убытков). Фактор (Бизнес-показатель) включает процентный доход, доход от услуг и финансовый доход. Компонент убытков основан на внутренней статистике банка в области убытков. Компонент убытков может быть установлен национальным надзорным органом на уровне 1.

Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» уже во многом учитывает рекомендации БКБН в части оценки операционного риска, но оно, по сути, является подготовительным этапом к полному переходу в этой области регулирования. Остается вопрос, нужно ли распространять введение новых рекомендаций БКБН на всю российскую банковскую систему, или развивать принципы пропорционального регулирования и применять эти рекомендации только для крупных систем-

но значимых банков. Небольшие банки вряд ли смогут в полной степени самостоятельно ввести полноценную систему оценки рисков в соответствии с новыми рекомендациями БКБН и требованиями Банка России, что еще больше увеличит пропасть между крупными банками, активы которых уже существенно доминируют в российской банковской системе. Банк России понимает это и не спешит активно вводить для небольших банков новые регуляторные правила [5].

В совокупности новые рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору потребуют от банков пересмотреть оценку экономического капитала и его достаточность для всех направлений деятельности, возможно это приведет к изменению кредитной, продуктовой и тарифной политик. Пересмотренные концепции окажут влияние на стратегию и бизнес-модели банков. БКБН ожидает, что это также приведет к некоторому перераспределению капитала в системе. Для крупных банков приоритетным направлением работы, вероятно, станут минимальные уровни капитала, в то время как более мелкие учреждения должны будут особенно тщательно продумать усовершенствования инфраструктуры и технологий, необходимые для обработки увеличенного объема и детализации данных, предусмотренных в соответствии с более сложными стандартизированными подходами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт рейтингового агентства «АКРА»: <https://www.acra-ratings.ru/research/2213> [Электронный ресурс]
2. Официальный сайт Ассоциации банков России https://asros.ru/upload/iblock/513/txb1f8lxav04ofgik378t0zbd1qmxxw0/Sbornik-I-kv-2021_final.pdf [Электронный ресурс]
3. Официальный сайт Базельского комитета по банковскому надзору / Изменения в принципах рационального управления операционным риском / URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d515.htm> [Электронный ресурс]
4. Официальный сайт ООО «Прайсвотерхаускунепс» <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/financial-services-risk-and-regulation/basel-iv.html> [Электронный ресурс]
5. Официальный сайт Банка России / Информация о сроках внедрения стандартов Базельского комитета по банковскому надзору / URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=6605> [Электронный ресурс]

© Зубкова Светлана Валерьевна (zubkovasv@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL APPROACH TO IMPROVING DEVELOPMENT MANAGEMENT OF A REGION'S SPATIAL SECTORAL STRUCTURE IN DIGITAL ERA

*Ye. Kovaleva
S. Pytkina
V. Glavatsky*

Summary. In the modern spatial socio-economic development of Russian regions, a significant role is acted by the problem of improving development management of a region's spatial sectoral structure. The article substantiates the scientific methodical approach to improving development management of a regional spatial sectoral structure on based the relationship with systemic and interdisciplinary approaches, as well as with theoretical provisions of transformative management and digital technologies. The study purpose is to substantiate the scientific methodical approach and elaboration tools of the organizational economic model for improving development management of a region's spatial sectoral structure in economy digitalization context.

Keywords: spatial development strategy, spatial sectoral structure, development management, digital technologies, economy digitalization.

Ковалева Елена Борисовна

*К.э.н., с.н.с., Пермский филиал Института
экономики УрО РАН*

Пыткина Светлана Алексеевна

*К.э.н., с.н.с., Пермский филиал Института
экономики УрО РАН*

Главацкий Вадим Борисович

*К.э.н., доцент, с.н.с., Пермский филиал Института
экономики УрО РАН
pfie@list.ru*

Аннотация. В современном пространственном социально-экономическом развитии российских регионов значимую роль играет проблематика совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона. В статье обосновывается научно-методический подход к совершенствованию управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры на основе взаимосвязи с системным и междисциплинарным подходами, а также с теоретическими положениями преобразующего менеджмента и цифровыми технологиями. Цель исследования — обоснование научно-методического подхода и разработка инструментария организационно-экономической модели совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, пространственно-отраслевая структура, управление развитием, цифровые технологии, цифровизация экономики.

Введение

В научных исследованиях по проблематике принятой в 2019 году Стратегии пространственного развития Российской Федерации [1] заметно актуализировался вопрос управления региональными пространственно-отраслевыми структурами. В этом аспекте достижение цели и задач пространственного развития регионов России в эпоху цифровизации экономики и формирования информационного общества, а также широкого применения современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры невозможно без использования новых технологий

и методов управления. Именно совершенствование управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона должно быть нацелено на обеспечение устойчивого роста экономики территорий, комплексного использования имеющихся в регионе потенциалов и повышения качества жизни местного населения.

По мнению авторов статьи, в российской научно-исследовательской и управленческой практике еще не выработан единый (преобладающий) научно-методический подход к совершенствованию управления развитием региональных пространственно-отрасле-

¹ Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

вых структур. К настоящему времени в научной литературе опубликован недостаточный ряд работ, посвященных управлению развитием региональных территорий в условиях цифровизации экономики, что обуславливает повышенное внимание к этой проблеме со стороны экономической науки и актуальность данного исследования.

Цель исследования

Обоснование научно-методического подхода и разработка инструментария организационно-экономической модели совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона в условиях цифровизации экономики.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов для настоящей статьи были использованы результаты научных исследований в области региональной экономики, пространственного развития территорий, цифровой экономики, менеджмента, а также данные по организационным структурам управления Свердловской областью, Пермским краем и Удмуртской республикой, которые составляют ядро Уральского экономического района. При проведении исследования авторы опирались на междисциплинарный подход, обеспечивавший взаимодействие с положениями таких научных дисциплин как информатика, информационные системы управления, менеджмент, пространственная экономика, цифровые технологии и пр.

Для достижения цели исследования в статье использованы положения системного, комплексного и сетевого научных подходов, применялись методы обобщения научных знаний, сравнительного анализа, организационно-экономического моделирования. Кроме того, были использованы материалы и данные Государственных программ Пермского края на 2021–2023 годы [2], в части внедрения цифровых технологий во все сферы жизни населения региона и развития информационного общества.

Результаты исследования

В настоящее время подходы к совершенствованию управления развитием региональных пространственно-отраслевых структур постоянно претерпевают изменения под влиянием динамичных преобразований внешней и внутренней среды различных сфер социально-экономической жизни регионов. Процесс совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона является крупной системно-интегрированной проблемой, требующей

отдельного обоснования и разработки научно-методического подхода с учетом специфики и характерных особенностей субъекта РФ. Поэтому основу совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона должен составлять системный научный подход, позволяющий рассматривать региональную пространственно-отраслевую структуру (РПОС) как систему, имеющую вход, процесс, выход, обратную связь и ограничения.

В научной литературе признается, что совершенствование управления РПОС должно осуществляться в системной взаимосвязи с развитием региона, при этом внимание акцентируется на достижении целей и задач пространственного, инновационного и устойчивого социально-экономического развития. Одновременно с этим, управлению РПОС необходимо обеспечить не только позитивную динамику развития экономики региона и рост социального благополучия местного населения, но и рациональное потребление имеющихся в регионе потенциалов, их сбалансированное, расширенное и интенсивное воспроизводство [3, 4].

В связи с этим, при формировании научно-методического подхода к совершенствованию региональной пространственно-отраслевой структуры авторы статьи среди основных принципов системного научного подхода выделили следующие:

1. Системность — принцип обладания РПОС основными признаками системы;
2. Целостность — принцип рассматривает пространственно-отраслевую структуру региона как единую целую систему и одновременно как подсистему для вышестоящего уровня управления;
3. Иерархичность — принцип обеспечивает уровневое и функциональное построение РПОС на основе подчинения структурных элементов низшего уровня структурам высшего уровня;
4. Структурность — принцип позволяет осуществлять аналитические расчеты по оценке функционирования элементов РПОС и их взаимосвязи в рамках организационной структуры управления;
5. Множественность — принцип предоставляет возможность применять множество целенаправленных организационно-экономических, математических и кибернетических моделей для описания отдельных структурных элементов и функций, а также РПОС в целом.

Научно-методический подход авторов к совершенствованию управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры опирается так же на теоретические положения, модели и алгоритмы

расчетов целой группы научных дисциплин, среди которых информатика, информационные системы управления, пространственная экономика, преобразующий менеджмент, цифровые технологии и пр. Сопряжение теории и практики управления РПОС с рядом научных дисциплин формирует междисциплинарный подход к обоснованию научно-методического подхода к совершенствованию управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона.

При реализации междисциплинарного подхода к совершенствованию управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры в условиях цифровизации значимую роль играет взаимосвязь управления с преобразующим менеджментом и цифровыми технологиями (информационно-коммуникационными и управленческими), что обуславливает переход управления РПОС на более высокий эффективный уровень. По мнению авторов, ключевой аргументацией применения цифровых технологий в управлении развитием пространственно-отраслевой структуры являются уникальные свойства, которыми эти технологии обладают. К таким можно отнести следующие свойства:

- ◆ инновационность — высокая скорость, качество и надежность передачи, хранения и обработки цифровых сигналов с сохранением точности данных для принятия управленческих решений;
- ◆ критериальность — мгновенный поиск релевантной информации по заданным критериям с соблюдением стандарта информационной безопасности;
- ◆ адаптивность — гибкость цифровых технологий в работе с широким диапазоном типов информации по запросу пользователей;
- ◆ функциональность — простота использования, удобство и логичность интерфейсов, различные форматы данных;
- ◆ интегрируемость — построение многоуровневых сетевых интегрированных автоматизированных систем управления, обмен данными между цифровыми устройствами, одновременный многоканальный доступ пользователей к оцифрованным данным;
- ◆ экономичность — минимальные предельные издержки передачи цифровых сигналов в рамках интегрированной сетевой структуры.

В целом свойства цифровых технологий и их важнейшие преимущества для потенциальных пользователей заключаются прежде всего в том, что они обеспечивают [5, 6]:

- ◆ одновременный доступ многих пользователей к оперативной и архивной информации;
- ◆ практически мгновенный поиск больших объемов релевантной информации по заданным критериям;

- ◆ быстрый доступ к оцифрованным данным, которые могут храниться в архиве или в облачном онлайн-хранилище (последний вариант используется для хранения некритически важных данных).

Помимо применения цифровых технологий, как важный аспект формирования научно-методического подхода к совершенствованию управления развитием РПОС следует рассматривать взаимосвязь управления РПОС с теоретическими положениями преобразующего менеджмента, поскольку такой менеджмент предполагает совершенствование управления с качественными изменениями, то есть с возникновением новых устойчивых структурных составляющих элементов, связей и зависимостей. Другими словами, процесс совершенствования связан с преобразованием структуры системы управления [7]. Здесь необходимо понимать процесс закономерного перехода системы управления с одного качественного уровня на другой, обеспечивающий повышение конкурентности системы управления РПОС [8].

Проведенное авторами исследование глубины организационно-функциональных изменений в управлении пространственно-отраслевыми структурами Пермского края и Свердловской области, а также анализ зарубежной и отечественной литературы позволяет выделить пять уровней совершенствования управления РПОС:

- ◆ минимальный (в рамках сложившейся организационной структуры управления уточняются и меняются только полномочия и функции);
- ◆ умеренный (совершенствование технологий коммуникации, обработки и хранения информации, мониторинга; внесение изменений в решение функциональных задач с применением информационных технологий и т.п.);
- ◆ средний (внедрение управленческих инноваций, связанных с расширением автоматизации отдельных функциональных задач управленческой деятельности; модернизация вычислительной техники, программного обеспечения и др.; формирование единого информационного пространства);
- ◆ высокий (переход на современные технологические платформы автоматизации управленческой деятельности, внедрение новых схем в систему информационно-коммуникационных технологий; подбор профессионально подготовленного кадрового обеспечения управления регионом и др.);
- ◆ максимальный (существенная перестройка организационных, функциональных, технических, программных аспектов управленческой дея-

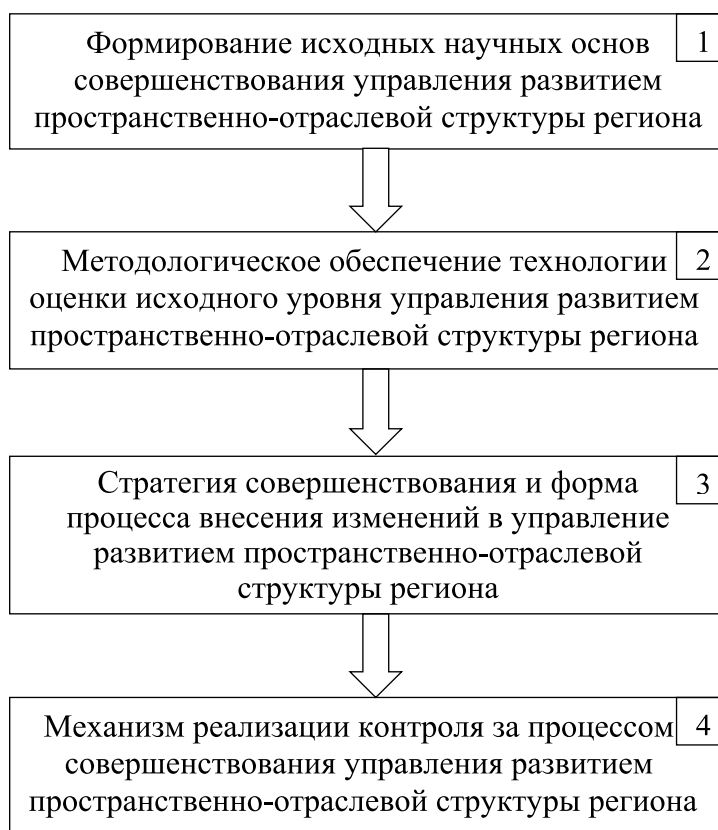

Рис. 1. Организационно-экономическая модель совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона

тельности; переход на использование цифровой инфраструктуры и цифровых технологий в управлении; внедрение инновационной модели управленческой деятельности, способной решать сложные управленческие задачи, отражающие динамические изменения в окружающей среде).

Следует отметить, что в настоящее время в российских регионах преобладает эволюционное направление совершенствования управления развитием пространственно-отраслевых структур с соблюдением традиционных организационных структур управления и подходов к автоматизации функциональных задач управленческой деятельности, что не позволяет своевременно и адекватно реагировать на возникающие отклонения и проблемы в социально-экономических процессах, происходящих в регионах РФ. В связи с чем можно сделать вывод, что несмотря на достижение определенной стабильности в управлении развитием пространственно-отраслевой структурой, регионы не в полной мере используют потенциальные возможности цифровизации экономики, что снижает научно-технический уровень управления РПОС.

Вышеизложенное позволяет авторам предложить научно-методический подход к совершенствованию управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры, основные положения которого базируются на четырех ключевых этапах организационно-экономической модели, изображенной на рисунке 1.

Первый этап «Формирование исходных научных основ совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона», в котором закладывается методологический базис (научные подходы, принципы и методы) совершенствования управления РПОС, является основополагающим и определяющим в организационно-экономической модели. К ключевым научным подходам совершенствования управления РПОС следует отнести подходы:

- ◆ инновационный (нововведения в систему управления);
- ◆ информационный (новые формы и способы получения релевантной информации);
- ◆ функциональный (совершенствование управленческих бизнес-процессов);
- ◆ проблемно-ориентированный (выявление и решение управленческих проблем) и пр.

Совершенствование управления развитием РПОС обуславливает необходимость применения совокупности следующих принципов: прямоточность (кратчайший путь получения релевантной информации), адаптивность (реакция на изменение факторов окружающей среды), связанность (оптимизация вертикальных и горизонтальных связей в управлении), специализация (функциональное разделение управленческой деятельности), эффективность (оценка затрат на содержание аппарата управления во взаимосвязи с результатами управленческой деятельности по социально-экономическому развитию региона).

Научные подходы и принципы совершенствования управления развитием РПОС неразрывно связаны с методами управления, которые по своему назначению и содержанию классифицируются в три группы: организационно-административные, экономические (соизмерение затрат с результатами управленческой деятельности) и социально-психологические (сохранение морально-психологического климата в коллективе при достижении целей управленческой деятельности).

Второй этап «Методическое обеспечение технологии оценки исходного уровня управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона» выполняет сложную аналитическую задачу. Сложность ее состоит в том, что технология оценки исходного уровня управления РПОС заключается в необходимости: во-первых, определить результаты деятельности управления по достижению целей социально-экономического развития региона; во-вторых, комплексно оценить качество функционирования системы управления регионом; в-третьих, оценка качества должна позволить проанализировать эффективность функционирования каждого элемента управления и его в целом.

Кроме того, технология оценки исходного уровня управления развитием пространственно-отраслевой структуры должна определить: организационно-функциональную структуру управления РПОС; группы аналитических показателей, характеризующих достигнутый научно-технический уровень управления РПОС; уровень научной организации труда в аппарате управления регионом и профессиональную подготовку к управленческой деятельности.

Третий этап «Стратегия совершенствования и форма процесса внесения изменений в управление развитием пространственно-отраслевой структуры региона» является сложным, поскольку характеризуется многоаспектностью и многовариантностью мероприятий для их отбора по включению в планы, проекты и программы совершенствования управления развитием РПОС. На данном этапе в стратегии совершен-

ствования управления развитием РПОС внимание акцентируется на временном горизонте внесения изменений (краткосрочный период — до 3 месяцев, среднесрочный — 0,5 года и долгосрочный с переподготовкой управленцев — до 1 года). Формой процесса внесения изменений в управление развитием пространственно-отраслевой структуры в зависимости от цели изменений и режима управления являются план, проект и программа. Использование планов для процесса внесения изменений в управление РПОС обуславливается сложными и многоцелевыми задачами совершенствования, требующими координационный режим управления. Для решения одноцелевых задач и одноцелевого режима управления используются проекты и программы.

Следует отметить, что внесение сложных изменений в управление РПОС может выходить за рамки долгосрочного периода (1 год) и полностью быть законченным к окончанию инновационного периода.

Четвертый этап «Механизм реализации контроля за процессом совершенствования управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона» является конечным результатом проведения изменений в управлении РПОС, который имеет четкий регламент осуществления мониторинга целевого управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона.

Представленный научно-методический подход к совершенствованию управления развитием региональной пространственно-отраслевой структуры позволяет детально изучить возможности системного и междисциплинарного подходов с акцентированным вниманием на свойствах цифровых технологий и обосновать на этой основе организационно-экономическую модель совершенствования управления развитием РПОС с учетом теоретико-методологических основ преобразующего менеджмента и специфики управленческой деятельности регионального менеджмента.

Заключение

В проведенном исследовании выявлено, что подходы к совершенствованию управления развитием пространственно-отраслевых структур постоянно претерпевают изменения под влиянием динамичных преобразований внешней и внутренней среды различных сфер социально-экономической жизни регионов. Представленный в статье научно-методический подход к совершенствованию управления развитием пространственно-отраслевой структуры региона опирается на взаимосвязи с системным и междисциплинарным подходами, а также с теоретическими положениями

преобразующего менеджмента и цифровыми технологиями.

На основе предложенного научно-методического подхода разработана организационно-экономическая модель совершенствования управления развитием РПОС состоящей из четырех этапов, имеющих цель, задачи и системную проработку, что служит научно-методической основой для разработки стратегии совершенствования

и формы процесса внесения изменений в управление развитием РПОС.

Дальнейшее развитие данного исследования предполагает уточнение теоретической базы для обоснования, отбора и реализации планов, программ и проектов совершенствования управления развитием РПОС на базе функциональных бизнес-процессов системы программно-проектного менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р, ред. от 23.03.2021). Консультант Плюс. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения: 20.05.2021).
2. Государственные программы Пермского края 2021–2023. URL: https://mf.m.permkrai.ru/upload/pages/1884/dat_160620053988.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
3. Конкурентоспособность социально-экономических систем: вызовы нового времени / под науч. ред. А.И. Татаркина, В.В. Криворотова. — М.: Экономика, 2014. 466 с.
4. Пыткин А.Н. Формирование направлений и приоритетов стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона с учетом информатизации российской экономики // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Т. 11. — № 6. — doi: 10.18334/ep.11.6.112198.
5. Маркова В.Д. Цифровая экономика. — М.: Инфра-М, 2018. 186 с.
6. АНО «Цифровая экономика». Официальный сайт. URL: <https://data-economy.ru> (дата обращения: 01.06.2021).
7. Гительман Л.Д. Преобразующий менеджмент: лидерам реорганизации и консультантам по управлению. — М.: Дело, 1999. 496 с.
8. Буторин С.Н. Формирование и развитие конкурентной системы управления аграрными предприятиями. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2016. 203 с.

© Ковалева Елена Борисовна, Пыткина Светлана Алексеевна, Главацкий Вадим Борисович (pfie@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Пермь

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ АНАЛИЗА ДАННЫХ В ИТ-АУДИТЕ

Козлов Максим Владиславович

Специалист, Оклендский технологический университет, г. Окленд, Новая Зеландия
maksim.kozlov@live.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF DATA ANALYSIS TOOLS IN IT-AUDIT

M. Kozlov

Summary. Data analytics, also called data analytics, has been around in various forms for a long time, but companies are finding increasingly sophisticated and advanced ways to use data analytics to improve their operations. Data analysis enables companies to identify new opportunities, deliver cost savings, and make decisions faster and more efficiently. Audit activity is no exception, where technologies and tools for data analysis are becoming more and more widespread. The choice of a particular method of data analysis or their joint application is primarily determined by the goals and scope of the upcoming audit, as well as the specifics of their application in various situations. Despite the many advantages of using data analysis in audit, companies face a number of challenges in this area. In addition, the constant technological progress makes it necessary to constantly improve the tools of data analysis in the audit in order to improve its efficiency and quality, which determines the relevance of the research topic.

The article considers the essence and directions of data analysis application in the audit, its advantages for the audit activity, as well as the problems that arise in the process of using such technologies in the audit activity.

Keywords: data analysis, data analytics, IT audit, big data, audit activity, internal audit, audit efficiency.

Аннотация. Анализ данных, также называемый аналитикой данных, существует в различных формах в течение длительного времени, но компании находят все более сложные и продвинутое методы использования аналитики данных для улучшения своих процессов. Анализ данных позволяет компаниям выявлять новые возможности, обеспечивать экономию затрат и более быстрое и эффективное принятие решений. Не исключение и аудиторская деятельность, где все большее распространение получают технологии и инструменты анализа данных. Выбор того или иного метода анализа данных или их совместное применение обусловлено, прежде всего, целями и объемом предстоящего аудита, а также спецификой их применения в различных ситуациях. Несмотря на большое количество преимуществ применения анализа данных в аудите, компании сталкиваются с рядом проблем в данной области, прежде всего в качестве самих данных. Кроме того, постоянный технический прогресс вызывает необходимость постоянного совершенствования инструментария анализа данных в аудите с целью повышения его эффективности и качества, что обуславливает актуальность темы исследования.

В статье рассматривается сущность и направления применения анализа данных в аудите, его преимущества для аудиторской деятельности, а также проблемы, возникающие в процессе использования таких технологий в аудиторской деятельности.

Ключевые слова: анализ данных, аналитика данных, ИТ-аудит, большие данные, аудиторская деятельность, внутренний аудит, эффективность аудита.

В общем смысле анализ данных представляет собой изучение имеющихся данных с целью извлечения полезной информации, на основе которой принимаются решения. Это не новая концепция, однако наблюдаются динамичные тенденции к более интегрированному и более своевременному использованию данных из нескольких источников, чтобы помочь обосновать бизнес-решения или сделать выводы.

Данные, используемые компаниями в анализе, имеют как внутренний, так и внешний характер, и включают количественные и качественные показатели. Технологии анализа данных построены на специализированном программном обеспечении, которое используется для объединения информации из множества различных источников для последующего анализа [1, с 116].

Возможные варианты использования аналитики данных так же разнообразны, как и компании, которые их используют. Они могут быть такими же простыми, как получение ключевых показателей эффективности от базовых данных до статистического опроса научных результатов для проверки гипотез. Компании могут использовать аналитику данных для прогнозирования рыночных тенденций или влияния на поведение потребителей. Анализ данных обратной связи с клиентами по повторяющимся общим фразам может дать представление о том, где необходимы улучшения в обслуживании клиентов или к каким конкурентам, скорее всего, перейдут клиенты. Распознавание голосовых образцов может использоваться для выявления областей неудовлетворенности клиентов. Возможности анализа данных могут показаться безграничными, поскольку

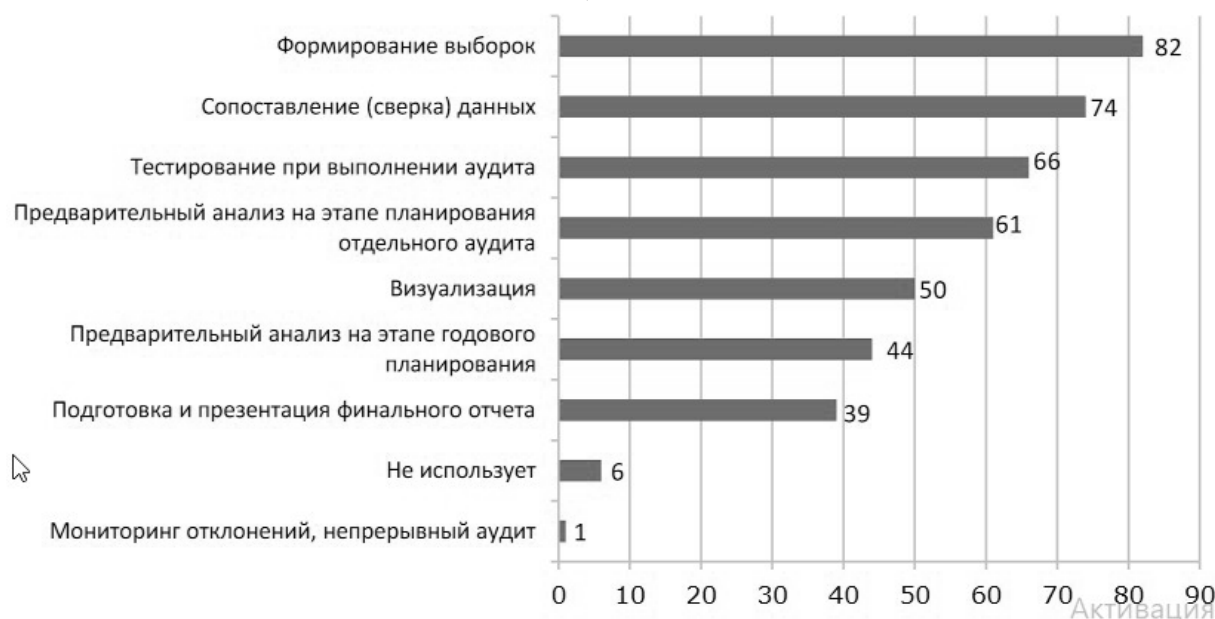

Рис. 1. Направления применения инструментов анализа данных в аудите, согласно опросу руководителей служб внутреннего аудита различных компаний [3]

ку использование методов на основе искусственного интеллекта могут обеспечить более быстрый анализ и адаптацию, чем люди [2, с. 291].

Анализ данных в аудите определяется как совокупность методов и практик выявления и анализа закономерностей, отклонений и несоответствий, а также извлечения другой полезной информации из данных, лежащих в основе или связанных с предметом аудита, посредством анализа, моделирования и визуализации с целью планирования и проведения аудита [5].

Крупные аудиторские фирмы и все более мелкие фирмы используют аналитику данных в рамках своих аудиторских предложений, чтобы снизить риск и повысить ценность для клиента. Более крупные компании часто располагают ресурсами для создания собственных платформ анализа данных, в то время как мелкие компании могут выбрать приобретение готового решения.

Прежде всего, использование инструментов анализа данных распространилось во внутреннем аудите, где по большей части требуется проведение непрерывного аудита операционной деятельности компании. Однако в настоящее время технологии анализа данных трансформируют и внешний аудит, позволяя повышать его качество и эффективность работы аудиторов.

Применение технологий анализа данных дает возможность аудиторам использовать большие массивы данных, повышая точность их обработки и эффективность своей деятельности, а также возможность иден-

тификации потенциальных рисков с целью их нивелирования в будущем.

В 2019 году Институтом внутренних аудиторов совместно с компанией «Делойт» было проведено специализированное исследование в области тенденций развития внутреннего аудита в России. Для проведения исследования были опрошены руководители отделов внутреннего аудита различных компаний российского нефинансового сектора из разных отраслей экономики, всего 100 руководителей. Согласно исследованию, около 92% опрошенных применяют для анализа данных в аудите наиболее простой инструмент — MS Excel. Оставшиеся опрошенные руководители отметили, что применяют специализированные BI-решения, языки программирования, широко применяемые в анализе данных, а также готовые аналитические скрипты [3]. Это свидетельствует о нежелании отделов внутреннего аудита обращаться к новейшим технологиям, что снижает их эффективность.

Вместе с тем, было отмечено, что MS Excel, как правило, используется с целью осуществления обычных аналитических процедур, например, создание выборки, соотнесение полученных данных, оформление рабочих документов, создаваемых во время выполнения аудиторских процедур (рис. 1).

Тогда как новейшие технологии в аудите позволяют выполнять более сложные аудиторские процедуры, например, визуализацию, глубокий анализ всего массива данных, непрерывный аудит.

Рис. 2. Преимущества использования анализа данных в аудите [3, 5, 7, 9]

Использование анализа данных в аудите влечет за собой массу преимуществ, основные из которых представлены на рисунке 2.

Анализ данных в аудите позволяет выполнять гораздо более обширные аудиторские процедуры, особенно проверку по существу. Вместо проведения субъективной или статистической выборки тестирование может проводиться по 100% транзакциям в данной области аудита.

При этом для обеспечения качества анализа данных в аудите важно вести подробные журналы всех выполненных аналитических процедур. Технология анализа данных должна иметь возможность регистрировать каждый шаг анализа, представляя собой всеобъемлющий аудиторский след. Это позволяет организациям автоматически документировать процедуры по мере их выполнения, что приводит как к сокращению временных затрат, так и к повышению качества аудиторской документации [4].

В тех случаях, когда технология анализа данных в аудите не используется, аудитору приходится обращаться за помощью к аналитику данных, которому необходимо описать характер анализа и нужных отчетов, что сразу снижает степень независимости аудитора. При использовании анализа данных в аудите имеется возможность независимого доступа к данным с целью их анализа. Это позволяет повысить эффективность и независимость аудитора [3, 9].

Другое преимущество использования анализа данных в аудите — снижение аудиторского риска — обусловлено возможностью всестороннего, а не выборочного тестирования транзакций, что повышает доверие и снижает риск аудиторских процедур [7].

Кроме того, применение анализа данных во внутреннем аудите дает повышение его качества в результате возможности проведения непрерывного аудита и мониторинга, когда проводимый на постоянной основе автоматизированный анализ по определенным паттернам выделяет области наибольшего риска.

Достижения в области анализа данных могут быть применены для проведения более эффективного аудита и предоставления новых форм аудиторских доказательств. Методы анализа данных в аудите могут использоваться при планировании аудита и в процедурах выявления и оценки рисков путем анализа данных для выявления закономерностей, корреляций и колебаний в моделях. Эти методы могут дать аудиторам новое представление о предприятии и его рискованной среде и повысить качество аналитических процедур на всех этапах аудита [8].

Технология анализа данных позволяет использовать имеющиеся большие данные в компании, которые могут быть проанализированы для улучшения знаний аудиторов об операциях, лежащих в основе финансовой отчетности. Это может помочь им получить более

достоверные доказательства с целью формирования аудиторского заключения и понять основные причины различных ошибок, мошенничества и других искажений бухгалтерской отчетности.

Несмотря на большое количество преимуществ применения анализа данных в аудите, компании сталкиваются с рядом проблем в данной области. Кроме того, непрерывный технический прогресс вызывает необходимость постоянного совершенствования инструментария анализа данных в аудите с целью повышения его эффективности и качества.

В настоящее время не существует специального регламента или руководства, которое охватывало бы все виды использования анализа данных в рамках аудита. Это приводит к трудностям в установлении руководящих принципов качества. Компании, располагающие ресурсами для разработки собственных инструментов анализа данных, могут иметь конкурентное преимущество на рынке, эффективно увеличивая разрыв между крупнейшими компаниями и более мелкими, снижая эффективную конкуренцию в аудиторской отрасли. Другие проблемы, которые могут возникнуть при внедрении анализа данных в качестве инструмента аудита, включают [5, 6, 9]:

- ◆ конфиденциальность данных. Копирование и хранение клиентских данных чревато нарушением законов о конфиденциальности и защите данных, поскольку аудиторская фирма теперь хранит копии больших объемов подробных клиентских данных. Эти данные могут быть неправильно использованы фирмами или получен незаконный доступ, если механизмы обеспечения информационной безопасности данных фирмы недостаточны, это может привести к серьезным юридическим и репутационным последствиям;
- ◆ полнота и целостность извлеченных данных клиента не может быть гарантирована. Для выполнения извлечения часто требуются специалисты, и могут существовать ограничения на извлечение данных, когда либо у фирмы нет соответствующих инструментов, либо понимания данных клиента, чтобы обеспечить сбор всех данных. Кроме того, клиенты могут предоставлять доступ только к выбранным данным или манипулировать данными, доступными для извлечения;
- ◆ проблемы совместимости с клиентскими системами могут сделать стандартные тесты неэффективными, если данные недоступны в ожидаемых форматах;
- ◆ аудиторы могут быть недостаточно компетентны, чтобы понять точный характер данных и ожидаемых результатов тестов, чтобы сделать соответствующие выводы, потребуется обуче-

ние, которое может быть достаточно трудоемким и дорогостоящим;

- ◆ недостаточные или ненадлежащие доказательства, хранящиеся в аудиторских файлах из-за неспособности полностью понять или задокументировать аудиторские процедуры. Например, скриншот в файле результатов аудиторской процедуры, выполненной инструментом анализа данных, может не содержать описание анализируемых данных, их источник, метод получения и детали тестирования. Также возникают вопросы управления практикой, связанные с хранением и доступностью данных в течение требуемого периода хранения аудиторских доказательств. Полученные данные должны храниться в течение нескольких лет в форме, которая может быть повторно протестирована. Поскольку потребуются большие объемы, фирмам, возможно, потребуется инвестировать в оборудование для поддержки такого хранения или аутсорсинга хранения данных, что усугубляет риск потери данных или проблем с конфиденциальностью.

Создание и обслуживание хранилища данных аудита, которое работает в выделенном, изолированном сегменте корпоративной сети, соответствующей корпоративным стандартам безопасности данных, является наиболее распространенным и эффективным общим решением для проблем, описанных выше. Данные могут физически находиться на сервере хранилища данных аудита, или это может быть виртуальная часть хранилища данных с данными, находящимися в корпоративных системах, с ссылками на хранилище реализованного с помощью соответствующего программного обеспечения [4].

Поскольку хранилище данных аудита содержит только данные, необходимые для типичных целей аудита, все элементы данных могут быть описаны таким образом, чтобы это имело смысл для среднего аудитора. Для этого необходима разработка «интеллектуального» словаря данных (где будет присутствовать описание данных, их связь с корпоративными информационными системами и контакты ответственных за обслуживание данных).

Контроль за целостностью процесса анализа аудита имеет решающее значение и часто упускается из виду. Поддержание эффективного контроля включает, например, процедуры, обеспечивающие ведение итоговых данных, как по обработанным транзакциям, так и по ключевым числовым полям. Хотя технология аудита делает это автоматически, важно отслеживать и согласовывать итоговые данные от одного процесса к другому, чтобы гарантировать, что

аудиторские процедуры выполняются для всей правильной совокупности или подмножества совокупности данных [10].

Таким образом, аудиторы ежедневно работают с большим количеством данных, поэтому изучение новых способов анализа данных является естественным эволюционным процессом для профессии аудитора.

При условии, что независимость аудиторов не будет нарушена, технологии анализа данных могут использоваться для предоставления более подробной информации клиенту, предоставления консультационных услуг или участия в специализированных заказах, где требуется определенный уровень уверенности в той или иной информации, что позволяет клиентам снижать риски с целью повышения безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джангаров, А.И., Сулейманова М.А. Анализ больших данных // *Colloquium-journal*. — 2019. — № 28. — С. 116–117.
2. Дмитриев, И.В. Интеллектуальный анализ данных в принятии стратегических решений — возможности качественного развития российских предприятий // *Россия: тенденции и перспективы развития*. — 2019. — № 3. — С. 290–292.
3. Кудряшов, С., Зобова А., Юнь М. Анализ данных во внутреннем аудите. Трансформация внутреннего аудита: Исследование компании «Делойт» // Официальный сайт компании «Делойт». — URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/digital-IA.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).
4. Разина, О. Развитие новых информационных моделей для внутреннего аудита на основе технологии больших данных // *Аудит-Ит*. — URL: <https://www.audit-it.ru/articles/audit/a105/984798.html> (дата обращения: 07.05.2021).
5. Data analytics and the auditor // ACCA global. — URL: <https://www.accaglobal.com/gb/en/student/exam-support-resources/professional-exams-study-resources/p7/technical-articles/data-analytics.html> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Data analytics for external auditors. International auditing perspectives // *Icaew.com*. — URL: <https://www.icaew.com/-/media/corporate/files/technical/iaa/tecpln14726-iaae-data-analytics---web-version.ashx> (дата обращения: 06.05.2021).
7. Kogan, A., Vasarhelyi M.A., Appelbaum D. Introduction to Data Analysis for Auditors and Accountants // *CPA Journal*. — URL: <https://www.cpajournal.com/2017/02/16/introduction-to-data-analysis-for-auditors-and-accountants/> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Murphy, M.L., Tysiac K. Data analytics helps auditors gain deep insight // *Journal of Accountancy*. — URL: <https://www.journalofaccountancy.com/issues/2015/apr/data-analytics-for-auditors.html> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Sirois, B.A, Savovska K.S. Audit Data Analytics: Opportunities and Tips // *International Federation of Accountants*. — URL: <https://www.ifac.org/knowledge-gateway/supporting-international-standards/discussion/audit-data-analytics-opportunities-and-tips> (дата обращения: 01.05.2021).
10. Verver, J. Best Practices for the Use of Data Analysis in Audit // *White paper*. — URL: http://www.dataconsulting.co.uk/Files/wp_best_practices.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

© Козлов Максим Владиславович (maksim.kozlov@live.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СТАНДАРТ-КОСТИНГ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

FEATURES OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE APPLICATION OF THE STANDARD-COSTING METHOD FOR TAX PURPOSES ON THE EXAMPLE OF DIFFERENT COUNTRIES

S. Kokorev

Summary. The subject of the article is the tax regulation of the distribution of differences (deviations) in the value of inventory on the example of the US regulation. At the same time, special attention is paid to the analysis of tax legislation and methodological recommendations of the US Treasury. The relevance of the topic is due to the growing number of enterprises in Europe and America that carry out production (trade) on the territory of Russia, and conduct management accounting using the Standard-costing method. At the same time, in Russia, the possibility of accepting differences (deviations) in the cost of inventory is not available.

The purpose of the study is to identify tax and legal approaches to the interpretation of differences (deviations) and to determine the specifics of their taxation in the United States. The study used methods of comparative analysis and synthesis. For the country under study, the national system of taxation of legal entities, as well as the system of inventory valuation, was analyzed. The tax consequences of typical operations with the distribution of differences (deviations) and their impact on the amount of taxable profit were investigated. As a result of the study of the tax regulation of the distribution of differences (deviations) in the value of inventory on the example of the US regulation, it is concluded that the approach to the tax administration of the distribution of differences (deviations) in the value of inventory by the US Treasury can be adapted in Russia, taking into account the peculiarities of national tax and accounting legislation. The studied methods, when adapted in Russia, will allow, on the one hand, to simplify tax calculations for enterprises using the standard-costing system as a basic one, on the other hand, to simplify tax administration and increase the tax base.

The results of the study can be taken into account by Russian regulatory and legislative bodies to adapt tax legislation to the needs of Western investors. The changes should be aimed not only at generating budget revenues, but also at creating favorable conditions for stimulating investment in the production sector and simplifying tax and accounting administration.

Keywords: standard-costing, distribution of differences (deviations), inventory valuation, tax regulation; US taxation.

Кокорев Сергей Сергеевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
srgkkrv@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования статьи является налоговое регулирование распределения разниц (отклонений) стоимости складских запасов на примере регулирования США. При этом особое внимание уделяется анализу налогового законодательства и методических рекомендаций Казначейства США. Актуальность темы обусловлена растущим числом предприятий Европы и Америки, осуществляющих производство (торговлю) на территории России, и ведущих управленческий учет методом Стандарт-костинг. В то же время, в России возможность принятия в расходы разниц (отклонений) стоимости складских запасов отсутствует.

Целью исследования является выявление налогово-правовых подходов к интерпретации разниц (отклонений) и определение особенностей их налогообложения в США. В исследовании использовались методы сравнительного анализа и синтеза. Для исследуемой страны была проанализирована национальная система налогообложения юридических лиц, а также система оценки складских запасов. Были исследованы налоговые последствия типовых операций с по распределению разниц (отклонений) и их влияние размер налогооблагаемой прибыли. В результате исследования налогового регулирования распределения разниц (отклонений) стоимости складских запасов на примере регулирования США сделан вывод о том, что подход к налоговому администрированию распределения разниц (отклонений) стоимости складских запасов Казначейством США возможно адаптировать в России с учетом особенностей национального налогового и бухгалтерского законодательства. Исследованные методики, при их адаптации в России позволят, с одной стороны, упростить налоговые расчеты, для предприятий, использующих систему стандарт-костинг, как базовую, с другой стороны упростить налоговое администрирование и увеличить налоговую базу.

Результаты проведенного исследования могут быть учтены Российскими регулирующими и законодательными органами для адаптации налогового законодательства под потребности западных инвесторов. Изменения должны быть направлены не только на получение бюджетных доходов, но также на создание благоприятных условий для стимулирования инвестиций в сфере производства и упрощения налогового и бухгалтерского администрирования.

Ключевые слова: стандарт-костинг, распределение разниц (отклонений), оценка стоимости складских запасов, налоговое регулирование; налогообложение США.

Введение

Данная статья актуальна для предприятий Европы и Америки осуществляющих производство (торговлю) на территории России, ведущих первичный управленческий учет методом Стандарт-костинг по принципам МСФО. В соответствии с требованиями местного законодательства, на основании данных первичного учета предприятие обязано формировать бухгалтерскую и налоговую отчетность по стандартам РФ.

Существует способ отдельного учета каждой хозяйственной операции для каждого, используемого учета, но на практике он не применяется из-за высокой стоимости и трудоемкости ведения параллельного учета.

В настоящее время методик ведения Российского налогового учета на основе стандарт-костинга (нормативных цен) не опубликовано, а практический интерес к данной теме возрастает каждый раз при притоке западных инвестиций в отечественное производство или росте импортозамещения.

Представителями бизнеса направляются вопросы в Министерство финансов РФ с целью возможности применения метода стандарт-костинга для целей расчета налога на прибыль. К сожалению, позиция Мин. Фин. РФ состоит в то, что ведение учета готовой продукции по нормативной себестоимости с отнесением отклонений сумм фактических затрат от нормативной себестоимости в налоговом учете текущего периода не предусмотрено Налоговым кодексом РФ, следовательно, для целей налога на прибыль нормативная себестоимость готовой продукции не рассчитывается [4].

По этим причинам изучение вопросов налогообложения западных школ учета представляет в настоящее время наибольший научный интерес.

Для выработки методических рекомендаций предполагается анализ нормативных документов: Налогового кодекса США, Методических рекомендаций казначейства США, разъяснений Казначейства США, обзор Европейской комиссии методологий расчета себестоимости для целей налогообложения. [1], [2], [3], [7].

Из анализа национальных налоговых законодательств США, Англии, Германии, Японии, России [4], [5], [6], [8] следует, что на данный момент метод стандарт-костинга для целей налогообложения прописан в налоговом кодексе США.

При этом одной из важнейших задач, для снижения трудозатрат на ведение учета методом стандарт ко-

стинга, по-прежнему является отсутствие комплексной экономико-правовой основы регулирования данного метода учета в налоговом законодательстве. Своевременность внедрения регуляторных механизмов в налоговой сфере как одного из важнейших инструментов государственного регулирования обусловлена высоким интересом западных инвесторов к данному методу учета. В настоящее время налоговые органы различных стран предпринимают попытки применения стандарт-костинга для расчета оценки складских запасов и себестоимости, причем, теоретическое обоснование различных налоговых механизмов, как правило, следует за развитием практики их оборота. Анализ формирующихся на практике подходов к налогообложению и международных правовых систем в различных странах, в условиях отсутствия нормативно-правовой базы в России, представляет бесспорный научно-исследовательский интерес. Это связано не только с необходимостью введения таких методов учета в правовое поле в рамках международной экономики, но и в связи с разработкой режима их налогового регулирования в Российской Федерации.

Особенности налогового регулирования применения метода стандарт-костинг для целей налогового учета различных стран

В США, как стране, массово внедрившей метод учета стандарт-костинг начиная с индустриализации 20-х годов 20 века, метод стандарт-костинг применяется для расчета себестоимости для целей налогового учета. Применение данного метода нормативно закреплено непосредственно в налоговом кодексе. См. секцию 263A («Оценка складских запасов для целей налогового учета» (tax inventory capitalization/ uniform capitalization (UNICAP)) (полная стоимость складских запасов для налогового учета) и и секцию 471 «Общие правила учета складских запасов» (General rule for inventories) (прямые затраты, включенные в стоимость складских запасов для целей налогового учета) [1].

Определение стандарт-костинга для целей налогового учета дано в секции 26 CFR § 1.263A-1 — «Учет затрат на балансе» (Uniform capitalization of costs)

“(F) (3) (ii) Метод стандарт-костинг:

(A) Общие положения

Метод стандарт-костинг распределяет соответствующую сумму прямых и косвенных затрат на продукцию, произведенную налогоплательщиком с использованием заранее установленных нормативных цен, без учета затрат, фактически понесенных в течение налогового периода. Налогоплательщик может использо-

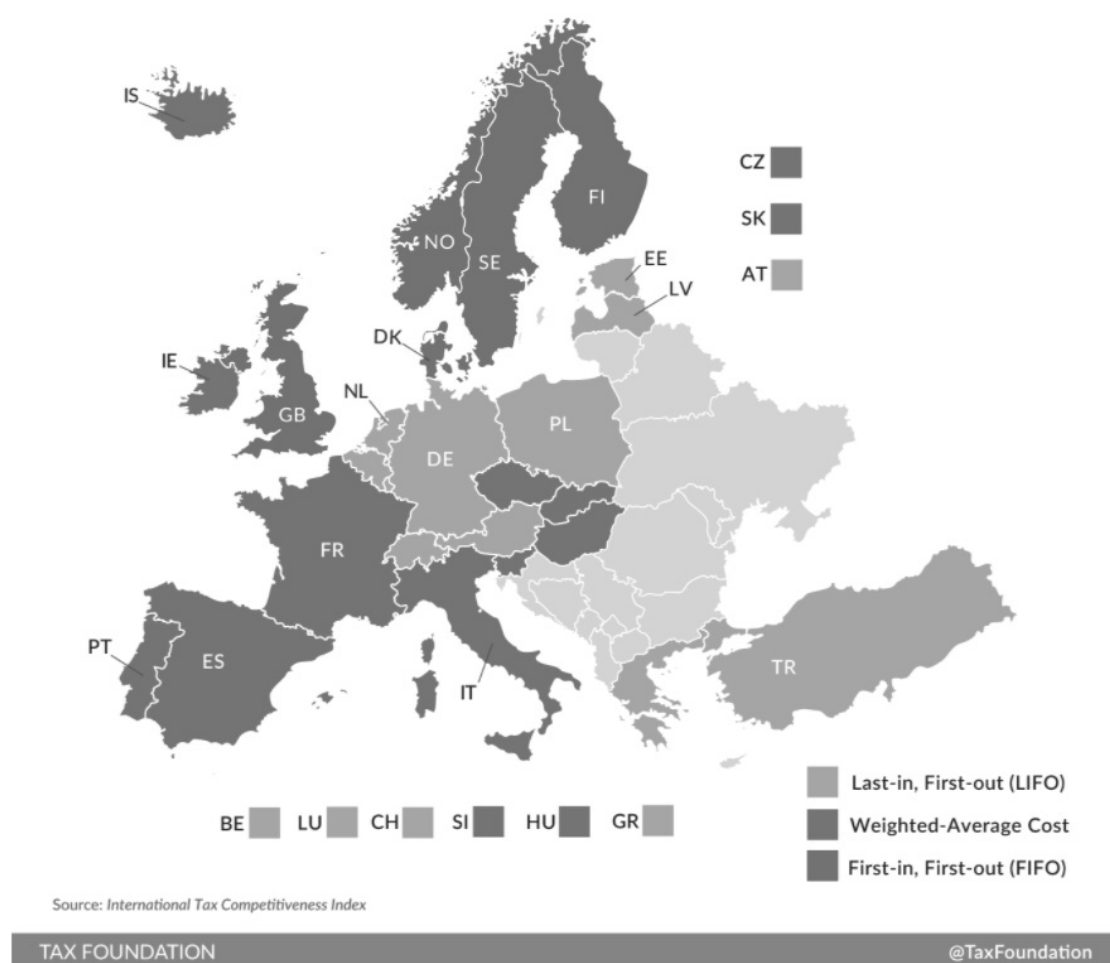

Рис. 1. По данным сайта International Tax Competitiveness Index:

вать метод стандарт-костинг для учета затрат при условии, что отклонения распределяются в соответствии с процедурами, предписанными в пункте (f) (3) (ii) (B) этой секции. Любая периодическая корректировка нормативных цен, произведенная с целью учета в нормативной цене текущих операционных условий, такие как увеличение производительности или технологии или в ценах, не является изменением методики учета в соответствии с разделом 446 (e). Однако изменение концепции или основы, на которой разрабатываются нормативные цены, представляет собой изменение методики учета, к которому применяется раздел 446 (e).

(B) Определение разниц (отклонений)

Для целей этой секции чистая положительная разница накладных расходов означает превышение общей суммы нормативных косвенных затрат над общей суммой фактических косвенными затратами, а чистая отрицательная разница накладных расходов означает

превышение общей суммы фактических косвенных затрат над общей суммой стандартных косвенных затрат. Правильное использование метода стандарт-костинг требует, чтобы налогоплательщик пропорционально распределял любые чистые отрицательные или чистые положительные отклонения [от нормативных цен] накладных расходов и любые чистые отрицательные или чистые положительные отклонения прямых затрат. Налогоплательщик должен распределить такие отклонения между стоимостью склада и затратами. Однако, если такие отклонения незначительны по сумме относительно общих косвенных затрат налогоплательщика, понесенных в связи с производственной деятельностью и деятельностью по перепродаже за период, то такие отклонения не нужно распределять на балансовую стоимость произведенного или приобретенного для перепродажи имущества, если только такое распределение не производится непосредственно на в финансовой отчетности. Налогоплательщик должен последовательно учитывать как положительные, так и отрицательные отклонения." [1].

Стоит отметить, что секция 26 CFR § 1.263A-1 содержит описание прочих методик формирования себестоимости из управленческого учета.

Непосредственное описание методики распределения отклонений для налогового учета указано в методических рекомендациях казначейства США [3]:

1. Выполнить как минимум два расчета распределения разниц (отклонений), если не выполняется одно из нескольких исключений (за исключением Малых и средних предприятий, сельхозпроизводителей, НИИ и т.п.) и/или правило 5% (если отклонение меньше 5% от стоимости склада, то вся разница относится на стоимость склада).
 - ◆ Первый расчет распределения разниц (отклонений) для сырья и товаров (аналог 16 счета в РФ).
 - ◆ Второй расчет распределения разниц (отклонений) для готовой продукции (аналог 40 счета РФ).
2. Пересчитать себестоимость для целей налогового учета, оставив в ней только расходы, принимаемые для целей налогового учета.
3. Отрицательные разницы (отклонения) запрещено распределять на стоимость склада. Они полностью относятся в себестоимость.
4. Если отклонения для распределения, составляют менее 5% от стоимости склада, то они включаются полностью в стоимость склада, для целей налогового учета. [3 (10)], [2]. секция 263A (затраты без распределения отклонений), 471 (все затраты, в т.ч., которые не принимаются в бух. учете, например, отклонения).

На территории Европейского союза метод стандарт-костинга для целей налогового учета не применяется [9].

Из 26 охваченных стран 11 разрешают предприятиям использовать LIFO, 10 разрешают только метод средневзвешенной стоимости, а 5 FIFO.

В России налоговый кодекс при определении размера материальных расходов при списании сырья

и материалов, используемых при производстве (изготовлении) товаров не допускает использование метода стандарт-костинг [10].

Тем не менее, норму расчета сумм расходов по среднему проценту налоговый кодекс содержит, но относится она к транспортным расходам. Статья 320. Порядок определения расходов по торговым операциям [10].

ВЫВОДЫ

Из обзора, налоговых законодательства различных стран, стандарт-костинг для целей налогового учета использует только США.

Методические рекомендации казначейства США по-прежнему требуют налогоплательщика к формированию налоговой базы по сумме выше, чем для целей бухгалтерского учета:

- ◆ отрицательные разницы не распределяются, а относятся на себестоимость;
- ◆ если отклонение составляет менее 5% от стоимости склада, то отклонение не распределяется, а относится на стоимость склада.

Применении данных ограничений стандарт-костинг позволяет получить ту же или большую налоговую базу. Бюджет страны здесь получает не меньше налогов.

Налогоплательщик при возможности использования стандарт-костинга в налоговом учете — сокращение издержек от сближения управленческого и налогового учета и некоторое увеличение налоговых платежей.

Несомненно, изменение порядка формирования материальных расходов в налоговом кодексе требует всестороннего изучения, но такой подход будет наиболее юридически обоснованным.

Подходы применения стандарт-костинга в налоговом законодательстве США предоставляют научный интерес для исследования и адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. Code: Internal Revenue Code: Title 26 Internal revenue code: section 471.— Режим доступа: https://irc.bloombergtax.com/public/uscode/doc/irc/section_471 <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/263A>, свободный.— Загл. с экрана
2. Department Of The Treasury. Internal Revenue Service. 26 CFR Part 1. [TD9843]. RIN1545–BG07. Allocation of Costs Under the Simplified Methods. AGENCY: Internal Revenue Service (IRS), Treasury. ACTION: Final regulations. Federal Register / Vol. 83, No. 224 / Tuesday, November 20, 2018 / Rules and Regulations. P. 58477 — Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2018-11-20/pdf/2018-24545.pdf>, свободный.— Загл. с экрана
3. Department Of The Treasury. Internal Revenue Service. Modified Simplified Production Method Federal Register / Vol. 83, No. 224 / Tuesday, November 20, 2018 / Rules and Regulations. P. 58478.— Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2018-11-20/pdf/2018-24545.pdf>, свободный.— Загл. с экрана

4. Е.С. Григоренко Советник государственной гражданской службы РФ 2 класса. Вопрос: можно ли для целей налога на прибыль не рассчитывать фактическую себестоимость готовой и, соответственно, реализованной продукции, а вести весь учет только по нормативной себестоимости, при этом все отклонения суммы фактических затрат от нормативной себестоимости признавать в налоговом учете текущего периода? 19.01.2017// Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.consultant.ru, свободный. — Загл. с экрана
5. Her Majesty's Revenue and Customs internal manual: BIM33100 — Stock: valuation. — Режим доступа: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/business-income-manual/bim33100>, свободный. — Загл. с экрана
6. Dr. Volker Thormaehlen1. Bull AG, Cologne, Germany. Inventory Valuation according to German Commercial and Tax Legislation // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.dr-thormaehlen.de/publications/inv_valuation.pdf, свободный. — Загл. с экрана
7. European Commission. A review and Evaluation of Methodologies to calculate tax compliance costs. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/gen_info/economic_analysis/tax_papers/taxation_paper_40.pdf, свободный. — Загл. с экрана
8. KPMG Tax Corporation. Taxation in Japan 2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/jp/pdf/jp-en-taxation-in-japan-201711.pdf>, свободный. — Загл. с экрана
9. Elke Asen. TAX Foundation. Inventory Valuation in Europe. March 28, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://taxfoundation.org/inventory-valuation-in-europe/>, свободный. — Загл. с экрана
10. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N117-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп.). Статья 254. Материальные расходы, Статья 268. Особенности определения расходов при реализации товаров и (или) имущественных прав.

© Кокорев Сергей Сергеевич (srgkrv@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

ИНСТИТУТ НАЙМА В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПОПЫТКА ЕЕ РЕШЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ВЕЩНЫХ И ЛИЧНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ¹

Крышка Виктор Иванович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул)
kryshka@mail.ru

THE INSTITUTE OF HIRING IN THE MODERN MARKET ECONOMY OF RUSSIA: SETTING THE PROBLEM AND TRYING TO SOLVE IT FROM THE POSITION OF PROPERTY AND PERSONAL RIGHTS OF OWNERS

V. Krishka

Summary. The article is devoted to the consideration and analysis of the institute of hiring from the position of synthesis, on the one hand, of purely economic relations of purchase and sale of goods, on the other — of institutional relations related to the property and personal rights of owners, «sellers and buyers» in the so — called «labor market».

Keywords: full-fledged and incomplete commodity markets, the labor market, employers and labor recipients, the institute of hiring, the Russian economy.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу института найма с позиции синтеза, с одной стороны, чисто экономических отношений купли-продажи товаров, с другой, — институциональных отношений, связанных с вещными и личными правами собственников, «продавцов и покупателей» на так называемом «рынке труда».

Ключевые слова: полноценные и неполноценные товарные рынки, рынок труда, работодатели и работодатели, институт найма, российская экономика.

Актуальность статьи заключается в том, что в современной экономической науке и практике вопросы, связанные с изучением так называемого «рынка труда», имеют преимущественно абстрактный характер, им, зачастую, не достаёт институциональной конкретности, которая придает проблемам «чистой экономики» значение действительности. В частности, опыт функционирования рынка труда в постсоветский период включает различные формы занятости, которые связаны с а) временной занятостью, б) срочной, т.е. с более или менее постоянной занятостью, в) внешним и внутренним совместительством, г) временным включением работников в штат других организаций (out staffing), и другими формами занятости, в которых мыс-

ленно подразумевается «найм работников» для выполнения тех или иных работ.

Цель статьи

Исследование найма с позиции института собственности, включая ее экономическое содержание и права (вещные и личные) собственников.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи.

1. Определение места рынка труда и его видов в системе кругового воспроизводства товарной формы рабочей силы.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

2. Рассмотрение актов купли-продажи обычных товаров с позиции экономического содержания и вещного «пучка прав собственности».
3. Проведение сравнительного анализа найма и купли-продажи товаров с позиции вещных и личных прав собственников.
1. Если применить теорию обращения капитала К. Маркса, которая изложена во втором томе «Капитала», [1, с. 75–172.], то полный кругооборот товарной формы рабочей силы [2] можно, на наш взгляд, представить следующим образом:

$$T_{PC} - D_{AZP} \dots T \dots P - D_{NZP} \dots D_{RZP} - T_{СПТ} \dots П \dots У_{ПТ} - T_{ВРС}, \quad (1)$$

где T_{PC} — товарная форма рабочей силы; D_{AZP} — авансированная заработная плата; T — процесс труда; P — выполняемая и выполненная в процессе труда «работа» как товар особого рода [3]; D_{NZP} — начисленная заработная плата; D_{RZP} — располагаемая заработная плата за вычетом из начисленной заработной платы налога на доходы физических лиц (НДФЛ); $T_{СПТ}$ — товарная форма средств потребления; $П$ — процесс потребления; $У_{ПТ}$ — удовлетворенные человеческие потребности; $T_{ВРС}$ — воспроизведенная на основе потребления рабочая сила людей.

В модели 1 исходным пунктом является так называемый «рынок труда», который в современной рыночной экономике России, на наш взгляд, включает три вида [4]. *Первый* — это внешний рынок труда, который получил отражение преимущественно в неоклассических моделях микроэкономики, основанных на взаимодействии спроса и предложения по фактору труда. *Второй* — внутренний рынок труда, который формируется внутри экономических и иных организацией по поводу выполнения и оплаты различных работ, имеющих внутреннюю, условно говоря, товарную форму. *Третий* — это совокупный рынок труда, формирующийся в народном хозяйстве страны, т.е. в экономических и иных организациях различных форм собственности, и связанный с переходом работников с одного рабочего места на другое, с временной безработицей, работой по совместительству, постоянной (пролетариат) и временной занятостью (прекариат) и другими ее формами.

Все названные рынки труда имеют различную проблематику, изучаемую различными авторами, среди которых можно выделить работы В. Гимпельсона и Р. Капелюшникова [5]. Вместе с тем малоизученным аспектом, на наш взгляд, является сравнительный анализ актов купли-продажи товаров на обычном рынке и рабочей силы на рынке труда. Для упорядочивания изложения, разделим это отношение на две стороны

и рассмотрим, во-первых, акты купли-продажи товаров с позиции экономического содержания и «вещных прав собственности» [6–7], и, во-вторых, сравним куплю-продажу товаров с наймом работников с позиции «личных прав собственности», т.е. прав работников и иных лиц по отношению к самим себе и своему труду.

2. Под товаром (Т) в данной статье понимается внешний предмет, вещь, которая, благодаря своим свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности [8, с. 95], а под деньгами (Д) — наличное бытие стоимости в виде определенных знаков, например, Р или \$.

По своему объективному содержанию купля-продажа товаров есть двусторонний обмен товара на деньги $T - Д$ и денег на товар $Д - Т$. Если рассматривать куплю-продажу с позиции процесса обмена, то она на наш взгляд, включает три стадии: 1) взаимодействия спроса и предложения потенциальных покупателей и потенциальных продавцов; 2) реального перехода товаров и денег из рук в руки действующих продавцов и покупателей; 3) окончания указанного перехода, в котором потенциальные продавцы и покупатели на деле становятся действительными продавцами и покупателями, т.е. продавцы продали товар и получили деньги, а покупатели реализовали покупательную способность денег и получили взамен товар.

С позиции собственности¹ чисто экономическое содержание актов купли-продажи выглядит следующим образом.

Во-первых, на первой стадии (спроса и предложения) между суверенными лицами (потенциальными продавцами и покупателями) происходит заключение договора купли-продажи, по результатам которого оформляется сделка.

Во-вторых, на второй стадии (переход товаров и денег из рук в руки) происходит реализация договора

¹ Собственность в данной статье — это признанная лицами (физическими и юридическими) принадлежность чего-либо кому-либо, опосредованная отношениями лиц друг к другу по поводу указанной принадлежности. На практике бытие собственности (принадлежности) находится в процессе непрерывного становления, связанного со своим возникновением (присвоением) и исчезновением (отчуждением). Сама собственность (принадлежность) в Гражданском кодексе Российской Федерации [9, с. 153] включает права владения, пользования и распоряжения, включая отчуждение. Частная собственность — это форма исключительной, монопольной принадлежности чего-либо кому-либо, включая право злоупотребления вещью, т.е. нанесения вреда имуществу. Частная собственность по своему личностному содержанию может быть совместной (общественной), например, корпоративная собственность, поэтому противопоставление, которое принято с идеологических позиций «научного социализма», частной и общественной собственности — неправомерно.

купли-продажи, включая выполнение обязательств, связанных с указанной сделкой.

В-третьих, в результате реализации сделки продавец как товаровладелец *отчуждает* товар и *присваивает* деньги, а покупатель как владелец денег, наоборот, *отчуждает* деньги и *присваивает* товар.

В результате этого двустороннего процесса а) сохраняется в целом институт частной собственности на обеих сторонах процесса купли-продажи; б) изменяется принадлежность товаров и денег, из собственности одних лиц они переходят в собственность других лиц; в) происходит передача всех прав собственности (владения, пользования и распоряжения), или всего «пучка вещных прав собственности» по А. Оноре [10], бессрочно.

Исходя из отмеченных пунктов, связанных с вещными правами собственников, все рынки необходимо подразделить на два типа: а) *полноценный* и в) *неполноценные*.

На наш взгляд, к *полноценному рынку* следует отнести все рынки, на которых акты купли-продажи реализуются *абсолютно* и связаны с передачей от собственников к несобственникам всего «пучка вещных прав собственности» навечно. При этом к данному рынку, на наш взгляд, относится и «рынок живых существ» (растений, животных и самих людей в качестве рабов), которые рассматриваются на нем как «вещи», не обладающие правоспособностью и соответствующими правами.

К так называемому нами *неполноценному рынку* следует отнести рынки, на которых осуществляется передача не всего «пучка вещных прав собственности», а только их части, с сохранением за собственником, как правило, прав получения дохода и окончательного отчуждения. Примерами данного неполноценного рынка являются *аренда* недвижимости, *прокат* движимого имущества, *съем* жилья, *заем* денежных средств и многое другое.

3. С формальной стороны так называемый «рынок труда», на котором формируется институт найма, относится по нашей классификации к «неполноценному рынку», если его вообще можно назвать рынком, и включает следующие особенности.

Во-первых, на рынке труда «вещное право собственности» на работников не распространяется, наоборот, законом запрещается использовать людей в качестве рабов. В этой связи здесь действует не вещное право собственников, а личное право собственников, связанное с правами человека, в частности, на принад-

лежность людей самим себе. Если применить категории вещного права Гражданского кодекса Российской Федерации, то принадлежность человека самому себе можно трактовать как владение самим собой, использование самого себя, и распоряжение собой, включая частное право злоупотребления собой, причинения *вреда* самому себе. Поэтому рассматривать этот «рынок» с позиции полноценных товарно-денежных актов купли-продажи, на наш взгляд, — *неправомерно*.

Во-вторых, личное право собственников (права человека) по отношению к самим себе и к себе подобным людям связано по своему понятию (с тем, что должно быть) преимущественно не с юридическим правом, а с моральным правом, которое имеет личностное, глубоко субъективное значение, основанное на пиетете глубокого, уважительного, как правило, альтруистического отношения между людьми, которое не приемлет *отчужденные* товарно-денежные отношения, как правило, эгоистически настроенного «экономического человека».

В-третьих, одним из фундаментальных прав личности (человека) является его имманентное право на жизнь, которое выражается в его *жизнедеятельности*, включая право на труд. Другими словами, право на труд входит в фундаментальные права человека как личности.

Право на труд в современной российской экономике реализуется через институт¹ занятости, включая а) институты самозанятости, б) занятость по найму и в) предпринимательство, т.е. самозанятость, связанную с использованием наемных работников. Остановимся на институте найма подробнее.

Сам по себе «найм», на наш взгляд, — это *институционально-экономический процесс*, предполагающий наличие: а) работодателей и работодателей как суверенных лиц, принадлежащих самим себе, б) частной собственности работодателей на используемое имущество (оборудование), в) определенного объема работы (товара особого рода), формируемого на внутреннем рынке труда в экономических и иных организациях, включая оборудованные рабочие места и продолжительность рабочего времени (час, день, месяц, год и т.д.) с учетом умелости и интенсивности труда работников, г) денежную цену труда, т.е. заработную плату, включая *ставки* заработной платы, *расценки* предусмотренных работ, д) институциональные условия труда и многое другое.

¹ В статье под институтом (от лат. Institutum — установление, обычай, учреждение, основание) понимается система норм, правил, законов, влияющих на поведение (деятельность) субъектов хозяйствования.

В частности, в рамках этого института со стороны работополучателя, заключающего договор найма с работодателем, за ним *сохраняется* принадлежность самому себе, включая его владение самим собой, использование себя в процессе труда, распоряжение собой на отведенном рабочем месте во время работы в периоды регламентированных перерывов, право на получение дохода в виде заработной платы, охрану труда, исключая вредное использование своего труда и самого себя и т.д. *Передаёт* работодателю право управления, точнее, функцию контроля (надзора) над собой в качестве исполнителя нормированных и ненормированных заданий в соответствии с полученной квалификацией, *приобретает* обязательства своевременного прихода и ухода с работы, рационального использования рабочего времени, сырья, материалов, орудий труда, обслуживания рабочего места и пр. Наемный рабочий является *сувереном* самого себя, поэтому он может прекратить трудовой договор по собственному желанию в установленные Трудовым кодексом Российской Федерации сроки.

Со стороны работодателя при заключении договора найма работодатель *сохраняет* за собой ответственность на средства производства, включая оборудованные и обеспеченные сырьем рабочие места, изготовленный продукт для окончательной продажи на внешних для экономических и иных организаций рынках, инфраструктуру и многое другое, входящее в вещное право. *Передаёт* наемным труженикам права временного использования своего имущества (оборудования) и обязанность качественной обработки и переработки предметов труда, управления наемным трудом (наемный менеджмент) и многие др. права. *Получает* обязательства своевременной оплаты труда, охраны труда и пр. обязанности, прописанные в трудовых договорах.

В институте найма, который сложился в постсоветский период, можно выделить следующие особенности.

И работополучатель, и работодатель рассматриваются как независимые, свободные, т.е. суверенные физические и юридические лица, имеющие право прекращения (разрыва) и перезаключения (продлонгации) трудового договора, точнее, договора найма в соответствии с действующим законодательством. При этом работополучатель является частным собственником своей личности в целом, включая свою неотчуждаемую рабочую силу, ее реализацию в процессе труда (рабочего времени), а работодатель выступает частным собственником своих средств производства. Этот факт можно трактовать, в зависимости от идеологических пристрастий, как с позиции марксистской эксплуатации, обращая при этом внимание на так называемое «наем-

ное рабство», и либерализма, обратив внимание, на то, что найм предполагает «освобождение» работника от *бремени собственности* и концентрации внимания работника на развитии своего человеческого капитала, значение которого возрастает параллельно с развитием вещественного капитала в виде роботизации производственных и иных процессов.

Современный работополучатель в институте найма *сохраняет* за собой права а) *владения* самим собой в соответствии со сложившейся системой разделения труда в экономической организации и обществе; б) *самоиспользования* (производительного потребления) самого себя в соответствии с регламентом рабочего и вне рабочего времени, в) *самораспоряжения* (управления) самим собой в рамках рабочего места и полученной квалификации, г) получения *располагаемого дохода* в виде начисленной оплаты труда за *минусом* социальных страховых взносов и НДФЛ и *плюсом* различных доплат (например, социальные выплаты), непосредственно не связанных с работой в организации.

Современный работодатель в институте найма *сохраняет* за собой право *владения* имуществом, включая основные и оборотные средства, используемые работниками, имеет право *расчета* с внешними организациями, включая а) вычеты из фонда оплаты труда, б) получение выручки, частью которой с позиции оборота средств организаций является фонд оплаты труда и т.д.

Работодатели как некий «идеологический класс» по согласию с работополучателями в современной экономике де факто получили право временной передачи рабочей силы в распоряжение (управление) других работодателей (out staffing) на «правах аренды», хотя этот термин в данном случае можно использовать весьма условно. Аренда относится в вещественному, а не личному праву, поэтому лучше говорить — на правах *субнайма*, т.е. временной передачи права управления работниками другим работодателям.

Работополучатели как «идеологический класс» (пролетариат) де факто и де юре имеют права а) *перехода* с одного рабочего места на другое в рамках одной организации, б) от одного работодателя к другому, в) временного трудоустройства (прекариат) без заключения трудового договора и привязки к конкретному работодателю, г) изменения своего социально-экономического статуса, перехода в группу самозанятых и предпринимателей и другие права.

Наконец, в современной экономике России в институт найма в целом можно включить свободный выбор будущей профессии, профессиональную подготовку ка-

дров для соответствующего трудоустройства, постоянное или временное трудоустройство, службы занятости, пособия по безработице, переквалификацию кадров, стаж работы, пенсионное обслуживание, соответствующие юридические и иные нормы и многое другое.

В заключении данной статьи можно сделать следующие выводы:

Во-первых, исходным и конечным пунктом воспроизводства в самом широком смысле является сфера обращения (рынок). В статье действительный рынок с позиции собственности, ее экономического содержания и юридических прав, подразделен на два типа: на полноценный и неполноценный рынки. На первом рынке в актах купли-продажи товаров происходит передача всего «пучка прав собственности» от собственников несобственникам, а на втором — только части прав, с сохранением, как правило, за собственниками прав получения дохода и отчуждения, прекращения права собственности в целом.

Во-вторых, так называемый «рынок труда», если использовать терминологию вещного права, относится ко второму типу, наряду с арендой, прокатом, займом и т.п. Точнее, на этом рынке происходит не *купля-продажа*, например, труда или рабочей силы, а *найм* работников, который регулируется со стороны собственников имущества отчасти вещными правами собственников, а со стороны работника — личными правами собственников, входящими в самом широком смысле в права человека.

В-третьих, с экономико-юридической точки зрения найм — это сложный процесс (акт) взаимодействия суверенных лиц (работополучателей и работодателей), связанный с временным или постоянным трудоустройством, выполнением оплачиваемой работы и получением заработной платы за выполненную работу, которая

является своеобразным товаром на внутреннем рынке труда экономических и других организаций. В частности, наемный работник при заключении трудового договора и его исполнения сохраняет за собой право принадлежности самому себе, но передает работодателю на время работы право управления собой (контроля, надзора за своей работой), в которой используются не принадлежащие ему (чужие) средства производства.

В-четвертых, в статье сделана попытка рассмотрения института найма в самом широком смысле, который включает свободу выбора будущей профессии, профессиональную подготовку кадров, постоянное или временное трудоустройство, службы занятости, наставничество, пособия по безработице, переквалификацию кадров, стаж работы и пенсионное обслуживание, юридические, моральные и идеологические нормы, связанные с наймом. В этой связи институт найма можно трактовать, в зависимости от идеологических пристрастий, и как с позиции марксистской эксплуатации, обращая внимание при этом на так называемое «наемное рабство», так и с позиции либерализма, обратив внимание на то, что найм предполагает «освобождение» работника от «бремени собственности» и концентрацию внимания работника на развитии своего человеческого капитала.

В-пятых, «отчуждение труда» как проблема марксистской политической экономии, изложенная в работах [11–17], исходя из содержания статьи, не лишена идеологического смысла, но лишена подлинного научного содержания. Идеологический смысл проблемы «отчуждения труда», если оставить в стороне чисто экономическое содержание, своими корнями уходит в «фетишизацию труда», когда труд рассматривается не как функция человека, а наоборот человек превращается в функцию ТРУДА. Идеология «научного социализма и коммунизма» К. Маркса и Ф. Энгельса исходит, как представляется, именно из этого перевертыша.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. II: [пер. с нем., фр., англ.] / Карл Маркс; [предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева; послесл. В.И. Маевского]. — М.: Эксмо, 2012. — 1200 с.
2. Крышка В.И., Перекаренко Ю.А., Солопова Н.Н. Положительные и отрицательные эффекты воспроизводства рабочей силы в постсоветский период российской экономики // Финансовая экономика. — 2020. — № 10, ч. 1. — С. 45–50.
3. Крышка В.И. Конструктивно-критическая верификация теоретической модели кругооборота товарной формы рабочей силы в постсоветский период современной // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». — 2020. — № 6, — С. 48–53.
4. Крышка В.И., Ан Е.А., Зорин А.С., Перекаренко Ю.А. Воспроизводство рабочей силы в российской экономике постсоветского периода: проблемы занятости, безработицы и миграции // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2020. — № 4. — С. 67–75.
5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. — М., 2017. — 148 с.
6. Шкредов В.П. Принципы исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 35 с.

7. Орехов В.М., Чаплыгина И.Г. Категория собственности и экономическая теория // *Онтологические предпосылки экономических теорий: сборник / Под ред. О.И. Ананьина.* — М.: ИЭ РАН, 2011. — С. 54—95.
8. Маркс К. *Капитал: критика политической экономии. Т. 1.*: [пер. с нем., фр., англ.] / Карл Маркс; [введ. О.И. Ананьина; предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева]. — М.: Эксмо, 2012. — 1200 с.
9. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья, четвертая): По состоянию на 1 февраля 2021 года.* — Новосибирск: Норматика, 2021. — 608 с.
10. Honore A.M. *Ownership // Oxford essays in jurisprudence / Ed. by A.W. Guest.* — Oxford, 1961. — С. 112—128.
11. Пажитнов Л.Н. *У истоков революционного переворота в философии.* — М., 1960. — 172 с.
12. Кешелава В.В. *Миф о двух Марксах.* — М., 1963. — 119 с.
13. Курелла А. *Свое и чужое: новое к проблеме социалистического гуманизма / Пер. с нем. Т.А. Рябушкиной и Л.А. Киселевой; под ред. и с пред. А.С. Богомолова.* — М., Издательство «Прогресс», 1970. — 280 с.
14. Нарский И.С. *Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса.* — М.: Мысль, 1983. — 144 с.
15. Ойзерман Т.И. *Формирование философии марксизма.* — М.: Мысль, 1986. — 462 с.
16. Кальной И.И. *Отчуждение: истоки и современность.* — Симферополь: Таврия, 1990. — 192 с.
17. Чангли И.И. *Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования: монография.* — Издание 4-е. — М.: ЦСП и М, 2010. — 608 с.

© Крышка Виктор Иванович (kryshka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный университет

ВЫЗОВ РЫНКУ ТРУДА В УСЛОВИЯХ COVID-ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАДРОВОЙ РАБОТЫ

CHALLENGE TO THE LABOR MARKET IN THE CONTEXT OF THE COVID PANDEMIC: NEW TRENDS IN PERSONNEL WORK

A. Kuzmicheva

Summary. Two years in the conditions of the COVID-pandemic and COVID-restrictions for air travel have left an imprint on the structure of the labor market in the Russian Federation in general, and aviation personnel in particular. The aviation industry, which is experiencing difficulties with the volume of air transportation and the declining number of aircraft ordered for construction, did not remain on the sidelines. On the example of an aviation corporation, the specifics of the selection of aviation personnel are shown, a social study was conducted, and the problems with the selection of qualified personnel were revealed.

Keywords: labor market, aviation personnel, recruitment, aviation enterprise, shortage of qualified personnel, search and recruitment of personnel.

Кузьмичёва Алла Александровна

Доцент, ФГБОУ ВПО Московский авиационный институт (Национально-исследовательский университет)
allamai@list.ru

Аннотация. Два года в условиях COVID-пандемии и COVID — ограничений для воздушных перелётов наложили отпечаток на структуру рынка труда в РФ в целом, и авиационных кадров в частности. В стороне не осталась авиационная промышленность, испытывающая трудности с объёмом авиаперевозок и снижающееся количество заказанных к постройке воздушных судов. На примере авиационной корпорации показана специфика подбора авиационного персонала, было проведено социальное исследование, вскрыты возникшие проблемы с подбором квалифицированных кадров.

Ключевые слова: рынок труда, авиационный персонал, подбор кадров, авиационное предприятие, дефицит квалифицированных кадров, поиск и привлечение персонала.

Как сложилось в экономике в целом, и в отрасли управление персоналом в частности, — **авиационный персонал** — это лица, имеющие специальную подготовку и осуществляющие деятельность по обеспечению безопасности полетов воздушных судов или авиационной безопасности, деятельность по организации, выполнению, обеспечению и обслуживанию воздушных перевозок и полётов воздушных судов, авиационных работ, организации использования воздушного пространства, организации воздушного движения и включены в перечни по видам авиации^[1]. Будучи органичной частью экономики, рынок труда чутко реагирует на макроэкономические изменения. Ввиду этого, падение спроса на авиаперевозки на фоне пандемии корона вирусной инфекции, наблюдаемое с конца 2019 года может привести к сокращению до 4,8 млн. работников авиационной отрасли в мировом масштабе. Об этом сообщили в Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA) и Международной федерации транспортных рабочих (ITF). «Авиация столкнулась с беспрецедентной катастрофой в сфере занятости. Авиакомпании существенно сократили расходы, но при нынешних условиях у них осталось всего 8,5 месяца. Десятки тысяч рабочих мест уже потеряны, и, если правительства не предоставят

дополнительную финансовую помощь, их число, вероятно, увеличится до сотен тысяч», — пояснил генеральный директор IATA Александр де Жуньяк. [2]. Российский рынок труда чутко реагирует на вызовы пандемии. Экономисты регулярно мониторят данный рынок [3]. Очевидно, что в сложившихся условиях особое значение приобретает эффективный подбор персонала.

Проблемой качественного подбора квалифицированных специалистов озадачены многие российские экономисты, такие как Ворожейкин И.Е.[4], Кузьмичева А.А.[5], Орлов А.И.[6], Черкасов В.В. [7] и др.

Предметом исследования статьи выступает процесс поиска и привлечения персонала в авиационной корпорации. Исследование основано на анализе внутренних документов предприятия, внешних и внутренних сайтов, а также опросе специалистов по кадрам.

Первым этапом обозначенного исследования стало выяснение этапов работы, проводимой кадрами. Работа с претендентами на вакантную должность в авиационной компании можно изобразить схематично следующим образом:

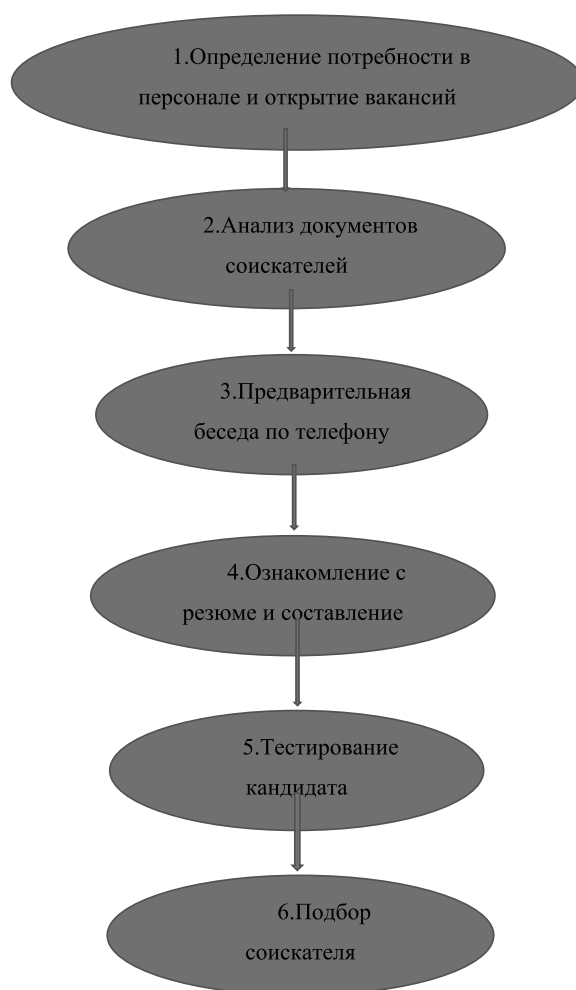

Рис. 1. Изображение этапов подбора персонала авиационного предприятия.

Необходимо более подробно остановиться на шестом этапе — подборе персонала в авиационной компании.

Подбор персонала документирован следующими документами:

1. Должностной инструкцией с указанием назначения работы данного сотрудника, его основных обязанностей, числом работников, за которых он несет ответственность, порядка подотчетности.
2. Стандартизированной заявкой на подбор специалиста, в которой руководитель подразделения указывает дополнительные требования: личные характеристики сотрудника на этом участке работы, опыт трудовой деятельности в тех или иных областях или организациях, образование. Поскольку исследование проводилось в технологическом подразделении, то требуется отметить, что профиль требований к инженеру-технологу формируется из следующих критериев

отбора: знания, навыки, личностные качества. Требования соответствуют стандартизированным должностным инструкциям.

На предприятии используются преимущественно внешние источники подбора кадров, а именно сотрудничество с вузами, интернет-сайты (собственный и специализированные). Информация о вакантных должностях размещается как на официальном сайте организации, так и на различных сайтах по поиску работы, таких как: HR-Сообщество и публикации [8], kadry-opk.ru [9], headhunter.ru [10] и др. С целью привлечения перспективных кадров в ОАО «Ил» организуют ознакомительную, производственную и другие виды практик для учащихся профильных учебных организаций.

На предприятии имеется потребность в двух видах подбора кадров: широкий подбор и узкий подбор. Широкий подбор проводится в следующем порядке:

Таблица 1. Анализ текучести и движения кадров

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп прироста 2018/2019 гг	Темп прироста 2019/2020 гг
Численность персонала всего	2436	2646	2958	8,62	11,79
Численность ППП персонала, в т.ч.	2182	2407	2823	10,31	17,28
Рабочие различных категорий	697	699	771	0,29	10,30
Инженеры-(техники) конструкторы	481	484	573	0,62	18,39
Принято, в т.ч.	442	450	645	1,81	43,33
до 30 лет	110	157	308	42,73	96,18
старше 30 лет	332	293	337	-11,75	15,02
Уволено, в т.ч.	379	407	450	7,39	-12,29
до 30 лет	87	95	100	9,20	-23,16
старше 30 лет	292	312	284	6,85	-8,97
По собственному желанию	223	219	230	-1,79	3,65
По инициативе руководства	139	140	170	19,42	-36,14
Другое (уход на пенсию, по состоянию здоровья)	17	22	24	29,41	9,09
Коэффициент выбытия	0,16	0,15	0,17	-1,13	-21,54
Коэффициент приема	0,18	0,17	0,22	-6,27	28,22
Коэффициент стабильности	0,85	0,85	0,87	0,36	3,85
Текучесть кадров	15,56	15,38	16,57	-1,13	-21,54

просматриваются поступившие резюме, анализируются анкеты. Далее происходит отбор — собеседование, профессиональное тестирование, проверка рекомендаций и послужного списка (при наличии). Однако на практике зачастую используется смешанный вариант- сочетание подходов широкого и узкого отбора, т.к. узкий подбор требует больших знаний и опыта, а также более трудоемок по времени.

Основной сложностью процесса подбора кадров является качественное закрытие вакансий в связи с выросшей потребностью предприятия в квалифицированных кадрах по причине новых вызова рынка.

Для проверки гипотезы «Процесс подбора квалифицированных кадров осуществляется быстро, но некачественно» использовался метод анализа документов (Годовые отчеты, внутренняя документация отдела кадров) и метод интервью.

Первым шагом для рассмотрения проблемы подбора кадров необходимо провести анализ движения промышленно-производственного персонала (ППП) на предприятии, так как именно прием и увольнение сотрудников определяет особенности подбора и расстановки кадров. Данные для анализа взяты из Годовых отчетов за период 2018–2020 гг., а также внутренней документации отдела кадров. С целью получения представления о стабильности коллектива определим показатели: коэффициент выбытия кадров, коэффици-

ент приема кадров, коэффициент стабильности кадров, показатель текучести кадров.

В результатах интервью с Начальником кадров будут прокомментированы тенденции, отображенные в таблице. В ходе исследования процесса поиска и привлечения персонала было проведено интервью с начальником отдела кадров для определения сложившейся ситуации на предприятии. При ответе на вопрос о скорости подбора персонала, респондент отметил достаточно быстрое закрытие вакансий: *«Закрытие вакансий происходит достаточно быстро — 7–10 дней. Среди всех кандидатов не всегда знаешь, кто из них более опытный и более квалифицированный. Отсюда и бывает, что закрываем быстро, а потом увольняются или их увольняют. И тут уже встает вопрос о качестве закрытия. Руководство требует практически мгновенного закрытия вакансий, а мы не всегда успеваем закрыть по всем критериям. С этим нужно, конечно, что-то делать. В последние годы был большой выброс персонала на рынок труда, многие предприятия проводили сокращения. Если говорить про опытных сотрудников, то идет переквалификация с других отраслей»*. Комплектование кадров является одним из ключевых элементов работы службы управления персоналом любой организации, так как от качества отобранных кадров зависит эффективность деятельности организации в целом. При ответе на вопрос о том, что является качественным подбором на данном предприятии, респондент отве-

Таблица 2. Результаты социального исследования

Выявленные проблемы	Причины	Предлагаемые мероприятия	Ожидаемый результат
Процесс подбора персонала на предприятии осуществляется быстро, но результат не удовлетворяет требованиям руководства.	Некачественный подбор персонала отделом кадров	Организовать более качественное закрытие вакансий путем внедрения системы премирования сотрудников отдела кадров при качественном закрытии вакансий	Снижение текучести кадров

Таблица 3. Система премирования отдела кадров

Работник	Показатель	Ставка	База
Начальник отдела кадров	Специалисты выполнили нормативы	20	Оклад за 12 мес.
Специалист по подбору кадров	Показатель текучести новых сотрудников не более 0,1	15	Оклад за 12 мес.
	Процент закрытия вакансий в течение 2 недель более 50%	10	Оклад за 12 мес.

тил: «Для нас качественный подбор — это уровень образования и опыт соискателя. Обязательно проводится тест на знания специфики работы. Для нас это самое важное, так как в нашей отрасли требуются хорошие специалисты». На вопрос о текучести респондент ответил следующим образом: «Конечно люди увольняются, но так везде, это закономерный процесс на предприятиях. Но все-таки нам не хватает хороших специалистов». На протяжении рассматриваемого периода общее количество персонала на предприятии постоянно росло. Это свидетельствует о том, что предприятие расширяет свою деятельность и нуждается в кадрах.

Коэффициент выбытия в 2020 году увеличился по сравнению с предыдущим годом на 2%, коэффициент приема возрос с 17% до 22%, а текучесть кадров увеличилась на 1,19%. Это свидетельствует об ухудшении стабилизации коллектива предприятия за последний год. При этом можно обратить внимание на факт, что предприятие покрывает нехватку персонала в основном за счет приема молодых сотрудников, когда процент увольнения выше у квалифицированных сотрудников.

Таким образом, на авиационном предприятии сложилась проблемная ситуация в области стабильности коллектива. Это связано в первую очередь с тем, что в условиях повышенной потребности в кадрах в связи с расширением деятельности предприятия, подбор персонала в большей степени был ориентирован на скорость. Отдел кадров стремится побыстрее закрыть огромное количество свободных вакансий, выполняя

план, не думая о том, что результаты не удовлетворяют руководителей. В ходе интервью респондент признал в существующих проблемах текучести на предприятии связанным с быстрым подбором персонала и, что руководство недовольно таким закрытием вакансий. Таким образом, гипотеза «Результаты процесса подбора квалифицированных кадров не устраивает руководителей подразделения предприятия» подтверждена. Социальное исследование, проводимое в трудовом коллективе, считается эффективным в том случае, если оно приводит к конкретным результатам. В данном случае результаты можно отразить в виде таблицы.

Предлагается в Положении по предприятию закрепить следующую систему премирования, представленную в таблице 3.

По итогам проведенного исследования следует, что **проблемная ситуация**, сложившаяся в организации заключается в том, что имеется нехватка квалифицированных кадров, имеющих достаточный опыт работы, результат подбора которых не устраивает руководителей подразделений предприятия. Данная тенденция усиливается турбулентностью на рынке авиационных кадров, связанной с пандемией и общим кризисом на рынке труда. Для того, чтобы исключить выявленные проблемы поиска и привлечения персонала авиационного предприятия необходимо предложить и осуществить ряд мероприятий:

1. организовать более качественное закрытие вакансий путем внедрения системы премирования;
2. расширить источники и методы поиска и привлечения персонала.

Реализация предложенных мер приведет к повышению производительности труда путем снижения текучести кадров и увеличения удельного веса квалифицированного персонала с опытом работы в общей структуре кадров. Общие расходы на проведение мероприятий

ниже, чем предполагаемые доходы. Экономическая эффективность положительная. Проведенные расчеты свидетельствуют об экономической целесообразности предложенных мероприятий по совершенствованию процесса подбора кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 года № 60-ФЗ. — Техэксперт. docs.cntd.ru. Дата обращения: 30.05.2021.
2. iz.ru-Электронный ресурс. Дата обращения 29.05.2021.
3. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии. — Институт социальной политики НИУ ВШЭ <https://isp.hse.ru>-Дата обращения 30.05.2021
4. Ворожейкин И.Е. Управление социальным развитием организации. — М.: ИНФРА-М, 2015
5. Кузьмичева А.А. Проблема профессионального обучения сотрудников авиационного предприятия (в социальном аспекте)- № 1 (42)2020. С. 119–128.
6. Орлов А.И. Стимулирование как эффективный метод управления. // Российское предпринимательство. — 2015.
7. Черкасов В.В., Концепция производственного управления персоналом// Российское предпринимательство. — 2015.
8. HR-Сообщество и публикации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hr-portal.com.ru> (29.05.2021 г.)
9. KADROVIK.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru> (29.05.2021 г.)
10. Head Hunter [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.hh.ru (29.05.2021 г.)

© Кузьмичёва Алла Александровна (allamai@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2021.07.23

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ КИТАЯ¹

Ли На

Старший преподаватель, Хэйхэский университет
1060396560@qq.comRESEARCH ON THE LEGALIZATION
OF THE CHINESE BUSINESS
ENVIRONMENT

Li Na

Summary. This article discusses the issue of legalizing the business environment in China. Measures to optimize the business environment are proposed. The normative legal regulation of the business environment is considered. The conclusions are made that: the essence of the business environment is the environment of the market economy, and the market economy is the economy of the rule of law. For its further development, it is necessary to actively apply the reform of «delegation, control and maintenance».

Keywords: business environment, legalization, reform, economy, market entity, protection.

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос легализации деловой среды Китая. Предложены меры по оптимизации деловой среды. Рассмотрено нормативное правовое регулирование деловой среды. Сделаны выводы о том, что: сущность деловой среды — это среда рыночной экономики, а рыночная экономика — это экономика верховенства закона. Для ее дальнейшего развития необходимо активно применять реформу «делегирования, контроля и обслуживания».

Ключевые слова: деловая среда, легализация, реформа, экономика, субъект рынка, защита.

Деловая среда — это, по сути, рыночная среда и правовая среда, а легализованная рыночная среда — лучшая деловая среда. Легализация деловой среды Китая — это не только начало, но и дальнейшая оптимизация легализации деловой среды после реформы и открытия более 40 лет назад. Легализация деловой среды не должна пониматься просто как разработка и реализация специального закона о деловой среде, но должна использоваться как правовая система рыночной экономики, правоохранительная система и судебная система для координации и взаимодействия, а также совместного создания подходящие инвестиции и развитие бизнеса и рыночных сделок реальная социальная среда. Фактически, сама деловая среда не является особым типом социальных отношений, и ее нельзя использовать в качестве объекта корректировки для создания отраслевых законов. В связи с чем, по нашему мнению, «Положение об оптимизации деловой среды», обнародованное Госсоветом 22 октября 2019 года, по своей сути является рекламным законом.

Его цель — упростить административные правоохранительные процедуры и повысить эффективность правоохранительной деятельности за счет оптимизации

и корректировки правовых норм коммерческих отношений или создание новых норм коммерческого права, тем самым способствуя оптимизации деловой среды. Большое значение этой административной законодательной инициативы заключается в систематизации и стандартизации многих эффективных политик и опытов различных регионов и ведомств, направленных на оптимизацию деловой среды в последние годы, и в обновлении их до централизованных деклараций законов и постановлений, тем самым повышая их авторитет, своевременность и юридическую силу. Он демонстрирует решимость центрального правительства оптимизировать деловую среду и значительно повысить осведомленность правительств на всех уровнях и всех секторах общества об оптимизации деловой среды, создании сильной атмосферы для всего общества, чтобы навсегда стабилизировать ожидания и уверенность участников рынка. Однако мы должны понимать, что его роль является косвенной. Чтобы напрямую оптимизировать деловую среду, нам по-прежнему необходимо полагаться на справедливое и эффективное применение законов коммерческого права и законодательства о конкуренции, которые соответствуют законам рынка и характеристикам бизнеса. А поскольку время для внедрения рыночной экономики и постро-

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов провинции Хэйлунцзян 2020 г. на тему «Исследование построения легализации деловой среды в провинции Хэйлунцзян» Проект: 2020-KYYWF-0877

ения верховенства закона в Китае осталось недолго, он все еще находится на начальной стадии социализма и переходного периода. Существуют смещения, офсайды и неадекватность государственных функций, низкая административная эффективность, несправедливое правоприменение, а также фаворитизм. Такие явления привели к тому, что частные предприниматели не верят в стабильность и защитные функции существующей правовой системы рыночной экономики. Именно потому, что у Китая есть особые проблемы, которые необходимо решить, которых нет в других экономиках, это определяет, что подход Китая к оптимизации деловой среды будет полностью отличаться от других экономик.

Идея маркетизации и верховенства закона в деловой среде Китая должна заключаться в следующем: неуклонно расширять рыночную экономику, ускорять темпы верховенства закона, сравнивать международные стандарты и выявлять трудности и блокирующие проблемы, которые препятствуют маркетизации и верховенству закона [1. С. 112]. Это необходимо для того, чтобы разрешить основные противоречия в качестве отправной точки, усилить соответствующие меры реформирования, устранить все препятствия и способствовать общей оптимизации деловой среды.

В связи с чем необходимо:

1. Усилить равную правовую защиту участников рынка

Равная защита закона для субъектов рынка является основой функционирования системы рыночной экономики. Законодательство должно не только предусматривать или обеспечивать равную защиту личности и собственности субъектов рынка, но и строго соблюдать закон, чтобы преобразовать его в реальный общественный порядок, чтобы субъекты рынка могли действительно чувствовать безопасность деловой среды. В период плановой экономики китайские законы и соответствующая политика применяли дифференцированный режим, основанный на характере прав собственности, и формировали структуру прав собственности, в которой упор делался на государство, недооценивался коллектив, ограничивались отдельные лица, исключалась частная экономика.

Эта неравноправная правовая система привела к неравному правовому статусу государственных предприятий, коллективных предприятий, частных предприятий и индивидуальных предпринимателей (физических лиц). Права частной собственности подвергаются дискриминации и не имеют правовой защиты. После реформы и открытости законодательная реформа Китая направлена на постепенное признание правового

статуса отдельной экономики и частной экономики, защиту прав частной собственности и, в конечном итоге, на обеспечение равной защиты субъектов рынка.

После многих лет юридического строительства Китая сформировал относительно законченную правовую систему социалистической рыночной экономики. «Гражданский кодекс» признает, что физические, юридические лица и некорпоративные организации имеют статус независимых субъектов рынка и в равной степени защищают свои законные права и интересы [6. С. 64–68]. Третий абзац статьи 206 Прав собственности гласит: «Государство реализует социалистическую рыночную экономику и гарантирует равный правовой статус и права развития всех субъектов рынка». Статья 207 гласит: «Права собственности государства, коллективов и отдельных лиц, а также права собственности других правообладателей в равной степени защищены законом, и никакая организация или физическое лицо не может их нарушать». Статья 3 Закона о контрактах гласит: «Стороны контракта имеют равный правовой статус, и одна сторона не может навязывать свою волю другой стороне». Адекватная правовая защита юридических прав и интересов субъектов рынка, таких, как физические лица и собственность, является предпосылкой и основой для чувства безопасности в их производственной, операционной и торговой деятельности. Безопасность — одна из ценностных целей, которую преследуют все законы. Безопасность как юридическая ценность включает «статическую безопасность» и «безопасность транзакций». Первый защищает имущественные интересы субъектов рынка от незаконного нарушения или лишения, и в основном полагается на закон о собственности и другие законы о собственности для подтверждения права собственности и предоставления исключительных юридических последствий; последний защищает ожидаемые интересы субъектов рынка в отношении реализовываться в соответствии с законом, «Договорным правом» [5. С. 37–40], «Законом о торгах», «Законом об аукционах» и другими задачами, связанными с законодательством о рыночных сделках [3. С. 51–55].

Полагаем, что для того, чтобы оптимизировать деловую среду, мы должны придерживаться концепции «права собственности в общественной экономике неприкосновенны, права собственности негосударственной экономики в равной степени неприкосновенны», с принципом справедливости в качестве ядра, укрепляя защиту прав собственности различных хозяйственных организаций и физических лиц, а также четкие правовые положения, которые нарушают справедливость, поддерживать динамическую согласованность правоохранительных органов и правосудия. Все это, для того, чтобы равные права, предусмотренные законом, могли

быть преобразованы в фактические права, которыми пользуются субъекты рынка.

В судебной практике необходимо строго различать гражданские споры и уголовные преступления. В случае общих гражданских споров при отсутствии веских и достаточных доказательств того, что они составляют преступление, они не рассматриваются как уголовное дело. Решительно не допускать использования преступных средств для вмешательства в экономические споры. Соблюдать принцип установленных законом преступлений и наказаний и строго соблюдать конституционные требования о незаконных деловых преступлениях и преступлениях с мошенничеством по контракту, чтобы предотвратить произвольное расширение приложения. Необходимо строго различать личную собственность предпринимателя и собственность юридического лица, законную собственность предпринимателя и незаконный доход; при рассмотрении корпоративных преступлений не должно затрагиваться законное имущество предпринимателя и имущество членов его семьи. Если нет достаточных доказательств того, что это незаконный доход, судебное решение не выносится или выплаченная компенсация должна быть возвращена. В настоящее время Китай должен усилить равную защиту личных и имущественных прав участников рынка, чтобы создать безопасную деловую среду и способствовать устойчивому экономическому развитию и процветанию.

2. Содействовать развитию правовой системы рыночного кредитования

В настоящее время кредитная правовая система Китая начала формироваться, и цель построения системы социального кредита в основном достигнута. Формируется эффективный круг кредитных механизмов, и кредитная среда значительно улучшилась и расширилась. Тем не менее, в формировании кредитной среды Китая все еще есть недостатки, которые необходимо срочно исправить.

В частности, во-первых, целесообразно задействовать в полной мере функцию регулирования кредита, предусмотренную законом о банкротстве. С одной стороны, Китаю следует усилить функцию ликвидации банкротства, чтобы устранить кредитные коллапсы компаний, и путем принятия таких мер, как переход к банкротству и слияние связанных компаний до банкротства, побуждать компании, которые не могут выплатить свои долги, которые обанкротились и не могут восстановить свою кредитоспособность, чтобы уйти с рынка в соответствии с законом. Улучшение системы реорганизации и согласования банкротств, повышение ее работоспособности и содействие возрождению цен-

ных и проблемных предприятий посредством процедур реорганизации или согласования для восстановления кредита. С другой стороны, необходимо ускорить принятие законодательства о банкротстве физических лиц, чтобы обеспечить правовую основу для наказания физических лиц за нечестное поведение.

Во-вторых, как можно скорее разработать Закон о коммерческой кредитной информации, чтобы регулировать сбор, гласность, оценку, использование и надзор за коммерческой кредитной информацией. Коммерческая кредитная информация — это внешнее проявление, которое может отражать, идентифицировать и оценивать способность и желание коммерческих организаций выполнять контракты. Коммерческий кредит и информация — это отношения между объективным содержанием и внешними проявлениями. В настоящее время в основном подготовлено соответствующее предметное право, право собственности и право сделок, которые скорректированы для создания и поддержания коммерческого кредита и компенсации убытков по коммерческому кредиту, но отсутствует единое национальное законодательство о коммерческой кредитной информации. Существующие законы и правила, касающиеся коммерческой кредитной информации, не только содержат мало спецификаций и не сильны в плане стандартизации, но также непоследовательны или даже сбивают с толку с точки зрения объектов корректировки, сферы применения, прав, обязанностей, ответственных субъектов и надзорных функций. Следовательно, национальному законодательному органу необходимо разработать специальный закон о коммерческой кредитной информации, чтобы уменьшить или сузить асимметрию информации, снизить операционные расходы и риски и создать кредитоспособную, прозрачную и предсказуемую бизнес-среду. Наконец, усилить административные правоохранительные и судебные усилия по содействию формированию мягкого механизма корректировки кредитоспособности.

В настоящее время самая большая проблема в кредитном строительстве Китая заключается в том, что Китай еще не сформировал благоприятный механизм корректировки кредита, то есть отсутствует механизм корректировки честности и надежности, и те, у кого высокая кредитоспособность, должны получить больше торговых возможностей и быть в конкурентное преимущество; напротив, он не делает упор на честность и кредитоспособность. Те, у кого низкая кредитоспособность, уменьшат или потеряют торговые возможности и окажутся в невыгодном положении. Чтобы ускорить формирование эффективного механизма корректировки кредита, при котором надежные участники рынка получают выгоду, а нечестные будут наказаны, в различных сферах по всей стране начали внедрять

систему черного и красного списков. Объявление «черного списка» подвергает нечестных людей воздействию санкций и, соответственно, налагает на них дисциплинарные меры. Его сдерживающий эффект очень очевиден в изменении ситуации с низким социальным кредитом в нашей стране. Однако «черные списки», доступные всему миру, имеют непоследовательные стандарты для включения, и они также в разной степени ущемляют законные права и интересы сторон.

Чтобы усилить механизм кредитного вознаграждения и наказания, некоторые административные правила требуют, чтобы тем, кто поддерживает хорошую репутацию или установленными законом сроками, были предоставлены льготы и удобство при обработке административных разрешений, а также были созданы «зеленые каналы» и «принятие вакансий»; для крайне нечестных людей определенные квалификации дисквалифицируются или ограничиваются их гражданские права. Например, крайне нечестным организациям, которые имеют возможность выполнять долги, но отказываются выполнять свои обязательства, запрещается покидать страну и ограничивается покупка недвижимости, использование самолетов, использование высококачественных поездов и мест, поездки в отпуск и переезд.

Однако преференциальные льготы и удобства, предоставляемые честной типичной административной проверке и утверждению, должны быть прямо оговорены в Законе об административном лицензировании или в соответствующем специальном законе о лицензионных проектах, в противном случае это неизбежно приведет к нарушению принципа администрирования в соответствии с законом и равного обращения. В дополнение к применению закона и постановлений о недобросовестном действии для расследования юридической ответственности недобросовестного лица, в случае крайне нечестного лица, которое не было объявлено банкротом в результате банкротства, добавление административных ограничений для лишения или ограничения его прав противоречит духу верховенства закона и является проявлением государственной власти, превышающей ее полномочия и посягающей на частные права. Следовательно, при построении коммерческого кредита правовая основа для вознаграждения и наказания за увязку должна быть тщательно определена в соответствии с принципом законности и соразмерности, чтобы обуздать тенденцию правительства расширять государственную власть и нарушать частные права. Акцент должен быть сделан на полномасштабное использование юридических вознаграждений и наказаний, а также рыночных вознаграждений и наказаний. Административные вознаграждения за кредитоспособные модели должны быть

защищены от одобрения правительством мер повышения кредитного качества для отдельных субъектов рынка; административные наказания недобросовестных лиц должны ограничиваться отдельными делами правоохранительных органов. Кроме того, не следует добавлять меры административного пресечения, чтобы заставить другие субъекты рынка отказываться иметь дело с недобросовестными лицами.

Хороший коммерческий кредит — неотъемлемое требование для оптимизации деловой среды. В будущем Китаю следует оптимизировать бизнес-среду на основе кредитного механизма, который способствует формированию благоприятного круга, совершенствовать законы и постановления о кредитных вознаграждениях и наказаниях, создавать и улучшать единую национальную платформу раскрытия коммерческой кредитной информации, повышать прозрачность рынка и задействовать в полной мере механизм регулирования кредитного рынка, укрепить правоохранительную и судебную власть и реализовать функцию закона по восхвалению надежных и наказанию нечестных.

3. Повышение юридической эффективности

Эффективность, к которой стремится деловая среда, не заключается в эффективности создания и реализации закона как такового, а в основном сосредоточена на том, как максимизировать эффективность распределения социальных ресурсов в законодательстве, правосудии, правоохранительной и законопослушной деятельности, чтобы субъекты рынка может удобнее заниматься производством и производством операционная и торговая деятельность [4. С. 35–39]. Построение верховенства закона в Китае раньше подчеркивало соблюдение и подчинение субъектами рынка нормам и ограничениям закона, то есть тому, как субъекты рынка приспособляются к внешней правовой среде. Однако оптимизация деловой среды требует от правительства изменения своих концепций и функций, активного предоставления высококачественных общественных продуктов в соответствии с верховенством закона, обслуживания субъектов рынка и создания легализованной деловой среды, подходящей для выживания и развития субъектов рынка. Самое главное — повысить эффективность государственного управления в соответствии с законом и решить проблемы низкой общей эффективности государственных услуг, сложности, медлительности и громоздких задач. С этой целью реализация мер по реформе «децентрализации, управления и обслуживания» с точки зрения повышения уровня обслуживания и эффективности соответствующих отделов способствовала стандартизации административных услуг и продвигала инновационные меры

обслуживания, такие как немедленное, онлайн, поблизости, и разовые услуги, и достигли значительных результатов.

Китай, как всегда, должен продвигать реформу упрощения обслуживания в ключевых областях и еще больше повышать удобство ведения бизнеса. В будущем усилия Китая по повышению эффективности административного правоприменения и обеспечению удобства деловой среды должны быть:

Во-первых, дальнейшее сокращение отрицательного списка доступа к рынку, принятие «запрета и доступа» в качестве основного принципа, расширение объема рыночного распределения ресурсов, минимизация прямого распределения ресурсов государством и обеспечение максимальной эффективности рынка. Форма распределения ресурсов в полной мере проявить свою роль; внедрить «разделение лицензий и лицензий» для вопросов, связанных с бизнес-лицензиями, упростить процедуры и связи, ускорить реализацию однополосных операций и удаленных операций, внедрить «прием в одном окне», сокращенный лицензии и удобство, а также разовые или ограниченные сроки расчетов» меры по ускорению доступа к рынку и оптимизации государственных услуг для облегчения инвестиций и развития бизнеса.

Во-вторых, создать и улучшить межведомственные и межрегиональные механизмы связи и реагирования административных правоохранительных органов, а также внедрить комплексные механизмы административного правоприменения в смежных областях для сокращения количества субъектов правоохранительных органов, уровней правоохранительных органов и частоты проверок правоохранительных органов.

В-третьих, инновационные методы надзора. За исключением специальных отраслей и ключевых областей, непосредственно связанных с общественной безопасностью, жизнью и здоровьем людей, обычно применяется метод надзора «двойной случайный и один открытый», реализация «Интернет + надзор», а также всеобъемлющий и осмотрительный надзор за возникающими отрасли реализуются.

В-четвертых, регулировать осуществление административных правоохранительных органов дискреционных полномочий, разумно определять объем, тип и диапазон дискреционных полномочий и разумно применять административные принудительные меры в соответствии с законом, чтобы минимизировать влияние административных правоохранительных органов на нормальную хозяйственную деятельность субъектов рынка [2. С. 135–139].

В-пятых, дальнейшее снижение налоговой нагрузки на субъектов рынка, снижение их операционных расходов и повышение их конкурентоспособности.

4. Упорядочение отношений между государственным и частным секторами и преобразование функций правительства

Сегодня, чтобы еще больше улучшить порядок справедливой и эффективной рыночной конкуренции и оптимизировать бизнес-среду, Китай углубит реформу «делегирования, регулирования и обслуживания» в будущем, и основное внимание будет уделяться созданию «нового, ориентированного на чистоту» политико-деловые отношения должны быть:

Во-первых, продолжать сокращать и децентрализовать административные проверки и утверждения, полностью внедрять систему отрицательных списков доступа к рынкам, продвигать реформу «разделения лицензий и лицензий» по всей стране, расширять сферу регулирования рынка и степень маркетизации, а также полностью раскрыть решающую роль рынка в распределении ресурсов.

Во-вторых, прояснить позицию верховенства закона, ограниченного и ориентированного на услуги правительства, трансформировать его функции и создать рыночную среду для честной конкуренции для участников рынка. Правительству не разрешается заниматься коммерческой деятельностью. Участие в торговой деятельности должно отвечать потребностям его собственных государственных операций. Вмешательство в экономическую деятельность должно быть основано на необходимости и целесообразности и должно быть ограничено теми областями, где рынок терпит неудачу. Все усилия необходимо сделать так, чтобы правительство не могло одновременно быть участником и участником рыночной торговой деятельности. Правительству следует активно культивировать и развивать рыночную систему, создавать условия для производства и функционирования рыночных субъектов, предоставлять высококачественные общественные услуги, пресекать недобросовестную конкуренцию, противостоять административным и экономическим монополиям, снижать издержки и бремя расходов субъектов рынка и увеличить объем операций, упростить процедуры и оптимизировать деловую среду.

В-третьих, обновление концепций регулирования и методов регулирования. Перед лицом экономического поведения, которое сопряжено с потенциальными рисками или может иметь неблагоприятные послед-

ствия, традиционная концепция регулирования моей страны заключается в устранении и предотвращении рисков путем запрещения или ограничения доступа к рынкам, что препятствует экономическому развитию и инновациям. Однако цель закона состоит не в том, чтобы запретить или ограничить свободу, а в том, чтобы защитить и расширить свободу и направить свободного и умного человека к достижению максимума своих законных интересов. В связи с этим правительство должно изменить концепцию регулирования законодательства, ослабить или отказаться от регулирования доступа на рынок и попытаться контролировать и снижать риски во время осуществления экономической деятельности. В частности, правительство должно изменить предыдущий метод надзора, который был сосредоточен исключительно на предварительном утверждении. За исключением нескольких пунктов, требующих предварительного административного одобрения, большинство мер по надзору за рынком должны предусматривать надзор в середине и после мероприятия, чтобы максимизировать продвижение массового предпринимательства и инноваций обеспечение стабильного экономического роста.

5. Согласование и унификация законодательства, правоприменения и правосудия

Плодотворная законодательная работа в течение более чем 40 лет реформ и открытости в Китае сформировала законченную правовую систему социалистической рыночной экономики и завершила составление «Гражданского кодекса», положив конец широкомасштабной законодательной деятельности в области гражданского и коммерческого право, а также гражданское и коммерческое право войдут в стабильное развитие. Гражданское и торговое право вступит в новую эру стабильного развития, закладывая предсказуемую основу для коммерческой деятельности.

В будущем предсказуемое внимание Китая к оптимизации деловой среды посредством верховенства закона должно быть сосредоточено на следующих аспектах:

Во-первых, на основе Гражданского кодекса, дальнейшее совершенствование индивидуальных коммерческих законов и повышение законодательного качества отдельных коммерческих законов. Обратите внимание на повышение конкретности, ясности и точности правовых норм, а также на повышение их работоспособности и предсказуемости.

Во-вторых, обеспечить научность и последовательность выполнения законов и политики. Внедрение но-

вых законов и политик должно предусматривать необходимый период корректировки для субъектов рынка на основе фактических условий, разумно улавливать темпы внедрения, оценивать влияние политик, составлять общие планы и координировать свои действия, чтобы новые и старые законы и политики могут быть плавно связаны, а изменения в законах и политике должны избегать социальных и экономических колебаний рыночных субъектов. Нормальная производственная и операционная деятельность вызывает неблагоприятные последствия. В-третьих, правительство должно серьезно взять на себя важную ответственность по предоставлению публичных информационных услуг для участников рынка, как это предусмотрено в «Положениях по оптимизации деловой среды».

В-третьих, правительство должно серьезно взять на себя важную ответственность по предоставлению публичных информационных услуг для участников рынка, как это предусмотрено в «Положениях по оптимизации деловой среды». 9 января 2020 года Государственная администрация по регулированию рынка официально запустила «Сеть административных штрафных документов по регулированию рынка Китая», что стало еще одним шагом вперед в сборе, гласности и предоставлении услуг публичной информации.

В-четвертых, содействие надлежащему применению законов правоохранительными и судебными органами в соответствии с научно обоснованными юридическими методами в целях повышения предсказуемости рассмотрения дел.

Эффективные и справедливые правоохранительные органы и правосудие, беспрепятственные средства правовой защиты, укрепление доверия к правоохранительным органам и правосудию, а также создание предсказуемой деловой среды в условиях верховенства закона — вот задачи, которые Китай должен выполнять в условиях нынешнего верховенства закона. Заявители закона должны придерживаться принципов беспристрастного правоприменения и судебного решения в соответствии с законом, а также сознательно и последовательно следовать конкретному и систематическому методу применения закона. Дискреционные полномочия судей должны регулироваться и ограничиваться. Там, где закон может быть истолкован и применен, аналогия не должна использоваться; везде, где закон может применяться по аналогии, не должны создаваться новые правовые нормы. Стабильность закона до тех пор, пока не будет изменений в динамическом процессе реализации, законодательство и применение закона находятся в гармонии и единстве, а разумные ожидания субъектов рынка в отношении прогнозирования исхода дела будут гарантированы.

Общий подход Китая к оптимизации деловой среды должен заключаться в сопоставлении с международными стандартами, в соответствии с продвинутым уровнем и в сосредоточении внимания на углублении рыночных реформ и реформ в области верховенства закона. На глобализированном и интегрированном международном рынке, если Китай хочет получить конкурентное преимущество, он должен создать деловую среду мирового класса.

Выводы

Сущность деловой среды — это среда рыночной экономики, а рыночная экономика — это экономика верховенства закона. Основная проблема социалистической рыночной экономики в нынешний переходный период Китая заключается в том, что степень рыночности и верховенства закона недостаточна, решающая роль рыночного распределения ресурсов не была максимизирована, и это не смогло стимулировать рыночные субъекты к полностью укрепить и высвободить свою жизненную силу.

С этой целью необходимо увеличить интенсивность реформы «делегирующая, контроля и обслуживания». Правительство должно отказаться от определенных проектов экономического утверждения, выйти из-под

контроля определенных экономических областей, ограничить соответствующее административное вмешательство определенными областями или вопросы, и менеджмент должен быть макроуправлением и косвенным регулированием, чтобы максимизировать масштабы и роль рыночного регулирования.

Закон должен также четко определять и в равной степени защищать права собственности субъектов рынка, устранять нормы, которые влияют на равную защиту субъектов рынка и их конфликт с рыночной экономикой, создавать правила свободной и справедливой торговли для рыночных операций, ограничивать ненадлежащее административное вмешательство и запрещать недобросовестную конкуренцию, выступать против монополии, способствовать автономии субъектов рынка и развивать справедливую и упорядоченную конкуренцию. Повышение уровня правового администрирования и справедливого правосудия, предоставление эффективных средств правовой защиты тем, кто был нарушен их законные права и интересы по нескольким каналам, и те, кто нарушил доверие, должны быть наказаны в соответствии с законом в соответствии с обстоятельствами об их преступлениях. Следует решительно положить конец такому явлению, что закон не может регулировать и обеспечить достаточные предпосылки и надежную правовую защиту для оптимизации деловой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов П.В. Ведение бизнеса в Китае: правовые аспекты. Выпуск 1. Обзор правовой среды для бизнеса: кн. для юристов, сопровождающих бизнес. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 212 с.
2. Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // *Lex russica*. 2020. N3. С. 135–139.
3. Кобец П.Н. Становление и развитие местных органов государственного управления Китайской Народной Республики // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. N11. С. 51–55.
4. Лу Сэньтун. Процесс становления института демократического централизма в Китае // *Международное публичное и частное право*. 2020. N5. С. 35–39.
5. Прокопович Г.А. Особенности заключения договоров с китайскими партнерами в ракурсе правовой культуры Китая // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2018. N3. С. 37–40.
6. Шаосюе Ц. Административно-правовая защита персональных данных в Китае: проблемы и пути решения // *Административное право и процесс*. 2020. N12. С. 64–68.

© Ли На (1060396560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ И РЫНОК ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В 2021 ГОДУ

THE NEW KEY RATE VALUE AND THE MORTGAGE MARKET IN 2021

E. Metreveli

Summary. The article examines the main aspects that are predicted by experts in the field of mortgage lending, which can be expected as a result of the rise in the key rate. Analysts note that mortgage rates themselves are not expected to rise. However, the associated costs can increase significantly. Also, concessional lending programs are ending. This will generally have a negative impact on the mortgage market, which is expected to shrink in the very near future.

Keywords: key rate, mortgage market, credit, Central Bank, commercial real estate.

Метревели Елизавета Георгиевна

Аспирант, Преподаватель, МПЭК РЭУ

им. Г.В. Плеханова

metrevelieg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты, которые прогнозируются экспертами в области ипотечного кредитования, которые можно ожидать в результате состоявшегося подъема ключевой ставки. Аналитиками отмечается, что не ожидается роста самих ипотечных ставок. Однако сопряженные с этим расходы могут возрасти существенно. Также заканчивают свое действие льготные программы кредитования. Это, в целом, окажет негативное воздействие на рынок ипотечного кредитования, который, как ожидается, сузится в самое ближайшее время.

Ключевые слова: ключевая ставка, рынок ипотечного кредитования, кредит, Центробанк, коммерческая недвижимость.

Хотя ограничения, связанные с необходимостью сдерживания COVID-19, эффективны в борьбе с распространением болезни, они происходили одновременно на фоне глобального экономического кризиса, несмотря на широкий спектр предпринимаемых правительствами мер экономической поддержки. Как и многие отрасли, рынки недвижимости, включая жилую и коммерческую недвижимость, а также ипотечные рынки сталкиваются с беспрецедентными проблемами [1].

Количество продаж коммерческой и жилой недвижимости резко сократилось во всем мире, возросла безработица в тех областях, которые были связаны с необходимостью непосредственного общения людей. Люди не смогли закрывать ипотечные кредиты и бросали свои квартиры в мегаполисах, а домохозяйства и в настоящее время продолжают сталкиваться с трудностями при выплате ипотечных кредитов.

Следовательно, экономисты и отраслевые эксперты заинтересованы в лучшем понимании воздействия ключевой ставки в сложившейся ситуации, осложняющейся пролонгацией воздействия пандемии на рынок недвижимости, а также на ипотечные рынки, и в использовании этих выводов для прогнозирования экономических последствий повышения ключевой ставки до 5 и более% в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Эти выводы особенно ценны в 2021 г., так как после улучшения показателей по пандемии может возникнуть

новая волна. Тогда высокая ключевая ставка окажет крайне негативное воздействие на неуспешный опра- виться от потрясений рынок ипотечного кредитования.

Изменения ставок по ипотеке являются важным фак- тором при принятии решения о покупке домов или ре- финансировании существующих ипотечных кредитов. Это заставляет задуматься о детерминантах, обуслов- ливающих рост или падение ставок по ипотеке. Суще- ствует несколько факторов, которые влияют на ставки по ипотеке. В целом, рост экономики приводит к более высоким ставкам по ипотечным кредитам, в то время как замедление роста экономики приводит к более низ- ким ставкам по ипотечным кредитам. Центробанк уста- навливает более высокую ключевую ставку, которая ча- сто коррелирует с более высокими ставками по ипотеке для покупателей жилья.

Экспертами высказывается мнение, что принятое ре- шение Центробанком России по повышению ключевой ставки незначительно повлияет на ставки по ипотечно- му кредитованию. В то же время, указывается, что с вы- сокой степенью вероятности возрастут расходы, кото- рые возникают при оформлении ипотеки, а также иных банковских продуктов.

В апреле состоялось повышение Центробанком России ключевой ставки на 0,5 п.п. до 5%. Следует от- метить, что данный шаг входил в число малоожидаемых действий и, по мнению большинства экспертов, и будет

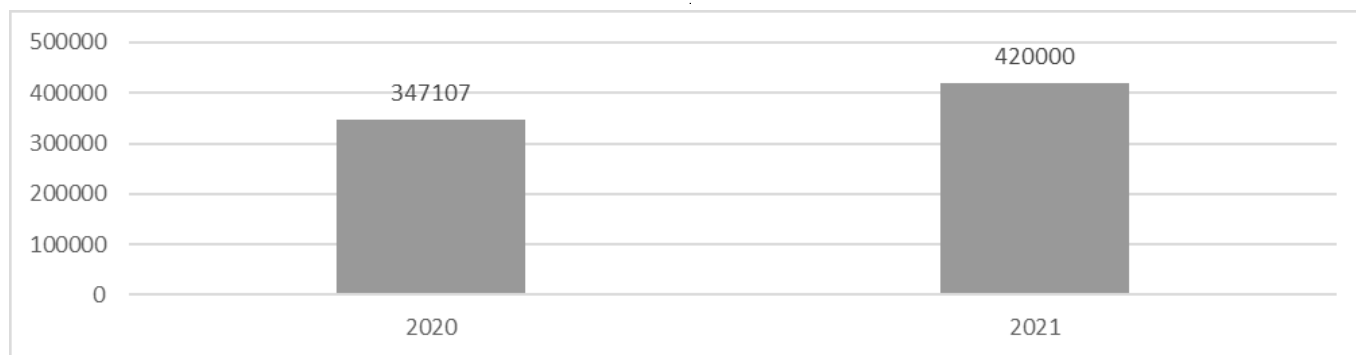

Рис. 1. Соотношение числа ипотечных кредитов в 2020 и 2021 гг. [5]

рассматриваться как непопулярная мера кредитно-денежной политики, за которую Центробанк России будет критиковаться многими специалистами и самим населением страны, на которое будут возложены основные тяготы по реализации данного решения. Непопулярность принятого решения усиливается в связи с тем, что месяцем ранее уже состоялось увеличение ставки на 0,25 п.п [2].

Также регулятор прогнозирует, что значение ключевой ставки в этом году будет колебаться в пределах 4,8–5,4%.

И вот в момент написания данной статьи происходит новое решение Совета директоров Банка России от 11 июня 2021 года по очередному повышению ключевой ставки на 50 б.п., до 5,50% годовых [3], что объясняется возрастающими показателями инфляции. Предыдущее обращение к столь жестким мерам ДКП вызвало недоумение даже у опытных прогнозных аналитиков, включая Bloomberg, представлявший консенсус-прогноз в виде увеличения на 0,25 п.п. Несмотря на уверенность, что увеличение ставки практически не отразится на рынке ипотечного кредитования, следует признать, что это спорное утверждение, которое, исходя из анализа предыдущих схожих ситуаций, имеет следствие всегда сужение данного сегмента [4].

Принятые меры, как показывает незначительный временной отрезок, пока еще незначительно повлияли на значения ипотечных ставок. На это указывает проведенный «РБК-недвижимостью» опрос. Так, Райффайзенбанк снизил ставку по льготным программам: на новостройки на 0,2 п.п., до 5,69%, для семей с детьми — на 0,4 п.п., до 4,59%.

Инвестиционная составляющая покупки жилья в настоящее время исчерпана. Преимущественное число клиентов, приобретающих жилье из-за снижения ставок по депозитам, уже закрыло сделки. Цикл быстрого

подорожания жилья исчерпан, и покупка новостроек в настоящее время не рассматривается как инвестиции, с учетом относительно невысоких арендных ставок. В настоящее время, как считается, рост ключевой ставки не отразился на рынке жилья. На рынок первичного жилья распространяется льготная ипотека. Ставка по ней является фиксированной и субсидируемой на государственном уровне. Таким образом, момент окончания данной программы, действующей до 1 июля 2021 г., или предполагаемое ограничение ее географии (Центробанк предлагает ограничить программу 24 регионами) окажет на ипотечный рынок большее влияние, чем рост ключевой ставки.

В преддверии завершения программы, по аналогии с ситуацией в 2018–2019 гг., может произойти всплеск спроса из-за покупателей, стремящихся зафиксировать низкие ипотечные ставки. Очевидно, наиболее вероятный сценарий продления госипотеки — ее трансформация в целевое субсидирование отдельных регионов или даже локаций. С одной стороны, это позволит рынку прийти к более сбалансированному состоянию. С другой, дает государству эффективный инструмент стимулирования конкретных местных рынков.

В годовом выражении ипотека пока растет: по данным Frank RG в первом квартале выдано почти 420 тыс. ипотечных кредитов на первичное и вторичное жилье, что на 21% выше по сравнению с 2020 г. Общая сумма достигла 1,17 трлн. руб., что на 40% выше, чем годом ранее.

До конца года, с учетом возможного роста ключевой ставки, ставки по ипотеке на новостройки могут колебаться в пределах 7,5–8,5%, а на «вторичку» подняться до 9–10%. Если будет увеличиваться ипотечная ставка, то возрастет ежемесячный платеж. В результате произойдет снижение спроса и цен на жилье. Согласно данным, повышение ставки на 1 п.п. приводит к увеличению ежемесячного платежа на 8%.

Прогнозируется, что по мере того, как экономические перспективы улучшаются благодаря прогрессу в борьбе с коронавирусом и изобретению вакцин, а также различным предпринятым мерам со стороны правительств большинства стран по сдерживанию экономической рецессии, повышаются ожидания экономического роста, что приводит к повышению ключевой ставки.

Ставки по ипотечным кредитам в настоящее время сохраняются на существующем уровне. Ряд банков даже предпринимает шаги по удержанию клиентов и привлечению новых в виде понижения ставок. Большая часть экономического восстановления всего мира — это постепенное возвращение людей к работе, которая будет, в значительной степени, зависеть от доступности вакцины от коронавируса. Ряд экспертов придерживается мнения, что ставки по ипотечным кредитам целесообразно поднимать, поскольку многие экономики уже вступили в стадии восстановления работоспособности экономики.

Но ставки по ипотеке могут оставаться низкими, если появятся неожиданные негативные новости, касающиеся COVID-19 или задержками с распространением вакцины. И то, что происходит с фондовым рынком, также может повлиять на ставки. Когда именно ставки начнут расти и насколько они вырастут, зависит от нескольких факторов. Главное, на что следует обратить внимание — это то, как происходит борьба с пандемией и ее воздействием на экономику. Но другие факторы, такие как инфляция, также будут влиять на ставки по ипотечным кредитам. То, что может показаться небольшим увеличением ставок, может иметь большое влияние на прибыль.

В мире уже наблюдается рост ставок примерно на 0,5% с начала 2021 г. Так, например, в США для 30-лет-

него жилищного кредита на сумму 300 000 долларов этот рост увеличил ежемесячный платеж по этому типу кредита на 81 доллар. Согласно ипотечному калькулятору NextAdvisor, в течение срока действия аналогичной ссуды эти дополнительные 0,5% будут стоить более 28000 долларов США в виде дополнительных процентов.

Основываясь на том, насколько низкими были процентные ставки в 2020 году, ряд экспертов придерживается мнения, что произойдет рост средней процентной ставки по ипотеке в 2021 году. Кризис COVID-19 был дефляционным событием, из-за которого ставки по ипотечным кредитам были ниже, чем они традиционно были бы при нормальной рецессии. Любое повышение ставок по ипотеке зависит от состояния экономики [6], и это зависит от того, как происходит улучшение экономики во время адаптации к пандемии.

Доход, а также финансовая помощь должны в определенной степени подстегнуть инфляцию, спрос должен вырасти, а рост экономик должен вернуться в нормальное русло. Медленный и устойчивый рост экономики будет основным драйвером более высоких ставок по ипотечным кредитам. Увеличение значения ключевой ставки, несомненно, окажет влияние на то, что после завершения льготной программы на новостройки ставки по кредитам, предоставляемым на приобретение жилья, увеличатся. Оценить влияние возросшей ключевой ставки на рынки недвижимости затруднительно.

Пандемии возникают экзогенно, и из-за уникальности возникшей ситуации доступность данных ограничена, в частности, из-за низкой частоты временных рядов по недвижимости. Кроме того, трудно изолировать влияние на рынок, поскольку на цены могут существенно влиять более крупные макроэкономические условия, которые окажут свое воздействие в отсроченном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. What causes mortgage rates to rise or fall? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.stemplending.com/mortgage-rate-changes/> (дата обращения 11.06.2021)
2. ЦБ повысил ключевую ставку до 5%. Насколько теперь подорожает ипотека? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/6082c4149a79471788b8751a> (дата обращения 11.06.2021)
3. Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 50 б.п. до 5,5% годовых? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cbr.ru/press/keupr/> (дата обращения 11.06.2021)
4. В 2021 году ипотечный рынок ждет сокращение? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://snews.ru/content/v-2021-godu-ipotechnyy-rynok-zhdet-sokrashchenie> (дата обращения 11.06.2021)
5. Число ипотечных кредитов на вторичном рынке в месяц [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://frankrg.com/datahub/category/mortgage/figure/29455> (дата обращения 11.06.2021).
6. Попцова В.А. Ипотечное кредитование в России // Политика, экономика и инновации. 2016. № 2. С. 45–46.

© Метревели Елизавета Георгиевна (metrevelieg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Овчинников Алексей Павлович

К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта (МИИТ)
alexovchinnikov@mail.ru

CRITERIA AND INDICATORS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF AN INNOVATIVE ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION (ON THE EXAMPLE OF MEDICAL INDUSTRY ENTERPRISES)

A. Ovchinnikov

Summary. The purpose of the study is to develop a system of criteria and performance indicators for an innovative medical industry enterprise operating in the context of import substitution. Among the objectives of the study: to clarify the priority sectors of import substitution, to determine the features of innovative activities of medical industry enterprises, to develop a system of criteria and indicators of the effectiveness of these enterprises. General and private scientific methods are used as research methods: analysis, comparison, and abstraction. The results obtained in the study—the proposed criteria and indicators of the effectiveness of an innovative medical industry enterprise operating in the context of import substitution—can be used both at the micro level (in the activities of such enterprises) and at the level of state management of innovative development of individual sectors of the economy in the context of import substitution. Conclusion: improving the management efficiency of innovative enterprises in the context of import substitution requires increased attention to all components of the mechanisms and management systems formed in such enterprises. The efficiency assessment allows us to answer the question about the economic effectiveness of resources aimed at innovative development.

Keywords: innovative enterprise, performance criteria, performance indicators, medical industry.

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке системы критериев и показателей эффективности инновационного предприятия медицинской промышленности, функционирующего в условиях импортозамещения. В числе задач исследования: уточнить приоритетные отрасли импортозамещения, определить особенности инновационной деятельности предприятий медицинской промышленности, разработать систему критериев и показателей эффективности функционирования данных предприятий. В качестве методов исследования используются обще- и частнонаучные методы: анализ, сравнение, абстракция. Полученные в исследовании результаты — предложенные критерии и показатели эффективности инновационного предприятия медицинской промышленности, функционирующего в условиях импортозамещения, — могут использоваться как на микроуровне (в деятельности таких предприятий), так и на уровне государственного управления инновационным развитием отдельных отраслей экономики в условиях импортозамещения. В качестве основного вывода исследования отмечается, что повышение эффективности управления инновационными предприятиями в условиях импортозамещения требует повышенного внимания ко всем составляющим формируемых в таких предприятиях механизмов и систем управления. Оценка эффективности позволяет дать ответ на вопрос о экономической результативности направленных на инновационное развитие ресурсов.

Ключевые слова: инновационное предприятие, критерии эффективности, показатели эффективности, медицинская промышленность.

Переход к политике импортозамещения требует последовательной реализации комплекса мер на всех уровнях экономического развития. В данных условиях требуется определение приоритетных отраслей экономики, реализующих задачи импортозамещения; определение приоритетных инвестиционных проектов или направлений государственной

поддержки предприятий в рамках политики импортозамещения; разработка государственных программ поддержки инновационных предприятий в условиях импортозамещения; выделение государством необходимого объема ресурсов для осуществления данной политики. На микроуровне формируются системы управления инновационными предприятиями, адапти-

Таблица 1. Комплекс критериев и показателей оценки эффективности предприятий медицинской промышленности в условиях осуществления

Критерии эффективности	Показатели эффективности
Эффективность инновационной деятельности	Группа показателей, характеризующих степень инновационности деятельности предприятия медицинской промышленности: коэффициент инновационности, коэффициент Тобина, сроки окупаемости исследований (индекс возврата инвестиций в научные исследования и разработки). Группа показателей, характеризующих научно-техническую результативность инновационной деятельности предприятия медицинской промышленности: количество инновационных идей, выдвинутых сотрудниками предприятия за период; количество зарегистрированных прав на объекты интеллектуальной собственности; количество публикаций; количество внедренных в производство инновационных технологий.
Эффективность основной деятельности (во взаимосвязи с долгосрочными государственными приоритетами развития медицинской промышленности)	Группа показателей, характеризующих вклад в реализацию государственной программы развития медицинской промышленности: количество созданных высокопроизводительных рабочих мест; индекс производительности труда; доля высокотехнологичной продукции в общем объеме выпускаемой продукции; доля наукоемкой продукции в общем объеме выпускаемой продукции; темпы прироста объема экспорта медицинских изделий. Группа показателей производственного эффекта от инновационной деятельности: экономия материальных ресурсов, экономия затрат, рост производительности труда, прирост объемов производства. Группа показателей, характеризующих влияние инновационной деятельности на финансовую эффективность предприятия медицинской промышленности: прирост выручки, прирост прибыли, прирост рентабельности, сокращение сроков окупаемости инвестиционных проектов.
Эффективность участия в стратегии импортозамещения	Изменение доли рынка предприятия в соответствующем нишевом сегменте продукции медицинского назначения Темпы прироста реализации инновационной продукции, участвующей в программе импортозамещения Темпы прироста экспорта продукции предприятия медицинской промышленности при условии осуществления им внешнеэкономической деятельности Доля рынка предприятия по направлениям экспорта продукции Уровень конкурентоспособности продукции (интегральный показатель, рассчитываемый на основе сравнительного анализа ряда частных показателей) предприятия медицинской промышленности Эффективность использования государственной поддержки на осуществление политики импортозамещения

Источник: разработано автором

рованные к задачам политике импортозамещения. Один из элементов таких систем на микроуровне — подсистема оценки эффективности.

Оценка эффективности субъектов экономической деятельности в целом и инновационных предприятий в частности во многом определяется отраслевой спецификой. К одной из приоритетных отраслей для осуществления политики импортозамещения органами государственной власти отнесена медицинская промышленность [8]. Вопрос формирования отдельных элементов управления инновационными предприятиями медицинской промышленности в условиях импортозамещения не остался без внимания исследователей [1,5,6,7]. В числе аспектов деятельности предприятий медицинской промышленности исследователями также рассматривался вопрос эффективности их функционирования [2–4].

Формирование критериев и показателей оценки эффективности предприятий медицинской промышленности в условиях осуществления стратегии импортозамещения требует учета следующих сторон решения данной научной задачи:

1. Требуется учитывать особенности функционирования инновационных предприятий. В данной части следует принимать во внимание процессный, многоэтапный, многосубъектный характер деятельности таких предприятий.
2. Следует учитывать отраслевую специфику функционирования предприятий медицинской промышленности. В том числе следует иметь ввиду характер выпускаемой продукции и удовлетворяемых данной продукцией потребностей, а также ряд других отраслевых особенностей. В данной части следует также принимать во внимание существующие го-

сударственные программы развития предприятий медицинской промышленности и разработанные в их рамках критерии и показатели эффективности.

3. Следует учитывать задачи осуществления политики импортозамещения. Полагаем, в условиях импортозамещения требуется решить следующие задачи: повысить конкурентоспособность внутренних производителей в сравнении с зарубежными поставщиками без ущерба для внутренних потребностей в продукции предприятий медицинской промышленности; укрепить конкурентоспособность отечественных производителей на внешних рынках; создать условия для минимального влияния конкурентных условий в случае «ослабления» существующего благоприятного режима импортозамещения для внутренних производителей.

С учетом перечисленных требований можно предложить следующий комплекс критериев и показате-

лей оценки эффективности предприятий медицинской промышленности в условиях осуществления (таблица).

Подводя итог следует отметить, что повышение эффективности управления инновационными предприятиями в условиях импортозамещения требует повышенного внимания ко всем составляющим формируемых в таких предприятиях механизмов и систем управления. Оценка эффективности позволяет дать ответ на вопрос о экономической результативности направленных на инновационное развитие ресурсов. Приведенный комплекс критериев и показателей, во-первых, не является исчерпывающим и может быть дополнен другими показателями в соответствии с конкретными управленческими потребностями. Во-вторых, из него при необходимости могут исключаться отдельные показатели в случае отсутствия у субъектов оценки соответствующих ресурсов для проведения масштабных исследований эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арестов А.А. Проблемы и перспективы импортозамещения в российской экономике на примере медицинской отрасли // *Universum: медицина и фармакология*. 2020. № 1 (65). С. 9–11.
2. Герцик Ю.Г., Герцик Г.Я. К вопросу разработки критериев эффективности и рекомендаций по формированию государственных программ развития медицинской промышленности РФ // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 2 (55). С. 128–133.
3. Герцик Ю.Г., Герцик Г.Я. Повышение эффективности производства в России инновационных медицинских изделий с учетом разработанной классификации предприятий медицинской промышленности // *Инновации*. 2014. № 11 (193). С. 64–73.
4. Герцик Ю.Г., Иванова Г.Е. Экономическая эффективность и критерии конкурентоспособности учреждений здравоохранения и предприятий медицинской промышленности РФ // *Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации*. 2014. № 6. С. 70–73.
5. Еменкова А.А., Демьянец А.В., Хачин С.В. Импортозамещение в отраслях экономики (на примере медицинской промышленности) // *Производственный менеджмент: теория, методология, практика*. 2016. № 6. С. 185–189.
6. Кудрявцева Т.Ю., Схведиани А.Е., Козлова Е.А. Коммерциализация инновационных диагностических приборов медицинского назначения в условиях реализации стратегии импортозамещения в России // *Глобальный научный потенциал*. 2016. № 9 (66). С. 44–51.
7. Новикова Е.В., Евсеев А.В., Попов Ю.С., Довлетли К.О. Развитие фармацевтической и медицинской промышленности в РФ после санкций ЕС и США // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2019. Т. 18. № 2. С. 209–215.
8. Чиновники определили приоритетные отрасли для импортозамещения. РБК. URL: [https://www.rbc.ru/economics/20/01/2015/54be941b9a79473ac2a44d29#:~:text=Приоритетные%20отрасли%20для%20импортозамещения.%20Оборудование, промышленность%2C%20судостроительное%20оборудование%20\(в%20части](https://www.rbc.ru/economics/20/01/2015/54be941b9a79473ac2a44d29#:~:text=Приоритетные%20отрасли%20для%20импортозамещения.%20Оборудование, промышленность%2C%20судостроительное%20оборудование%20(в%20части) (дата обращения: 19.05.2021).

© Овчинников Алексей Павлович (alexovchinnikov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ КОНТРОЛЛИНГОВОГО ЦЕНТРА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ISSUES OF CREATING A CONTROLLING CENTER OF A MUNICIPALITY

I. Pavlenkov

Summary. The article deals with the organizational and managerial issues of creating a controlling center of a municipality, as a basis for the development of organizational and methodological support for the coordination of the activities of a municipality based on the introduction of new methods and mechanisms. The organizational and management requirements, the technology of creation and the structure of the controlling center of the municipality have been developed.

Keywords: municipal formation, management, controlling, management functions, management structures.

Павленков Иван Михайлович

*К.э.н., ректор, Нижегородский институт развития образования
kaf-fin-df@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены организационно-управленческие вопросы создания контроллингового центра муниципального образования, как база развития организационно — методического обеспечения координации деятельности муниципального образования на основе внедрения новых методов и механизмов. Разработаны организационно-управленческие требования, технология создания и структура контроллингового центра муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальное образование, управление, контроллинг, функции управления, структур управления.

Введение

Муниципальная экономика в условиях развития рыночных отношений нуждается и в развитии рыночных институтов, в том числе и структур управления. Повышение роли планирования муниципальным образованием, необходимость усиления координации всех подразделений как внутри, так и с внешними организациями, обеспечение при этом достоверной и качественной информацией для оценки состояния и принятия эффективных решений на разных уровнях управления, должны основываться на внедрении новых механизмов анализа, планирования и оперативного регулирования, а для этого необходимо совершенствовать организацию управления муниципальным образованием [4,6,9,15].

Менеджмент структурных подразделений, исходя из своих функций, не может решить индивидуально изменять принципы управления муниципальным образованием, цели развития муниципального образования и функции, реализующие эти цели, решаемые задачи и механизмы управления деятельностью муниципального образования. Все это требует разработки новых подходов к взаимодействию подразделений в общей структуре управления муниципальным образованием и методических проработок координации взаимодействия с внешними организациями. В первую очередь

это относится к взаимодействию с органами власти верхнего уровня.

Для решения, возникающих проблем в управлении, разработке эффективных решений, использования ограниченных муниципальных ресурсов, внедрения современных программных систем и информационных технологий, широкого использования мониторинга планов социально — экономического развития, развития организационно — методического обеспечения и других проблем управления необходимо совершенствовать существующую систему управления.

Организационно-управленческие вопросы создания контроллингового центра

В целях повышения эффективности работы подразделений муниципального образования в целом необходимо создать «Контроллинговый центр», который для повышения его значимости в системе управления должен непосредственно быть подчинен главе муниципального образования (рисунок 1).

Контроллинговый центр муниципального образования создается как база развития организационно — методического обеспечения, а так же для внедрения новых методов и механизмов обоснования плановых решений на текущий и перспективные периоды. По-

Рис. 1. Контроллинг-центр муниципального образования

требность муниципального образования в использовании новых механизмов и инструментов диктуется изменяющимися факторами внешней среды, что требует от менеджмента принятия часто быстрых неординарных решений [1,2,5,10,13]. Для оценки и обеспечения принятия решений необходимо иметь достоверную информацию. Одним из эффективных инструментов контроллинга является мониторинг, с помощью которого проводится сбор информации:

- ◆ показателей внешней среды;
- ◆ оперативных показателей внутренней среды.

Для эффективного и оперативного решения муниципальных задач нужно:

- ◆ разработать информационную базу муниципального образования;
- ◆ разработать базу методов и моделей для решения задач муниципального образования;
- ◆ внедрить мониторинг функционирования муниципального образования;
- ◆ создать организационно — экономическую систему координации муниципального образования.

Для эффективного взаимодействия со специалистами муниципального образования контроллеры должны владеть дополнительными классическими компетенциями, которые определены в ICV&IGC как базисные [16]:

1. «Функция локомотива». Центр не ставит задачу получения дополнительной прибыли, а вот предложения по снижению затрат на решение муниципальных вопросов могут генерировать, устанавливая совместно с руководством показатели [1,11].

Функция эта реализуется в результате партнерства со специалистами муниципального образования, поэтому контроллинг является разработчиком и поставщиком методик, аналитической информации для руководства различного уровня муниципального образования. Следовательно, к традиционным компетенциям проявляется компетентность ценностно-ориентированного мышления, что способствует взаимодействию со специалистами при генерировании результатов [1,3,12,15].

2. «Функция согласования». Данная функция относится ко всему циклу управления: определение и согласование целей, показателей, планов, последовательности реализации, процессов выполнения учетно-контрольных функций и корректирующих мероприятий» [1,7,14,16].

Функционально контроллинг участвует в решении многих вопросов муниципального образования, таких как:

- ◆ обоснование целей развития муниципального образования;
- ◆ формирование планов развития муниципального образования;
- ◆ оценка отклонений достигнутых значений от установленных показателей.

Компетенции контроллеров дополняются за счет:

- ◆ базовых знаний системного анализа, основ теории иерархий, теории и практики математических методов;
- ◆ умения применять теоретические знания при разработке моделей социально — экономических систем различного уровня.

3. «Информационная функция. Контроллинг должен обеспечить предоставление информации и удовлетворение запроса в ней менеджеров» [1.8,12].

По различным каналам в контроллинговый центр поступает и обрабатывается значительный объем информации, а это возможно лишь на платформе информационных технологий. Другими словами, компетенции выражаются:

- ◆ в знании информационных технологий обработки информации;
- ◆ владении современными методами и языками программирования;
- ◆ умении проектировать интегрированные системы управления.

Функции, которые выполняют контроллеры не противоречат и не заменяют функции, которые выполняют менеджеры. В контроллинговом центре не формируют информацию для личных нужд, а обеспечивают качественной информацией руководителей и специалистов муниципального образования.

К важным, решаемым в контроллинговом центре задачам, можно отнести:

- ◆ выявление и разработка рекомендаций по устранению негативных экономических, социальных, экологических явлений в муниципальном образовании;
- ◆ нацеливание менеджмента муниципального образования на достижение конечных текущих и стратегических результатов.

В системе контроллинга для планирования, оценки состояния и разработки эффективных решений необходима оперативная и качественная система информации.

Важной задачей контроллингового центра является сбор и качественная обработка информации.

Создание системы контроллинга муниципального образования и ее внедрение является финансово затратным и трудоемким.

На процесс внедрения оказывают влияние такие факторы, как:

- ◆ поддержка высшего руководства муниципального образования;
- ◆ уровень восприятия специалистами философию контроллинга муниципального образования;
- ◆ заинтересованность и непосредственное участие менеджмента.

Для разработки контроллинга необходимы специалисты:

- ◆ с опытом практической работы в муниципалитете;
- ◆ владеющие знаниями муниципального управления;
- ◆ знающие методы анализа и системы планирования и прогнозирования;
- ◆ умеющие моделировать социально — экономические процессы;

Рис. 2. Технология создания контроллинга управления муниципального образования

Рис. 3. Структура контроллинг-центра

- ◆ обладающие знаниями современных информационных технологий;
- ◆ обладающие системным мышлением;
- ◆ умеющие аналитически мыслить.

Знания и профессионализм руководителя контроллингового центра является важным фактором при создании и внедрении системы контроллинга муниципального образования. Главный контроллер муниципального образования должен иметь значительный опыт работы в муниципальном образовании, знать специфику и особенности процессов управления. От этого зависит эффективная работа контроллингового центра.

Весь процесс создания системы контроллинга должен быть с учетом особенностей муниципального образования регламентирован. В процессе создания для качественного формирования функций необходимо привлечь специалистов подразделений муниципального образования, что обеспечит объективно воспринимать цели создаваемой системы контроллинга, уточнить информационные связи и потоки между различными службами, а так же нивелировать разногласия, которые могут возникнуть в терминологии.

Важной задачей является подготовка менеджеров и исполнителей к восприятию нововведения в системе управления муниципальным образованием, что уменьшит недоверие к нововведениям.

Успех зависит во многом от эффективного взаимодействия подразделений муниципального образования с контроллинговым центром.

Технология создания контроллинга управления муниципального образования показана на рисунке 2, а на рисунке 3 структура контроллингового центра.

1. Разработка основ включает мероприятия:
 - ◆ формирование принципов функционирования контроллинга;
 - ◆ определение оперативных и стратегических целей;
 - ◆ формирование функционального наполнения контроллинга;
 - ◆ требование к наполнению задачами функционального содержания;

- ◆ определению методов реализации задач;
 - ◆ по составу и содержанию информационного обеспечения;
 - ◆ по программно техническому содержанию.
2. Формирование системы. Разрабатываются:
 - ◆ миссия муниципального образования;
 - ◆ требования к системе контроллинга;
 - ◆ распорядительные документы по разработке системы контроллинга
 - ◆ организационная структура контроллингового центра;
 - ◆ функциональная структура контроллингового центра;
 - ◆ состав и содержание нормативной базы;
 - ◆ анализируется и разрабатывается набор методов и инструментов.
 3. Внедрение. Оцениваются варианты и эффективность внедрения системы контроллинга.

Важнейшей задачей в процессе создания системы контроллинга

муниципального образования является задача формирования структуры управления контроллингового центра, который в процессе функционирования обеспечивает оперативный и качественный информационный обмен.

Выводы

1. Контроллинговый центр должен быть независимой структурой и подчиняться главе города.
2. «Контроллинговый центр» создается как база развития организационно — методического обеспечения координации деятельности муниципального образования на основе внедрения новых методов и механизмов.
3. Разработаны организационно-управленческие требования, технология создания и структура контроллингового центра муниципального образования, что позволяет адаптировать контроллинговые методы и инструменты, существующие в международной и отечественной практике, применить эти методы и инструменты, учитывая российскую специфику и особенности управления на муниципальном уровне, в совершенствовании управления муниципальным образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Контроллинг. Карминский А.М., Фалько С.Г., Жевага А.А., Иванова Н.Ю. Учебник / Карминский А.М., Фалько С.Г., Жевага А.А., Иванова Н.Ю./-М.: 2013.
2. Ларионов В.Г., Фалько С.Г. Контроллинг в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности// Вестник Академии. 2013. № 4. С. 73–78.
3. Орлов, А.И. Эконометрическая поддержка контроллинга // Контроллинг. — 2002. — № 1. — С. 42–53.
4. Павленков И.М. Программный подход к стимулированию развития муниципального образования. Инновации в менеджменте. 2018. № 3 (17). С. 44–53.

5. Павленков И.М. Контроллинг в системе управления муниципального образования. Контроллинг. 2018. № 68. С. 36–45.
6. Павленков И.М. Исследование закономерностей и принципов контроллинга управления муниципальным образованием. Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3–2 (29). С. 255–263.
7. Павленков И.М. Методы контроллинга реализации функций муниципального образования. Московский экономический журнал. 2019. № 12. С. 88.
8. Павленков И.М. Проблемы и задачи информатизации процессов управления муниципального образования. Инновации в менеджменте. 2018. № 1 (15). С. 42–49.
9. Совершенствование механизмов управления социально-экономическим развитием муниципального образования / И.М. Павленков [и др.]. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. —306 с.
10. Трифонов, Ю.В. Стратегическое управление в рыночной экономике: монография / Ю.В. Трифонов [и др.]. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. — 291 с.
11. Фалько С.Г. Предмет контроллинга как самостоятельной научной дисциплины // Контроллинг. 2005. № 13. С. 2–6.
12. Фалько С.Г. Контроллинг: миссия, современное состояние и перспективы развития//Управляем предприятием. 2013. № 7. С. 1.
13. Фалько С.Г., Асадулин Р.А. Перспективы развития контроллинга // Контроллинг. 2006. № 19. С. 10–13.
14. Фалько С.Г. О важности системного проектирования// Инновации в менеджменте. 2018. № 2 (16). С. 2.
15. Хан, Д. Стоимостно-ориентированные концепции контроллинга / Д. Хан; пер. с нем. — М.: Финансы и статистика, 2005. — 928 с.
16. www.controllerakademie.de

© Павленков Иван Михайлович (kaf-fin-df@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ВОЕННО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Плотник Михаил Александрович

Помощник начальника учебного отделения, В/ч
42984, г. Саратов
Expest.on@mail.ru

A METHOD OF EVALUATION OF MILITARY AND ECONOMIC EFFECTIVENESS OF MEASURES OF SUSTAINABILITY MANAGEMENT OF A MILITARY LOGISTIC SYSTEM

M. Plotnik

Summary. The paper contains a method of evaluation of military and economic effectiveness of measures of sustainability management of a military logistic system. Indices of military and economic efficiency are proposed. A method of their calculation is developed. A method of calculation of the integral index of military and economic efficiency is described. A scale of its values is proposed.

Keywords: sustainability, military logistic system, military economic efficiency.

Аннотация. В статье предложена методика оценки военно-экономической эффективности мероприятий по управлению устойчивостью военно-логистической системы. Предложены показатели военной и экономической эффективности и разработана методика их расчета. Описана методика расчета интегрального показателя военно-экономической эффективности. Предложена шкала его значений.

Ключевые слова: устойчивость, военно-логистическая система, военно-экономическая эффективность.

Принятие решений по управлению экономическими (в т.ч. логистическими) системами принимается по критерию ожидаемого эффекта [2]. Традиционно организации стремились максимизировать экономический эффект, т.е. выгоду, оцениваемую в денежном выражении. В настоящее время происходит постепенный переход к использованию комплексных показателей эффекта, учитывающих разные аспекты деятельности организации [8]. В случае военных организаций в качестве основного критерия принятия решений выступает военно-экономическая эффективность. На сегодняшний день не существует единого подхода к формированию показателя военно-экономической эффективности. В различных работах по военной экономике и военной логистике представлены разные методики расчета этого показателя (отличающиеся как по набору переменных, используемых для расчета, так и способом расчета) [1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13]. Отсутствие единой методики, с одной стороны, объясняется тем, что для разных задач и для разных областей военной экономики и военной логистике требуются разные инструменты оценки военно-экономической эффективности, но, с другой стороны, оно ведет к несопоставимости показателей военно-эконо-

мической эффективности, рассчитанным по разным методикам. Фактически данная ситуация указывает на то, что сама сущность показателя военно-экономической эффективности пока не была однозначно определена. По этой причине необходимо выбрать ту методику, которая будет оптимально соответствовать задачам данного исследования.

Для расчета показателя военно-экономического эффекта используются два базовых подхода [5]:

1. Определение значения военно-экономического эффекта ВЭЭ путем свертки рассчитанных отдельно показателей военного эффекта ВЭ (под которым, как правило, понимается прирост качества функционирования военной организации) и экономического эффекта ЭЭ (чаще всего определяемого как снижение затрат военной организации, полученное благодаря тем мерам, военно-экономическая эффективность которых оценивается):

$$\text{ВЭЭ} = \text{comb}(\text{ВЭ}, \text{ЭЭ}), \quad (1)$$

где $\text{comb}(x)$ — оператор свертки [6].

Таблица 1. Подходы к оценке прироста устойчивости цепей поставок

Абсолютный прирост устойчивости ΔY	Относительный прирост устойчивости S
$\Delta Y = Y_1 - Y_0$	$S = \frac{Y_1}{Y_0}$

Таблица 2. Подходы к оценке экономического эффекта мероприятий по управлению устойчивостью ЦП

Абсолютное изменение затрат ΔZ	Относительное изменение затрат I
$\Delta Z = Z_1 - Z_0$	$I = \frac{Z_1}{Z_0}$

Этот подход соответствует процедуре многокритериального оценивания. Важным достоинством такого подхода является то, что он позволяет получить интегральную оценку качества функционирования военно-логистической системы (ВЛС). Однако недостаток состоит в том, что полученный показатель, как правило, лишен прозрачного военного, технического и экономического смысла. Кроме того, он очень зависит от процедуры свертки частных показателей. Самой важной проблемой является то, что, как правило, для свертки частных показателей в формуле (1) используются веса (позволяющие учесть важность отдельного частного показателя), корректно определить которые в ряде случаев затруднительно;

2. Использование относительного показателя военно-экономической эффективности \mathcal{E} как отношения военного эффекта $B\mathcal{E}$ к затратам Z на его достижение:

$$\mathcal{E} = \frac{B\mathcal{E}}{Z}. \quad (2)$$

Удобство этого показателя состоит в том, что он соответствует особенностям функционирования военно-логистических систем: они направлены на обслуживание потребностей военной организации государства и его оборонно-промышленного комплекса (ОПК), и поэтому, с точки зрения потребителей услуг ВЛС, задача ВЛС состоит не в максимизации прибыли (что характерно для ВЛС, организованных гражданскими логистическими операторами), а в минимизации издержек на их функционирование. Кроме того, он обладает прозрачным военным и экономическим смыслом (он показывает, какие затраты необходимы для прироста военного эффекта на единицу). Наконец, он не требует сложной процедуры свертки частных показателей. С учетом описанных достоинств этого показателя в рамках данного исследования для принятия решений по управлению устойчивостью ЦП мы будем использовать именно военно-экономическую эффективность.

Важно уточнить, что для принятия решений о целесообразности проведения мероприятий по управлению устойчивостью ВЛС необходимо оценивать не военно-экономическую эффективность ВЛС, а военно-экономическую эффективность этих мероприятий, тогда как формула (2) направлена на оценку военно-экономической эффективности ВЛС. Таким образом, нам необходимо адаптировать формулу (2) к специфике наших задач.

Логичным выбором для оценки военного эффекта от проведения мероприятий по управлению устойчивостью цепи поставок является прирост устойчивости ЦП. Для оценки этого прироста можно использовать абсолютные и относительные показатели (см. табл. 1, величина Y_0 соответствует устойчивости ЦП до проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП, а величина Y_1 — устойчивости ЦП после проведения мероприятий).

Более удобным мы считаем использование показателя относительного прироста устойчивости S , поскольку он позволяет сравнивать ВЛС разного масштаба. Отметим, что, хотя мы говорим о приросте устойчивости, на практике, в случае неэффективных мер по управлению устойчивостью ЦП, она может снизиться, и тогда прирост устойчивости будет отрицательным.

Для оценки затрат при расчете показателей эффективности обычно используется абсолютная величина затрат. Однако в нашем случае такой подход неприемлем, поскольку нам необходимо определить, как изменились затраты на обеспечение функционирования ВЛС в результате проведения мероприятий по повышению ее устойчивости. Таким образом, для оценки военно-экономической эффективности мероприятий по повышению устойчивости ВЛС мы будем использовать изменение затрат. Отметим, что речь идет именно об изменении затрат, а не об их снижении (поскольку

проведение соответствующих мероприятий может потребовать как первоначальных инвестиций, например, в расширение логистических мощностей, так и роста операционных издержек, в частности, на оплату труда дополнительного персонала). Как и в случае с военным эффектом, изменение затрат может быть оценено как в абсолютном, так и в относительном выражении (см. табл. 2, Z_0 соответствует затратам на функционирование ВЛС до проведения мероприятий по повышению ее устойчивости, а Z_1 — затратам после проведения этих мероприятий). Изменение затрат представляет собой показатель экономического эффекта.

Для сохранения единообразия методики мы считаем целесообразным использовать показатель относительного изменения затрат И (поскольку для оценки военного эффекта был выбран показатель относительного прироста устойчивости).

Обратим внимание специфику расчета показателя затрат (экономического эффекта). Как видно из табл. 2, абсолютный экономический эффект принимает положительное значение в том случае, если затраты возрастают (аналогично, относительный эффект также больше единицы в том случае, если величина Z_1 больше величины Z_0). Это противоречит традиционному подходу оценки экономического эффекта на основе величины затрат — он считается положительным в том случае, если затраты после проведения мероприятий снижаются (т.е. если возникает экономия). Это противоречие связано с тем, что в качестве обобщающего показателя военно-экономического эффекта мы используем военно-экономическую эффективность, для расчета которой необходима величина затрат, а не экономии.

Под затратами на функционирование ВЛС мы понимаем не совокупную величину затрат в течение всего срока ее эксплуатации, а затраты в течение определенного периода (месяца или года).

При оценке затрат необходимо учитывать их разновременный характер (как было сказано выше, проведение мероприятий по повышению устойчивости ЦП может потребовать первоначальных инвестиций). Для этого затраты Z_1 необходимо определять по формуле приведенных затрат [5]:

$$Z_1 = Z_0 + I \times E,$$

где

Z_0 — операционные затраты на обеспечение функционирования ЦП (в течение определенного периода) после проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП;

I — инвестиции, направленные на повышение устойчивости ЦП;

E — норматив экономической эффективности (для военно-логистических систем его значение можно определить как величину, обратную сроку эксплуатации ВЛС).

В практике коммерческих предприятий для анализа разновременных затрат чаще всего применяется показатель чистого дисконтированного дохода [5]. Однако для поставленной нами задачи оценки военно-экономической эффективности мероприятий по повышению устойчивости ЦП он не подходит. Показатель чистого дисконтированного дохода является инструментом инвестиционного анализа и позволяет оценить окупаемость инвестиций в проект. При проведении мероприятий по повышению устойчивости ЦП задача обеспечить окупаемость этих мероприятий не ставится, в силу чего предпочтительным является показатель приведенных затрат.

Эффективность \mathcal{E} мероприятий по повышению устойчивости ЦП будет рассчитываться по формуле

$$\mathcal{E} = \frac{S}{И} = \frac{y_1}{y_0} \cdot \frac{z_1}{z_0}. \quad (3)$$

В качестве приемлемой может рассматриваться та стратегия повышения устойчивости ЦП, для которой $\mathcal{E} > 1$. Это равнозначно выполнению условия

$$\frac{y_1}{y_0} > \frac{z_1}{z_0}. \quad (4)$$

Формула (4) показывает, что к реализации может быть рекомендована та стратегия, которая связана с повышением издержек функционирования ВЛС, при условии, что рост издержек компенсируется более высоким ростом устойчивости.

Из формул (3) и (4) очевидно, что военно-экономическая эффективность \mathcal{E} мероприятий по повышению устойчивости ЦП представляет собой отношение военно-экономической эффективности ЦП до проведения мероприятий \mathcal{E}_0 и после них \mathcal{E}_1 :

$$\mathcal{E} = \frac{S}{И} = \frac{y_1}{y_0} \cdot \frac{z_1}{z_0} = \frac{y_1}{z_1} \cdot \frac{y_0}{z_0} = \frac{\mathcal{E}_1}{\mathcal{E}_0}.$$

На практике целесообразно ввести дополнительные ограничения на критерии принятия решения о выборе стратегии повышения устойчивости ЦП:

1. $S \geq S_{min}$, где S_{min} — установленное органами военного управления минимально допустимое значение прироста устойчивости ВЛС. Если это условие не выполняется в анализируемой стратегии, то прирост устойчивости слишком мал для того,

Таблица 3. Шкала оценки эффективности мероприятий по повышению устойчивости ЦП

Оценка проведения мероприятий	Основной показатель	Дополнительные показатели	Комментарии
Эффективное проведение	$\mathcal{E}_\Phi \geq \mathcal{E}_\Pi$	$S_\Phi \geq S_\Pi, I_\Phi \geq I_\Pi$	Фактические значения всех показателей не хуже прогнозных. Поставленные цели достигнуты, ВЛС функционирует в требуемом режиме.
Приемлемое проведение	$\mathcal{E}_\Phi \geq \mathcal{E}_\Pi$	$S_\Phi \geq S_\Pi, I_\Phi < I_\Pi$	Хотя военно-экономическая эффективность и военный эффект проведения мероприятия не хуже прогнозных, достигнуты они были за счет чрезмерно высоких затрат. Необходима проверка обоснованности затрат
		$S_\Phi < S_\Pi, I_\Phi \geq I_\Pi$	Военно-экономическая эффективность не хуже прогнозной, однако требуемый уровень устойчивости ВЛС не достигнут. Необходима проверка правильности планирования и проведения мероприятий и достаточности выделенного для них финансирования
Неэффективное проведение	$\mathcal{E}_\Phi < \mathcal{E}_\Pi$	$S_\Phi \geq S_\Pi, I_\Phi < I_\Pi$	Хотя целевого значения военного эффекта удалось достичь, прогнозные затраты на проведение мероприятий были значительно превышены, что не позволило достичь целевого значения военно-экономической эффективности. Необходима корректировка мероприятий
		$S_\Phi < S_\Pi, I_\Phi \geq I_\Pi$	Хотя при проведении мероприятий удалось обеспечить целевое значение экономического эффекта, военный эффект ниже ожидаемого, в результате чего военно-экономическая эффективность ниже прогнозной. Необходима корректировка мероприятий
Провальное проведение	$\mathcal{E}_\Phi < \mathcal{E}_\Pi$	$S_\Phi < S_\Pi, I_\Phi > I_\Pi$	Фактические значения всех показателей ниже прогнозных. Прогнозный уровень затрат превышен, при этом требуемого уровня устойчивости и военно-экономической эффективности достичь не удалось. Необходим пересмотр стратегии обеспечения устойчивости ВЛС

чтобы данную стратегию было целесообразно реализовывать;

- $I \leq I_{\max}$, где I_{\max} — установленное органами военного управления максимально допустимое значение прироста затрат на обеспечение роста устойчивости ВЛС. Если это условие не выполняется, то, даже если анализируемая стратегия позволяет существенно повысить устойчивость ВЛС, реализовывать ее нецелесообразно, поскольку она требует чрезмерно высоких затрат;
- $\mathcal{E} \geq \mathcal{E}_{\min}$, где \mathcal{E}_{\min} — установленное органами военного управления минимальное значение военно-экономической эффективности.

Эти условия должны выполняться в комплексе. Отбор оптимального варианта стратегии повышения устойчивости ВЛС должен осуществляться только из тех вариантов, которые соответствуют приведенным выше условиям.

Оптимальный вариант стратегии должен соответствовать следующему условию:

$$\begin{cases} \mathcal{E} \rightarrow \max; \\ S \geq S_{\min}; \\ I \leq I_{\max}; \\ \mathcal{E} \geq \mathcal{E}_{\min}. \end{cases}$$

После проведения мероприятий по повышению устойчивости ВЛС необходимо оценить фактическую эффективность этих мероприятий. Эту оценку следует проводить как по показателю военно-экономической эффективности (который является основным), так и по показателям военного и экономического эффекта (которые позволяют уточнить информацию о состоянии ВЛС). Введем следующие обозначения:

- $\mathcal{E}_\Pi, S_\Pi, I_\Pi$ — прогнозные значения показателей военно-экономической эффективности, военного и экономического эффекта;

Таблица 4. Шкала значений показателя результативности проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП

Значение показателя R	Оценка проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП
$R = 3$	Эффективное проведение
$R = 2$	Приемлемое проведение
$R = 1$	Неэффективное проведение
$R = 0$	Провальное проведение

2. $\mathcal{E}_\phi, S_\phi, I_\phi$ — фактические значения показателей военно-экономической эффективности, военного и экономического эффекта.

Шкала для оценки фактической эффективности мероприятий по повышению устойчивости ЦП представлена в табл. 3.

Приемлемому уровню проведения мероприятий по повышению устойчивости ВЛС соответствуют две ситуации (см. табл. 4):

1. Требуемый уровень устойчивости достигнут (и, возможно, превышен), но затраты на получение этого результата выше прогнозных;
2. Затраты на проведение мероприятий по повышению устойчивости ВЛС не выше прогнозных, однако требуемый уровень устойчивости не достигнут.

По нашему мнению, первый вариант является более предпочтительным, чем второй. В случае первого варианта необходимо принять меры по оптимизации затрат (что в будущих периодах позволит достичь заданных экономических параметров). Напротив, при втором варианте необходимо определить, с чем связана проблема:

1. Организационные причины — неправильное планирование мероприятий или их неэффективное проведение из-за некомпетентности сотрудников;
2. Финансовые причины — недостаточный объем финансирования.

Эти причины могут сочетаться. После выявления причин необходимо принять меры по их устранению и скорректировать проведенные мероприятия.

Мы можем ввести три логические функции для оценки результативности мероприятий по повышению устойчивости ЦП по трем ключевым параметрам:

1. По военно-экономической эффективности LEM :

$$LEM = \begin{cases} 1, & \frac{\mathcal{E}_\phi}{\mathcal{E}_n} \geq 1; \\ 0, & \frac{\mathcal{E}_\phi}{\mathcal{E}_n} < 1; \end{cases}$$

2. По военному эффекту LM :

$$LM = \begin{cases} 1, & \frac{S_\phi}{S_n} \geq 1; \\ 0, & \frac{Y_\phi}{Y_n} < 1; \end{cases}$$

3. По экономическому эффекту LE :

$$LE = \begin{cases} 1, & \frac{I_n}{I_\phi} \leq 1; \\ 0, & \frac{I_n}{I_\phi} > 1. \end{cases}$$

Далее мы предлагаем построить общий показатель результативности R , который будет рассчитываться по формуле:

$$R = LEM + LM + LE.$$

Как очевидно из изложенного выше, показатель R принимает только целочисленные значения в диапазоне от 0 до 3. На основе значения показателя R можно оценить качество реализации стратегии повышения устойчивости ЦП (см. табл. 4).

Наши выводы

- ♦ для военно-экономического обоснования мероприятий по повышению устойчивости ЦП следует использовать показатель военно-экономической эффективности;
- ♦ при оценке целесообразности проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП необходимо вводить ограничения на значения

военного эффекта, экономического эффекта и военно-экономического эффекта;

- ◆ после проведения мероприятий по повышению устойчивости ЦП необходимо оценить их фактическую эффективность путем сравнения фактических значений показателей эффективности

с прогнозными. Для обобщенного описания качества проведения мероприятий нами предложен целочисленный показатель результативности, позволяющий отнести качество проведения этих мероприятий к одному из четырех диапазонов

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманова Э.Э., Бабенков А.В., Курбанов А.Х. Методические подходы к оценке военно-экономического эффекта от цифровизации логистики в системе материально-технического обеспечения военных потребителей // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. — 2019. — № 5–6. — С. 54–62.
2. Богатырева С.В., Титов А.Б., Куприянова М.Ю. Экономическая эффективность как основа формирования управленческих решений // Экономика и менеджмент систем управления. — 2016. — № 2–1. — С. 116–122.
3. Болдырев О.А., Козин М.Н. Методические подходы к оценке военно-экономического эффекта в результате внедрения технических инноваций в системе материального обеспечения войск (сил) // Наука Красноярья. — 2018. — Т. 7. — № 2. — С. 40–56.
4. Бычков А.В., Стулов С.В., Курбанов А.Х. Оценка военно-экономической эффективности применения логистического потенциала Коллективных сил оперативного реагирования // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2017. — № 4. — С. 28–33.
5. Жеишев Р.С., Никитин Ю.А. Оценка военно-экономической эффективности системы продовольственного обеспечения войск (сил) в Арктической зоне Российской Федерации // Экономический вектор. — 2020. — № 2. — С. 96–102.
6. Котляров И.Д. Проблемы оценки эффективности аутсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2017. — № 6. — С. 87–99.
7. Красовитов Р.А. Методика оценки военно-экономического эффекта, получаемого при внедрении технологий «Индустрии 4.0» в сфере вещевого обеспечения военных потребителей // Наука Красноярья. — 2018. — Т. 7. — № 2. — С. 57–76.
8. Курбанов А.Х. Экономико-математическая модель оценки организационно-экономической эффективности внедрения аутсорсинга // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. — 2012. — № 2. — С. 40–44.
9. Курбанов А.Х., Ключкин Е.В. Обоснование целесообразности и оценка военно-экономического эффекта от применения бенчмаркинга в управлении вещевым имуществом военной организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2015. — № 11–12. — С. 46–50.
10. Курбанов А. Х., Колобов Е.О. Обоснование инструментов и подходов оценки военно-экономической эффективности применения контрейлерных перевозок в интересах материального обеспечения войск (сил) // Экономика и предпринимательство. — 2016. — № 9. — С. 74–78.
11. Курбанов А.Х., Кузнецов А.В. Методика оценки военно-экономической эффективности управления аэродромно-техническим обеспечением ведомственной авиации // Экономика и менеджмент систем управления. — 2016. — № 4. — С. 25–31.
12. Стулов С.В. Метод оценки военно-экономической эффективности комбинированной логистической системы военных потребителей за пределами Российской Федерации в условиях ликвидации чрезвычайных ситуаций // Технологии гражданской безопасности. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 64–68.
13. Чулков Д.Н. Оценка экономической эффективности применения шаблонов бизнес-процессов // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 9–2. — С. 1014–1017.

© Плотник Михаил Александрович (Expest.on@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ, ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ В РАМКАХ SMART-КОНТРАКТОВ: ПРИНЦИПЫ И ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

ORGANIZATION OF CUSTOMS CONTROL OF GOODS MOVED UNDER SMART CONTRACTS: PRINCIPLES AND FACTORS TO INCREASE EFFICIENCY

V. Polyakova

Summary. Currently, innovative methods and technologies for registration of foreign trade transactions for the purchase and sale of goods are being intensively developed. One of such innovative technologies for registration of foreign trade transactions is a smart contract. The article presents the definition of the term "smart contracts", highlights the basic principles of customs control of goods transported within the framework of smart contracts. In addition, the article proposes the main factors that provide an increase in the efficiency of customs control of goods transported under smart contracts, as well as methods of obtaining them and methods of assessment.

Keywords: foreign trade transactions, smart contracts, blockchain, blockchain technologies, customs control, principles of customs control.

Полякова Владислава Маратовна

Аспирант, Российская таможенная академия
vladissyneo@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время интенсивно развиваются инновационные методы и технологии оформления внешнеторговых сделок купли-продажи товаров. Одной из таких инновационных технологий оформления внешнеторговых сделок является smart-контракт. В статье представлено определение термина «smart-контракты», выделены основные принципы таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов. Кроме того, в статье предложены основные факторы, которые обеспечивают повышение эффективности таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, а также методов их получения и способов оценки.

Ключевые слова: внешнеторговые сделки, smart-контракты, blockchain, blockchain-технологии, таможенный контроль, принципы таможенного контроля.

Если подойти к рассмотрению сущности smart-контрактов, то следует согласиться с А.С. Осмоловской, которая писала, что под smart-контрактами следует понимать алгоритм математического характера, ориентированный на автоматизацию контрактов между контрагентами. Также в собственном научном исследовании ученый подчеркивает, что такого рода контракты являются набором действий и правил последовательного характера. Правила исполнения действий последовательного характера выступают условиями smart-контракта, они проверяются алгоритмом автоматически, а потом по цифровому протоколу осуществляется исполнение условий [3]. Опираясь на такое определение можно заключить, что smart-контракты предполагают автоматизацию всего процесса заключения контракта.

В статье Н.А. Усольцевой, Ю.М. Усольцева и Д.С. Дядькина подчеркивается, что smart-контракт не считается с позиции договорного права отдельной разновидностью договора или видом обязательства, в результате чего следует его рассматривать как способ обеспечения исполнения обязательств договорно-

го характера или форму соответствующего договора [2].

В свою очередь, в работе Д.А. Позднякова и М.Ю. Юрасова отмечается, что smart-контракты выступают «умными контрактами», которые в систему современного договорного права могут быть интегрированы с помощью двух моделей интеграции:

- ◆ гибридная интеграционная модель, представляющая собой самостоятельный элемент договора, включающий условия, которые в тексте на бумажном носителе не прописаны;
- ◆ обособленная интеграционная модель, т.е. дополнительный элемент привычного договора, который заключается в письменной форме [4].

Опираясь на исследования ученых, можно заключить, что в настоящее время пока не достигим полный уход от традиционной письменной формы заключения контрактов к smart-контрактам. Мы полагаем, что данный факт, прежде всего, обусловлен тем, что в основе функционирования большинства smart-контрактов лежит технология blockchain, регулирование которой, как

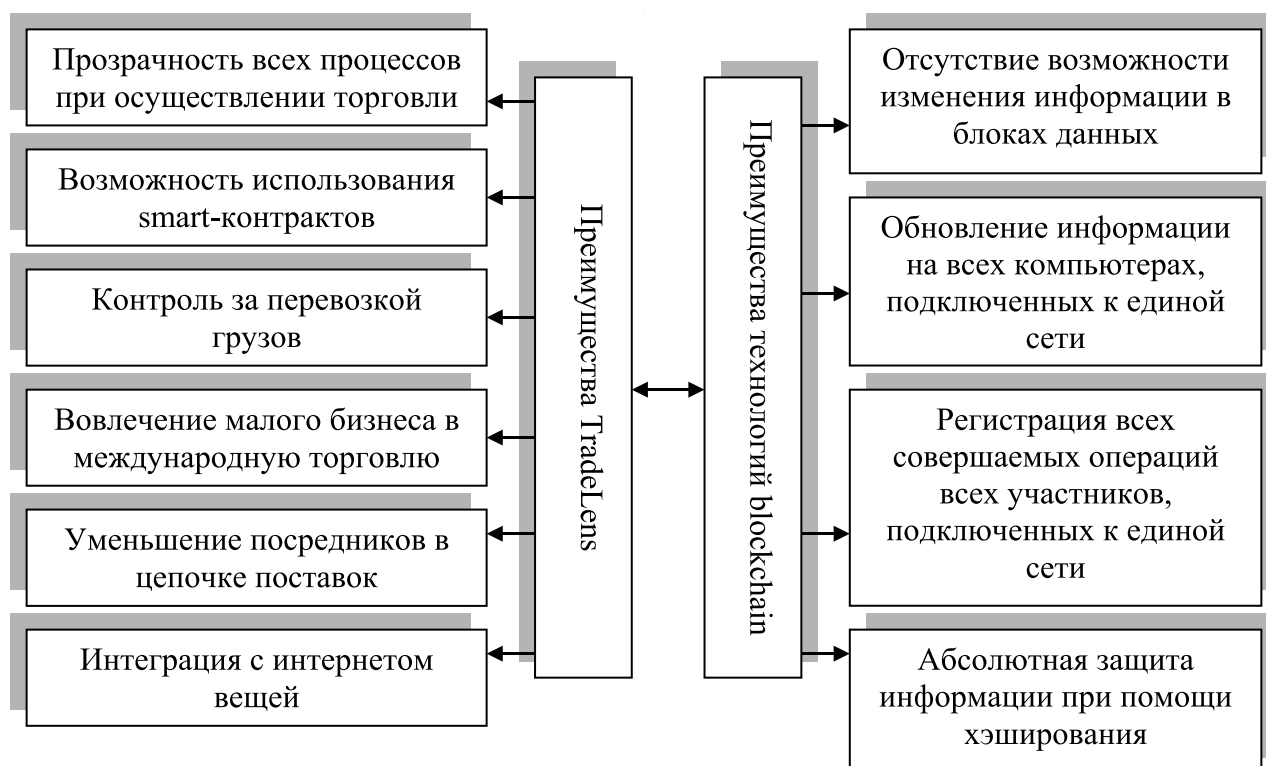

Рис. 1. Основные преимущества платформы TradeLens

и, собственно, регулирование заключения smart-контрактов отсутствует.

На пути к «автономии» smart-контрактов значительным препятствием считается невозможность вмешательства в программный код в результате использования системы blockchain. В этом контексте все же стоит подчеркнуть, что такая проблема может быть и преимуществом, если использовать такую систему в иных правовых отраслях.

Если опираться на зарубежный опыт в сфере таможенного контроля, то blockchain-технологии могут быть использованы для управления товарной номенклатурой и в сфере осуществления контроля страны происхождения товаров, и в сфере верификации сертификатов такого происхождения.

Основным преимуществом и возможностями использования технологий blockchain также уделяется внимания и со стороны российских государственных органов. В научных исследованиях А.И. Бубеля описаны основные возможности использования в деятельности органов таможенного регулирования технологий распределенного реестра. Учебный выделяет следующие возможности:

- ♦ электронный документооборот;
- ♦ регистрация участников ВЭД;

- ♦ формирование книги учета таможенных деклараций;
- ♦ расчет суммы таможенных платежей (автоматический) и так далее [1].

Одной из перспектив использования blockchain-технологий при таможенном контроле товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, считается возможность органов таможенного регулирования осуществлять автоматический выпуск деклараций на товары (рис. 1).

Следующим преимуществом использования блокчейн-технологий при таможенном контроле товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, считаются возможности анализа цепи поставок с целью совершенствования системы управления рисками. Для органов таможенного регулирования требуется сформировать базу данных, имеющую связь с Q-R-кодами роскошных товаров. Так, фирма Everledger специализируется на сертификации бриллиантов. Каждый товар, который относится к предмету роскоши, на соответствующей blockchain-платформе в данном случае будет иметь «аналог паспорта», которому должны доверять органы таможенного регулирования.

Опираясь на исследования ученых, можно заключить, что в настоящее время пока не достигим полный

Рис. 2. Основные возможности использования системы blockchain в интеграции с технологиями интернета вещей в отношении участников внешнеэкономической деятельности

уход от традиционной письменной формы заключения контрактов к smart-контрактам. Мы полагаем, что данный факт, прежде всего, обусловлен тем, что в основе функционирования большинства smart-контрактов лежит технология blockchain, регулирование которой, как и, собственно, регулирование заключения smart-контрактов отсутствует.

Постановлением Правительства РФ от 4 июня 2019 г. № П9–30491 было положено начало внедрения технологий blockchain в систему таможенных органов, а также их внедрение и развитие обусловлено Меморандумом о взаимодействии по запуску пилотного проекта по внедрению платформы блокчейн TradeLens между A.P. Moller-Maersk, ФГУП «Морсвязьспутник» и Мини-

стерства транспорта России. Основные преимущества TradeLens схематически представлены на рисунке 1.

Благодаря технологии blockchain можно защищать на максимальном уровне данные, вносимые в базу, что важно для участников внешнеэкономической деятельности и для ГКО. В свою очередь, для органов таможенного регулирования это необходимо для обеспечения в РФ информационной безопасности.

Использование платформы blockchain TradeLens в организации таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, предполагает интеграция с технологией интернета вещей, что обуславливает так же необходимость рассмотрения пер-

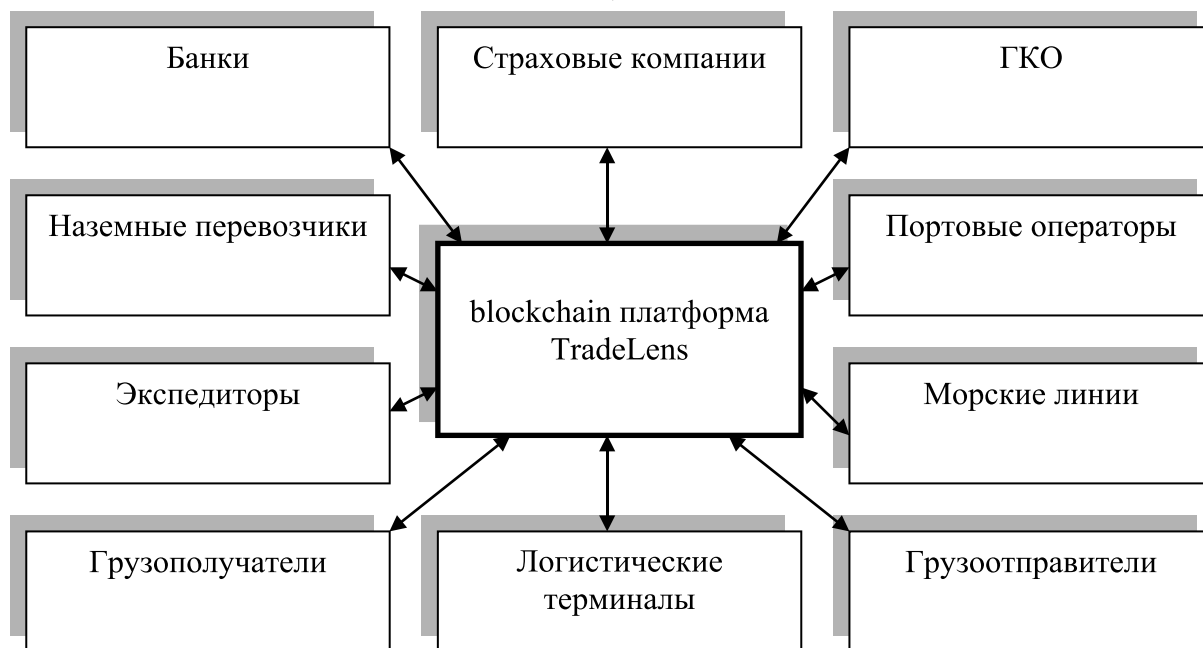

Рис. 3. Основные участники, использующие blockchain платформу TradeLens для перемещения в рамках smart-контрактов и их таможенного контроля

спектив ее использования для участников ГКО и ВЭД. На рисунке 2 схематически представлены основные возможности использования анализируемой системы.

Таким образом, внедрение платформы blockchain и технологии интернета вещей будет, прежде всего, способствовать реорганизации пунктов пропуска товаров в интеллектуальные пункты пропуска товаров, что так же выделено в качестве одного из планов в Стратегии развития таможенной службы до 2030 года. Кроме того, как свидетельствуют данные представленного выше рисунка, благодаря использованию интернет вещей участники ВЭД смогут минимизировать ситуации, в рамках которых может быть сформирован негативный эффект на перемещаемые в рамках smart-контрактов товары, ликвидировать возможности совершения в отношении таких товаров преступных деяний.

Следующим преимуществом использования блокчейн-технологий в сфере таможенного регулирования товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, считается передача информационных сведений ФТС о цепи поставок участника ВЭД в рамках технологий blockchain органам контроля. Так, возможна передача таких сведений для ФНС в целях осуществления налогового контроля.

Благодаря использованию платформы blockchain технологий (в частности, платформы TradeLens) обеспечивается электронное и информационное взаимодей-

ствие участников совершения таможенных операций по таможенному контролю в отношении товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов.

Схематически основные участники, которые используют blockchain платформу TradeLens для перемещения в рамках smart-контрактов и их таможенного контроля, могут быть представлены следующим образом (рисунок 3).

Выделенные преимущества использования blockchain-технологий при таможенном контроле товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, должны руководствоваться определенными принципами:

- ◆ законность;
- ◆ организационная целостность;
- ◆ материальная заинтересованность;
- ◆ эффективное использование технологий;
- ◆ эффективное кадровое управление;
- ◆ системный подход.

Использование blockchain-технологий при таможенном контроле товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, как уже отмечалось ранее в исследовании, может привести к совершенствованию и повышению эффективности таможенного контроля товаров, а также к коренным изменениям в международной торговле [5].

Основными факторами, которые обеспечивают эффективность таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, являются:

- ◆ повышение управляемости данными в рамках осуществления таможенного контроля;
- ◆ интегрирование органов таможенного регулирования в торговый процесс;
- ◆ повышение качества и безопасности товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов;
- ◆ улучшение борьбы с финансовыми преступлениями в области таможенного контроля.

Исходя из проведенного исследования, можно прийти к выводу о том, что в сфере таможенного контроля

товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, является достаточно перспективным направлением внедрения blockchain-технологий. Именно поэтому со стороны органом таможенного регулирования требуется проведение более глубокой оценки использования таких технологий, опираясь на основные принципы таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, выделенные в статье. В то же время, для повышения эффективности таможенного контроля товаров, перемещаемых в рамках smart-контрактов, требуется учитывать выделенные в статье факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубель А.И. Возможности использования блокчейна и виртуальных токенов в таможенных операциях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 14–22.
2. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. — 2018. — № 5 (50). — С. 17–20.
3. Осмоловская А.С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2018. — № 2 (10). — С. 54–56.
4. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn
5. Antonovici, A. Japan, Singapore Start Blockchain Pilot to Improve Trade Links. 2017. Cryptovest website: <https://cryptovest.com/news/japan-singapore-startblockchain-pilot-to-improve-trade-links/>

© Полякова Владислава Маратовна (vladissyneo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская таможенная академия

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ УСЛУГИ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

EFFECTIVENESS EVALUATION AND GOVERNMENT LEGISLATION OF SANATORIUMS AND HEALTH RESORTS IN STATE WITH COMPULSORY HEALTH INSURANCE SYSTEM

P. Chamkin

Summary. Sanatorium and resort organizations are an integral part of health care system. A comprehensive health system is needed to develop human capital and to care for the health of the population. The modern spa industry faces a number of problems hindering its development. One such problem is the economic functioning of organizations. Due to economic problems, many spa organizations have significant logistical deterioration and lack of medical staff. This necessitates a more detailed consideration of the issue.

Keywords: medicine, public health, sanatorium, resorts, balneotherapy, sanatoriums and resorts corporation.

Чамкин Павел Андреевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
champaul3@gmail.com*

Аннотация. Санаторно-курортные организации являются неотъемлемой частью здравоохранения. Для развития человеческого капитала и заботе о здоровье населения необходимо создание и развитие комплексной системы здравоохранения. Современная санаторно-курортная отрасль сталкивается с рядом проблем, препятствующим её развитию. Одной из таких проблем является экономическое функционирование организаций. Из-за имеющихся экономических проблем у многих санаторно-курортных организаций имеется значительный износ материально-технической базы и неуккомплектованность медицинским персоналом. В связи с этим возникает необходимость более детального рассмотрения данного вопроса.

Ключевые слова: медицина, здравоохранение, санатории, курорты, санаторно-курортные организации, санаторно-курортная корпорация.

Курортология начала XXI века характеризуется фундаментальными достижениями в изучении механизмов действия лечебных физических факторов на уровне, как целостного организма, так и его отдельных систем. Изучение закономерностей процессов позволяет значительно повысить эффективность лечения и профилактики. Научные достижения в области курортной медицины способствовали формированию современного отечественного санаторно-курортного комплекса, в котором широко применяются инновационные восстановительные технологии.

Всё это создаёт возможности и формирует перспективы развития санаторно-курортных организаций, пре-

одоления кризиса в отрасли и повторного включения санаторно-курортных организаций в систему обеспечения здравоохранения с целью сохранения и укрепления здоровья населения страны, приобщению граждан к ведению здорового образа жизни [6].

27 ноября 2018 года было опубликовано распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2018 года № 2581-р «Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса». В документе указано, что политика: «определяет цель, задачи и основные направления государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению здоровья населения Российской Федерации в сфере курортного дела» [3].

Основной целью стратегии провозглашается повышение доступности санаторно-курортного лечения, в рамках достижения этой цели стратегия предполагает выполнение следующих задач:

1. совершенствование законодательства и государственного регулирования отрасли;
2. подготовка квалифицированного медперсонала, осведомлённого о возможностях санаторно-курортного лечения;
3. развитие инфраструктуры, необходимой для работы отрасли;
4. повышение инвестиционной привлекательности отрасли.

Основными механизмами совершенствования законодательства и госрегулирования в сфере здравоохранения являются [1]:

1. совершенствование форм отчётности, расширение данных, аккумулируемых в государственных реестрах;
2. совершенствование экологических требований, в том числе по антропогенной нагрузке;
3. стимулирование целевого использования земельных участков;
4. проведение эксперимента по созданию зон опережающего социально-экономического развития.

Для подготовки и повышения квалификации персонала предполагается:

1. совершенствование законодательства;
2. создание научно обоснованных клинических норм для назначения санаторно-курортного лечения;
3. развитие системы образования;

Для улучшения инвестиционной привлекательности в стратегии предполагается [3]:

1. улучшение материально-технической базы;
2. реализация дифференцированного подхода к вовлечению в коммерческий оборот инфраструктуры, в том числе с помощью механизмов ГЧП;
3. выявление лучших практик инвестиций;
4. формирование благоприятных условий для инвестиций;
5. совершенствование механизма управления объектами;
6. налоговое стимулирование;
7. создание комплекса мер по охране территорий.

В стратегии приводятся целевые показатели и указываются особенности исполнения. Фактически данная стратегия констатирует факт необходимости совершенствования норм регулирования санаторно-курортного

комплекса, не указывая конкретные пути и методы, кроме выделения направлений дальнейшей работы. Подобный подход можно раскритиковать за недостаточную проработку вопроса, но, с другой стороны, созданием столь общего документа Правительство Российской Федерации даёт возможность высказывания и создания диалога для непосредственных участников рынка, регуляторов, а также представителей научного сообщества, с целью выработки детально проработанных нормативно-правовых актов и инструкций.

Изучение разных точек зрения, разных предложений и комментариев по развитию отрасли и совершенствованию регулирования позволит отобрать наиболее перспективные идеи и направления работы для последующей реализации.

На 2021 год с момента принятия стратегии прошло почти 3 года, за это время значимыми событиями для отрасли стало начало эксперимента по установлению курортного сбора в рамках эксперимента по созданию зон опережающего социально-экономического развития в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае, Ставропольском крае. Сбор вызвал общественный резонанс, но в соответствии с данными Федерального реестра по туризму, не смотря на введение курортного сбора, с 2018 года количество туристов только росло [8].

За последние годы регионы нарастили количество туристов, при этом данные по инвестициям в основной капитал показывают отток инвестиций из отрасли. Рост инвестиций в Крыму диссонирует с остальными регионами и обосновывается значительными расходами на рекламу курортов, в тоже время Краснодарский край показывает падение инвестиций при том, что оба региона активно наращивают количество туристов. В то же время, в среднем по стране наблюдается снижение объёмов инвестиций в основной капитал по данным государственного реестра и национальной курортной ассоциации [8, 9].

Необходимо уточнить, что данные имеются по всему туристическому сектору в целом, а не только по санаторно-курортной отрасли, рассмотрение данной статистики, тем не менее, необходимо, так как эксперимент предполагает внедрение курортного сбора для всех туристов, за исключением обозначенных в законе категорий, а значит предполагает увеличение инвестиций не только в санаторно-курортные организации, но в туристическую отрасль в целом, тем более, что многие из организаций санаторно-курортного лечения принимают туристов в общем потоке и пользуются с местами коллективного размещения общими объектами инфраструктуры.

На 2021 год в соответствии с принятой в России классификацией, санаторно-курортные организации выделены в отдельную категорию со своим регулированием, с собственным перечнем надзорных органов и подзаконных нормативно-правовых актов. Но, при этом многие организации, даже предоставляющие оздоровительные или «косметические услуги» имеют статус туристических объектов. Это связано со сложностью регулирования отрасли и большей поддержкой туристической отрасли. Многие организации не переходят в разряд санаторно-курортных, так как не видят выгоды для самой организации. Многие санатории и курорты, как отмечалось ранее, привлекают туристов на общей основе, что и составляет основу доходов организаций, которых, судя по данным реестра санаторно-курортной отрасли недостаточно для своевременного обновления материально-технической базы и привлечения инвестиций.

Оказание санаторно-курортной медицинской помощи регулируется федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Определяющими являются 2 статьи: 37 и 40. 37-я определяет принципы, порядок, сроки и стандарты оказания медицинской помощи, 40-я статья определяет непосредственно работу санаторно-курортных предприятий [2].

В рамках статьи рассмотрение, посвящённой медицинским вопросам 37-ю статью можно опустить и выделить ключевой для работы аспект: медицинская помощь, в том числе санаторно-курортная оказывается на основании клинических рекомендации в соответствии с медицинскими стандартами, перечень оказываемых в каждом конкретном случае клинических рекомендаций строго определён.

Статья 40 указывает: «санаторно-курортное лечение включает в себя медицинскую помощь, осуществляемую медицинскими организациями (санаторно-курортными организациями) в профилактических, лечебных и реабилитационных целях на основе использования природных лечебных ресурсов, в том числе в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах» [2].

В соответствие с регулированием санаторно-курортное лечение направлено на:

1. активацию защитно-приспособительных реакций организма в целях профилактики заболеваний, оздоровления;
2. восстановление и (или) компенсацию функций организма, нарушенных вследствие травм, операций и хронических заболеваний, уменьшение количества обострений, удлинение периода

ремиссии, замедление развития заболеваний и предупреждение инвалидности в качестве одного из этапов медицинской реабилитации.

Порядок оказания санаторно-курортного лечения регулируется приказами Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 788н «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых» сфокусирован на медицинских аспектах санаторно-курортного лечения, определяет медицинские показания и стандарты. В том числе в документе содержатся требования по оснащению санаторно-курортной организации медицинским персоналом и оборудованием [5].

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 5 мая 2016 г. N279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения» сфокусирован на санаторно-курортных организациях и требований к ним [4].

Приказ устанавливает правила работы организаций и довольно жёсткие требования к штатным нормативам организаций, а также требования к оснащению.

В приказах представлены различные стандарты для различных типов санаторно-курортных организаций, при этом документы следуют общей структуре: сначала описываются общие для типа организаций правила, затем штатное расписание и оснащение. Во всех типах особое внимание уделяется роли руководителя организации, касательно профессионального опыта в сфере.

Основное отличие санаторно-курортных организаций от туристических заключается в том, что санаторно-курортные организации, вне зависимости от формы собственности являются медицинскими организациями, предоставляющими в первую очередь медицинские услуги и получающие соответствующую лицензию. Их деятельность жёстко регламентирована и стандартизирована. Организации подотчётны Министерству здравоохранения Российской Федерации. В приказах много внимания уделяется содержанию отчётности, но в обоих указах отсутствуют критерии оценки экономической деятельности организаций. Для санаторно-курортных организаций сформулированы требования и показатели оценки эффективности оказания медицинской помощи, формы для анализа которых обозначены в приказах.

Ввиду того, что вопросы экономической эффективности санаторно-курортных организаций не регули-

руется, организации становятся зависимы от субсидий и дотаций из бюджетов разных уровней.

Оказание помощи в рамках системы обязательного медицинского страхования не приносит достаточных доходов для развития и поддержания организаций. Установление высоких цен на дополнительные услуги и услуги вне системы ОМС способно создать проблемы с конкурентоспособностью, так как на рынке существуют санаторно-курортные организации, не работающие по системе ОМС.

По статистике Министерства здравоохранения Российской Федерации существует большое количество пациентов, нуждающихся в санаторно-курортной помощи [7]. Санаторно-курортные организации, оказывающие помощь в рамках программ ОМС сталкиваются со сложным регулированием, бюрократией и «бумажной волокитой», доходы, получаемые по результатам оказания медицинской помощи недостаточны для развития организаций, из-за чего бюджетам разных уровней приходится закладывать в проекты бюджетов дотации на закупку оборудования, ремонт средств и поддержание материально-технического обеспечения. По данным реестра санаторно-курортной отрасли многие организации не доукомплектованы медицин-

ским персоналом, необходимым в соответствии с приказами министерства здравоохранения Российской Федерации.

Можно выделить несколько вариантов решения имеющихся проблем, а именно:

1. усиление роли государства, что неизбежно связано с ростом государственных расходов, сосуществование частных и государственных предприятий, в том числе в рамках ГЧП;
2. сохранение «статуса-кво», сокращение госрасходов через систему ГЧП направление освободившихся денежных средств на развитие государственных санаторно-курортных организаций;
3. ослабление роли государства за счёт предоставления подотчётным государству организациям большей свободы;
4. ослабление роли государства, предоставление услуг на базе частных организаций через договоры и систему ГЧП.

Вне зависимости от того, какие меры будет принимать государство при регулировании отрасли, требуется уделять большее внимание вопросам экономического функционирования санаторно-курортных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»;
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
3. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2018 года № 2581-р «Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса»;
4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 5 мая 2016 г. N279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения»;
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 788н «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых»;
6. Разумов А.Н., Лимонов В.И., Нестерова Е.В. Об отраслевой науке в санаторно-курортной сфере // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры, 2019. — № 2–2. — С. 139–140.;
7. <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> — статистика Министерства Здравоохранения Российской Федерации за 2018 год;
8. <https://kurort.rosminzdrav.ru/> — официальный сайт Государственного реестра курортного фонда Российской Федерации;
9. <http://rusnka.ru/> — Официальный сайт Национальной курортной ассоциации

© Чамкин Павел Андреевич (champaul3@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН КИТАЯ И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ РОССИИ¹

Чэнь Чжэньгуан

Старший преподаватель, Хэйхэский университет
1060396560@qq.com

STUDY OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN HEILONGJIAN PROVINCE OF CHINA AND THE FAR EAST OF RUSSIA

Chen Zhenguang

Summary. The article discusses topical issues related to economic cooperation between the Heilongjiang Province of China and the Russian Far East. Special attention is paid to increasing investments and capital investments. Also, special emphasis is placed on the development of industrial parks and clusters. In addition, the prospects for creating industries with high added value, improving the structure of exports and imports of products are outlined.

Keywords: China, Russia, economy, Far East, industry, development, infrastructure.

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с экономическим сотрудничеством между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России. Отдельное внимание уделено наращиванию инвестиций и капиталовложений. Также особый акцент сделан на развитии промышленных парков и кластеров. Кроме того, обозначены перспективы создания производств с высокой добавленной стоимостью, улучшении структуры экспорта и импорта продукции.

Ключевые слова: Китай, Россия, экономика, Дальний Восток, промышленность, развитие, инфраструктура.

В последние годы наблюдаются ощутимые изменения в стратегии внешней политики Китайской Народной Республики, интересы которой выходят далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона. Например, глобальная инициатива КНР «Один пояс, один путь» охватывает более 70 стран, особое место в которой принадлежит России. Китай и Россия имеют тесные торгово-экономические отношения. В 2019 году общий объем двусторонней торговли между Китаем и Россией составил 110,794 млрд. долларов США, увеличившись на 3,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в том числе экспорт Китая составил 49,74 млрд. долларов США, а импорт из России — 55,39 млрд. долларов США [1].

Особо активно российско-китайские экономические отношения развиваются на Дальнем Восто-

ке России, поскольку данная территория примыкает к Северо-Восточному Китаю, вследствие чего многие китайские инвесторы вкладывают средства в объекты и инфраструктуру этого региона. В свою очередь в 2020 году правительство России утвердило Государственный план развития Дальнего Востока. План будет реализован в три этапа с конечным сроком завершения в 2035 году, его целью является ускорение экономического и социального роста, а также повышение уровня жизни жителей региона. Значительное внимание в данном плане уделено сотрудничеству между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России. Российско-китайское сотрудничество «Дальний Восток-Северо-Восток» осуществляется в сферах дорожно-мостового строительства, энергетики, арктических водных путей, промышленности, сельского и лесного хозяйства.

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов провинции Хэйлунцзян 2019 г. на тему «Исследование нового пути экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией на фоне создания китайского-российского моста Хэйлунцзян» Проект 2019-KYYWF-0457

Рис. 1. Инвестиции китайских компаний в объекты на Дальнем Востоке России [4]

Отдельный акцент необходимо сделать на том, что ключевые акценты Государственного плана развития Дальнего Востока включают в себя:

- ◆ исследование рынков стран и регионов вдоль «Нового Шелкового пути»;
- ◆ укрепление сотрудничества в области научных и технологических инноваций;
- ◆ активное расширение торгово-экономического сотрудничества;
- ◆ углубление двустороннего инвестиционного взаимодействия.

Инвестиции провинции Хэйлунцзян в Россию составляют более трети всех вложений Китая в Россию и в основном они сосредоточены на Дальнем Востоке. Согласно статистике, в 2006 году 31 компания провинции Хэйлунцзян инвестировала в Россию. К 2008 году количество компаний увеличилось до 65. В 2011 году количество субъектов хозяйствования, вкладывающих капитал в РФ, одобренных провинцией Хэйлунцзян и поданных в Министерство торговли России, достигло 374 с совокупным объемом инвестиций 2,45 миллиарда долларов США. В 2020 году численность инвесторов в Дальний Восток России из Хэйлунцзяна достигли отметки 543. На долю Китая в настоящее время приходится 59,1% иностранных инвестиций в зоне опережающего развития Дальнего Востока России [2].

С учетом вышеизложенного, бесспорно, налаживание тесных контактов между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России (Китай-Россия «Северо-Вос-

ток-Дальний Восток») открывает новые возможности для развития двух стран, придавая импульс углублению всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху, поэтому исследование перспектив развития взаимовыгодных экономических отношений в данном направлении представляет собой важную научно-практическую задачу, решению которой и посвящена данная статья.

Факторы развития российско-китайского экономического сотрудничества детально рассматриваются в работах Engin Selçuk; Wu, Fengshi; Martus, Ellie; Liu, Dawei; Xu, Hang; Смирнова А.И., Мирошиной Е.А., Васильевой Н.И., Рау И., Симонян Г.А.

Ключевые направления активизации сотрудничества между Украиной и Китаем на основе обобщения достижений в реализации инициативы «Один пояс — один путь» детально прорабатываются Tilman Pradt, Gao, Tianming; Erokhin, Vasilii; Wang, Chengfu; Huang, Chengfeng; Guan, Haichang; Zeng, Tao; Wang, Tingsong.

Непосредственно особенности торгово-экономических связей провинции Хэйлунцзян с российским Дальним Востоком анализируются Лу Ч., Дацышеном В.Г., Кузнецов В.В., Джэном С., Цзоу С. и др.

Однако, несмотря на имеющиеся достижения и разработки, вопросы развития и реализации внешнеэкономического потенциала сотрудничества провинции Хэйлунцзян Китая и Дальнего Востока России требует

от экономической науки более тщательного изучения и исследования.

Таким образом, цель статьи заключается в исследовании ключевых направлений и перспектив экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России.

Активизация взаимодействия между Китаем и Россией привело к быстрому развитию экономики на Дальнем Востоке России, при этом обе стороны наблюдают рост объемов торговли и трансграничных энергетических и инфраструктурных проектов.

Так, начиная с 2009 года было подано заявки на 208 основных проекта, 97 из них находятся в России и предполагают инвестиции в размере 44,03 млрд. дол. В свою очередь в Китае расположены 111 проектов с общим объемом вложений приблизительно 9,87 млрд. дол. Из числа этих проектов около 70 предусматривают строительство трансграничной инфраструктуры, 20 — это крупные международные проекты с участием Китая и России, в том числе проект моста Тунцзян через реку Амур. Другие 19 проектов находятся на российской стороне и требуют общих инвестиций порядка 40 млрд. дол., остальные 31 располагаются на китайской стороне — преимущественно в провинции Хэйлунцзян и районе Внутренняя Монголия [3].

На рис. 1 представлен объем средств, вкладываемых китайскими инвесторами в предприятия и объекты на Дальнем Востоке России.

Рассматривая более подробно направления экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России, можно отметить следующие ключевых векторы.

Во-первых, это строительство международного центра научно-технических инноваций, а также кластера передовой обрабатывающей промышленности мирового класса, что позволит еще больше расширить открытость и создаст новые преимущества для международного торгового сотрудничества.

Во-вторых, участие китайских инвесторов в создании 49 зон опережающего развития и проектах свободного порта Владивосток. Общий объем инвестиций составляет 2,7 миллиарда долларов США. В стадии подготовки находится 40 инвестиционных проектов на сумму более 23 миллиардов долларов США.

По имеющимся данным, на Дальнем Востоке России крупнейшими проектами с участием китайского капитала являются проект по добыче золота с участием China National Gold Group, угольный проект с участием

China Energy, Находкинский завод минеральных удобрений с участием China Chengda Engineering Co., Ltd. и China Ding United Animal Husbandry.

Особый акцент необходимо сделать на углублении сотрудничества между горнодобывающими компаниями из Китая и России и создании промышленного кластера стоимостью триллион юаней. После того, как будут построены приграничные железные дороги и автомагистрали, сотрудничество в сфере оптовых поставок станет реальностью, что будет способствовать развитию новых промышленных кластеров. Согласно информации властей провинции Хэйлунцзян, разработка, использование и интенсивная переработка полезных ископаемых должны достичь 230 миллиардов юаней, плюс переработка нефти и природного газа. В частности, обозначенные инициативы позволят укрепить сотрудничество между Harbin Electric Group в Хэйлунцзян, Северо-восточным заводом легких сплавов, Hafei Company, Harbin Bearing Factory, Jiamusi Electric Co., Ltd. и крупными центральными предприятиями, такими как China Minmetals Corporation.

В-третьих, реализация трех проектов по переработке российской продукции в районе Суйфэньхэ в зоне свободной торговли Хэйлунцзян в Китае: импорт российской высококачественной муки, меда и других сельскохозяйственных продуктов для развития пищевой промышленности, импорт омега-3, пастернака, астрагала и других китайских лекарственных материалов.

В-четвертых, инновационные модели сотрудничества в области энергетики и ресурсов. В стратегические планы России не входит в долгосрочной перспективе продолжать поставки сырья в Китай, а экспорт из Северо-Восточного Китая на Дальний Восток в свою очередь не может долго базироваться на низкопробных товарах легкой промышленности и товарах повседневного спроса. Таким образом, обе стороны нацелены на углубленное сотрудничество в оптимизации структуры импорта и экспорта продукции, а также изучение возможностей расширения потенциала энергетической отрасли в двух регионах. Другими словами, целью экономического взаимодействия является осуществление прорыва в области энергетики, развитие экспортных направлений, ориентированных на энергетику.

Таким образом, подводя итоги отметим, что налаживание эффективных экономических связей между провинцией Хэйлунцзян Китая и Дальним Востоком России может решить проблемы России в области капитала, технологий, строительства и эксплуатации предприятий. А минеральные ресурсы Дальнего Востока в свою очередь будут способствовать поддержке и стимулированию экономического роста провинции Хэйлунцзян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wang, Peijie Science, technology and innovation policy in Russia and China — Mapping and comparisons in objectives, instruments and implementation // Technological forecasting and social change. Volume 162; pp 13–19.
2. Russia in a Changing World / Glenn Diesen, Alexander Lukin. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 196 p.
3. Power of Siberia: a natural gas pipeline brings Russia and China closer / Michael Ratner, Heather L. Greenley. Washington: Congressional Research Service, 2020. 141 p.
4. The Belt and Road Initiative, Asian infrastructure investment bank, and the role of enterprise heterogeneity in China's outward foreign direct investment // Post-communist economies. 2021; Number 4; pp 379–401.

© Чэнь Чжэньгуан (1060396560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйлуңцзян, Китай

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОГО ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН И РОССИЕЙ НА ФОНЕ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО МОСТА ХЭЙЛУНЦЗЯН¹

STUDY OF A NEW WAY OF ECONOMIC AND TRADE COOPERATION BETWEEN THE PROVINCE OF HEILONGJIAN AND RUSSIA IN THE BACKGROUND OF THE ESTABLISHMENT OF THE CHINESE-RUSSIAN BRIDGE

Chen Zhenguang

Summary. The article is devoted to the study of the impact of the construction of the new Heilongjiang Bridge on economic and trade cooperation between Russia and China in the Far East. In the course of the study, it was established that the functioning of this bridge will allow several times to increase the cargo and passenger traffic. Also, this element of infrastructure will have a positive effect on the dynamics of investments and the development of the regional economy of the border areas. In addition, the Heilongjiang Bridge is an important element of the New Silk Road project.

Keywords: bridge, China, Russia, economy, trade, investment.

Чэнь Чжэньгуан

*Старший преподаватель, Хэйхэский университет
1060396560@qq.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния строительства нового моста Хэйлунцзян на экономическое и торговое сотрудничество между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. В процессе исследования установлено, что функционирование этого моста позволит в несколько раз увеличить грузо- и пассажиропоток. Также данный элемент инфраструктуры положительно повлияет на динамику инвестиций и развитие региональной экономики приграничных территорий. Кроме того, мост Хэйлунцзян является важным элементом проекта «Новый Шелковый путь».

Ключевые слова: мост, Китай, Россия, экономика, торговля, инвестиции.

Современное состояние внешнеэкономической деятельности России требует осуществления поиска новых сегментов и ниш в мировой экономической системе и, прежде всего, в азиатском направлении, для которого характерным является огромный рынок и широкий набор различных источников инвестиций. Кроме того, реализуя данный вектор развития, Россия имеет определенные конкурентные преимущества в известных отраслях промышленности и сельского хозяйства [1].

Особую значимость внешнеэкономическое сотрудничество предприятий и регионов России в ближайшее время и на перспективу приобретает в связи с новой парадигмой развития Китая и мирового сообщества,

которая находит свое проявление в рамках проекта нового «Шелкового пути» — один путь — один пояс. Одна из возможностей для экономики России в этом проекте заключена в расширении и интенсификации экономического и торгового сотрудничества с Китайской народной республикой не только в пределах уже известных сегментов и отраслей, но и в направлении создания принципиально новых плоскостей приложения совместных усилий.

На 25-й очередной встрече премьер-министров Китая и России, состоявшейся в декабре 2020 года, в совместном коммюнике было указано на всестороннее содействие скорейшей реализации проекта по открытию китайско-российского моста Хэйлунцзян. После

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов провинции Хэйлунцзян 2019 г. на тему «Исследование нового пути экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией на фоне создания китайско-российского моста Хэйлунцзян». Проект 2019-KYYWF-0457

завершения строительства моста Хэйлунцзян люди из двух мест смогут добраться до противоположного берега всего за 6 минут в одну сторону. Этот проект является воплощением непрерывного ускорения строительства трансграничных транспортных объектов между Китаем и Россией. Согласно проектному плану дорога через Хэйлунцзян имеет общую протяженность 973 метра и включает 4 нитки.

После ввода проекта в эксплуатацию значительный импульс развития получают транспортные и логистические потоки, кроме того, мост позволит снизить нагрузку на портовые перевозки, значительно повысить эффективность оформления пассажиров, будет способствовать объединению транспортной инфраструктуры обеих сторон. Не подлежит сомнению тот факт, что строительство китайско-российского моста Хэйлунцзян поможет двусторонним торгово-экономическим обменам стать более удобными и беспрепятственными.

Таким образом, указанные обстоятельства определяют выбор темы данной статьи, а также подтверждают ее актуальность, теоретическую и практическую значимость.

Перспективы наращивания трансграничного взаимодействия Китая и России, в частности, благодаря строительству моста «Амур (Хэйлунцзян)» рассматривают в своих трудах такие авторы как: Laisi, M.; Hilmola, O.P.; Sutela, M.; Nekhoroshkov, V.P.; Xiaoyan, L.; Malle, Silvana; Bennett, Mia M.

Вопросами углубления международного разделения труда и международной экономической кооперации благодаря развитию и расширению транспортных коридоров между Россией и Китаем занимаются Москвитина Н.Г., Подойницына И.И., Ма Ю., Сулов Д.В., Diesen, Glenn; Jung, Hyunjae; Kim, Jaewon; Shin, KwangSup.

Исследования, касающиеся комплексного решения проблем повышения эффективности развития транспортной системы приграничных территорий Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян через призму экономического и торгового сотрудничества, гуманитарных обменов и развития инфраструктуры были выполнены Линлин В., Жу Ц., Чжоу Я., Яо Яо., Песцовым С.К., Волынчуком А.Б., Yun, Y.; Park, K.; Chuai, Xiaowei; Lu, Qinli; Huang, Xianjin; Gao, Runyi.

В тоже время, необходимо отметить, что в большинстве имеющихся на сегодняшний день научных работ перспективы развития транспортного сообщения между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян рассматриваются с позиций оптимизации логистических процессов, перевозок и развития международных

коридоров. Однако ключевым вопросам стимулирования экспорта товаров, развития торгово-экономических отношений между приграничными территориями не уделено должного внимания.

Учитывая вышеизложенное, цель статьи заключается в изучении перспектив экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией с учетом создания китайско-российского моста Хэйлунцзян.

Китайско-российский мост Хэйлунцзян относится к отрасли строительства дорог и мостов и играет определенную роль в развитии многих промышленных секторов. Оценку его экономического воздействия можно разделить на оценку краткосрочного экономического эффекта и оценку долгосрочного экономического эффекта. Краткосрочный экономический эффект в основном относится к экономическому эффекту в период строительства, а долгосрочный экономический эффект связан с получением выгод и преимуществ в период его эксплуатации.

Результаты анализа показывают, что мост Хэйлунцзян играет наиболее важную роль в развитии промышленности и энергетики в период строительства и ввода в эксплуатацию. Это в основном связано с тем, что строительная отрасль относится к числу основных в национальной экономике как России, так и КНР. В период эксплуатации мост Хэйлунцзян позволит увеличить объем перевозок по маршруту за счет снижения транспортных расходов. С учетом особого расположения моста главное его влияние найдет свое проявление в увеличении объемов торговли. В течение долгого времени Китай экспортировал текстиль и переработанную сельскохозяйственную продукцию в Россию через порт Хэйхэ, а Россия экспортировала продукцию машиностроения и энергию в Китай. Завершение строительства китайско-российского моста Хэйлунцзян еще больше расширит масштабы и методы торговли в порту.

Рассмотрим более подробно конкретные долгосрочные экономические эффекты.

Итак, мост Хэйлунцзян является неотъемлемым элементом зоны свободной торговли Хэйлунцзян, которая была создана в 2019 году и охватывает районы Харбина, Хэйхэ и Суйфэньхэ. Последние два района расположены в приграничной зоне между Китаем и Россией. Уникальное географическое положение зоны свободной торговли Хэйлунцзян и тесные контакты с Россией в контексте открывшихся транспортных возможностей позволят привлечь больше компаний из обеих стран. Строительство и дальнейшее развитие транспортной

инфраструктуры в рамках зоны свободной торговли предоставит предприятиям РФ и КНР новые возможности для укрепления сотрудничества, а также будет способствовать развитию взаимовыгодных связей между Россией и Китаем в области науки и технологий, сельского хозяйства, финансов и торговли.

В 2018 году объем торговли между Россией и Китаем превысил 100 миллиардов долларов США и логистика имеет жизненно важное значение для реализации инвестиционных проектов, поскольку она позволяет снизить затраты и сделать проект прибыльным. Этот мост открывает новые возможности для инвестиций на Дальнем Востоке и развития экономики России. Согласно расчетам, каждые сутки по мосту смогут проезжать 164 автобуса, 630 грузовых автомобилей, 68 легковых машин и около 5,5 тысячи человек. Для организации такого потока с нуля строится двадцать километров подъездных путей: 13,4 километра по российской территории и 6,7 — по китайской. Опираясь на мост Хэйлунцзян, Россия планирует построить транспортные, логистические комплексы и туристические объекты, а также реализовать больше проектов сотрудничества с Китаем для ускорения развития. Все это в целом позволит устранить логистические ограничения при экспорте товаров и будет способствовать строительству (модернизации) пунктов пропуска через государственную границу.

По прогнозам экспертов, к началу эксплуатации моста годовой пассажиропоток может составить 1,4 миллиона пассажиров, а грузовой — достигнет 3 млн. тонн, к 2035 году ожидается 6,2 млн. тонн и 3 млн. человек. Такие города на северо-востоке, как Харбин, Чанчунь и Суйфэньхэ, создают комплексные пилотные зоны для трансграничной электронной торговли, а соответствующая политика преференций будет способствовать развитию трансграничного сотрудничества в области электронной торговли между Китаем и Россией.

Особое внимание необходимо уделить тому факту, что мост Хэйлунцзян позволит снизить нагрузку

на порт Хэйхэ, о котором уже упоминалось ранее, и который имеет самую высокую пропускную способность на китайско-российской границе. Однако его функционирование ограничено периодом весеннего и осеннего дрейфа льда в Хэйлунцзяне, в результате эффективное время перевозки грузов в порту Хэйхэ составляет всего около 240 дней в году. Расширение и развитие новой инфраструктуры даст возможность снизить зависимость торговли и перевозок между Россией и Китаем от климатических условий.

Также мост Хэйлунцзян важен с точки зрения развития автотуризма между двумя странами. В данном плане власти России поставили очень амбициозную задачу — обеспечить, чтоб не менее двух миллионов человек в год пересекали границу по мосту Благовещенск — Хэйхэ.

Помимо этого, следует сделать акцент на том, что мост Хэйлунцзян имеет решающее значение не только с точки зрения соединения двух приграничных регионов России и Китая, благодаря ему будет сформирована новая международная автомагистраль, которая обеспечит прямое соединение двух городов на уровне префектур в Китае и России и добавит важную трансграничную инфраструктуру для строительства «Нового Шелкового пути» Китай-Монголия-Россия. После полного введения моста Хэйлунцзян в эксплуатацию Китай и Россия войдут в стадию строительства вспомогательных объектов, опираясь на международную секцию совместного управления моста Хэйлунцзян для создания зоны приграничного экономического сотрудничества и дальнейшего развития взаимосвязи инфраструктуры между китайской провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России.

Таким образом, анализ влияния строительства моста Хэйлунцзян на экономические между Россией и Китаем, свидетельствует о том, что он позволит интенсифицировать динамику и улучшить структуру торговли, расширить инвестиции и сократить логистические затраты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hooijmaaijers, Bas China, the BRICS, and the limitations of reshaping global economic governance // *The Pacific review*. 2021. Volume 34: Number 1; pp 29–55.
2. Chuai, Xiaowei China's construction industry-linked economy-resources-environment flow in international trade // *Journal of cleaner production*. 2021. Volume 278; pp 13–19.
3. Offering a Different Choice The China-Russia relationship's contribution // *Beijing review: a Chinese weekly of news and views*. 2019. Volume 62: Number 28; pp 24–29.

© Чэнь Чжэньгуан (1060396560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Антощенко Алексей Владимирович

Доцент, Владивостокский филиал ФГКОУ ВО «ДВЮИ

МВД России»

Kotova-vg@rambler.ru

SOME ISSUES OF STATE REGULATION IN THE FIELD OF FOREST MANAGEMENT

A. Antoshchenko

Summary. The article is devoted to some issues that arise in the process of public administration in the field of forest management.

The author focuses on the fact that currently there is a search for solutions at the state level to develop legal mechanisms and means to improve the effectiveness of state regulation in the forest industry. It is noted that the main direction of this activity is the expansion of the licensing and control powers of the federal executive authorities.

In addition, the author focuses on problematic issues in the field of forest management that need to be resolved at the state level, including economic and legal issues. Specific measures are proposed to overcome these negative aspects. In particular, it is indicated that special attention should be paid to measures aimed at protecting and protecting forest resources from negative natural phenomena, as well as from illegal activities related to wood harvesting.

In the article, the author makes a number of proposals for improving the regulatory framework that forms the legal basis for the activities of entities engaged in the timber industry.

Keywords: state administration, federal executive authorities, timber industry, forest fund, negative natural phenomena, offense, liability, statute of limitations, law enforcement agencies.

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам, возникающим в процессе государственного управления в сфере лесопользования.

Автор акцентирует внимание на том, что в настоящее время идет поиск решений на государственном уровне по выработке правовых механизмов и средств, для повышения эффективности государственного регулирования в лесной отрасли. Отмечается, что основным направлением этой деятельности является расширение разрешительных и контрольных полномочий федеральных органов исполнительной власти.

Кроме этого, автор акцентирует внимание проблемных вопросах, в сфере лесопользования, которые необходимо решить на государственном уровне, в том числе хозяйственного и правового характера. Предлагаются конкретные меры для преодоления этих негативных моментов. В частности, указывается, что особое внимание необходимо уделить мерам направленным на охрану и защиту лесных ресурсов от негативных природных явлений, а также от незаконной деятельности связанной с заготовкой древесины.

В статье, автор вносит ряд предложений по совершенствованию нормативной базы составляющей правовую основу деятельности субъектов занятых в лесопромышленном комплексе.

Ключевые слова: государственное управление, федеральные органы исполнительной власти, лесопромышленный комплекс, лесной фонд, негативные природные явления, правонарушение, ответственность, сроки давности, правоохранительные органы.

В период становления в Российской Федерации рыночных отношений постоянно менялась и формировалась модель государственного регулирования лесной отрасли. Она сложилась в соответствии с общими тенденциями изменений в системе государственного управления, произошедшими в ходе осуществления административной реформы, разграничением полномочий органов государствен-

ной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также реформой в бюджетно-финансовой сфере. В результате проведенных реформ изменился подход к организации государственного регулирования отношений в сфере лесопользования и оно было заменено на более сложную систему организации управления и контроля

связанную с разграничением полномочий между государственными и муниципальными органами власти, основанную на принципах заявительного характера и платности использования лесов.

Как показала практика, действующая модель государственного управления лесным хозяйством не в полной мере соответствует сложившейся обстановке, в которой реально реализуются нормы законодательства Российской Федерации регулирующие вопросы связанные с использованием лесов. В подтверждение этого в 2021 была разработана и принята «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации № 312-р от 11 февраля 2021 года. В которой, анализируется сложившаяся ситуация в лесопромышленном комплексе и определяются перспективы развития данной отрасли. Кроме этого, рассматриваются проблемные вопросы существующей системы государственного регулирования отношений в сфере лесопользования. В стратегии определены основные направления совершенствования системы государственного регулирования направленные в первую очередь на расширение полномочий федеральных органов исполнительной власти в области контроля и надзора за деятельностью субъектов связанных с использованием лесов. В частности, одним из способов реализации указанных полномочий является введение государственного лесного реестра, который закрепляет имущественные права государства на лесной фонд путем постановки их на соответствующий учет, это позволит более эффективно реализовывать федеральными органами государственной власти полномочия по обеспечения контроля и надзора за законностью деятельности субъектов в сфере лесопользования. Организацией эффективной реализации этих полномочий, будет обеспечиваться решение основной задачи это сохранение, возобновление, охрана и защита лесного фонда. Кроме этого, решению этой задачи, в соответствии со «Стратегией развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» способствует многообразие форм предоставления лесных участков и правовых оснований для использования лесов направленных на обеспечение доступности лесных ресурсов, а также прозрачность процедур проведения лесных торгов в условиях здоровой конкуренции. [1]

Главное направление государственного регулирования лесным хозяйством заключается в решении проблемных вопросов влияющих на качество и эффективность деятельности лесного хозяйства. К ним относятся:

- ◆ незаконная деятельность связанная с использованием лесов, сюда можно отнести незаконные рубки деревьев; превышение и злоупотребления должностными лицами государственных

и муниципальных органов власти осуществляющих разрешительные, надзорные и контрольные функции в сфере использования лесов; незаконная деятельность должностных лиц субъектов задействованных в процессе хозяйственной деятельности в лесопромышленном комплексе (нарушение технологии заготовки, переработки, хранения и реализации древесины)

- ◆ проблема эффективной организации деятельности связанной с обеспечением противопожарной безопасности и раннего обнаружения очагов возгорания
- ◆ вопрос об эффективной организации работы по проведению достаточного количества профилактических и санитарно-оздоровительных мероприятий направленных на защиту лесов от вредных организмов
- ◆ вопросы связанные с организацией более качественного проведения лесоустроительных работ (проектирование лесничеств, проектирование отдельных видов лесов, таксация лесов и т.д.), что позволит получить достоверные сведения об объемах лесных ресурсов, информацию об интенсивности использования лесов
- ◆ вопросы связанные с проведением лесовосстановительных работ, недостаточная организация деятельности в этом направлении не позволит выйти на уровень лесовоспроизводства относительно темпов заготовки древесины
- ◆ упрощение системы принятия административных решений по вопросам связанных с реализацией проектов в лесопромышленном комплексе
- ◆ вопросы связанные с логистическим обеспечением хозяйственной деятельности при освоении перспективных направлений по использованию лесных участков, особенно находящихся в удаленных и труднодоступных местах, с целью уменьшения затратной части на заготовку, перевозу и переработку древесины, что в конечном итоге влияет на себестоимость продукции
- ◆ вопросы связанные с переориентацией лесного хозяйства с экспортного направления на переработку круглого леса на внутреннем рынке.

Для поиска эффективного решения этих и других вопросов, необходимо использовать возможности всех органов федеральной и муниципальной власти, а также субъектов хозяйственной деятельности в сфере лесопользования. Разработка решений и контроль за их исполнением должно осуществляется на государственном уровне.

Необходимо увеличивать финансирование этой работы за счет средств федерального бюджета, к примеру, финансирование охраны лесов от пожаров за счет

средств федерального бюджета в последние годы составляет в среднем 6,1 млрд. рублей, что примерно в 2 раза меньше необходимого уровня. [2]

На государственном уровне необходимо разрабатывать новые и совершенствовать существующие системы обнаружения лесных пожаров, в настоящее время функционирует федеральная государственная система «Информационная система дистанционного мониторинга Федерального агентства лесного хозяйства», которая, используя средства спутниковой связи, обеспечивает оперативное получение информации о лесных пожарах. Кроме этого, целесообразно расширять возможности использования авиации, в том числе беспилотные летательные аппараты для мониторинга и противодействия природным явлениям. [3]

Представляется, что в настоящее время, после проведенных реформ в лесной отрасли необходимо обратить внимание на вопрос увеличения штатной численности лесхозов и участковых лесничеств, а также укомплектование их специальной техникой и соответствующими специалистами по ее использованию.

Не менее важно продолжать дальнейшие работы по совершенствованию правовой базы предусматривающей ответственность за различного рода правонарушения в рассматриваемой сфере.

Для этого внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральным законом № 29-ФЗ от 18 марта 2019 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» введена административная ответственность должностных лиц и лесопользователей за невыполнение мероприятий, предусмотренных сводным планом тушения лесных пожаров.

Федеральным законом «О внесении изменения в статью 8.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» предусматривается ужесточение наказания за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. [4]

Внесение изменений в Лесной кодекс Российской Федерации в части совершенствования регулирования защиты лесов от вредных организмов улучшило качество и оперативность принимаемых решений в сфере защиты лесов. В дальнейшем необходимо рассматривать вопрос о повышении уровня ответственности должностных лиц за назначение и проведение санитарно-оздоровительных мероприятий в лесах, а также разрабатывать действенные механизмы контроля за достоверностью сведений о санитарном и лесопатологическом состоянии лесов и обоснованностью на-

значаемых мероприятий по защите лесов, предусмотренных актами лесопатологического обследования. Кроме этого, в «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» обращается внимание на необходимость расширения перечня средств защиты лесов от вредных организмов, особенно в части экологически безопасных и эффективных биологических препаратов. В целях предупреждения катастрофических повреждений лесов на значительных площадях должны быть созданы технологии прогнозирования распространения и динамики очагов наиболее опасных вредных организмов, в том числе инвазивных видов.

Большое значение имеет дальнейшая разработка мер борьбы с незаконными рубками лесных насаждений, которые причиняют существенный экономический и экологический ущерб.

Требуется введение норм, обеспечивающих запрет на нахождение лиц с лесозаготовительной техникой и лесовозами в лесах без правоустанавливающих документов на осуществление рубок лесных насаждений, а также возможность конфискации лесозаготовительной и лесовозной техники, являющейся орудием преступления и принадлежащей на праве пользования третьим лицам, хотя данный вопрос является дискуссионным и требует дополнительной проработки. Должны быть установлены требования об обязательном оснащении лесозаготовительной и лесовозной техники специальными техническими средствами (ГЛОНАСС), обеспечивающими контроль за движением такой техники в автоматическом режиме, и введение ответственности за нарушение указанного требования.

Следует проработать правовой механизм прекращения деятельности юридических лиц арендаторов и покупателей лесных насаждений, допуская нарушения при заготовке, обороте и экспорте древесины.

В целях контроля и пресечения схем легализации незаконно заготовленной древесины следует инициировать проработку вопроса о введении постоянного целевого мониторинга финансовых операций организаций — экспортеров лесопродукции.

Все это требует больших финансовых вложений из федерального бюджета. Считаем, что при правильной организации хозяйственной деятельности в лесопромышленном комплексе доходы получаемые от ее осуществления перекроют расходную часть предназначенную для организации работы по охране и защите лесов. Помимо этого, лес — это народное, государственное достояние, которое составляет неотъемлемую часть экологической системы страны, обеспечивает стратегическую независимость государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Правовые проблемы и направления совершенствования государственного управления в области лесных отношений *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 2 (135). С. 78–93.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 312-р от 11 февраля 2021 года. «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года»
3. Васильева М.А., Степаниюгин К.В., Богданов А.В. Выявление нарушений лесного законодательства с использованием систем дистанционного мониторинга на территории Дальневосточного федерального округа *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 4 (68). С. 107–111.
4. Федеральным законом № 29-ФЗ от 18 марта 2019 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

© Антощенко Алексей Владимирович (Kotova-vg@rambler.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

ABOUT EFFECTIVE ORGANIZATIONAL FORMS OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATORS AND AGENCIES OF INQUIRY

D. Aristarkhov

Summary. The article outlines the topical problems of communication between the investigator and the inquiry bodies in the investigation of crimes in real nowadays conditions. It is in ensuring the communication and interaction of the subjects of the investigation that the necessary condition for an effective investigation has been found. It is the effective interaction in law enforcement agencies that can make it possible to solve an important task of the preliminary investigation. The procedural essence of the investigator's activities is manifested through the legal endowment of the investigator with the appropriate powers to investigate and solve crimes. With an effective investigation of crimes, along with procedural, an organizational form of interaction is carried out. The lack of interaction, including its elementary form — communication between the services of the carrying out operational-search bodies activities and investigating authorities on the circumstances of the criminal case leads to ineffectiveness of the criminal proceedings of the law enforcement agencies, as a logical result of the investigation and disclosure of the crime timely and effective investigation of many crimes involves a combination of procedural and organizational activities, which is possible only with effective interaction between the subjects of law enforcement.

Keywords: interaction, bodies of inquiry, investigator, organizational forms of interaction, crime, fight.

Аристархов Дмитрий Анатольевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Dimaris90@mail.ru

Аннотация. В статье обозначаются актуальные проблемы взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений в современных условиях. На данный момент одной из важных нерешенных задач предварительного следствия по раскрытию преступлений обуславливается недостаточной эффективностью и низким уровнем организованности совместной работы субъектов, расследующих дело, с другими правоохранительными органами-участниками. В раскрытии преступлений с помощью передачи следователю соответствующих полномочий определяется его процессуальная сущность деятельности. Отсутствие взаимодействия, в том числе его элементарной формы — коммуникации между службами органа дознания и следствия по обстоятельствам уголовного дела приводят к неэффективности производства по уголовному делу правоохранительных органов, как логичному итогу работы по расследованию и раскрытию преступления. Умелое сочетание процессуальной и организационной деятельности и эффективное взаимодействие может являться залогом результативного расследования преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие, органы дознания, следователь, организационные формы взаимодействия, преступность, борьба.

На данный момент одной из важных нерешенных задач предварительного следствия по раскрытию преступлений обуславливается недостаточной эффективностью и низким уровнем организованности совместной работы субъектов, расследующих дело, с другими правоохранительными органами-участниками. В раскрытии преступлений с помощью передачи следователю соответствующих полномочий определяется его процессуальная сущность деятельности. На практике корректным было бы выделить две основные формы взаимодействия: процессуальную и организационную. Вышеописанное согласование подразумевает, в начале, совместное установление объединенных усилий следователей с органами, исполняющими оперативно-розыскную активность и имеет

всевозможные стати реализации [1–4]. Главным регулирующим документом и правовой основой для осуществления процессуальной формы взаимодействия установлен и должен быть использован уголовно-процессуальный кодекс РФ.[5].

Процессуальная форма взаимодействия может быть рассмотрена на примере деятельности следователей, проводящих расследования в рамках следственной группы. Уголовно-процессуальный кодекс фиксирует следующие возможности: в раскрытии преступлений с помощью передачи следователю соответствующих полномочий определяется его процессуальная сущность деятельности. Таким образом, следователь полномочен направлять в органы дознания обязательные

к исполнению поручения. Помимо письменных заданий и поручений, следователь правомочен требовать выполнения мероприятий оперативно-розыскного характера и иных процессуальных действий (арест, задержание, производство и т.д.).

Формирование следственно-оперативных групп, а также привлечение к ней сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в установленном порядке должны быть использованы в целях организации качественного расследования и достаточного объема процессуальных действий.

Помимо процессуальной формы взаимодействия необходимо учитывать и использовать организационную. Для нее регулируемыми и регламентируемыми основами ведомственные и межведомственные нормативно-правовые акты [6–9].

Выделим основные элементы деятельности, которые целесообразно, по нашему мнению, отнести к ряду организационных форм:

- ◆ проведение оперативно-розыскных мероприятий в совместном формате;
- ◆ своевременный обмен актуальными данными среди участников следственно-оперативных групп;
- ◆ ознакомление со сведениями, выясненными оперативно-розыскным путем.

В ходе исследования, авторами Ларичев В.Д. и Кучкина В.Г. было проведено анкетирование, которое показало следственно-оперативную группу как высоко результативную форму организации взаимодействия. Данное анкетирование было проведено среди сотрудников правоохранительных органов и выявило прямое положительное влияние использования данной организационной формы на уровень раскрытия и расследования преступлений [10–12]. Были рассмотрены следующие характеристики как преимущественные:

- ◆ составление общего (совместного) плана расследования
- ◆ рассредоточение обязанностей между участниками группы и координация выполнения обязательств
- ◆ ускоренный процесс принятия организационных решений
- ◆ комплексное совмещение сил участников группы
- ◆ контроль за своевременностью, содержанием и результативностью деятельности всех принимающих участие в расследовании
- ◆ создание комфортных условий для осуществления следственных, оперативных, и иных действий.

Все вышеперечисленные факторы служат весомыми преимуществами к формированию следственно-оперативных групп.

В связи с показателями исследований многочисленных авторов полагаем, что при организации работы правоохранительных органов должен быть принят к сведению следующий факт, что следственно-оперативным группам должно быть отведено особое место. Больше всего — по сложным и неочевидным преступлениям. К тому же, по таким преступлениям в целях максимального быстрого определения всех обстоятельств дела, розыска подозреваемых лиц по «горячим следам» следственно-оперативные группы нужно создавать на этапе возбуждения уголовного дела. Такое решение может предотвратить задержки в расследовании и утрату ключевых фактов в ходе расследования. Следует заметить, что на практике по большей части случаев воспроизводится совершенно иная ситуация. Таким образом, по уголовному делу № 12001800060000708, возбужденному по факту дистанционного хищения неустановленными лицами денежных средств в особо крупном размере с расчетного счета коммерческой организации следственно-оперативная группа не только не была создана, но и на протяжении всего срока предварительного следствия не было выполнено ни одного следственного действия. Все расследование по такому сложному и нестандартному преступлению свелось лишь к возбуждению уголовного дела, последующему продлению срока предварительного следствия и логичному в такой ситуации приостановлению предварительного следствия в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Службы органа дознания, которые были задействованы в раскрытии преступления, такие как уголовный розыск, экспертно-криминалистический центр, а также иные подразделения действовали при данных обстоятельствах разрозненно, преследуя общую основную цель каждого своего подразделения — избежать ответственности в случае не раскрытия преступления и контроля вышестоящего начальства или органа. Отсутствие взаимодействия, в том числе его элементарной формы — коммуникации между службами органа дознания и следствия по обстоятельствам уголовного дела привели к неэффективности производства по уголовному делу правоохранительных органов, как логичному итогу работы по расследованию и раскрытию преступления. Все вышеназванные обстоятельства были также отягчены многочисленными передачами дела к производству от одного следователя к другому. В результате чего, преступление не только не было раскрыто, но хуже того, было потеряно драгоценное время, которое представляет невозполнимую ценность по уголовным делам такого характера и за которое можно было по «горячим следам» определить ключевые обстоятельства дела

и изобличить виновных лиц, совершивших преступление. Вместо этого, должностная волокита, отсутствие мотивации и всевозможное избежание ответственности за свои действия в комплексе с организационной несостоятельностью руководителей правоохранительных органов и некомпетентностью рядовых исполнителей привели к полному провалу. Как отмечает А.А. Тарасов, именно благодаря поддержанию личной заинтересованности следователя в сотрудничестве с выделенными участниками можно раскрыть творческое отношение в группе. Никакой силой приказа побудить возникновение таких взаимоотношений невозможно. [00]. К вышесказанному следует добавить, что творческий процесс прежде всего обусловлен заинтересованностью субъекта(ов) расследования в раскрытии преступления. В ситуации, когда руководство правоохранительного органа не видит заинтересованности в расследовании преступления в силу отсутствия в совершенном преступлении ущерба государству, себе или своим знакомым, в комплексе с постоянной текучкой кадров среди рядовых следователей и сотрудников органов дознания из-за постоянных переработок и отсутствия должного материально-технического обеспечения на службе, все это полностью уничтожает творческий процесс в работе и не способствует результативной работе по делу.

На данный момент в регламентирующих документах уголовно-процессуального законодательства нельзя найти четкого понятия, необходимости и оснований формирования следственно-оперативных групп и порядка их создания. В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации можно найти близкое, по существу, понятие следственной группы. В соответствии с ч. 1 ст. 163 УПК РФ «производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его значительного объема или высокого уровня сложности может быть поручено следственной группе». Считаем объективным на практике правоприменения перспективу отведения основного места для следственно-оперативных групп при расследовании преступлений. В данном случае постановление руководителя следственного органа должно быть законным и достаточным основанием для формирования группы. К работе следственной группы, по определению статьи, могут быть привлечены должностные лица органов дознания. В терминологии научной литературы можно найти другие вариации обозначения следственной группы, такие как:

- ◆ группа следователей [13, 14];
- ◆ следственная бригада [17, 18];
- ◆ бригада следователей [15, 16].

При обращении к терминологии, описывающей следственную группу, автора Цоколова И.А., заслуженного юриста РФ, подобрана максимально точная и подходящая формулировка: «основанное на законе вре-

менное организационное формирование, созданное для расследования конкретного уголовного дела в целях быстрого и полного раскрытия и расследования преступления и состоящее из нескольких следователей, один из которых принимает дело к своему производству и руководит действиями других следователей» [22]. Следует добавить, что в соответствии с ч. 2 ст. 163 с ч. 2 ст. 163 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации только руководитель органа следствия полномочен принимать ключевые организационные решения. К таким решениям при формировании следственной группы можно отнести необходимость производства предварительного следствия выделенной следственной группой. Изменение состава следственной группы также должно быть в полномочиях вышеупомянутого руководителя. Нужно отдать отдельное внимание понятию и функциям следственной группы: она может быть создана уже в рамках существующего расследования по возбужденному ранее уголовному делу. Формирование же следственно-оперативной группы после возбуждения уголовного дела не имеет смысла. Во время проведения проверки по сообщению о преступлении уместно осуществить формирование следственно-оперативной группы. Нужно отметить, что ее деятельность особенно актуальна на этапе возбуждения уголовного дела. Опираясь на это, можно предположить обоснованность возбуждения уголовного дела и уголовно-процессуальных отношений.

Порядок, основания, требования к созданию следственно-оперативных групп, на наш взгляд, должны быть рассмотрены подробнее и регламентированы в соответствии с вышеописанной деятельностью. Несправедливо не согласиться с В.В. Степановым и И.П. Можевой в том, что ст. 163 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не позволяет выделять обособленно понятие следственно-оперативной группы. Условия для формирования группы и привлечения к ней соответствующих лиц органов дознания не отменяют того, что в норме не содержится в принципе соответствующего термина [24]. Мы можем однозначно заявить, что для формирования следственно-оперативной группы недостаточно привлечения сотрудников органов оперативно-розыскной деятельности к работе следственной группы. Многие авторы популярных научных трудов пытались сформулировать определение следственно-оперативных групп для описания максимально приближенных условий, достаточных для формирования и регулирования деятельности таких групп. Например, автор Бажанов С.В. определил: «организационно-процессуальное формирование следователей и оперативных работников органов внутренних дел, которые под руководством следователя, принявшего дело к производству, обеспечивают совместное, согласованное по целям, месту, времени раскрытие и расследование сложных и больших по объему

уголовных дел о наиболее тяжких преступлениях» [26]. По указанной характеристике описанная структура иерархично состоит из тесно связанных следователя и оперативных работников, находящихся у него в подчинении. В существующей следственно-оперативной практике соответствующей организации не предусмотрено, так как в следственную группу могут входить и сотрудники других правоохранительных органов помимо сотрудников органов внутренних дел. При этом на сегодняшний день для успешного расследования сложных и нетривиальных уголовных дел подобная практика все-таки применяется. К тому же, следственно-оперативные группы создаются иногда даже для решения текущих задач. К таким группам можно отнести дежурные следственно-оперативные группы [27]. По мнению И.А. Цоколова, эксперта в области уголовно-правовой квалификации преступной деятельности, следственно-оперативная группа — «это основанное на законе и ведомственных НПА временное организационное формирование, состоящее из следователя/следователей, сотрудников оперативных служб субъектов оперативно-розыскной деятельности и иных специалистов, возглавляемое следователем и создаваемое для оптимальной организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [22]. В связи с описанной выше формулировкой напрашивается вывод о недостаточности высокого объема уголовного дела и его трудоемкости как ключевых критериев для решения о формировании следственно-оперативной группы. Наоборот, отнести к таким критериям можно нетривиальность задачи по раскрытию преступления и невозможность проведения расследования без участия на постоянной основе сотрудников выделенных оперативных подразделений. Следующие критерии можно отметить как дополнительные, однако обязательные к рассмотрению:

- ◆ вариативность, объем и количество следственных версий, подлежащих обработке;
- ◆ трудоемкость планируемых действий в рамках следствия, связанная непосредственно с количеством участников и многочисленными эпизодами преступной деятельности;
- ◆ значительное количество следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, подлежащих проведению.

В соответствии с ч. 2 ст. 163 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к работе следственных групп могут быть привлечены лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В настоящее время при планировании и проведении работ следователь имеет право и возможность поручать выделенные оперативно-розыскные мероприятия только через начальника органа дознания. Однако считаем уместным внести изменения для снижения временных проволочек по процессу: ввести функциональное подчинение путем внедрения в уголовно-процессуальное законодательство дополнительного права следователя. С помощью новых полномочий следователь сможет поручать это непосредственно участникам группы, и контролировать результаты работы, предоставленные ответственным за свой участок работы. Такое изменение повысит скорость и эффективность взаимодействия.

В завершении необходимо отметить, что только умелое сочетание процессуальной и организационной деятельности может являться залогом результативного расследования преступлений. Достижение такого сочетания возможно в перспективе только при активном совместном взаимодействии субъектов правоохранительной деятельности и взаимной заинтересованности в результате. Нельзя не отметить важную роль мотивации субъектов, которая осталась без внимания на невысоком уровне на данный момент и негативно влияет на совместное решение задач и взаимную ответственность в ходе следствия. При детальной проработке этого участка работы правоохранительных органов можно достичь роста результативности совместной деятельности следователя в группе с органами дознания. К сожалению, на сегодняшний день можно констатировать, что требования статьи 6 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений выполняются недостаточно эффективно. Повышение мотивации, эффективности и ответственности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство возможно исключительно посредством ведения соответствующей государственной политики в борьбе с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругликов А.П. Сущность и правовые формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания: учебное пособие. — Волгоград, 1985. — С. 21.
2. Дербенев А.П. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений: учебное пособие. — М.: Академия МВД СССР, 1983. — С. 6.
3. Зимин Р.В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 33.
4. Бекетов М.Ю. Актуальные вопросы использования непроцессуальных форм взаимодействия следователя и органов дознания в ходе расследования преступлений // Следователь. — 2000. — № 4. — С. 19–25.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.

6. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью) (ред. от 25.07.2014): указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1958.
7. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц (Зарегистрировано в Минюсте России 20.03.2015 № 36499): приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 // Российская газета. — 2015. — 30 марта.
8. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (Зарегистрировано в Минюсте России 06.11.2014 № 34570): приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 // Российская газета. — 2014. — 14 нояб.
9. Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 // СПС «КонсультантПлюс». 2016.
10. Синеокий О.В. Виды следственных и следственно-оперативных групп: сравнительный анализ // Государство и право. — 1997. — № 1. — С. 60.
11. Колмогоров В. Следствие ищет новые пути борьбы с преступностью // Российская юстиция. — 2000. — № 3. — С. 6.
12. Травкин Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — С. 8.
13. Карнеева Л.М. Организационные начала расследования преступлений группой следователей // Правоведение. — 1965. — № 3. — С. 91–99.
14. Карнеева Л.М., Галкин И.С. Расследование преступлений группой следователей. — М., 1965. — С. 5.
15. Герасун А.А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1968. — С. 7.
16. Тарасов А.А. Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей: дис. ... канд. юрид. наук. — Куйбышев, 1990. — С. 67.
17. Улищенко И.С. Расследование преступлений группой следователей: проблемы правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — С. 4–5.
18. Каплан Л.С. Взаимодействие следователя с органами дознания. — Тюмень, 1999. — С. 67
19. Герасимов И.Ф., Драпкин Л.Я. Основные факторы интенсификации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам: межвузовский сборник. — Красноярск, 1985. — С. 8–15.
20. Хамгоков М.М. Понятие и виды следственной и следственно-оперативной групп // Закон и право. — 2007. — № 12. — С. 67, 68.
21. Цоколов И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 23.
22. Можяева И.П., Степанов В.В. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: монография. — М., 2007. — С. 116, 117.
23. Кокурин Г.А. Криминалистические и организационные основы деятельности следственно-оперативных групп по раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1991. — С. 23.
24. Бажанов С.В. Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1990. — С. 12.
25. Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 32.
26. Савенко Г.М. Следственные группы в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 12.

© Аристархов Дмитрий Анатольевич (Dimaris90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВО НА ДОСТУП К СПРАВЕДЛИВОМУ СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В СЛУЧАЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТОРОНЫ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ

RIGHT OF ACCESS TO A COURT IN CASE OF PARTY'S INSOLVENCY OF ARBITRATION AGREEMENT

R. Baldanov

Summary. In this article was analyzed issues of co-relation insolvency and arbitration. While survey was analyzed laws and doctrine of different jurisdiction, including Russian public order. The key to understand the co-relation is the border between public and private law. Moreover, matters right of access to a court in context of party's insolvency of arbitration agreement.

Keywords: insolvency, arbitration, right to access to a court, arbitration agreement, impracticability of arbitration clause.

Балданов Руслан Владимирович

ФГБОУ ВО «Уральский Государственный
Юридический Университет», г. Екатеринбург
Ruslanbaldanov@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы подходы к пониманию проблемы соотношения несостоятельности и третейского разбирательства. В ходе исследования были проанализированы как положения закона различных юрисдикций, так и доктринальные положения отечественного правопорядка. Ключом к пониманию соотношения является ответ на вопрос о том, где пролегает граница между частным и публичным правом. Кроме того, особую роль играет право на справедливое судебное разбирательство в контексте квалификации оговорки в качестве исполнимой несостоятельным истцом.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), третейское разбирательство, право на доступ к справедливому судебному разбирательству, арбитражная оговорка, неисполнимость арбитражной оговорки.

В процессуальной доктрине и правоприменительной практике не существует единого мнения относительно судьбы арбитражной оговорки в случае несостоятельности одной из сторон арбитражного соглашения. Постановление Пленума ВАС № 35 от 22.06.2012 вносит определенную ясность, закрепляя принцип концентрации споров. Кроме того, существуют иные процессуальные аспекты, обусловленные процедурой банкротства, например необходимость уведомления об обращении в арбитражный суд с иском о признании лица несостоятельным [13, с. 146–149]. Между тем остается открытым вопрос: что делать, если признан несостоятельным сам носитель нарушенного права?

Следует отметить, что третейское разбирательство по своей природе противопоставимо производству по делам о несостоятельности. Если третейское разбирательство носит децентрализованный характер и является квинтэссенцией частного права, то несостоятельность характеризуется централизованным порядком разрешения и рассмотрения споров [19].

Наиболее явно эта разница выражается в делах, где несостоятельным признан ответчик. Исходя из необходимости проверки арбитражным судом, который рассматривает дело о банкротстве, требований кредиторов к должнику третейский суд признается не имеющим компетенции (т.н. принцип концентрации). В настоящей работе не мы не будем рассматривать обоснованность такого вывода, но заострим внимание именно на несостоятельности истца.

Ранее проводившиеся исследования

Ранее исследователями производился анализ зарубежных правопорядков на эту тему [3]. Если вкратце, то в немецкий правопорядок признает право несостоятельного лица на обращение в государственный суд, если у несостоятельного истца не хватает денег на уплату третейских сборов и пошлин. Арбитражная оговорка в таком случае признается неисполнимой в силу нехватки денежных средств. Федеральный Верховный суд Германии указал, что от несостоятельной стороны не требуется обоснования ее отказа от испол-

нения арбитражного соглашения, поскольку недостаточность денежных средств сама по себе презюмирует неисполнимость арбитражного соглашения [18].

Английский же правопорядок последовательно отстаивает проарбитражную позицию, даже если сторона арбитражного соглашения признана несостоятельной [16]. Однако вопрос о несении расходов, связанных с третейским разбирательством, остается открытым — юрисдикция не нашла ответа на этот вопрос. При этом суды называют «фантастической» ситуацию, при которой все расходы должен нести платежеспособный ответчик [17].

Как указывалось выше, мнения по вопросу исполнимости арбитражного соглашения в условиях несостоятельности стороны, разделились. В.А. Волгина приходит к выводу о том, что экономическое обстоятельство становится угрозой реализации права на доступ к правосудию и праву на справедливое судебное разбирательство [3]. Аналогичной позиции придерживается и Гузанов К.А. [4, С. 72–78].

Константин Антонюк же придерживается иной позиции, полагая, что неисполнение арбитражных соглашений (в т.ч. по мотивам несостоятельности) противоречит международным обязательствам России по признанию арбитражных соглашений участников оборота [1, С. 45]. Эта позиция также поддерживается Уоскиным С.В. [15], Мурановым А.И. [6].

Полагаю, позиция сторонников неисполнимости арбитражного соглашения наиболее обоснована, поскольку в большей мере отвечает экономическим реалиям. Кроме того, позиция может быть аргументирована не только с экономической, но и с правовой позиции.

Право на доступ к правосудию и несостоятельность стороны

В настоящее время судебная практика в России идет по следующему пути: факт нахождения коммерческой организации в тяжелом финансовом состоянии не может сам по себе свидетельствовать о том, что арбитражное соглашение неисполнимо, а также не обязывает государственный суд рассматривать по существу заявленный иск [7].

Однако вопрос об исполнимости арбитражного соглашения зависит не только от возможности несения расходов, но также связан с публичными интересами. КС РФ отмечал, что принцип эффективной интерпретации арбитражной оговорки перестает действовать, когда создается угроза публичным интересам [10]. Каким же образом могут ущемляться публичные инте-

ресы в условиях несостоятельности должника? Одной из основ публичного порядка является защита охраняемых законов интересов третьих лиц, в случае с несостоятельностью — защита прав и интересов конкурсных кредиторов [8]. Кроме того, о публично правовой природе несостоятельности неоднократно указывал как ВС РФ [9], так и КС РФ [11]. Невозможность должника получить доступ к третейскому разбирательству, безусловно, влечет вред интересам конкурсных кредиторов.

Таким образом, несостоятельный оказывается на своеобразном перепутье, где ему всюду закрыты дороги: арбитражный суд не станет рассматривать иск ввиду наличия пророгационного соглашения, третейский суд не станет рассматривать иск в связи с отсутствием финансирования.

Какое же содержание имеет право на доступ к правосудию? Как указывается в литературе, право на доступ к правосудию находится в системе правовых гарантий права на судебную защиту. При отсутствии свободного и беспрепятственного доступа к судебной защите механизм защиты нарушенных прав человека остается обездвиженным [12].

Вместе с тем гарантии защиты нарушенных прав теряют свои смысл без фактической возможности воспользоваться ими. То есть под доступом к правосудию понимается именно беспрепятственная возможность передачи любого спора о гражданских правах на рассмотрение суда (или третейского суда) [2].

То есть отказ в рассмотрении спора о гражданских правах является ущемлением права на доступ к справедливому судебному разбирательству, исходя из толкования ЕСПЧ.

Таким образом, отказ в рассмотрении иска несостоятельного должника государственным арбитражным судом при невозможности оплатить третейские взносы и сборы для рассмотрения иска компетентным третейским судом противоречит основополагающей идее о предоставлении доступа к правосудию и судебной защите.

Варианты решения проблемы

Выше была поставлена проблема, из которой видятся следующие варианты выхода.

1. Корректировка арбитражной оговорки в альтернативную

Судебной практикой уже была выработана позиция относительно признания и приведения решений тре-

тейского суда в условиях несостоятельности ответчика. Аргументация заключается в том, что несостоятельность представляет собой часть публичного порядка (в чем заключается содержание публичного порядка применительно к несостоятельности, мы писали выше), а, следовательно, решение третейского суда будет неминуемо отменено государственным судом в рамках контроля последних над первыми.

Однако описанный подход касается несостоятельности ответчика, в условиях несостоятельности истца полагаем, что справедливым будет не прекращение действия арбитражной оговорки, а ее трансформация в альтернативную. Таким образом, несостоятельный истец может обратиться как в государственный, так и в третейский суд.

Критика названного варианта может быть сформулирована следующим образом.

Путем предоставления права предъявления иска в государственный суд, мы уничтожаем волю сторон при заключении арбитражного соглашения. Таким образом, нарушается принцип «*pactum sunt servanda*». Иначе говоря, арбитражная оговорка трансформируется в отсутствие каких-либо пороков или соглашения сторон. Кроме того, пороки финансового состояния лица не должны влиять на право.

Между тем несостоятельность представляет собой экстраординарную ситуацию, которую сложно предвидеть как с точки зрения экономики, так и с точки зрения права. Трансформация оговорки в альтернативную равным образом уничтожает волю сторон, как уничтожается воля однополых супругов, брак которых не признается в России. Пороки финансового состояния неминуемо влияют на право и весь институт несостоятельности тому подтверждение (Например, особые правила оспаривания сделок. Привлечение к субсидиарной ответственности участников, членов совета директоров, аудиторов, а также иных лиц, которые из буквального текста закона не несут ответственность по долгам несостоятельного). Следовательно, данные возражения бессодержательны.

Кроме того, арбитражная оговорка остается действительной, она лишь трансформируется в альтернативную. Такая трансформация призвана не допустить правовую неопределенность. В противном случае нарушается право лица на справедливое судебное разбирательство.

Таким образом, полагаю, что в случае признания истца несостоятельным он имеет право обратиться не только в третейский суд, но и в государственный.

Такая трансформация оговорки продиктована необходимостью дать лицу доступ на справедливое судебное разбирательство, предоставить фактический доступ к правосудию, независимо от его финансового положения.

2. Проведение собрания кредиторов, на котором должен быть разрешен вопрос о финансировании третейского разбирательства или об отчуждении права требования

Поскольку несостоятельный истец не может нести расходы на третейское разбирательство, возможно финансирование третьим лицом, в частности, конкурсным кредитором. Полагаю, что данный вопрос должен быть разрешен на собрании кредиторов, поскольку судьба дебиторской задолженности неминуемо влияет на права конкурсных кредиторов.

На собрании также может быть поставлен вопрос об отчуждении права требования несостоятельного. Например, конкурсный кредитор может приобрести такую дебиторскую задолженность в обмен на право требования к должнику. Такая схема реализована в рамках судьбы права требования о привлечении к субсидиарной ответственности [14].

Возможность разрешения данного вопроса путем проведения собрания продиктована уже частно правовой стороной несостоятельности. Поскольку несостоятельность хоть и имеет публичные корни, она также имеет и частно правовые вкрапления. Следовательно, невозможно запретить дееспособным лицам распоряжаться правом требования в своей воле и своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Между тем такой способ не будет соответствовать принципу процессуальной экономии.

Во-первых, дополнительные денежные траты — для уведомления о созыве собрания на ЕФРСБ, а также на проведение торгов.

Во-вторых, публикацию о созыве собрания необходимо публиковать не менее, чем за 14 дней до даты собрания. Следовательно, созыв собрания повлечет также дополнительные временные траты.

В-третьих, право требования, которое не подтверждено решением третейского суда может быть реализовано по цене, которая значительно ниже номинальной цены.

Кроме того, предложенный вариант не решает поставленную проблему исполнимости арбитражной оговорки в условиях несостоятельности истца. Более того, такой вариант лишь затягивает процедуру отчуждения

права требования и влечет дополнительные расходы, поэтому от него надлежит отказаться.

Выводы

Таким образом, наиболее логичным и обоснованным видится трансформация арбитражной оговорки в альтернативную, то есть появления у несостоятельного истца права на предъявление иска в государственный суд. Обоснование такому пути дано выше, между тем, резюмируем его здесь в качестве вывода.

1. Невозможность предоставления несостоятельному защиты в государственном или третейском суде влечет за собой невозможность несостоятельного обратиться к механизму судебной защиты своих гражданских прав, то есть нарушает несостоятельного на доступ к правосудию.

2. Для устранения правовой неопределенности и устранения проблема в регулировании предлагается предполагать, что вместе с признанием лица несостоятельным оговорка становится альтернативной. Альтернативная оговорка наделяет несостоятельного правом на обращение в государственный или третейский суд по его выбору. При этом если третейский суд откажет в возбуждении третейского разбирательства в связи с неуплатой сборов, то у несостоятельного останется возможность инициировать разбирательство в государственном суде.

3. Альтернативность оговорки позволяет избежать, с одной стороны, признания недействительной арбитражной оговорки в отсутствие правовых оснований, а с другой позволяет обеспечить доступ к правосудию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константин Антонюк. Исполнимость арбитражных соглашений в случае банкротства стороны спора: куда движется судебная практика? // Arbitration.ru № 9 (13). 2019. С. 45.
2. Т.Г. Бородинова. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. 2017.
3. В.А. Волгина. Влияние нехватки денежных средств на исполнимость арбитражного соглашения // Опыт цивилистического исследования. Выпуск 3. Статут. 2019.
4. К.А. Гузанов. К вопросу об исполнимости арбитражного соглашения в спорах с участием организаций, находящихся в стадии конкурсного производства // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 72–78.
5. Зарубина М.Н., Катукова С.Ю. Принцип эффективной интерпретации третейского соглашения // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 267–278.
6. А.И. Муранов. Факт тяжелого финансового положения стороны — коммерческой организации не может сам по себе свидетельствовать о неисполнимости арбитражного соглашения. Комментарий к определению ВС РФ от 12 июля 2017 года № 307-ЭС17–640 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10.
7. Определение ВС РФ от 12.07.2017 по делу № А56–13914/2016; Определение ВС РФ от 13.05.2021 по делу № А40–31546/2020; Постановление АС УО от 05.11.2020 по делу № А50–33179/2019.
8. Определение ВС РФ от 09.10.2015 по делу № А41–36402/2012.
9. Определение ВС РФ от 16.11.2020 № 308-ЭС20–11632.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П;
11. Постановление КС РФ от 22.07.2002 № 14-П, Постановление КС РФ от 19.12.2005 № 12-П, Определение КС РФ от 17.07.2014 № 1675-О, Определение КС РФ от 25.09.2014 № 2123-О.
12. Постановление ЕСПЧ от 21.02.1975 года. По делу «Голдер против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека: избранные решения в 2 томах /отв. ред. В.А. Туманов. М., 2000. С. 39–80.
13. Раздьяконов, Е.С. Процессуальные последствия досудебных уведомлений в делах о банкротстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8(98) ч. 2. С. 146–149. DOI: 10.23670/IRJ2020.98.8.062.
14. Федеральный Закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)».
15. С.В. Уоскин. Отсутствие средств на оплату арбитража — не повод для игнорирования арбитражной оговорки, кроме крайне исключительных случаев. // Третейский суд. 2017. № 3.
16. http://www.cisarbitration.com/2020/10/26/arbitrability-of-insolvency-disputes-the-principle-of-modified-universalism/?fbclid=IwAR205gb_cE7UNyubPT2EkLyvXFvXEzf20Ij02V_QB8ikUPR2v0jrKW99x1c%20 (дата обращения 08.04).
17. Janos Paczy v. Haenlder & Natermann GmbH. P. 309.
18. Judgment of 14 Sept. 2000, III ZR33/00 (German Bundesgerichtshof). CLOUT Case No. 404 (P. 8)
19. In re U.S. Lines, Inc., 197 F.3d 631, 640 (2d Cir. 1999).

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ПРИМИРИТЕЛЕЙ

A RETROSPECTIVE LOOK AT THE INSTITUTION OF JUDICIAL CONCILIATORS

G. Baranov

Summary. Federal law of 26.07.2019 N197-FZ “on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” includes the Institute of “judicial reconciliation” in the Civil procedure code of the Russian Federation. The article describes similar institutions that operated in pre-revolutionary Russia.

Keywords: judicial reconciliation; retired judge; courthouse; mediation; civil procedure.

Баранов Геннадий Александрович

Заместитель председателя, Березниковский
городской суд Пермского края, г. Березники
GennadyBaranov@yandex.ru

Аннотация. Федеральным законом от 26.07.2019 N197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации включен институт «судебного примирения». В статье рассказывается об аналогичных институтах, действовавших в дореволюционной России.

Ключевые слова: судебное примирение; судья в отставке; здание суда; медиация; гражданский процесс.

На основании статьи 5 Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен главой 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», в том числе — статьей 153.6 «Судебное примирение» [1].

В соответствии с частью 3 статьи 153.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судебным примирителем является судья в отставке [1].

В целом, введение института судебного примирения является продолжением развития института медиации, развитие которого началось с принятия Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Между тем, несмотря на отсутствие подобных институтов в советском праве, в законодательстве и правоприменении дореволюционной России был накоплен определенный опыт разрешения споров в результате примирительных процедур, в том числе — с помощью специально привлеченных лиц. К сожалению, за время существования СССР он был полностью утрачен.

Представляется, что изучение данного опыта будет полезным для совершенствования медиации и судебного примирения в настоящее время.

Так, первое упоминание о примирительных процедурах с использованием посредников в российском законодательстве упоминается в Новгородской республике, в том числе — в Новгородской берестяной грамоте (1281–1313 годы). Существовала специальная процедура — «мировой ряд», которая предполагала обращение спорящих лиц к услугам «рядцов» (примирителей, посредников) с целью, урегулирования спора и заключения соглашения [3].

По мнению Давыденко Д.Л., процедура «мирового ряда», то есть, разрешение спора с помощью «рядцов», характеризуется следующими особенностями:

1. Мировой ряд не являлся третейским судом. Поскольку рядцы являлись именно посредниками (примирителями), то мировой ряд был именно процедурой достижения мирового соглашения.
2. Мировой ряд не являлся формой посредничества или медиации. По мнению Мартышина О.В., рядцами являлись примирители, избранные сторонами для разрешения споров. При этом, данных рядцов выбирали не сами стороны, но, в целом, новгородская община, число рядцов было неопределенным. К услугам рядцов могли обращаться любые стороны. Решение, принимаемое рядцами, оформлялось письменно и обладало юридической силой, приравненной к силе судебного решения. После того, как рядцы пришли к соглашению, они должны были склонить к нему доверителей. Отличие рядцов от посредни-

ков в современном смысле являлось в том, они не считались нейтральными, на них возлагались функции договориться между собой об условиях окончания спора [5].

3. Процедура мирового ряда не являлась переговорами представителей. Представители сторон именовались «рассказчиками» и действовали именно в интересах сторон, в том числе и в суде. Рядцы же, действуя во внесудебном порядке, взаимодействовали между собой с целью урегулирования спора. До настоящего времени не ясно, являлись ли согласованные рядцами условия мира обязательными для сторон, либо в некоторых случаях они могли быть ими отклонены. Очевидно, это зависело от уговора сторон, а также от обычая.

Если рядцы приходили к соглашению об условиях разрешения спора, то это оканчивало тяжбу. Переговор достигнутых условий мира, по общему правилу, не допускался. Условия мирового соглашения фиксировались в особом документе — рядной грамоте. Исполнение соглашения обеспечивалось предусмотренными в ней санкциями, зачастую, весьма существенными [3].

В целом, следует отметить, что большинство споров, отраженных в грамотах, улаживалось договорным путем и очень многое — по дороге в суд («идя на суд срядящая») [6].

Также можно отметить деятельность совестных судов, созданных в соответствии с указом Екатерины II от 07.11.1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

В данном указе процедура примирения впервые закреплялась законодательно детально. В главе XXVI «О совестном суде и его должности» в ст. 400 «О должности суда» достаточно подробно сформулирована процедура, установлено поэтапное примирение сторон. Сама идея совестного суда заимствована из английского права, автором этой главы был правовед С.Е. Десницкий, который обучался в университете Глазго у А. Смита.

Деятельность этого суда для нас интересна тем, что он был ориентирован на примирение сторон, в том числе — суд привлекал к участию в деле посредников, которые должны были представлять стороны. При этом, посредником мог быть любой человек, в том случае, если он привлекался в этом качестве, то не имел права отказаться. После назначения и объявления посредников суду, спор рассматривался с их участием. На этом этапе посредники должны были найти способ примирения сторон, предъявить его суду, а суд, в свою

очередь, его утвердить. Если же посредники не могли найти способ примирения истца и ответчика, то открывался третий этап примирения, в котором суд сам формулировал и предлагал спорящим сторонам идею примирения. В случае несогласия сторон с предложенным судом способом примирения, производство по делу прекращалось, стороны могли обратиться в общие суды для разрешения спора.

К сожалению, несмотря на благие цели, которые преследовались при создании совестных судов, а именно — примирение сторон, облегчение судопроизводства, разгрузка судов, они не получили широкого распространения, поскольку столкнулись с некомпетентностью на местах. По мнению В. Ключевского, за все царствование Екатерины не насчитано и десятка дел, решенных во всех совестных судах надлежащим образом [4].

Совестный суд был ликвидирован на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О штатах совестных судов» от 23 июня 1852 г. Функции этого судебного органа были переданы губернской палате уголовного и гражданского суда.

В данной статье представляется уместным также обратиться к мнению Н.М. Карамзина, которым между 1817–1826 гг. (точная дата неизвестна), был составлен проект рескрипта, который был подан на имя министра юстиции Лобанова-Ростовского. В этом документе Карамзин писал: «Вам известно, какое множество тяжёлых дел обременяет наши судебные места. Вникая в причины этого, я убедился в истине, что не одна бессовестная ябеда, но и заблуждение тяжущихся или неясное представление о своих правах бывают виной сего великого зла в отношении к нравственности и к самому гражданскому благосостоянию людей: что благо-разумные советы и посредничество лиц, удостоенных общественной достоверности, могли бы устранять или вначале прекращать многие судебные дела способом примирения. Находя сей способ наиболее согласующимся с человеколюбием и святыми правилами христианского закона, я рассудил за благо испытать его».

Далее Карамзин рассказывает, что поручил мало-российскому военному губернатору князю Репину в сентябре месяце 1817 года привлечь к разрешению споров представителей дворянства во вверенных ему губерний. В результате такого привлечения только в двух губерниях было разрешено 574 спора. Данную практику Карамзин предлагал распространить повсеместно [7].

Карамзин, как и подавляющее большинство других мыслителей, был убежден в том, что эффективным и це-

лесообразным является только то примирение, которое достигнуто добровольно, без давления на участников спора со стороны примирителя.

Также интересно обратиться к опыту деятельности посредников, действовавших при разрешении споров в гражданских и коммерческих судах в России в XIX веке.

14 мая 1832 года было принято «Общее положение об учреждении коммерческих судов в России», которое учредило систему коммерческих судов, по сути — предшественницу системы арбитражных судов сегодня. В деятельности коммерческих судов предусматривалась возможность рассмотрения спора третейским судом, а также процедура мирового разбирательства с участием примирителей.

При подготовке к судебной реформе 1864 года деятельность третейских судов, примирителей была проанализирована.

Так, в объяснительной записке к проекту гражданского судопроизводства указывалось на отзыв министерства юстиции, поступивший 06.05.1849 года. Согласно данного отзыва, деятельность третейских судов признавалась перспективной, поскольку «когда гражданское общество отказалось от самоуправства — самосуда, но не было еще правильно устроенных судебных учреждений, спорящие стороны естественно должны были искать мирового разбора в третьем лице, которое, находясь в независимом положении в отношении обеих сторон, пользовалось их обоюдным доверием и решило дело по совести или обычаю».

Между тем, к недостаткам третейских судов были отнесены возможность отмены их решений в течение года по формальным основаниям (нарушение делопроизводства), затянутость сроков рассмотрения дел, в том числе, в связи со злоупотреблением сторонами. Отмечалось крайне незначительное количество дел, рассмотренных третейскими судами за длительный промежуток времени [7].

С принятием Устава Гражданского судопроизводства (20.11.1864), нормы, посвященные деятельности третейского суда, были включены во вторую главу, при этом, ст. 1400 Устава предусматривалось, что правила, изложенные в данном разделе, применяются и третейским судам, устанавливаемых по делам торговым, ведомственным судам коммерческим [8].

В частности, было определено, что стороны вправе поручить разрешение возникающих между ними споров одному или нескольким посредникам, избирае-

мых в нечетном числе, по взаимному согласию сторон (ст. 1367), согласие сторон на рассмотрение дела третейским судом оформлялось письменно — третейской записью (ст. 1369), которая подписывалась сторонами и всеми посредниками, обязанными выразить согласие на принятие посредничества (ст. 1370).

Предусматривалось, что в третейской записи должны быть указаны данные сторон, посредников, сведения о предмете спора, также могли быть указаны сведения о месте заседания посредников, виде делопроизводства и порядке хранения документов, порядке объяснения сторон, сроках рассмотрения дела и иное (ст. 1371). Общий срок рассмотрения дела посредниками устанавливался продолжительностью в четыре месяца (ст. 1372), но он мог быть продлен либо изменен в третейской записи.

Допускалась замена посредников до окончания рассмотрения дела — по согласию сторон, по требованию одной из сторон (в случаях, предусмотренных законом) (ст. 1376).

Посредники не были связаны требованиями к соблюдению процедуры судопроизводства, но должны были соблюдать условия, содержащиеся в третейской записи (ст. 1378).

Решение по спору принималось посредниками большинством голосов и подписывалось ими (ст. 1388), в случае несогласия кого-либо из посредников с общим мнением, он был вправе отказаться от подписи, о чем делалась соответствующая отметка на решении (ст. 1391).

Решения третейского суда не подлежали обжалованию в апелляционном порядке (ст. 1393), но могли быть признаны недействительными по основаниям, предусмотренным в законе (ст.ст. 1396–1397).

Таким образом, следует заключить, что опыт разрешения споров в результате примирительных процедур, в том числе — с помощью специально привлеченных лиц, имелся в правоприменительной практике как Древней Руси, так и дореволюционной России.

Может ли что-либо из данного опыта быть использовано в медиации и судебном примирении сегодня? Очевидно, что на данном этапе развития российского законодательства и российской правовой науки подобное представляется возможным, но маловероятным. Действительно, в настоящее время сложно представить ситуацию, при которой за сторон будут договариваться выбранные кем-то лица, решение которых, по своей сути, будет являться для сторон обязательным. Также отсутствует и возможность разрешать спор,

руководствуясь общими требованиями справедливости, поскольку, неизбежно, разрешение споров должно происходить с учетом принципа законности.

Между тем, очевидно, что институты медиации и судебного примирения нуждаются в дальнейшем развитии, в том числе — путем совершенствования правового регулирования. Возможно, что определенные черты

вышеуказанных примирительных процедур с участием посредников, могли быть восприняты современным законодателем. В том числе — невозможность либо сокращенные сроки и основания для обжалования судебного постановления, принятого по результатам процедур медиации и судебного примирения, замена кандидатуры медиатора (судебного примирителя) в ходе данных процедур, и иное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 14.06.2021)
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения 14.06.2021)
3. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в российской правовой культуре: мировой ряд — особый способ урегулирования споров в Новгородской республике в XI—XV вв. // Третейский суд. 2011. № 3 (75).
4. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций; в 3 кн. М., 1995. Кн. 3.
5. Мартышин О.В. Великий Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
6. Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков. Энциклопедический словарь/под ред. О.А. Потанина, Н.Я. Яковлева. — СПб., 2008.
7. Материалы по судебной реформе в России 1864 года: [т. 1—74]. — Санкт-Петербург, 1857—1866. — (Проекты Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии) (Работы Государственной канцелярии с 1857 по 1861 г.). Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.prlib.ru/item/343167>(дата обращения 14.06.2021).
8. Устав гражданского судопроизводства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100020&pg=244&contentsname=%C3%EB.+I.+%CE+%EC%E8%F0%EE%E2%FB%F5+%F1%E4%E5%EB%EA%E0%F5,+%F1%F2.+1357-1366.&sort=1> (дата обращения 14.06.2021).

© Баранов Геннадий Александрович (GennadyBaranov@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Березники

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

FEATURES OF THE PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF INDIVIDUAL ARTISTIC STYLE AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY

I. Bogatova

Summary. The concept of intellectual property is interpreted as a set of exclusive rights of a personal and property nature to the results of intellectual activity, as well as to other objects equated to them, the specific list of which is established by the legislation of the state. Thus, according to the Civil Code of the Russian Federation, intellectual property is based on an exclusive right, which is a property right, and in certain cases — personal non-property and other rights (the right of succession, the right of access, etc.). Given the creative nature of works of art, the intellectual property regulations also apply to these products, but some features, such as the style of the work of art, are currently not regulated by law. Thus, the author comes to the conclusion that an individual artistic style should acquire a normative consolidation.

Keywords: artist, style, patent, copyright, legal protection, individual artistic style, intellectual property objects.

Богатова Ирина Александровна

*Аспирант, Московский финансово-юридический университет; помощник адвоката, Коллегия адвокатов «Адвокат»
ira010187@rambler.ru*

Аннотация. Понятие интеллектуальной собственности трактуется как совокупность исключительных прав личного и имущественного характера на результаты интеллектуальной деятельности, а также на иные объекты, приравненные к ним, конкретный перечень которых устанавливается законодательством государства. Так, согласно ГК РФ в основе интеллектуальной собственности лежит исключительное право, которое представляет собой имущественное право, а в определенных случаях — личные неимущественные и иные права (право следования, право доступа и др.). Учитывая творческий характер художественных произведений, нормативное регулирование в сфере интеллектуальной собственности относится и к данным изделиям, однако некоторые особенности, такие как стиль художественного произведения, в настоящее время не урегулированы законодательством. Так, автор приходит к выводу, что индивидуальный художественный стиль должен обрести нормативное закрепление.

Ключевые слова: художник, стиль, патент, авторское право, правовая охрана, индивидуальный художественный стиль, объекты интеллектуальной собственности.

Искусство имеет ценность ввиду того, что в создание любого вида искусства, будь то картина или песня, вложены энергия, усилия и время. Произведение искусства или рисунок требует определенного уровня труда, мастерства, времени и других требований для его создания художником или живописцем. Вследствие этого, для художника или живописца его творения являются самым ценным достоянием [2].

Имущество, требует определенной степени защиты, чтобы оно не было украдено или заявлено другими в качестве объекта их собственности. Работа художника может в конечном итоге стать чьим-то продуктом, маркетинговой частью или веб-сайтом, не имея разрешения или согласия от оригинального художника/создателя, и лишит его возможности получать какие-либо гонорары от такой работы.

Произведение искусства/картина, может даже претерпеть изменения, для того чтобы не был раскрыт реальный создатель. У многих художников и живописцев

складывается ложное впечатление, что ничего адекватного нельзя сделать, чтобы остановить это, или им просто не хватает ноу-хау для защиты своих произведений. Однако, крайне важно, чтобы художники/живописцы были хорошо осведомлены о правах, имеющихся в их распоряжении для защиты своих творений. Кроме того, простое признание прав недостаточно для того, чтобы создатели могли защитить свои произведения от копирования, поэтому они должны быть хорошо осведомлены о существенных мерах в случае нарушения их произведений.

Отметим, что авторское право не защищает идеи, стили, данные, информацию, методы или концепции. Вместо этого авторское право защищает конкретное выражение идеи, которое было зафиксировано в материальной форме на любом носителе — записано ли оно или записано иным способом. Так, например, не существует авторского права на идею, выраженную в разговоре, если она не была записана, например, в письменной форме, на звукозаписи, на пленке или на флешке.

Поэтому создатель не может полагаться на закон об авторском праве, если кто-то украл его идею, если она еще не была выражена в материальной форме. Другие области права могут обеспечивать защиту, например закон о конфиденциальной информации, договоры или патенты.

Произведение искусства/картина обладают такими отличиями как внешний вид и стиль, а также могут требовать определенных знаний, проявляемых в навыках, используемых для их производства.

В настоящее время, часто наблюдаются искажения и упрощения традиционных приемов художественного мастерства, ручной труд художников и мастеров часто подменяется механическим воспроизведением элементов декоративной отделки, снижается художественный уровень и качество продукции. В этой связи, актуальной становится необходимость понимания индивидуального художественного стиля как объекта интеллектуальной собственности.

Здесь стоит заметить, что ни в Гражданском кодексе РФ [1], ни в специальных законах или подзаконных актах, ни нормами международных конвенций и договоров понятие «стиль» как категория права не определено. То есть в правовом поле интеллектуальной собственности его определение отсутствует. Интеллектуальная собственность (ИС) — это термин, используемый для обозначения ряда юридических прав, которые защищают творения разума и творческие усилия. Патенты, товарные знаки и зарегистрированные образцы являются примерами ИС, как и авторское право.

Помимо защиты авторских прав и товарных знаков, произведения искусства или картины также могут быть защищены в соответствии с патентным законодательством. Авторские права защищают конструкции и методы ремесленников от подражания и копирования. Однако защита авторских прав не распространяется на определенные области искусства и ремесленной промышленности, например: функциональные особенности или основные методы их создания. Эти области, однако, подпадают под защиту патента с некоторыми исключениями.

Таким образом, на вопрос являются ли художественный стиль или творческая манера автора произведением — объектом права собственности, можно ответить, что не являются, поскольку отсутствует возможность изготовления, воспроизведения «в любой материальной форме ... или другой форме, которую может считать компьютер», экземпляров художественного стиля или творческой манеры автора, как абсолютно точных их копий.

К особенностям проблем правовой охраны индивидуального художественного стиля как объекта интеллектуальной собственности, можно отнести тот факт, что нормы авторского права не рассматривают понятия «художественный стиль», «манера автора», то есть невозможность их охраны и защиты детально аргументирована в рамках законодательства.

Однако, стоит отметить, что сейчас есть теоретическая возможность охраны оригинального стиля (манеры) художника нормами патентного права. Например, получение патента на полезную модель «способ нанесения изображения на ровную поверхность». Патент — это юридический документ, выданный государством, дающий изобретателю исключительное право на изготовление, использование и продажу изобретения в течение определенного периода времени. Патенты также выдаются на значительные улучшения в ранее изобретенных изделиях. Цель патентной системы состоит в том, чтобы поощрять изобретателей в продвижении вперед состояния техники путем предоставления им специальных прав, чтобы они могли извлечь выгоду из своих изобретений [3]. Книги, фильмы и произведения искусства не подлежат патентоспособности, но их можно защитить в соответствии с законом об авторском праве.

Патентное право сосредоточено вокруг понятия новизны и изобретательского уровня. Право, которое они предоставляют, препятствует всем другим, не только подражателям, но даже независимым разработчикам той же идеи, использовать изобретение в течение срока действия патента.

А может быть, результаты патентного поиска аналогов дадут возможность запатентовать изобретение с мировой новизной этого способа. Ведь творческая манера художника обязательно включает особенности его живописной техники. Наверное, мастера эпохи Возрождения, будь у них возможность патентовать свои новаторские находки в части состава красок, лаков, способа нанесения их на полотна, обогатились бы сказочно. А Леонардо за живописный прием «сфумато», использование законов пространственной перспективы и другие инновации стал бы владельцем «фабрики изобретений», опередив Эдисона, да и все человечество, на четыре столетия. Однако, в современных реалиях, при защите прав художника нормами патентного права возникнет необходимость в сложной экспертизе, доказывающей использование нарушителем именно запатентованного способа получения изображений. Поэтому этот вариант остается лишь в статусе теоретически возможного.

Помимо всего этого, лучшим способом защиты и охраны произведений искусства может быть добавление

к ним уведомления об авторских правах, чтобы каждый знал, что такие произведения защищены авторским правом. Однако этот шаг будет эффективен только для законопослушных людей, но не для непослушных. Поэтому крайне важно со стороны создателя или его агента немедленно обратиться в суд при обнаружении любого нарушения авторского права на произведение.

Таким образом, считаем, что индивидуальный художественный стиль должен обрести нормативное закрепление в качестве объекта интеллектуальной собственности как один из основополагающих критериев идентификации истинности изделий художественных промыслов, обеспечивающих их признание в качестве произведения искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС Консультант Плюс
2. Айзенштейн А.К. Стиль в искусстве / А.К. Ай-зенштейн. — М.: Высшая школа, 2006. — 198 с.
3. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность: Учебное пособие. М.: Юрист, 2009. — 258 с.

© Богатова Ирина Александровна (ira010187@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский финансово-юридический университет

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

FEATURES OF RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL USE OF PERSONAL DATA OF INDIVIDUALS

I. Vilisova

Summary. This article examines the current state of responsibility for the illegal use of personal data, will describe the legislative provisions that relate to the legal status in the Russian legislation, will consider the issues of criminal classification, will draw distinctions with related elements of crimes. An analysis of Russian legal acts, as well as educational and scientific literature, shows that there are problems with the correct qualification of the actions of persons who are involved in the illegal use of personal data. The purpose of the article is to analyze the responsibility for the illegal use of personal data of individuals.

Keywords: criminal liability, personal data, individuals.

Вилисова Ирина Борисовна

Аспирант, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС
vilisova_i@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается актуальное состояние ответственности за незаконное использование персональных данных, будут охарактеризованы законодательные положения, которые касаются правового статуса в российском законодательстве, будут рассмотрены вопросы уголовно-правовой классификации, проведутся разграничения со смежными составами преступлений. Анализ российских нормативно-правовых актов, а также учебной и научной литературы показывает, что существуют проблемы правильной квалификации действий лиц, которые причастны к незаконному использованию персональных данных. В частности, это касается должностных лиц, которые в силу собственных служебных полномочий и занимаемого положения имеют доступ к персональным данным. Целью статьи является анализ ответственности за незаконное использование персональных данных физических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, персональные данные, физические лица.

Введение

Одним из направлений деятельности государства выступает обеспечение безопасности, которая подразумевает под собой комплекс мер защиты определенной категории отношений между людьми. Одним из таких разновидностей отношений выступают правоотношения, которые складываются в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан. Данная сфера традиционно подвержена криминогенным явлениям, крайне негативно влияющим на государственные и общественные процессы. Для нас в настоящей статье интерес представляет ответственность за незаконное использование персональных данных физических лиц.

В настоящее время мы можем констатировать об наличии уязвимостей в защите персональных данных российских граждан. Это обусловлено двумя факторами:

- ◆ техническим;
- ◆ человеческим.

Технический фактор состоит в наличии уязвимостей в работе информационных систем, в которых аккумулируются данные о физических лицах. Данные погрешности в работе компьютерных систем способствуют проникновению вредоносных программных приложений,

которые получают доступ к конфиденциальной информации.

Человеческий фактор выражается к незаконному использованию данных физических лиц со стороны лиц, которым данная информация была доверена в силу должностных полномочий. К таковым, в частности, относятся сотрудники органов внутренних дел, у которых имеются интегрированные базы данных, в которых сосредоточены паспортные данные о физических лицах, которые проживают на территории российского государства. Отдельные сведения, которые составляют персональные данные, содержатся в базах данных иных органов государственной власти.

Обзор литературы

Защита частной жизни признается приоритетным направлением любого государства. Это подтверждается на международно-правовом уровне. Так, статьей 12 Всеобщей декларации прав человека подчеркивается запрет на проникновение в частную жизнь отдельно взятого человека.

Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает нормативно-правовое

положение, согласно которому личная и семейная жизнь неприкосновенна [4].

Статьей 23 Конституции РФ гарантирована защита частной жизни, личная и семейная тайна. Таким образом, законодатель относит персональные данные физических лиц к категории, защищаемых нормами права объектов [1].

Пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О персональных данных» определяет персональные данные как любую информацию, которая прямо или косвенно относится к субъекту [3].

Как было указано в начале настоящей статьи, государством принимается комплекс мер, которые направлены на охрану персональных данных физических лиц. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена отдельная 19 глава, которая посвящена преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина [2]. Отдельно защите персональных данных посвящена статья 137 УК РФ.

В качестве объекта преступления мы рассматриваем общественные отношения, которые складываются в частной жизни лица. Данные отношения могут составлять его личную и семейную тайну.

Объективная сторона предполагает совершение альтернативных действий, среди которых мы можем выделить следующие:

- ◆ собрание;
- ◆ распространение.

Под собиранием мы можем понимать комплекс незаконных мер и действий, которые направлены на накопление информационных данных о том или ином физическом лице. Методами и способами собирания могут выступать различные действия — беседы, видеосъемка, фотоснимки и т.п.

Распространение представляет собой незаконное разглашение персональных данных о физических лицах. При таком раскладе конфиденциальная информация становится известна неопределенному кругу лиц. Также распространение может осуществляться с использованием средств массовой информации, что, в свою очередь, образует квалификационный состав рассматриваемого нами преступления [4].

Субъект данного преступления подразделяется на два вида:

- ◆ общий, к которому можно отнести физическое лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста;

- ◆ специальный, под которым подразумевается лицо, которое наделено соответствующими должностными полномочиями [4].

Субъективная сторона рассматриваемого нами состава преступления отличается прямым умыслом.

Состав ст. 137 УК РФ является формальным, т.е. оно считается завершенным независимо от наступления каких-либо материальных последствий.

Методы исследования

В ходе настоящего исследования нами были задействованы общенаучные и частнонаучные методы. Среди них мы можем выделить эмпирическое наблюдение, анализ и сравнение.

Результаты и дискуссия

В правоприменительной практике основной вопрос в квалификации незаконного использования персональных данных физических лиц заключается в отграничении состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, от состава преступления, которое предусмотрено ст. 285 УК РФ и заключается в злоупотреблении должностным положением из корыстной, личной и иной заинтересованности.

Вышеназванные составы преступлений обладают рядом общих черт:

- ◆ совершение преступления специальным субъектом — должностным лицом;
- ◆ нарушение неприкосновенности личной жизни как одного из основных конституционных прав граждан;
- ◆ незаконный характер;
- ◆ использование должностного положения для получения персональных сведений;
- ◆ личная заинтересованность [4].

Тем не менее, в качестве основного критерия, на основе которого мы проводим разграничения между вышеуказанными составами преступлений, выступает корыстный мотив, который присутствует при злоупотреблении должностным положением, а при незаконном собирании и распространении сведений о частной жизни отсутствует. Корыстный мотив выражается в получении денежного вознаграждения, материальных благ или имущественных прав.

Выводы

Как мы видим, между уголовно наказуемыми деяниями проходит тонкая грань, которую органам судебной

власти и правоохранительным органам следует учитывать при юридической квалификации. Нами видится необходимым осуществить четкое законодательное

регламентирование уголовных правоотношений, которые имеют место в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 08.04.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.;
4. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / под. ред. Л.Л. Кругликова. — М.: Проспект. 2018. — 816 с.

© Вилюсова Ирина Борисовна (vilisova_i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский институт управления

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Гантемиров Казбек Рустамович

Аспирант, ФГБОУ ВО Кубанский государственный
университет
kazbek.27@yandex.ru

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF OBJECTS OF PATENT RIGHTS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

K. Gantemirov

Summary. Purpose: to investigate the history of the establishment by the legislator of criminal protection of inventions and industrial designs in pre-revolutionary Russia in the middle of the XIX-early XX centuries.

Methods: the general method of cognition in the form of a dialectical approach, general scientific methods of cognition in the form of inductions, deduction, abstraction, as well as private scientific methods in the form of a statistical method.

Results: criminal legal protection of objects of patent rights in pre-revolutionary Russia arose as a result of an increase in the number of granting privileges for inventions several times by the time of the adoption of the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845. In this document, as amended in 1866, when the legislator established the protection of industrial designs, scientists noted the commonality of copyright and patent rights, the commonality of committing crimes against objects of patent and copyright. The legislator also established a civil procedural procedure for the protection of patent rights instead of an administrative procedure. The Criminal Code of the 1909 edition officially established the previously mentioned community of copyright and patent rights, fixing crimes against the relevant objects in one chapter.

Conclusions: the criminal legal protection of objects of patent rights in Russia actually arose in the Regulations on Criminal and Correctional Punishments of 1845, as amended in 1866, when the legislator established such protection of industrial designs as non-utilitarian, creative results of the inventors' activities. Officially, the previously mentioned protection was established in the Criminal Code at the beginning of the XX century, when the legislator fixed criminal liability for committing crimes against objects of copyright and patent rights in one chapter.

Keywords: objects of patent rights, inventions, industrial designs, counterfeiting, the Code of Criminal and Correctional Punishments, the Criminal Code.

Аннотация. Цель: исследовать историю установления законодателем уголовно-правовой охраны изобретений и промышленных образцов в дореволюционной России середины XIX — начала XX веков.

Методы: всеобщий метод познания в виде диалектического подхода, общенаучные методы познания в виде индукций, дедукции, абстрагирования, а также частнонаучными методами в виде статистического метода.

Результаты: уголовно-правовая охрана объектов патентных прав в дореволюционной России возникла в результате увеличения числа выдачи привилегий на изобретения в несколько раз к моменту принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В данном документе в редакции 1866 года, когда законодатель установил защиту промышленных образцов, ученые отмечали общность авторских и патентных прав, общность совершения преступлений против объектов патентных и авторских прав. Также законодатель установил гражданский процессуальный порядок защиты патентных прав вместо административного порядка. Уголовное уложение издания 1909 года официально установил ранее указанную общность авторских и патентных прав, закрепив преступления против соответствующих объектов в одну главу.

Выводы: уголовно-правовая охрана объектов патентных прав в России фактически возникла в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года издания в редакции 1866 года, когда законодатель установил подобную охрану промышленных образцов как неутилитарных, творческих результатов деятельности изобретателей. Официально ранее указанная охрана установлена в Уголовном уложении в начале XX века, когда законодатель закрепил в одну главу уголовную ответственность за совершения преступлений против объектов авторских и патентных прав.

Ключевые слова: объекты патентных прав, изобретения, промышленные образцы, контрафакция, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное уложение.

Введение

Законодатель впервые установил уголовно-правовую охрану изобретений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также промышленные образцы в данном документе в редакции 1866 года. Однако в то время еще не возникло патентное право, которое бы предполагало понимание изобретателей как авторов, его изобретений как результатов творческой деятельности, а также наличие у патентообладателей имущественных и личных неимущественных прав. Соответственно, объекты патентных прав фактически получают уголовно-правовую охрану в момент принятия редакции 1866 года к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных. Официально они получают указанную охрану в момент принятия Уголовного уложения в начале XX века.

Цель работы

Исследование истории зарождения и развития уголовно-правовой охраны изобретений и промышленных образцов в дореволюционной России середины XIX — начала XX веков.

Задачи исследования включают в себя:

- ◆ определение начало возникновения уголовно-правовой охраны объектов патентного права,
- ◆ изучение процесс его развития до отмены положений дореволюционного законодательства советским правительством.

Материалы и методы

Для осуществления исследований изучались нормы уголовного законодательства дореволюционной России середины XIX — начала XX веков. Изучались положения дореволюционных нормативных правовых актов, которые устанавливали общие положения об объектах патентных прав. Также изучались труды дореволюционных юристов, современных ученых, которые затрагивали уголовно-правовую охрану изобретений и промышленных образцов в указанном периоде. В качестве методов исследования были применены всеобщий метод познания в виде диалектического подхода, общенаучные методы познания в виде индукций, дедукции, абстрагирование, а также частнонаучными методами в виде статистического метода.

Литературный обзор

Уголовно-правовая охрана объектов патентных прав в России имеет начало в середине XIX века. 15 августа 1845 году законодатель принял «Высочайше утвержденное Уложение о Наказаниях Уголовных и Ис-

правительных» [2, с. 599]. Данный закон впервые установил уголовно-правовую охрану привилегий на изобретения, а также промышленных образцов в виде фабричных рисунков и моделей в редакции 1866 года.

Нормы уголовного закона действовали на основе норм Высочайше утвержденного Положения о привилегиях от 22 ноября 1833 года [1, с. 692]. Документ повторял с некоторыми уточнениями и изменениями нормы Манифеста «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 июня 1812 года [6, с. 355]. Оба документа указывали сущность подделки и право лица, которое имело привилегию, преследовать ее и требовать возмещения убытков.

Ко времени действия Положения 1833 года законодатель принял том 15 «Свод законов уголовных» из Свода законов Российской Империи. Указанный документ не содержал нормы об уголовной ответственности за преступления в отношении объектов патентных прав. Полагаем, законодатель не установил уголовную ответственность по следующей причине. За период 1813–1832 годов, согласно подсчетам Аэра А. с изменениями Ревинского Д.О., государство выдало 72 привилегий [9, с. 347], максимальное и минимальное значения за один год составляли 0 и 10 соответственно, среднее арифметическое значение — 3–4 привилегий в год. Данная статистика демонстрирует отсутствие для законодателя необходимости установления в то время уголовной ответственности за нарушения привилегий на изобретения.

До 1845 года лица, которые получили привилегии, могли преследовать нарушителей данного документа путем подачи жалобы в специально уполномоченные органы. Пиленко А.А. полагал, что в то время привилегии были факультативными, то есть государство их выдавало как акты милости государя [7, с. 194]. Соответственно, указанные органы рассматривали и разрешали дела о нарушении привилегий на изобретение в порядке административного процесса. Впоследствии законодатель установил нормы об уголовной ответственности за нарушение чужой привилегии на изобретения в Уложении о наказаниях 1845 года в разделе «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», в главе «О нарушении Уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» и в отделении «О нарушении Уставов фабричной и заводской промышленности». То есть он следовал представлению об изобретениях как явлению, которая свойственна обществу, не личности. А значит, они представляли из себя часть административного правового регулирования, не гражданского.

С 1830-х годах в России фабричное производство на основе применения механических двигателей на-

чинает распространение. И промышленный переворот завершает свое действие в 1880-е годы, когда фабричное производство стало преобладать в основных отраслях обрабатывающей промышленности. Данные обстоятельства привели к укрупнению промышленных предприятий [12, с. 56–57].

После принятия Положения о привилегиях 1833 года до принятия Уложения о наказаниях 1845 года количество выдачи привилегий увеличилось. То есть в период 1833–1845 годов оно составляло всего 230 привилегий [9, с. 347]. Максимальное и минимальное значения за один год составляли 2 и 30 соответственно, среднее арифметическое значение — около 19 привилегий в год. Как можем заметить, количество выданных привилегий увеличилось в среднем значении в 5–6 раз, в абсолютном значении почти в 3 раза. Общественное отношение в сфере выдачи привилегий на изобретение значительно возросло как область нормативного правового регулирования до такого уровня развития, когда общество и государства будут осознавать необходимость уголовно-правовой охраны этих отношений.

Эр А. отмечала, государство так следило за выдачей привилегий потому, что вопрос патентования в России по своему происхождению был экономическим (тогда как на Западе изначально стоял вопрос прав человека), а экономика традиционно подлежала в нашей стране постоянному наблюдению и вмешательству со стороны государства [15, с. 34–35].

Поэтому законодатель имел объективные причины установления в Уложении о наказаниях 1845 года уголовно-правовую охрану изобретений. Данные факторы исходили как от потребностей общества, так и от потребностей государства.

Как мы говорили ранее, законодатель отнес преступление против изобретений в части уголовного закона, которые устанавливали охрану в сфере промышленности, на уровне общества. Тогда государство воспринимало изобретения как собственность в Манифесте 1812 года и в Положении о привилегиях 1833 года, прямо указывая такой взгляд. То есть тогда он осознавал лишь материальное содержание изобретения, как собственности, не воспринимал их результаты творчества изобретателей. А значит, устанавливал защиту имущественных прав лиц, которые получили привилегии на изобретения.

Вместе со статьей о нарушении чужой привилегии на изобретения законодатель расположил статьи о посягательствах на товарные знаки и на секреты производства. Вероятно, он имел осознание о наличии интеллектуального содержания указанных объектов

преступлений в виде промышленной собственности абстрактно. Ведь в отличие от преступлений против авторских прав, которых он отнес к уголовно-правовой охране на уровне личности, он не выделил специальное отделение для преступлений против промышленной собственности. Однако позднее дореволюционные юристы относили указанные преступления в разные группы преступлений, несмотря на такое расположение законодателем статей об указанных преступлениях. По крайней мере можем полагать, что юристы того времени имели однозначное мнение, что преступления против изобретений и промышленных образцов входили в «присвоении прав промышленной собственности» [4, с. 434], а также включали их в промышленную собственность [14, с. 343].

Законодатель установил преступление против привилегий на изобретения в статье 1788 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года в первой редакции [2, с. 917]. Норма устанавливала ответственность за нарушение чужой привилегии на изобретения под угрозой применения штрафа в размере 100–300 рублей и возмещение убытков за понесенный ущерб от совершения преступления. Авторы уголовного закона составили диспозицию в абстрактной, не свойственной его юридической технике казуистичной форме. Полагаем, он поступил таким образом ввиду ранее указанной причины об осознании им интеллектуального содержания изобретений. Благодаря такого написания диспозиции норм законодатель дал некоторую свободу лицам преследовать нарушителей привилегий. Вследствие этого норма менялась одновременно с эволюцией понимания изобретателей как авторов своих результатов творческой деятельности. Ведь изначально преступление предполагало посягательство именно на чужую привилегию [4, с. 437], а также предполагало совершение подделки [4, с. 438].

Однако привилегии на изобретения предоставляли их обладателям исключительное право производить, употреблять, продавать, дарить, в залог и на наследниках отдавать свое изобретение [8, с. 842]. То есть эти права было возможно нарушить путём совершения подделки, употребления и распространения изобретений. Данные действия входят в понятие контрафакции [7, с. 603], которая предполагает посягательства на авторские права [11, с. 99]. Вероятно, практика защиты прав уголовно-правовым порядком по жалобе обладателей привилегий повлияли на изменение содержания признаков объективной характеристики преступлений против привилегий на изобретения.

Предполагаем, именно в редакции 1866 года Уложение о наказаниях 1845 года приняло данные изменения, хоть законодатель не изменил норму статьи

о нарушении привилегий на изобретение, только поменял номер статьи 1353 указанного документа, который останется до конца дореволюционного периода.

В данной редакции законодатель установил уголовную ответственность за посягательства на промышленные образцы в виде фабричных рисунков и моделей в статьях 1356 и 1357 в результате принятия Положения о праве собственности на фабричные рисунки и модели в 1864 году, согласно которому законодатель признавал указанные объекты как результаты деятельности изобретателя. Фабричные рисунки и модели не предполагают выполнение утилитарных задач, не несут практической ценности в отличие от изобретений. Так что государство установило правовое регулирование и уголовно-правовую охрану объекта промышленной собственности, которое содержит интеллектуальную природу, не материальную. То есть законодатель косвенно признало изобретателей и их изобретений как авторов и их произведений соответственно. А значит, стал понимать данную сферу как части правового регулирования на уровне личности, а также понимать важность защиты личных неимущественных прав изобретателей. И по крайней мере он косвенно установил общность авторского и патентного прав, которая является условием возникновения последнего.

Вдобавок, к 1860–1870-е годы законодатель принимал множество актов об изменении нормативного правового регулирования и осуществления сферы привилегии на изобретения. Среди этих актов входит Высочайше утвержденное мнение «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» 30 марта 1870 года [3, с. 339–340]. С точки зрения Пиленко А.А., указанный документ положил начало патентному праву в России, ведь он превращает выдачу привилегий из свободной законодательной функции в связанную подзаконную деятельность административного органа [7, с. 200]. Иными словами, переносило изобретения из сферы административного правового регулирования в гражданское.

Более того, ученые-юристы к тому времени высказывали мысль об общности авторских и патентных прав. Например, Спасович В.Д. в 1865 году утверждал «авторские права на изобретение или произведение, ученое или артистическое» [11, с. 99]. Также Неклюдов Н.А. в 1878 году утверждал, что право промышленной собственности и право авторской собственности имеют те же основы [4, с. 434].

Как видим, процесс формирования патентного права протекало не сразу в виде одного акта, а продолжительно в результате существований нескольких

условий в научной, законодательной и общественной сферах. Таким образом, полагаем, именно Уложение о наказаниях в редакции 1866 года устанавливало уголовно-правовую охрану изобретений и промышленных образцов как объектов непосредственно патентного права, которое возникла в результате принятия Положения о праве собственности на фабричные рисунки и модели в 1864 году. А, следовательно, посягательства на изобретения и на промышленные образцы в статьях 1353 и 1357 Уложения о наказаниях редакции 1866 года соответственно затрагивали имущественные и личные неимущественные права.

Законодатель официально признал общность авторского и патентного права как объектов уголовно-правовой охраны в Уголовном уложении в неофициальном издании 1903 года, которое затем примет в 1909 году с некоторыми изменениями. Он расположил преступления против указанных прав в одну главу. В рамках посягательств на изобретения он добавил статью 622 указанного уголовного акта. Данная норма устанавливала уголовную ответственность торговца за распространение изобретений и произведений [10, с. 312]. Статья 621 Уголовного уложения представляет большой интерес. Она устанавливала уголовную ответственность за самовольное пользование чужой привилегией на изобретение или чужим правом на воспроизведение заводских, фабричных или ремесленных модели и рисунка под угрозой наказания в виде ареста или денежной пени не свыше 500 рублей [5, с. 202]. Как и статья 620 о защите авторских прав, статья 621 указывал схожую объективную сторону в виде «самовольного пользования ... привилегией на изобретение или чужим правом на воспроизведение ... модели и рисунка» [5, с. 202]. Более того, Фон-Резон А.К. отмечал, норма статьи 621 Уголовного уложения представлял из себя норма статьи 1353 о нарушении привилегии на изобретение, а также норма статьи 1357 о самовольном воспроизведении фабричных рисунков и моделей [13, с. 277]. А значит, статьи 1353 и 1357 Уложения о наказаниях защищали имущественные и личные неимущественные права изобретателей в том виде, которых законодатель изложил в редакции 1866 года указанного уголовного закона. Соответственно, Уголовное уложение издания 1909 года только официально подтвердило установленные ранее уголовно-правовую охрану объектов непосредственно патентных прав в Уложении о наказаниях редакции 1866 года.

Формально законодатель установил уголовно-правовую охрану изобретений в 1845 году, вносил в ней изменения в виде добавления промышленных образцов в качестве объектов охраны в редакции 1866 году и принятия Уголовного уложения издания 1909 года, которое добавила один состав преступления о распространении указанных объектов торговцами.

Результаты

Непосредственно процесс развития уголовно-правовой охраны объектов патентного права в дореволюционной России протекал в три этапа.

Первый этап проходил с принятием «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года по принятии его новой редакции в 1866 году. На этом этапе законодатель установил охрану только изобретений, имущественных прав изобретателя, которые регулируются нормами административно-правового характера. При этом уже в то время ученые отождествляли авторское и патентное права в части их сущности.

Второй этап проходил с момента принятия редакции 1866 года «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» по принятии Уголовного уложения в начале XX века. На этом этапе законодатель на основе принятых им нормативных правовых актов, а также с учетом научных исследований ученых-юристов и результатов практики рассмотрения уголовных дел о нарушении привилегий на изобретения установил уголовно-правовую охрану промышленных образцов. Законодатель еще официально не признал общность авторских и патентных прав, однако путем установления охраны указанных образцов он признал отсутствие утилитаризма в деятельности изобретателя, установив в ней творчество. Тем самым он косвенно признавал наличие и защиту имущественных и лично неимущественных прав изобретателя.

Третий этап начинается с момента принятия Уголовного уложения по отмене положений дореволюционного законодательства советским правительством. Законодатель официально установил общность авторских и патентных прав, а также уголовно-правовую защиту имущественных и личных неимущественных прав изобретателей. Поэтому уголовно-правовая охрана объектов именно патентного права возникла в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» редакции 1866 года.

Таким образом, уголовно-правовая охрана объектов патентных прав, которые предполагали понимание изобретателей как авторов, его изобретений как результатов творческой деятельности, а также наличие у патентообладателей имущественных и личных неимущественных прав, фактически берет свое начало с момента принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года издания в редакции 1866 года. В то время действовал принятый в 1864 году Положение о праве собственности на фабричные рисунки и модели, которое признавал указанные объекты результатами деятельности изобретателя как и изобретения. Официально законодатель признал данное положение путем принятия Уголовного уложения в начале XX века, закрепив статьи о составах преступлений против авторских и патентных прав в одну главу, посвященной охране указанных прав.

Обсуждение

Нами было выявлено, что исследуемая тема мало освещена учеными, которые составляли научные работы по теме уголовно-правовой охраны объектов патентных прав. Не было выявлено каких-либо результатов исследований по указанной теме среди современных ученых в области уголовного права. Данная тема изучена дореволюционными юристами в рамках непосредственно патентного права, среди которых акцентировал внимание на изучение данной темы Пиленко А.А. Он полагал, что само патентное право возникло в результате принятия мнения Государственного Совета «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» от 30 марта 1870 года, обратив внимание на процессуальные начала возникновения патентного права. Данное положение соответствует результатам проведенного нами исследования, однако мы обратили внимание на материальный начала возникновения патентного права в принятии Положения о праве собственности на фабричные рисунки и модели в 1864 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высочайше утвержденное «Положение о привилегиях» от 22 ноября 1833 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1834. Т. 8. № 6588.
2. Высочайше утвержденное «Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных» от 15 августа 1845 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1846. Т. 20. № 19283
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» от 30 марта 1870 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1874. Т. 45, № 48202.
4. Неклюдов Н.А. Руководство к особенностям части русского уголовного права: практическое пособие Т. 2. Преступления и проступки против собственности. СПб.: Типография В.П. Воленса. 1876. 757 с.
5. Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В.П. Анисимова, 1903.

6. Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 июня 1812 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. № 25143.
7. Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2005. 779 с.
8. Привилегия, выданная Коллежскому Советнику Давыдову на изобретенный им способ извлечения сока из свекловицы от 28 августа 1834 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1835. Т. 9. № 7367.
9. Свод законов Российской Империи. Т. 15. Ч. I: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; Ч. II: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Петроград: Государственная типография, 1916.
10. Спасович В.Д. Права авторские и контрафакция. СПб.: М.О. Вольф, 1865. 106 с.
11. Ревинский Д.О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // Экономический ежегодник. 2002. Т. 2001. С. 339–376.
12. Успенский В.А. Очерк истории предпринимательства в России // Мир новой экономики. 2013. № 1. С. 55–61.
13. Фон-Резон А.К. Уголовное уложение (краткое изложение главных положений его) в сопоставлении его с действующим правом. СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1903. 341 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
15. Aer A. Patents in Imperial Russia: A History of the Russian Institution of Inventions on Privileges under the Old Regime. Helsinki, 1995. p. 231.

© Гантемиров Казбек Рустамович (kazbek.27@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет

ЗАЛОГ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ МСП

PLEDGE OF DIGITAL RIGHTS TO ENSURE THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED COMPANIES

D. Zyulkov

Summary. The article analyzes digital rights as an object of ensuring the fulfillment of obligations in lending to SMEs. The article examines “tokens”, “big data”, “social media accounts”, “digital content” and “domain names”, their legal nature, the possibility of transferring them as collateral, and the practical problems that arise when transferring them to a lender in case of default. Attention is drawn to the fact that digital rights as objects of enforcement of obligations have property value and are of interest to participants in civil turnover. Currently, the companies present tools for tracking the performance of obligations and the implementation of the forced transfer of digital rights to the pledgee.

Keywords: collateral, collateral, tokens, big data, social media accounts, digital content, domain names.

Зюльков Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
dmitryzyulkov@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ цифровых прав как объекта обеспечения исполнения обязательств при кредитовании субъектов МСП. Исследуются «токены», «большие данные», «аккаунты в социальных сетях», «контент в цифровой форме» и «доменные имена», их правовая природа, возможность передачи в залог и практические проблемы, возникающие при передаче кредитору в случае неисполнения обязательств. Обращается внимание на тот факт, что цифровые права как объекты обеспечения исполнения обязательств имеют имущественную ценность и представляют интерес для участников гражданского оборота. В настоящее время, компаниями представлены инструменты по отслеживанию исполнения обязательства и осуществлению принудительной передачи цифровых прав залогодержателю.

Ключевые слова: обеспечение исполнение обязательств, залог, токены, большие данные, аккаунты в социальных сетях, контент в цифровой форме, доменные имена.

Постоянное развитие технологий, приводит к появлению новых предпринимателей, которые начинают свою деятельность с создания небольших компаний. Ограниченность их ресурсов, отсутствие опыта ведения бизнеса и необходимых знакомств приводит к замедлению внедрения инноваций в нашу повседневную жизнь.

Несмотря на то, что у всех есть доступ в интернет, в котором при помощи различных краудфандинговых площадок можно рассказать миру о своей идее и привлечь денежные средства для ее осуществления, остро стоит проблема привлечения кредитных ресурсов для малых и средних субъектов инновационной и высокотехнологичной предпринимательской деятельности.

Зачастую у основателя высокотехнологичного стартапа в активах нет ничего кроме результата интеллектуальной деятельности в виде прототипа, или даже простой концепции. При этом сама идея, наработанный опыт ее создателей, результаты их деятельности в виде опытных образцов, в будущем могут иметь большую ценность как для частных компаний и государства, так и для граждан в целом.

Стремительная цифровизация человеческих отношений повлияла на взгляд того, что является ценностью, приносящую экономическую выгоду. Раньше, в большинстве случаев активом компании были средства производства, сотрудники, ноу хау, которые позволяли удовлетворять запросы потребителей, но в связи с глобальными изменениями и цифровизацией интересы граждан также подверглись трансформации.

Согласно концепции, разработанной Европейский судом по правам человека и закрепленной в ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1], у термина имущество имеется широкое толкование, которое позволяет относить к нему новые объекты, правовая природа которых не определена, но при этом, экономическая ценность которых очевидна и их можно с уверенностью считать активом.

Как отмечается в постановлении ЕСПЧ от 13.12.2011 «Концепция «имущества», имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности в отношении материальных вещей и не зависит от формальной классификации по национальному законодательству: некоторые иные права и интересы,

представляющие собой активы, могут также рассматриваться как «имущественные права» и, следовательно, как «имущество» [2].

У каждого вида цифровых прав имеется своя специфика, как следствие разработка общего правового режима не сможет наиболее полно учитывать их правовую природу и, как следствие не целесообразно.

Наиболее распространенные в обороте цифровые права, имеющие очевидную ценность это: токены, большие данные, аккаунты в социальных сетях, контент в цифровой форме и доменные имена.

В настоящее время «образ» компании формируется различными путями. В недавнем прошлом он отражался в логотипе, публикациях в печатных изданиях и различных видах рекламы. Коммуникация бизнеса с потребителем была трудной, последнему нужно было либо звонить на горячую линию, либо писать письма в главный офис, которые долго рассматривали.

Сейчас, у каждой компании есть веб сайт с формой обратной связи и аккаунты в социальных сетях, а самое главное сотрудник или даже целый отдел, который занимается коммуникацией с клиентами.

Количество способов рассказать о себе своим потребителям, сформировать нужный образ стремительно возросло. Помимо прочего, доля клиентов, которые приходят именно из интернета, из года в год стремительно увеличивается. Как следствие, средство коммуникации постепенно начинает превращаться в канал продаж.

В настоящее время множество компаний оказывает услуги по продвижению сайта или страниц в социальных сетях компании, услуг по формированию образа в сети интернет, главная цель которых — продажа продукции и услуг компании, а вовсе не создание образа или получение обратной связи от клиентов.

Помимо этого, большую ценность приобретает внимание аудитории. Ни для кого не секрет, что сейчас бюджет у рекламных кампаний в социальных сетях сопоставим, а в некоторых случаях превышает бюджет телевизионной рекламы. Человек в своем стремлении найти интересующую его информацию попадает в тематические группы в социальных сетях или аккаунты конкретных пользователей. В случае если ему важна эта информация, он продолжает следить за ее обновлением, периодически заходя и проверяя новости. За это внимание борются рекламодатели, для которых важно сообщить о своем продукте определенному кругу людей, которые с большей долей вероятности в нем заинтересованы.

В случае оценки бизнеса, в структуре которого большую роль играют веб сайт и аккаунты в социальных сетях в качестве канала продаж, оценке подлежит следующее:

- ◆ Аудиовизуальные произведения, произведения литературы и изобразительного искусства), составляющие контент;
- ◆ Средства индивидуализации (например логотип, доменное имя и пр.);
- ◆ База данных пользователей.

Принцип свободы договора позволяет как распорядиться правом администрирования путем заключения сделки купли-продажи, так и передать это право в залог, для обеспечения исполнения обязательств.

Другим востребованным активом являются большие данные — массивы структурированной или неструктурированной информации о частных лицах (которая собирается в результате работы веб сайтов и мобильных приложений), либо промышленных данных (например данные о перевозках грузов различными видами транспорта).

Как было сказано выше, рекламодателям гораздо интереснее распространять информацию о своём продукте по целевой аудитории, нежели неопределённому кругу лиц. Большие данные, аккумулируемые, например поисковыми агрегаторами, банками (поисковые запросы, местонахождение, данные о покупках в интернет-магазинах и т.п.), позволяют гораздо лучше узнать о желаниях пользователей.

По мнению Санниковой Л.В. и Харитоновой Ю.С., немаловажную роль для современного бизнеса играет структуризация и последующий тщательный анализ информации о пользователях при помощи специально разработанных алгоритмов [3].

Оставляя за рамками настоящей работы вопросы конфиденциальности, можно с уверенностью утверждать, что большие данные, являются элементом, существенно повышающим эффективность канала продаж компании и как следствие прямо влияют на увеличение ее прибыли.

В следствии вышесказанного большие данные также можно считать существенным активом в деятельности современных компаний, который подлежит оценке наряду со средствами индивидуализации (веб сайтом и аккаунтом в социальных сетях). Уже есть компании, которые специализируются на создании, сборе и актуализации больших данных с целью их дальнейшей перепродажи и введения в гражданский оборот. Если база данных правомерно введена в оборот, имеет иму-

щественную ценность (например на основании отчета об оценке), то почему она не может быть способом обеспечения исполнения обязательств?

База данных — это составное произведение, являющееся результатом творческого труда по подбору или расположению материалов (пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ). В соответствии с ст. 1334 ГК РФ, изготовитель базы данных может распоряжаться своим исключительным правом. Согласно ст. 358.18 ГК РФ, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности могут быть предметом залога. Как указано в п. 3 ст. 1232 ГК РФ государственная регистрация залога исключительного права обязательна.

Складывающаяся судебная практика по этому вопросу противоречива. Как отмечает Ларионова В.А. суды не квалифицируют персональные данные в качестве объекта исключительного права [4].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал, что «статья 128 ГК Российской Федерации, перечисляющая некоторые виды объектов гражданских прав и позволяющая суду в рамках дискреционных полномочий определять, относится ли к объектам гражданских прав то или иное благо, направлена на обеспечение интересов участников гражданского оборота» [5].

Стоит также отметить, что, исключительное право изготовителя базы данных получает правовую охрану только в момент завершения её создания (ст. 1335 ГК РФ), но с технической точки зрения представляется весьма сложным определить момент окончания работы по изготовлению больших данных, так как им свойственно постоянное обновление.

Существуют точки зрения, согласно которым, для более точного определения больших данных необходимо разработка концепции нового нетрадиционного объекта интеллектуальной собственности [6]. При этом, сразу можно отметить, что этому мешает закрытый перечень объектов интеллектуальной собственности.

Как следствие судебная защита прав залогодержателя представляется трудоемкой и сопряжена с определенными рисками, вследствие чего рассматривать большие данные в качестве способа обеспечения исполнения обязательств в настоящий момент представляется затруднительным.

Наиболее интересным цифровым правом с точки зрения исследования из перечисленных выше является токен, который часто отождествляют с криптовалю-

той, но это не совсем корректно, по причине того, что токен является родовым понятием.

Во-первых, криптовалюту получают посредством майнинга, а токены выпускаются при ICO (первичное размещение монет);

Во-вторых, первичный выпуск токенов осуществляется в большинстве случаев централизованно (за редкими исключениями) всем известным эмитентом. Криптовалюта выпускается только децентрализованно.

В-третьих, криптовалюта всегда создается на базе своего блокчейна, в то время как токен может существовать на чужом блокчейне (например, на самом распространенном в данный момент Ethereum);

Главное отличие токена от криптовалюты заключается в том, что последнюю можно использовать только как средство платежа, в то время как у токена могут быть различные назначения.

Эмитент токена может наделить его функцией как средства платежа, так и обязательством по выплате доли от прибыли компании. Токен может быть ключом, открывающим его обладателю какие-либо блага. Также к токenu может быть привязан предмет из реального мира, благодаря чему с ним можно будет осуществлять сделки и фиксировать их в блокчейн сети.

Швейцарский орган по надзору за финансовым рынком (FINMA) в своем опубликованном исследовании занял позицию согласно которой, классические криптовалюты (Bitcoin, Ethereum) не наделяют их обладателей правом требования к эмитенту или третьему лицу [7].

Однако, учитывая отсутствие законодательного определения токена и судебных прецедентов в Швейцарии, в настоящее время в качестве опоры используется разработанная FINMA в феврале 2018 «Руководящие принципы нормативной базы для ICO («FINMA ICO Guidelines») [8]. Разработанную в них классификацию, использует Швейцарский федеральный совет. Из нее можно выделить следующие категории токенов:

1. Платежные токены (которые, согласно FINMA, являются синонимом криптовалют) — предназначены для использования в качестве платежного средства для приобретения товаров или услуг или в качестве средства перевода денег или активов. Данные токены являются нематериальными активами. Примерами таких криптовалют являются Bitcoin (включая многочисленные криптовалюты, возникающие в результате форков или его вариаций, таких как Bitcoin Cash, Bitcoin Gold и Litecoin) и Ethereum;

2. Служебные токены — предназначены для обеспечения цифрового доступа к приложению или услуге с помощью инфраструктуры на основе распределенного реестра;
3. Токены активов — представляют собой право требования или, например, долю в будущей прибыли компании или будущих потоках капитала. Таким образом, с точки зрения своей экономической функции такие токены аналогичны акциям, облигациям или дериватам. Токены, которые позволяют торговать физическими активами при помощи блокчейн-инфраструктуры, по мнению FINMA, также попадают в эту категорию.

8 октября 2019 года Швейцарский национальный банк заключил операционное соглашение с Банком международных расчетов (BIS) относительно расположенного в Швейцарии центра инновационного центра BIS.

Главная задача данного проекта — получить практические знания о соответствующих технологических разработках на основе технологии блокчейн, влияющих на задачи центральных банков.

В одном из исследовательских проектов в рамках этой инициативы тестируется интеграция технологии распределенного реестра в цифровые деньги центрального банка. Эта новая гибридная форма цифровых денег может позволить осуществлять расчеты токенизированных активов между финансовыми институтами. Данный проект реализуется в форме технико-экономического обоснования в рамках сотрудничества между Швейцарским национальным банком и компанией SIX [9].

Кроме того, налоговые органы некоторых кантонов (например Цуг) начнут принимать криптовалюты Bitcoin и Ethereum для налоговых платежей с 2021 года. Таким образом, кантон Цуг станет первым швейцарским кантоном, в котором налоги можно будет платить с помощью криптовалюты [10].

Размещенные на веб сайтах и в социальных сетях тексты, видео, аудиозаписи, фотографии и графика охраняются как результаты интеллектуальной деятельности. В силу привлечения к ним внимания аудитории они представляют имущественную ценность и являются активом для своего правообладателя.

С самого начала появления сети интернет, остро стоял вопрос борьбы с пиратством, в виду того, что в интернете ежедневно размещается огромные объемы информации, проконтролировать копирование и распространение которой не представляется возможным.

Как следствие, возникает необходимость в создании механизма обеспечения права собственности на цифровые объекты.

Платежные токены — взаимозаменяемы (биткоин который находится в кошельке одного пользователя равнозначен биткоином в кошельках других).

Было разработано решение на основе технологии блокчейн — NFT (non-fungible token) — невзаимозаменяемые токены, существующие в единственном числе, подтверждающие цифровые права на нематериальные объекты (аудиовизуальные произведения, тексты, изображения, доменные имена и пр.).

Уникальность невзаимозаменяемых токенов обеспечивается записью информации при помощи смарт-контрактов — «способа заключения письменной сделки при помощи электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки».

Согласно ст. 309 ГК РФ «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Технология блокчейн фиксирует информацию о правообладателе без возможности ее изменения или удаления. Таким образом становятся возможным ведение и контроль оборота цифровых прав.

Важно понимать какими правами обладают создатели и дальнейшие пользователи NFT токенов.

Например, токены активов предоставляют право на получение дивидендов, долю в компании, все это — финансовые права. NFT не предоставляют подобных прав, хотя они предоставляют доступ к контенту или дают права на роялти.

Несмотря на то, что NFT уникальны в своем роде, они не предоставляют их держателям прав требования к эмитенту. Ими можно распоряжаться путем продажи, но не на открытых торговых площадках (Kraken, Bittrex, Bitstamp).

В настоящее время отсутствуют работы по анализу NFT как инструмента подтверждающего право интеллектуальной собственности. Проблема здесь заклю-

чается в том, что владение NFT не означает владение оригинальной работой. Другими словами, покупка NFT не означает, что вы покупаете права интеллектуальной собственности на данный контент.

В соответствии с п. 1 ст. 1265 ГК РФ права автора «неотчуждаемы и непередаваемы, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен». То есть покупка произведения искусства не означает, что авторские права на произведение искусства переходят к покупателю.

С точки зрения авторского права NFT — это цифровое свидетельство. Убеждение покупателей относительно того, чем они владеют, не отражаются в правовой реальности. Более того, компании, оказывающие посреднические услуги, не всегда прозрачны.

Поскольку NFT не требует, чтобы люди действительно владели авторскими правами, это приводит к различного рода злоупотреблениям.

Уже несколько раз придавались публичной огласке случаи, когда на торговых площадках создавались аккаунты известных художников и продавались их работы и только в последствии выяснялось, что это мошенники [11]. В настоящее время система NFT основана на том, что люди, преобразовавшие цифровой объект в токен, являются настоящими авторами и действуют добросовестно.

На основных торговых площадках OpenSea и Rarible не нужно подтверждать, право авторства, перед тем как поместить цифровой объект в блокчейн. Но и подтвердить себя как автора, при этом не являясь им на самом деле тоже несложно. Процесс проверки площадки Rarible включает заполнение нескольких форм, которые, похоже, никто не проверяет. OpenSea вообще полностью отказалась от проверки. Теперь платформа рекомендует покупателям проводить собственное исследование.

Канадская компания Dapper Labs с целью борьбы с мошенниками создала специальную лицензию NFT для решения проблем с правами интеллектуальной собственности, присущих NFT. Это важный шаг вперед в информировании пользователей о том, что с помощью NFT они не покупают авторские права. Пользователи покупают только лицензионный контент.

Права собственности на цифровое искусство, добросовестно созданное в форме NFT, можно продавать на разных торговых площадках и рассматривать преимущества данной технологии:

Во-первых, NFT обеспечивают аутентичность цифрового права. В качестве уникального токена его можно использовать для пометки произведений искусства, своеобразной подписи. Токен не может заменить настоящую картину, но он может быть очень удобным инструментом в случае, если собственник решит передать ее в залог в качестве способа обеспечения исполнения своих обязательств. Картина в данном случае является хорошим примером, как правило для ее сохранности лучше не перемещать ее без серьезной на то необходимости, но в случае использования токена, займодавец может быть уверен в том, что право собственности на объект перейдет к нему автоматически при помощи смарт-контракта и он сможет отслеживать местонахождение картины.

Во-вторых, технологию NFT используют художники, создающие цифровую графику — переосмысленные произведения искусства. Природа NFT как уникального токена, придает аутентичность цифровому искусству, которой не было до этого. С учетом постоянного бесконтрольного копирования информации в сети Интернет, это особенно актуально.

Например, Джек Дорси из Twitter, продал свой первый твит как NFT за более чем 2,9 миллиона долларов на платформе Valuables [12], которой управляет компания Cent — социальная сеть на основе блокчейна.

Твиттер, в котором говорится: «Просто настроив свой твиттер», был впервые опубликован Дорси 21 марта 2006 года. Дорси сообщил в Твиттере, что продаст свой первый твит, в последствии собрав миллионы долларов предложений от разных людей. Твит Дорси не имеет особой ценности, поскольку его могут подделывать другие люди. Этот твит не был искусством, хотя он был подлинным, что подтверждается соответствующим невзаимозаменяемым токеном [13].

Платформа opensea.io позволяет отслеживать переход права собственности на невзаимозаменяемые токены.

Благодаря посреднику компании NFTfi (одноранговая, децентрализованная, торговая площадка) стал возможным займ под залог цифровых прав как способ обеспечения исполнения обязательств. Компания дает возможность заемщикам передавать цифровые активы для получения ссуды, а кредиторам делать предложения о предоставлении ссуды и получать проценты.

На платформе происходит согласование существенных условий займа — его сумма, сумму погашения кредита и его продолжительность (сейчас доступны: 7, 30 или 90 дней).

Как только пользователь предложит ссуду заемщику под залог цифрового права система изменит цвет NFT на синий. Нажатие на карточку актива означает принятие займа. Принятие предложения приводит к тому, что NFT заемщика будет заблокирован в смарт-контракте, а сумма займа будет автоматически перечислена в кошелек заемщика криптовалютой WETH. Далее NFT будет отображаться желтым цветом, что означает, что он находится в залоге.

Погашение займа происходит автоматически в соответствии с согласованным между сторонами графиком. В случае невыполнения обязательств заемщиком (отсутствия криптовалюты в его кошельке) право собственности на NFT переходит к кредитору автоматически.

Главная задача технологии децентрализованных реестров — исключение посредников. В случае выдаче займа под залог как цифровых прав, так и других активов, ключевое значение имеет обеспечение возврата денежных средств. Для этого необходимо в первую очередь правильно оценить предмет залога и, во-вторых, обеспечить его передачу займодавцу помимо воли заемщика, в случае нарушения исполнения обязательств.

Говоря об оценке, очевидно, что в случае кредитования на большую сумму, необходимо руководствоваться заключением оценщика, имеющего опыт проведения экспертиз и знающего специфику цифровых прав, деятельность которого в обязательном порядке должна быть застрахована, на сумму сопоставимую сумме займа.

Вместе с этим несмотря на правильную оценку предмета залога, не менее важным является механизм

принудительной передачи цифрового права займодавцу. В настоящее время, компании, оказывающие посреднические услуги (Valuables NFTfi) находятся в зарубежных юрисдикциях и в случае возникновения конфликтной ситуации спор будет рассматриваться в суде того государства, где они зарегистрированы. Займодавец столкнется с очевидными трудностями, ввиду которых рассматривать NFT токены в качестве способа обеспечения исполнения обязательств перед российской компанией кредитором не представляется возможным.

В настоящее время принудительная передача цифровых прав возможна по отношению лишь к аккаунтам в социальных сетях и доменным именам, ввиду того что у них есть операторы, которые помогут это осуществить на основании решения суда.

Передача больших данных по решению суда взыскателю возможна, в случае если ее обладатель российское юридическое лицо, во владении которого находятся другие материальные активы. По отношению к нему можно применить, например судебную неустойку, в случае неисполнения решения суда в добровольном порядке.

Передача невзаимозаменяемых токенов, на основании вступившего в законную силу решения суда, в настоящее время не представляется возможным. Об этом можно будет говорить только в случае появления российского юридического лица, оказывающего посреднические услуги как это делают компании Valuables NFTfi, имеющего большой уставной капитал, учредители которого имели бы соответствующий опыт и вызвали доверие.

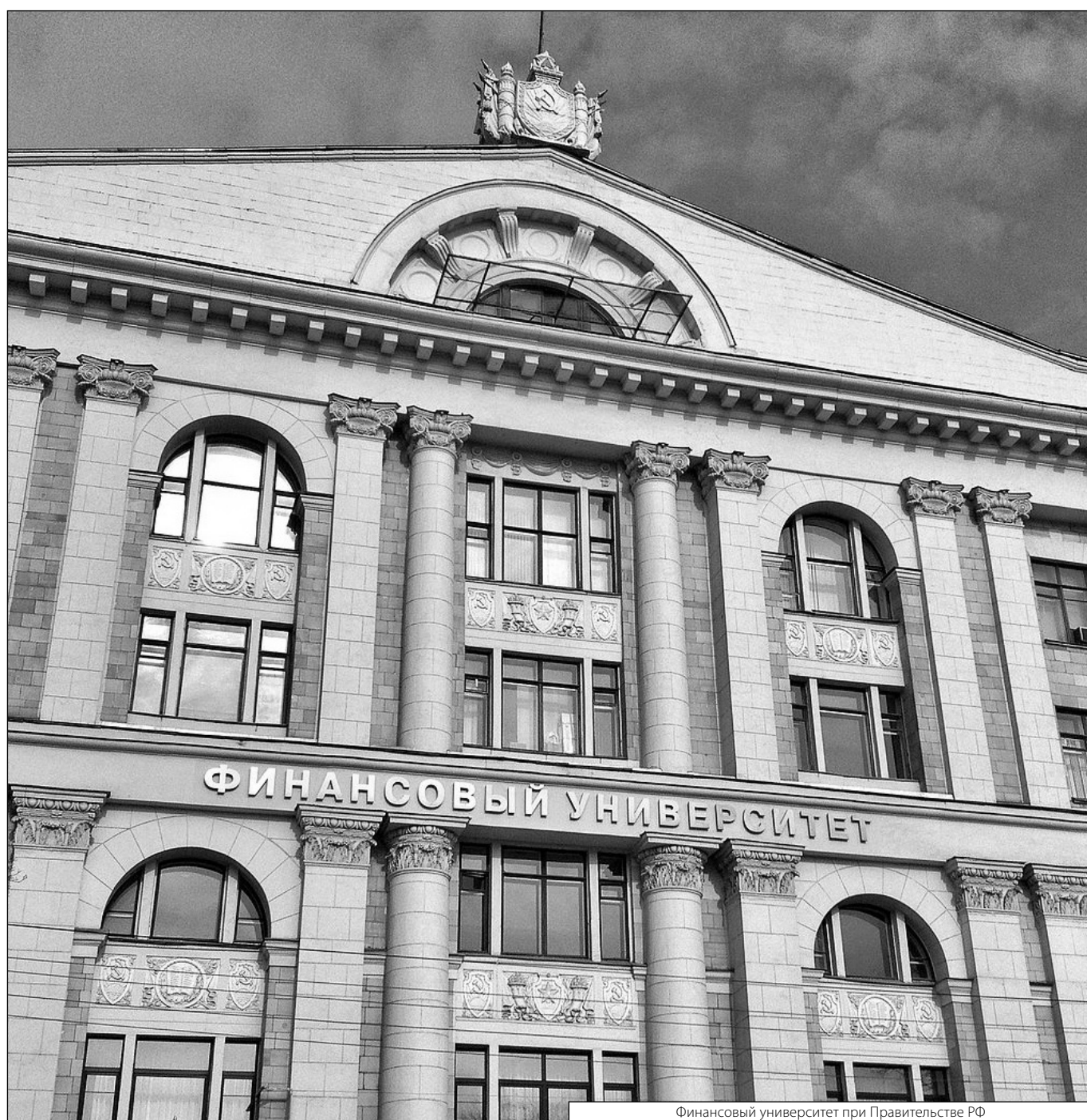
ЛИТЕРАТУРА

1. Протокол N1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, 20 марта 1952 г. (с изменениями от 11 мая 1994 г.) ETS № 009. Париж // Европейская конвенция о защите прав человека. URL: <http://www.echr.ru/index.asp> (дата обращения: 23.05.2020)
2. Постановление ЕСПЧ от 13.12.2011 «Дело «Васильев и Ковтун (Vasilyev and Kovtun) против Российской Федерации» (жалоба N13703/04) <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=308531#05017345371845461> (дата обращения: 23.05.2020)
3. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4 // СПС Консультант-Плюс
4. Ларионова В.А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху Big Data // Право в сфере Интернета: Сборник статей. (рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова). М. Статут. 2018 // СПС Консультант-Плюс
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 N1350-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гинеевского В.А. на нарушение его конституционных прав статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157829/
6. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11 // СПС Консультант-Плюс
7. Guide pratique pour les questions d'assujettissement concernant les initial coin offerings (ICO). Edition du 16 fevrier 2018 // FINMA. URL: <https://www.finma.ch> (дата обращения: 23.05.2020)
8. FINMA publishes ICO guidelines. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращение 23.05.2021)
9. SNB und BIZ unterzeichnen operative Vereinbarung zum BIZInnovation-Hub-Zentrum in der Schweiz. URL: https://www.snb.ch/de/mmr/reference/pre_20191008/source/pre_20191008.de.pdf (дата обращения 23.05.2021)

10. Canton Zug to accept cryptocurrencies for tax payment beginning in 2021. URL: <https://www.bitcoinsuisse.com/news/canton-zug-accept-cryptocurrencies-for-tax-payment-in-2021> (дата обращения 23.05.2021)
11. NFT mania is here, and so are the scammers URL: <https://www.theverge.com/2021/3/20/22334527/nft-scams-artists-opensea-rarible-marble-cards-fraud-art> (дата обращения 23.05.2021)
12. Apparently you can actually sell your tweets as NFT URL: <https://www.theverge.com/2021/3/5/22316320/jack-dorsey-original-tweet-nft-cent-valuable> (дата обращения 23.05.2021)
13. Jack Dorsey tweet URL: <https://v.cent.co/tweet/20> (дата обращения 23.05.2021)

© Зюльков Дмитрий Сергеевич (dmitryzulkov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ (СИНТЕТИЧЕСКИХ) ТИПАХ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

ON THE QUESTION OF MODERN INTEGRAL (SYNTHETIC) TYPES OF LEGAL UNDERSTANDING IN LEGAL SCIENCE

**Z. Kalandarishvili
G. Kurenkov**

Summary. In this article, the authors explore modern integral (synthetic) types of legal understanding in legal science. According to the authors, the very existence of a variety of approaches and their types to law is a reflection of the diversity of law as a socio-cultural phenomenon. The variety of manifestations of the legal essence and the need to take them into account in a specific analysis actualizes the problem of choosing between possible approaches and their types to the assessment and study of legal phenomena.

Keywords: law, society, phenomenological type of legal understanding, dialogical type of legal understanding, the concept of realistic positivism.

Каландаришвили Зураб Нодарович

К.ю.н., к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Куренков Герасим Алексеевич

Аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
kurencov.spb@gmail.com

Аннотация. В своей статье авторы исследуют современные интегральные (синтетические) типы правопонимания в юридической науке. По мнению авторов, само существование разнообразия подходов и их типов к праву является отражением многоплановости права как социокультурного феномена. Многообразие проявлений правовой сущности и необходимость учета их в конкретном анализе актуализирует проблему выбора между возможными подходами и их типами к оценке и в исследовании правовых явлений.

Ключевые слова: право, общество, феноменологический тип правопонимания, диалогический тип правопонимания, концепция реалистического позитивизма.

Следует отметить, что само существование разнообразия подходов и их типов к праву сегодня является отражением многоплановости права как социокультурного феномена. Многообразие проявлений правовой сущности и необходимость учета их в конкретном анализе актуализирует проблему выбора между возможными подходами и их типами к оценке и в исследовании правовых явлений современности.

В теории права, интегральные (синтетические) подходы правопонимания привлекают к себе пристальный интерес в силу своего разнообразия и оригинальности. Рассмотрим наиболее значимые и интересные типы этого подхода. Так, феноменологический тип берет свое начало от получившего развитие в XX в. феноменологического направления в философии, основателем которого считается немецкий философ Э. Гуссерль. Феноменология представляет собой особую методологию познания объекта исследования через анализ тех исходных феноменов сознания, в которых содержится изначальное представление о сущ-

ности данного объекта (точнее — о его обобщенном образе, сложившемся в сознании познающего субъекта на основе интеллектуальной интуиции). Заметный вклад в становление и развитие феноменологической концепции права внес в свое время известный философ права Н.Н. Алексеев.

Применение феноменологического метода к праву, пишет В.А. Четвернин, «означает поиск общих правовых понятий, норм и институтов, которые трактуются не только как мыслительные образы, но и как реальные надындивидуальные сущности [3].

Сегодня видным представителем феноменологической школы правопонимания является А.В. Поляков, в трудах которого право характеризуется как специфический феномен, существующий в виде «психосоциокультурной коммуникативной системы» [1].

Соответственно право понимается им как «психо-социо-культурный феномен».

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794А «Государственно-правовые системы современного мира».

Коммуникативную концепцию права автор трактует как вариант интегрального подхода к пониманию права, соответствующего постклассической парадигме. При этом, следуя традиции русской правовой школы, он считает необходимым выстраивать интегральную юриспруденцию на базе синтеза индивидуального и социального начал в праве. Проблема соотношения индивидуального и общественного рассматривается им под углом зрения имплицитной (ориентированной на внутреннее, духовное общение) и эксплицитной (нацеленной на внешне взаимопонимание и взаимодействие) коммуникации [2].

Суть отмечаемого им «когнитивного переворота в юриспруденции», совершенного с помощью коммуникативной концепции права может быть сведена к тезису: «Право есть там, где люди убеждены в том, что оно есть». Убеждение в наличии права (то есть признание права) «есть признание неких рамок поведения, то есть определенных прав и обязанностей, связывающих всех членов общества; признание их «объективного» характера, понимание их содержания и порядка реализации». Поскольку признание права «невозможно без опыта права», то право «существует как становящееся право, находящееся в постоянной динамике текстурально-информационного и энергично-поведенческого взаимодействия». Вся эта сложная «самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система» через редукцию сложности превращается в сознании познающего субъектов в некий набор принципов.

«Право,— полагает автор,— это сама социальная жизнь, взятая в специфическом ракурсе, но определение границ права через редукции сложности неизбежно ведет к упрощенному и фрагментарному его пониманию». При этом задачу современного правоведения он видит в том, чтобы создать (пусть и путем некоторого упрощения) такую теоретическую модель правовой действительности, в рамках которой «было бы возможно совмещение понимания права с позиций юридической практики (права в жизни) с максимально возможным уровнем научного обобщения, противодействующего его (права) теоретической «фрагментации». Это и есть, по его точки зрения, проблема синтеза формального, ценностного и антропологического аспектов правовой коммуникации» [2].

Диалогический тип правопонимания предлагаемый И.Л. Честновым генетически восходит к социологическому пониманию права. Автор данного типа исходит из того, что идея диалога как «напряжения, обусловленности и взаимоперехода антиномий», отражает дихотомичный характер социальной реальности, построенной в своей основе на антиномиях. Теория диалога, отмечает он, имеет два направления:

1. Философская (экзистенциальная) традиция, делающая акцент на единичном и уникальном;
2. Семиотика, разрабатываемая в рамках структурализма и постструктурализма, которая рассматривает диалог как разновидность коммуникационного процесса, предполагающего «наличие единого кода у субъектов этого процесса, их (субъектов) асимметричность (по крайней мере, не тождественность), переменность направления информационных потоков, а также желание поддерживать коммуникацию» [4].

И.Л. Честнов, в границах своего подхода, большое внимание уделяет исследованию юридикации человеческого бытия, вычленению

закономерностей зарождения и развития социально-правового быта как постоянного диалога между людьми.

Диалогическая школа правопонимания, как мы полагаем, занимается поиском «человеческой» составляющей в праве, под которым понимается структура (правила поведения) и ее реализация (включая практическую и ментальную составляющую) в правовом поведении людей, и «правовых качеств» в человеке, то есть ее концепция строится на «человеческом» измерении права. Главным стержнем этого интегрального типа правопонимания является акцентирование на воспроизводстве, динамике правовой реальности, складывающейся из диалога индивидуального правового действия субъекта и порождаемой им нормой, которая понимается не только как образец юридически значимого поведения, но и ее восприятие в общественном правосознании и реализации в правопорядке. Главным субъектом права, согласно этому типу, является человек и порождаемые им правоотношения, на правовое развитие которого большое влияние оказывает историческая и социокультурная обусловленность социума.

К типу интегрального (синтетического) подхода правопонимания следует отнести и концепцию реалистического позитивизма Р.А. Ромашова.

Концепция реалистического позитивизма основана на интеграции юридического позитивизма и социологической юриспруденции. В рамках данного типа утверждается, что правом регулятивно-охранительная система будет являться только в том случае, если нормы, из которых данная система состоит, являются общезначимыми и оказывают результативное воздействие на общественные отношения. Восприятие права в контексте реалистического позитивизма предполагает выделение абстрактного и реального права. Аб-

страктное право представляет собой совокупность норм, в основу систематизации которых положено деление права на публичное позитивное, публичное негативное и частное. Реальное право представлено правом в формально-юридическом и функциональном смысле. Право в формально-юридическом смысле представляет совокупность формальных источников, включающих в себя первичные и основные (законодательные акты); производные (нормативные интерпре-

тационные акты); вторичные (международные акты, нормативные договоры и юридические обычаи).

Таким образом, исследуемые нами вышеназванные типы интегрального (синтетического) подхода представляют сегодня очень интересные модели понятия и сущности права, так как они отражают конгломерат лучших воззрений ученых на правовые явления современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков А.В. Общая теория права: Учебник для вузов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца — М., 2006.
3. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. — М.: Наука, 1988.
4. Честнов И.Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Известия вузов. Правоведение. 2001. — № 3. — С. 45–46

© Каландаришвили Зураб Нодарович (zurab.kalandarishvili@yandex.ru), Куренков Герасим Алексеевич (kurencov.spb@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ДЕФИНИЦИЙ «ТВОРЧЕСТВО», «ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД» И «УМСТВЕННЫЙ ТРУД» В НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ЕАЭС

Канатов Танат Канатович

*Доктор права, ассоциированный профессор,
Московский государственный университет имени*

*М.В. Ломоносова
natan82008@mail.ru*

PROBLEMS OF HARMONIZATION AND UNIFICATION OF THE DEFINITIONS OF “CREATIVITY”, “CREATIVE WORK” AND “MENTAL WORK” IN SCIENCE AND THE LEGISLATION OF THE EEU COUNTRIES

T. Kanatov

Summary. This article discusses the problems of interpretation and regulation of the definitions of “creativity” and “creative work”, “intellectual work” in the doctrine and legislation on intellectual property of the EAEU countries. It should be noted that the science of civil law at each stage of its development has always faced specific problems determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key to the legal science at any stage of its development. Among them can be rightly attributed to the study of the problem of the interpretation of “creativity” and “creative work”, “mental work”.

Keywords: unification, harmonization, creativity, creative work, intellectual work, exclusive rights, copyright and related rights, EEU.

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы трактовки и регламентации дефиниций «творчество» и «творческий труд», «умственный труд» в доктрине и законодательстве об интеллектуальной собственности стран ЕАЭС. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемы трактовки «творчество» и «творческий труд», «умственный труд».

Ключевые слова: унификация, гармонизация, творчество, творческий труд, умственный труд, исключительные права, авторские и смежные права, ЕАЭС.

Дефиниции «творчество», «творческий труд» и «умственный труд» до сих пор принадлежат к числу неоднозначных правовых категорий, что вносит неопределенность в толкование базовых конструкций суперинститута интеллектуальной собственности, создавая немало проблем в правоприменительной практике стран ЕАЭС. В целях гармонизации и унификации терминологии необходимо проанализировать подходы к определению этих понятий в науке и законодательстве стран ЕАЭС.

Феномен творчества на протяжении длительного времени исследуется в системе различных наук, прежде всего в философии, социологии, психологии, литературоведении, искусствоведении, других науках, в том числе в экономике и праве. Однако до настоящего времени сколько-нибудь приемлемого толкования творчества учеными не предложено.

В труде «О неправомерности переиздания книг» (1785 г.) И. Кант одним из первых провел различие

между книгой как произведением механическим, относя ее к области вещного права, и ее содержанием, которое он воспринимал как обращение автора к нации и на которое, по его мнению, распространяется личное право.

Концепция авторского права, хотя и обрела оформление в международном соглашении — Бернской Конвенции 1886 г., понятий «творчество», «творческий труд» и «умственный труд» тоже не раскрывает, а лишь закрепляет определение «литературные и художественные произведения», которое «охватывает любую продукцию в области литературы, науки и искусства, вне зависимости от способа и формы ее выражения» [1].

Изменения представлений о творчестве, вызванные бифуркациями в обществе и хозяйственной жизни в XX–XXI веках оказали огромное влияние на представления о творчестве, творческом и умственном труде, что нашло отражение не только в законодательстве стран ЕАЭС и судебной практике [2], но и научных исследованиях.

Рассматривая категории «творчество», «творческий труд» и «умственный труд», нельзя обойти вниманием взгляды русских цивилистов на природу творчества. Так, профессор И.Г. Табашников в труде «Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и постановлений законодательств...» (1878) обозначил творческие произведения как «произведения ума», т.е. продуктов интеллектуального труда. К.Н. Победоносцев обозначил двойственность в понимании творческого произведения, которое есть «нечто исшедшее от него» (от автора), «им порожденное, получившее от него бытие ... произведение духа и мысли, выраженное в слове, принадлежит, прежде всего, самому автору не как телесная вещь, но как откровение и выражение его личности и духа, в нем обитающего» [3, 767с.]. Для Я.А. Канторовича авторское произведение — это не «духовное творчество», а «умственное», «не деятельность духа, а продукт этой деятельности, который со своей стороны предназначен к воздействию на человеческий дух» [4, С. 110]. Г.Ф. Шершеневич понимал объект авторского права как «продукт духовного творчества, облаченный в определенную форму и предназначенный к обращению в обществе» [5, С. 414].

Профессор Ю.С. Гамбаров был одним из тех, кто попытался выделить признаки результатов интеллектуальной деятельности: 1) бестелесная природа и неразрывная связь с личностью; 2) фиктивный характер; 3) имущественная ценность; 4) относительная независимость (самостоятельность) в отношении к телесным вещам; 5) абсолютная защита прав на такие объекты [6, 793с.].

Несмотря на широту взглядов, высказанных цивилистами в конце XIX и начале XX вв., многолетние научные баталии мало продвинули исследователей в постижении творчества в правовой науке. Своеобразную черту в этих спорах подвел А.А. Пиленко, который еще в начале XX века признал «наивным искать объективные мерки для понятия творчества» [7, С. 236].

Тем не менее, в прошлом веке сразу несколько известных теоретиков гражданского права высказали свои представления о творчестве. Так, В.И. Серебровский охарактеризовал произведение как совокупность «идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [8, С. 32].

М.В. Гордон полагал, что произведение возникает как результат творческой деятельности определенного автора, подчеркивая субъективную сторону — процесс создания произведения есть условие признания авторства. Объект авторского права «может быть характеризуется только как результат творчества, а не как простой предмет материального мира» [9, С. 10].

Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц обозначили субъектом авторского права «лицо, своим творческим трудом создавшее произведение науки, литературы или искусства» [10, С. 65].

О.С. Иоффе считал творчество «интеллектуальной деятельностью, завершающейся производящим актом, в результате которого появляются новые понятия, образы и (или) формы их воплощения, представляющие собой идеальное отражение объективной действительности» [11, С. 5].

И.Я. Ионас, рассматривая проблему творчества не только теоретически, но и практически, писал в 1963 г.: «Не учитывая критерия творчества, судья или эксперт не будут в состоянии решать чисто практические вопросы и споры, возникающие в связи с созданием произведений науки, литературы, искусства...» [12, С. 12]. «Правовым критерием для отграничения авторской деятельности от смежных видов интеллектуальной работы» И.Я. Ионас предлагает считать «аналитико-синтетический характер умственной деятельности, имеющий своим результатом создание новых идей, образов, понятий, суждений, силлогизмов или новой комбинации известных идей, образов, понятий» [12, С. 20]. Позднее И.Я. Ионас пришел к выводу, что понятие произведения шире понятия произведения творчества [13, С. 10]. Под произведением ученый понимал результат мыслительной (или интеллектуальной) деятельности человека [13, С. 9].

Несмотря на то, что советские правоведы, достаточно глубоко изучили зарубежную теорию и практику патентного права [14, 340с.], выделить какую-либо четкую правовую взаимосвязь изобретательства с творчеством из исследований того периода затруднительно. Как исключение можно рассматривать исследование К.Н. Наменгенова, где он, подчеркивая важность творческого отношения к труду в связи с развитием массового технического творчества, считал, что Конституция СССР создает «широкий простор для проявления творческих способностей советских людей, гарантирует свободу технического творчества, провозглашает охрану прав изобретателей и рационализаторов» [15, С. 2].

В отдельных научных работах творческий труд сопряжен с постоянной необходимостью преодолевать устоявшиеся в той или иной области представления и стереотипы, нацелен на поиск принципиально новых научных, технологических и организационных решений. Антиподом творческого труда выступает шаблонный труд, который характерен для низовых, наиболее простых по квалификационному уровню ячеек в системе общественного труда [16, 80с.]. Т.е. признаком творчества при таком подходе предлагается *прогрессивность* как преодоление сложившихся стереотипов.

Есть мнение, что понятие интеллектуального труда отличается от понятия умственного труда по целому ряду признаков. «Интеллектуальный труд в большей степени персонифицирован как труд более высокого качества и социальной эффективности. Он в большей степени, чем умственный труд, монополизирован определенной группой людей». Речь идет, прежде всего, о представителях творческих профессий и ученых. «По своему характеру и содержанию интеллектуальный труд является информационно емким и производительным. Средством интеллектуального труда являются интеллектуальные и коммуникационные возможности человека и общества» [17, С. 108–111].

С конца XX века творчество начинает рассматриваться главным образом с интеллектуалистических позиций, как создание «некого нового» [18, С. 83]. С развитием техники и новых технологий все более распространенным стало понимание творческого и умственного труда через инновации (англ. *innovation* — нововведение) — создание, распространение и внедрение новшества.

Однако, до настоящего времени самым очевидным пробелом гражданского права ЕАЭС продолжает оставаться отсутствие в законодательстве не только дефиниций творчества и творческого труда, но и понятия умственного (интеллектуального) труда, а также понятия «результат интеллектуальной деятельности». В соответ-

ствии со ст. 1257 ГК РФ, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано». Это положение дополнительно разъяснено в ст. 1228 ГК РФ: «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата».

В правовой науке концепты «творчество», «творческий труд» и «умственный труд» рассматриваются весьма вариативно и во многом отличаются от представлений русских и советских цивилистов. Приведем лишь несколько из определений и суждений по этой проблематике.

Э.П. Гаврилов понимает творчество как «деятельность человека, порождающую нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью» [18, С. 83].

А.П. Сергеев: «До тех пор, пока мысли и образы автора, существуют лишь в виде творческого замысла, они не могут быть восприняты другими людьми, и, следовательно, не существует и практической надобности в их правовой охране» [19, С. 111–112].

Т.Г. Макаров: «... под творческой деятельностью понимается процесс создания чего-то качественно нового, а ее результат определяется как итоговый продукт... Право начинает действовать тогда, когда автор вступает в общественные отношения по созданию и использованию результатов своей творческой деятельности» [20, С. 302–308].

Но вряд ли корректна позиция В.А. Дозорцева, который предложил разделять результаты творческого и интеллектуального труда. Как заметил И.А. Зенин, «по нормам русского языка интеллект напрямую трактуется как ум, разум и как источник умственного, а значит, творческого труда» [21, С. 259].

Если обратиться к зарубежным исследованиям по этой проблеме, то европейская правовая наука, занимающаяся вопросами творческого труда, еще не в полной мере избавилась от влияния лично-ориентированных доктрин XVIII–XIX вв. Одним из представителей «личностного» подхода в праве был германский юрист, профессор Отто фон Гирке, отстаивающий целесообразность субъективной интерпретации критерия творчества. При такой логике охраноспособными могут признаваться только произведения, отражающие исключительно личность автора (его особый стиль, манеру письма).

В противовес субъективному, объективный подход предполагает сравнение произведения с уже существу-

ющими. Личностная (субъективная) ориентированность авторского права ограничена, при попытке применения только субъективных критериев к произведению, установить его принадлежность к автору возможно далеко не всегда. Тем не менее, концепция «интеллектуального творчества автора» впервые появилась в европейской Директиве 91/250/ЕЕС от 14 мая 1991 г. о правовой защите компьютерных программ.

Но ни европейское, ни международное право не дают ответов на вопросы, что такое творчество, творческий труд, умственный труд. В международном праве нормы о труде, праве на труд, трудовых отношениях и защите трудовых прав относятся к области трудового права и слабо коррелируют с положениями права интеллектуальной собственности.

Сопоставление действующих норм законодательства стран ЕАЭС показывает, что «творческий труд» (или «творческая деятельность») как условие признания лица, создавшего произведение присутствует в законодательстве всех стран Союза.

ГК РБ не использует термин «автор», заменяя его словом «патентообладатель». Нормы ГК РК о правах промышленной собственности отсылают к Патентному закону РК от 16 июля 1999 г. № 427 [22], нормы ГК РА — к Закону РА «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» от 28 июня 2008 г. № ЗР-111 [23], а нормы ГК РБ — к Закону РБ «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. № 160-З [24].

Ключевой вывод, который вытекает из анализа норм гражданских кодексов стран ЕАЭС, содержащих термин «творческий труд», это отсутствие его легального толкования, вокруг данного понятия образовался вакуум.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Обзоре судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав от 23.09.2015 г., судам рекомендовано учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257, 1259 ГК РФ в их взаимосвязи, результатом интеллектуальной деятельности является только результат, созданный творческим трудом. Однако, никаких критериев творческого труда в Обзоре не приводится. Таким образом, ни в законодательстве, ни в правовой науке, никакой ясности относительно категории «творческий труд» нет.

На данный момент в большинстве правовых актов стран ЕАЭС происходит лишь констатация права на творчество и свободу творчества. Один из таких нормативных подходов закреплен, к примеру, в российском законе «О науке и государственной научно-техни-

ческой политике», где субъектам научной и (или) научно-технической деятельности гарантируется свобода творчества, защита от недобросовестной конкуренции, а также предоставляется право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок (ст. 3) [25]. Но едва ли «свободу творчества» можно рассматривать как обязательный признак творчества, а тем более как критерий умственного труда.

И.А. Зенин, один из немногих российских ученых-правоведов, глубоко изучающих проблемы творчества и творческого труда, наблюдая за процессом познания творчества и анализируя нормы действующего законодательства, пришел к выводу, что в юридическом смысле творческим трудом следует считать любой умственный труд, а его результат — объектом авторского права, кроме случаев, когда:

1) установлен плагиат;

Признать творческим умственный труд плагиатора нельзя. Плагиатом признается использование произведения без цитирования [26, С. 33–35]. Эта проблема лишь сравнительно недавно стала объектом пристального внимания со стороны экспертного и научного сообщества стран ЕАЭС. К исследованию понятия «плагиат» обращались многие ученые, среди которых В.А. Белов, С.А. Денисов, И.А. Зенин, Р.А. Мерзликина, И.В. Овчинников и другие. Сущность плагиата состоит в умышленном присвоении авторства, т.е. нарушитель осознает, что выдает чужой результат интеллектуального труда (или его фрагмент) за свой собственный [27, С. 272].

В правоприменительной практике впервые проблему плагиата обозначил Пленум ВС РФ от 26.04.2007 № 14 [28], в Постановлении которого разъяснено, что присвоение авторства может заключаться в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени;

2) результат признан объектом патентных и других подобных прав;

3) на результат установлен режим коммерческой тайны и он является объектом фактической монополии, то есть ноу-хау;

4) этот результат (герб, флаг, клон и т.п.);

5) умственный труд признан по закону оказанием автору результата технического, материального и т.п. содействия либо помощи (п. 1 ст. 1228 ГК РФ);

б) умственный труд был направлен только на создание вещи как объекта вещных прав [29].

С точки зрения И.А. Зенина, которую следует поддерживать, результатами умственного труда по смыслу п. 1 ст. 1225 ГК РФ можно считать только результаты, соответствующие двум основным условиям:

1. их охрана должна предусматриваться законом;
2. охрана должна предоставляться конкретному результату интеллектуальной деятельности или средству индивидуализации [30, С. 14].

Новый импульс дискуссия о природе умственного (интеллектуального) труда получила в связи с цифровизацией различных сфер человеческой деятельности. В самом общем смысле «цифровизация» (от англ. *digitalization*) — это преобразование информации в цифровую форму, процесс переноса деятельности человека и продуктов этой деятельности в цифровую среду. В рамках индустрии «Промышленность 4.0» ключевым аспектом становится цифровое производство, его конкурентоспособность определяются уровнем цифровизации [31, С. 108–116].

Суть наступающей «эпохи сетевого интеллекта» состоит «не только в сетевых технологиях, но и во взаимодействии людей посредством сетевых технологий», которые «объединяют интеллект, знания и творчество для совершения прорыва в создании общественного капитала и благополучия» [32, С. 143].

В соответствии с цифровой трансформацией экономики стала развиваться новая отрасль права — цифровое право, появился новый объект гражданских прав — цифровые права. С 1 октября 2019 г. [33] ст. 128 ГК РФ звучит следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Цифровыми правами российский закон признает «обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» (ст. 141.1 ГК РФ).

Нормативное определение информации, информационных технологий и смежных с ними категорий помещено в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149 «Об информации, информационных технологиях и о за-

щите информации» [34] (далее — «Закон № 149-ФЗ»), где информация понимается как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а информационные технологии — как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов».

Но если понятие термина «информация» содержат специальные правовые акты всех стран ЕАЭС, то дефиниция «цифровые права» как объект гражданских прав получила закрепление только в ГК РФ.

Но не во всех странах ЕАЭС идея включения цифровых прав в гражданское законодательство находит поддержку в научном сообществе. Так, казахстанский ученый, доктор юридических наук М.К. Сулейменов высказывает большие опасения, и даже осуждение принятия поправок в ГК РФ: «...не надо торопиться вносить изменения в ГК и другие законы. Все эти проблемы, связанные с наступлением эры компьютеризации, роботизации и цифровизации, являются настолько непроработанными с точки зрения гражданского права, что включение их в законодательство может привести к непредвиденным последствиям. У меня большие сомнения по вопросу о необходимости включения в настоящий период понятия цифровых прав в ГК» [35].

Невозможно отрицать, что новые реалии в рамках цифровой трансформации поставили перед правовой наукой величайшую познавательную проблему — регламентировать воздействие цифровизации на экономическую жизнь и торговый оборот новых объектов ИС, выразить этот научно-технологический феномен в правовых категориях. Всевозможные подходы к регламентации информации уже не справляются с этой задачей, необходимо примирить имеющуюся доктрину интеллектуальной собственности с реальностью интеллектуального производства, включив умственный (интеллектуальный) труд и новые объекты ИС в систему общественных отношений.

Проникновение глобальной цифровой парадигмы в экономику и правовые системы, неизбежно будет детерминировать стремление стран к гармонизации и унификации законодательства. В частности, в Европе, как уже отмечалось выше, происходит процесс унификации и гармонизации, исключительных прав стран-членов ЕС в виде снятия барьеров, активизации коммерческого оборота и создания единого цифрового рынка. И страны ЕАЭС не могут оставаться в стороне от этих процессов, каким бы сложным не казался им этот путь.

Следует признать, что многочисленные попытки в познании творчества, творческого труда и умствен-

ного труда в правовой науке особым успехом не увенчались, главное противоречие исследователями разрешено не было, поскольку творчество имманентно, оно присуще практически любому виду человеческой деятельности. В настоящее время эти категории проходят очередную трансформацию, их содержание меняется.

Окончательная точка в дискуссии о природе творчества, творческого и интеллектуального труда в рамках суперинститута интеллектуальной собственности

не скоро будет поставлена. Следует выразить солидарность с теми авторами, которые считают, что проблема определения критериев творчества в значительной мере обусловлена тем обстоятельством, что до сих пор в науке господствует традиционное определение труда [36, С. 133–137].

Из всего сказанного следует, что законодательство стран ЕАЭС должно содержать легальное юридическое определение творческого труда и правовые критерии его результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979).
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 11, ноябрь.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1. / К.П. Победоносцев. — С.-Пб.: Синод. тип., 1896. — 767 с.
4. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Систематический комментарий к закону 20-го марта 1911 г. — 2-е изд., доп. / Я.А. Канторович. — Петроград: Тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. С. 110.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права, С. 414.
6. См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1 / Ю.С. Гамбаров. — С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
7. Пилленко А.А. Право изобретателя / Ред. кол. тома: В.С. Ем, Т.В. Мальчикова; Вступит. ст. И.А. Зенина; Биограф. очерк В.С. Ема, Д.А. Ларионова / А.А. Пилленко. — М.: Статут, 2001. С. 236.
8. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 32.
9. Цит. по: Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике / Ионас В.Я. — М.: Юрид. лит., 1963. С. 10.
10. Антимонов Б.С. Авторское право / Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц. — М.: Госюриздат, 1957. С. 65.
11. Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций: в 3 ч. / О.С. Иоффе. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. — Ч. 3. С. 5.
12. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике / В.Я. Ионас. — М.: Юрид. лит., 1963. — 138 стр.
13. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве / Ионас В.Я. — М.: Юрид. лит., 1972. — 168 стр.
14. Матвеев Г.А. Патентное право и западноевропейская интеграция капиталистических стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.А. Матвеев. — М., 1968. 26 с.; Патентное законодательство капиталистических стран / Пер.: Дозорцева В.А., Мальцман Т.Б., Рубанова А.А.; Под ред. и со вступ. ст.: Е.А. Флейшиц. — М.: Иностран. лит., 1959. 340 с.
15. Наменгенов К.Н. Абсолютные и относительные изобретательские правоотношения: автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.03 / К.Н. Наменгенов. — М., 1982. С. 2.
16. Бушмарин И.С. Трудовые ресурсы творческого типа — основа эволюции и экономики общества / И.С. Бушмарин. — М.: ЭПИцентр, 2002. 80 с.
17. Лебединцева Л.А. Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях / Л.А. Лебединцева // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 1. — С. 108–111.
18. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения и тенденции развития. — Наука, 1984. — 222 стр.
19. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. — М.: Проспект, 2000. С. 111–112.
20. Макаров Т.Г. Понятие творчества в психологии и юриспруденции / Т.Г. Макаров // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2018. — Том 160. — Кн. 2. — С. 302–308.
21. Зенин И.А. Творческий труд как правовая категория / И.А. Зенин // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. Сборник статей к юбилею Е.А. Суханова. — М.: Статут, 2018. С. 259.
22. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427 (ред. 28.10.2019) // Ведомости Парламента РК. 1999. № 20. Ст. 718; 2004. № 17. Ст. 100.
23. Закон Республики Армения «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» от 28 июня 2008 г. № ЗР-111 (ред. от 18.10.2016) // Официальные ведомости РА. 2008. № 42 (632). Ст. 715.
24. Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. № 160-3 (ред. от 18.12.2017) // Национальный реестр правовых актов РБ. — 03.01.2003. — № 1. — 2/909.
25. Федеральный закон от 23 авг. 1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.
26. Богданова, О.В. Присвоение авторства как способ нарушения авторских прав / О.В. Богданова // Право и экономика. — 2016. — № 8. — С. 33–35.
27. Мерзликина Р.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник / Р.А. Мерзликина. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика; Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 272.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «Консультант Плюс».
29. Зенин И.А. Категории творчества, справедливости, морали и публичного порядка в российском праве интеллектуальной собственности: доклад на XI Международном форуме «Интеллектуальная собственность — XXI век».
30. Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) / И.А. Зенин. — М.: Статут, 2015. С. 14.
31. Истомина Е.А. Оценка трендов цифровизации в промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. — 2018. — № 12 (422). — Вып. 63. — С. 108–116.
32. Бухт Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. — 2018. — Т. 13. — № 2. С. — 143–172.
33. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
34. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
35. Сулейменов М.К. Гражданское право Казахстана в современном мире: влияние на развитие национального права. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalpro.kz/grazhdanskoe-pravo-kazakhstan-v-sovre/> (дата обращения 15.01.2020).
36. Новикова Н.А. К вопросу о необходимости переосмысления понятия «творческий труд» / Н.А. Новикова // В сборнике: Современное общество: наука, техника, образование материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах. 2016. С. 133–137.

© Канатов Танат Канатович (natan82008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

DOI 10.37882/2223–2974.2021.07.24

ВЛИЯНИЕ ЯВКИ С ПОВИННОЙ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРИ НЕСОГЛАСИИ ПОДЗАЩИТНОГО С ОБВИНЕНИЕМ В УБИЙСТВЕ

THE INFLUENCE OF THE ADMISSION OF GUILT THE PROTECTION WHEN THE DEFENDANT DOES NOT AGREE WITH THE MURDER CHARGE

A. Luchina

Summary. The need to provide qualified legal assistance in order to protect the rights, freedoms and interests of a person who is subject to criminal prosecution determines the importance of developing the most reasonable line of defense in a criminal case of murder. Frequently, an admission of guilt limits the choice of a defense position. Today the current legislation of the Russian Federation needs changes that can eliminate the diversity in the application of this legal institution.

Keywords: reason for initiating a criminal case, admission of guilt, murder, lawyer, defense position.

Лучина Анна Юрьевна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва
anluchina@mail.ru

Аннотация. Необходимость оказания квалифицированной юридической помощи в целях защиты прав, свобод и интересов лица, которое подвергается уголовному преследованию, обуславливает важность выработки наиболее обоснованной линии защиты по уголовному делу об убийстве. Зачастую явка с повинной ограничивает возможность выбора позиции защиты. На сегодняшний день действующее законодательство Российской Федерации нуждается в изменениях, которые смогут устранить разнообразие в применении данного правового института.

Ключевые слова: повод к возбуждению уголовного дела, явка с повинной, убийство, адвокат, позиция защиты.

В настоящее время в уголовном процессе Российской Федерации нет единообразия в применении явки с повинной как добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении. Теория права, практика деятельности правоохранительных органов и судебная практика позволяют выделить следующие правовые значения явки с повинной: 1) повод к возбуждению уголовного дела [1]; 2) доказательство по уголовному делу [2]; 3) обстоятельство, смягчающее наказание; 4) одно из средств раскрытия преступлений [3]; 5) обстоятельство, учитываемое в пользу избрания более легкой меры пресечения. [4]

Принимая во внимание ст. 142 УПК РФ, можно выделить следующие признаки явки с повинной:

1. Добровольность. Решение лица по поводу заявления о совершенном им преступлении должно быть принято самостоятельно, без применения психического или физического принуждения, тем более со стороны должностных лиц правоохранительных органов, при этом лицо должно иметь возможность скрыться от следствия и суда и тем самым избежать наказания. У адвоката при реализации позиции защиты есть возможность осуществить процессуальные полномочия по выявлению нарушений относительно добровольности заявления о явке с повинной. Согласно законодательству об адвокатуре, адво-

кат обязан отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законом способами, в частности, заявлять ходатайство об исключении недопустимого доказательства, к которому в данном случае может быть отнесено заявление о явке с повинной. Однако на практике эти действия адвоката уже не могут в полной мере повлиять на устранение последствий несоблюдения принципа «добровольность» явки с повинной.

2. Определенная форма — письменная или устная, которая осуществляется путем занесения сведений в протокол в предусмотренном законом порядке.
3. Персональный (личный характер). Предоставление информации правоохранительным органам о совершенном преступлении должно осуществляться лицом, которое и совершило данное преступление. Иной подход размыл бы границы между такими поводами для возбуждения уголовного дела, как явка с повинной и заявление о преступлении.
4. Новизна предоставленных сведений. Данный принцип предполагает два варианта: 1) преступление, сведения о совершении которого содержатся в явке с повинной, должно быть неизвестно правоохранительным органам; 2) правоохранительным органам известно о факте совершения

преступления, однако лицо, его совершившее, не было установлено.

Зачастую органы уголовного преследования рассматривают сведения, полученные в результате явки с повинной, не только как ориентирующую информацию, но и как доказательственную, которая в дальнейшем ложится в основу процессуально значимых решений и в результате влияет на принятие решений судом. Не углубляясь в анализ допустимости с точки зрения действующего законодательства РФ использования явки с повинной в качестве доказательства по уголовному делу об убийстве, думается, не менее важным является вопрос влияния данной следственной и судебной практики на оказание адвокатом защиты доверителю.

Заявляя о совершенном им преступном деянии, лицо, как правило, описывает произошедшее через призму незнания специфики составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ. Таким образом оно фактически признает свой умысел на причинение смерти другому человеку, тем самым предоставляя сотруднику правоохранительных органов широкие возможности для квалификации его действий по ст. 105 УК РФ. Однако наступление смерти в качестве последствия, входящего в объективную сторону состава преступления, является признаком не только убийства. Обыденные знания действующего уголовного законодательства, моральные переживания в связи с совершенным деянием, желание добиться более мягкого наказания в итоге оборачиваются против лица. Оказание адвокатом квалифицированной юридической помощи направлено на воспрепятствование наступлению такого исхода.

В случае, когда лицо, сообщаящее о совершенном преступлении, признало при этом вину в убийстве, однако впоследствии отказалось от своих слов, или же адвокат, изучив фактические обстоятельства дела и имеющиеся доказательства, пришел к выводу, что действия доверителя подлежат квалификации по иной статье УК РФ, наиболее эффективной является позиция, направленная на частичное оправдание. Несогласие подзащитного с обвинением в убийстве относится к данному виду позиции защиты. Процессуальная цель, которая в рассматриваемом случае может быть выражена в необходимости добиться изменения квалификации и в результате смягчения наказания, требует от адвоката умения отграничивать убийство от смежных составов преступлений. Смежные с убийством составы преступлений — это составы, имеющие некоторые сходные с закрепленными в ст. 105 УК РФ признаки, но при этом обладающие своей спецификой, которая и требует квалифицировать деяние по иным нормам уголовного закона. В частности, к такой специфике могут относиться

ся отличия в видовом объекте посягательства, форме вины или субъекте. К преступлениям, которые по составу наиболее похожи с убийством, относятся: убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ) и оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

Возможность выработки позиции, направленной на частичное оправдание, может быть ограничена в случае, если заявление о явке с повинной было сделано в присутствии защитника. Возвращаясь к принципу «добровольность» явки с повинной следует отметить, что он обеспечивается в первую очередь разъяснением прав, предусмотренных действующим законодательством, а именно пользоваться квалифицируемой юридической помощью, а также не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется уголовно-процессуальным законом.

В связи с этим адвокату при выработке позиции следует учитывать, что его присутствие при обращении подзащитного с заявлением о явке с повинной ослабляет возможность в дальнейшем скорректировать позицию защиты, так как суды придают этому заявлению значение как вескому доказательству. Кроме того, даже в случае признания явки с повинной в качестве недопустимого доказательства, не исключается ее опосредованное влияние на внутреннее убеждение суда при вынесении приговора. Так, Мещерякова О.В. после нанесения ножевого ранения потерпевшему дала объяснения сотрудникам правоохранительных органов в присутствии адвоката и написала явку с повинной, в которой признавала вину в совершении убийства и раскаивалась в содеянном. При этом, согласно материалам дела, во время дачи показаний психологическое и физическое воздействие к ней не применялись. В дальнейшем позиция защиты состояла в том, что, защищаясь от действий потерпевшего, обвиняемая превысила пределы необходимой обороны, но умысла на причинение смерти у нее не было. Успенский районный суд Краснодарского края признал подсудимую виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. [5] В описательно-мотивировочной части он указал, что явка с повинной является «правдивой, соответствующей фактическим обстоятельствам дела», несмотря на то что в иных показаниях Мещерякова О.В. свою вину относительно умысла на причинение смерти отрицала. В данном уголовном деле явка с повинной положительно повлияла только на то, что при назначении наказания она была учтена как обстоятельство, смягчающее наказание. Данный пример под-

тверждает наличие «устойчивой тенденции в судебной практике оценки явки с повинной как равноценного доказательства по сравнению с показаниями, данными в суде». Однако данная тенденция нарушает право обвиняемого на защиту. Явка с повинной является лишь поводом для возбуждения уголовного дела, в то время как доказательства могут стать сведения, полученные уже на стадии расследования уголовного дела.

В теории права существует мнение, согласно которому «законодателю необходимо определить, к каким доказательствам относится явка с повинной, и внести соответствующее дополнение в УПК РФ». [6] Безусловно, внесение данного изменения в действующее законодательство благоприятно повлияло бы на однообразие судебной практики. Кроме того, в части осуществления деятельности адвоката это выразилось бы в облегчении выработки линии защиты, поскольку предприняло бы направление работы адвоката с имеющимися доказательствами. Однако внесение подобных положений негативно повлияло бы на обеспечение прав обвиняемого, так как это неминуемо привело бы к уменьшению вариативности возможных позиций защиты по уголовному делу, в частности, по уголовным делам об убийстве.

Исходя из того, что одним из направлений назначения уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, представляется целесообразным дополнить часть 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ подпунктом 1² следующего содержания: «заявление о явке с повинной при отказе подозреваемого, обвиняемого от сообщенных им сведений о совершенном преступлении в ходе производства предварительного расследования или в суде, независимо

то того, было ли оно осуществлено в присутствии защитника или в его отсутствии».

Актуальность данного положения обусловлена следующими аспектами:

Во-первых, адвокат еще не знает всех обстоятельств преступного деяния, которое стало предметом явки с повинной. Отсутствие проверенных сведений может помешать ему дать квалифицированный совет доверителю, что в дальнейшем негативно скажется на формировании и реализации позиции защиты.

Во-вторых, возможны случаи, когда адвокат, участвующий при сообщении доверителем о совершенном им преступлении, уже в ходе предварительного расследования по желанию подозреваемого, обвиняемого или в иных случаях, предусмотренных законом, подлежит замене, и вступившему в дело новому адвокату обеспечить права доверителя в полной мере становится затруднительно.

В-третьих, присутствие адвоката не всегда может стать гарантом защиты доверителя от какого-либо рода давления со стороны должностных лиц правоохранительных органов.

Таким образом, последствие преступного деяния, выразившееся в причинении смерти другому человеку, не всегда является результатом умышленных действий виновного. Адвокату при оказании квалифицированной юридической помощи надлежит учитывать не только конечную цель защиты в определенном уголовном деле, но и все негативные последствия явки с повинной, влияющие на возможность выбора наиболее эффективной позиции защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. Допустимость доказательств // Законность. 2007. № 10.
2. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. — М.: Изд-во МГЮА. 2014. № 3 (40).
3. Журавлева Е. Явка с повинной в судебной практике // Уголовное право. — М.: АНО «Юридические программы». 2007. № 5.
4. Лапатников М.В. Явка с повинной как аргумент виновности лица в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2013. № 7.
5. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 7-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
6. Шаутаева Г.Х., Шаутаева Р.Х. Проблемные вопросы доказательственной оценки явки с повинной // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 5.

© Лучина Анна Юрьевна (anluchina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПОРЧЕ ЗЕМЛИ

MUST OBJECTIVE PARTY OF THE CRIME AT LAND DAMAGE

**S. Malkov
A. Agafonov**

Summary. In this article, we carry out a doctrinal and legal analysis of the mandatory features of such an element of the corpus delicti in the case of land damage, as its objective side. With the help of the obtained and scientifically determined categorical concepts, we tried to analyze both the content itself and the types of the main signs of the objective side of the crime, provided, in turn, in Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Damage to the land"). At the same time, we identified and further analyzed a number of rather problematic issues, in our opinion. In the article offered to the readers, the authors' own vision of solving the problems we have identified is also offered.

Keywords: crime, crime, socially dangerous act, socially dangerous consequences, causal, criminal protection, damage, harm, way of committing a crime, land poisoning, land pollution.

Мальков Сергей Михайлович

К.ю.н., доцент, Сибирский юридический институт
МВД России

Serqeymalkov@mail.ru

Агафонов Александр Владимирович

К.ю.н., Сибирский юридический институт МВД
России

aleksandravagafonov@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье нами осуществляется доктринально-правовой анализ обязательных признаков такого элемента состава преступления при порче земли, как его объективная сторона. С помощью полученных и научно обусловленных категориальных понятий мы постарались проанализировать как само содержание, так и виды основных признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного, в свою очередь, в ст. 254 УК РФ («Порча земли»). При этом нами были выявлены и подвергнуты в дальнейшем анализу и ряд довольно проблематичных, по нашему мнению, вопросов. В предложенной читателем статье также предлагается и собственное видение авторов разрешения обозначенных нами проблем.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, причинная связь, объект уголовно-правовой охраны, ущерб, вред, способ совершения преступления, отравление земли, загрязнение земли.

Социально правовое значение объективной стороны любого состава преступления определяется уже тем, что она, во-первых, как элемент этого состава входит не только в само основание, но и в дальнейшее обоснование уголовной ответственности; а во-вторых, выступает в качестве юридической основы уголовно-правовой квалификации некоторых общественно опасных деяний; в-третьих, позволяет российскому правоприменителю разграничивать преступления, которые обладают при этом иными сходными признаками состава преступления; в-четвертых, содержит в себе описание вполне определенных критериев, позволяющих, в свою очередь, отграничивать уголовно наказуемые деяния от других правонарушений; в-пятых, является единственным обоснованием для вынесения судом виновному лицу весьма справедливого и, более того, индивидуально определенного при этом уголовного наказания.

В российской уголовно-правовой доктрине давно и, видимо, вполне обоснованно, а следовательно, и закономерно преобладает над всеми иными концеп-

циями мнение о том, что под объективной стороной состава преступления следует понимать именно характеристику действующим уголовным законодательством России внешних, то есть вполне доступных для восприятия любым правоприменителем, объективно существующих в окружающем нас материальном мире, признаков уголовно наказуемого общественно опасного деяния [2, с. 81], где к обязательным признакам анализируемого нами элемента состава преступления все известные российские ученые-правоведы относят только и именно само общественно опасное деяние.

Однако само понятие этого деяния в действующем российском уголовном законодательстве не раскрывается. Более того, там выделяются и закрепляются всего лишь две формы фиксации последнего, а именно преступные действия и преступное бездействие. УК РФ перечисляет эти варианты человеческого противоправного поведения как альтернативные.

При этом действия представляют собой, по мнению большинства российских исследователей, либо некое

движение одного из органов человеческого организма, направленное на достижение вполне определенной виновным лицом цели, либо целую систему отдельных телодвижений человека, объединенных тем не менее единой целью причинения вреда охраняемым и регулируемым уголовным законодательством общественным отношениям, образующих собой саму систему социально негативного поведения, то есть систему вполне противоправной уголовно наказуемой деятельности [1, с. 226].

Впрочем, подобный вред уголовным правоотношениям вполне реально может быть достигнут не только в результате внешне активного действия, а также и путем пассивного поведения виновного лица. Однако отнюдь не любое бездействие будет признано уголовно наказуемым. Помимо общего требования о возможности для физического лица в каждой конкретной ситуации совершить вполне определенное действие, преступник должен быть обязан совершить такое действие уже в силу прямого указания на то законом.

Явно дискуссионным ныне признается современным научным правовым сообществом России вопрос о том, ограничивается ли преступное действие только действиями самого физического лица либо оно включает в себя также и силы природы или иных физических лиц, которые виновное лицо может использовать для достижения явно необходимого ему, но преступного по нормативно правовому содержанию результата.

Заканчивается уголовно наказуемое действие либо в момент прекращения самого общественно опасного поведения виновного, направленного при этом на достижение необходимого ему преступного результата в виде формального вреда или материального ущерба, либо в момент непосредственного наступления общественно опасных последствий, которые рассматриваются в российском законодательстве именно как результат подобной деятельности [1, с. 228].

Под общественно опасными последствиями следует понимать, по общепринятому мнению, изменения объекта уголовно-правовой охраны, имеющие вполне объективно существующий социально негативный характер и возникшие именно в результате совершения конкретного преступного деяния [3, с. 169].

Эти изменения объекта уголовных правоотношений могут материализоваться в дальнейшем либо в форме вполне конкретного материального ущерба, либо в форме иного социально значимого вреда, для определения которого имеются весьма четко обусловленные критерии, а также комплексного вреда охраняемым российским уголовным законодательством объектам (социального, психического, организационного).

Между уголовно наказуемым деянием и наступившими именно в результате его совершения социально негативными последствиями должна быть установлена причинная (то есть прямая причинно-следственная) связь (необходимо при этом помнить, что косвенная следственно-причинная связь уголовную ответственность не вызывает).

Под этой связью вполне традиционно понимают объективно существующую и функционирующую в окружающем нас материальном мире связь между преступным деянием и наступившими в результате совершения последнего общественно опасными последствиями, наличие которой является не только обязательным, но и вполне достаточным условием для привлечения виновного лица к уголовной ответственности, если состав настоящего преступления по конструкции объективной стороны последнего относится именно к материальным.

Применительно к уголовно-правовой норме, предусмотренной в ст. 254 УК РФ, общественно опасное деяние как обязательный признак состава преступления в действующем российском уголовном законодательстве довольно четко и однозначно конкретизировано.

С объективной стороны деяние характеризуется совершением хотя бы одного из прямо перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 254 УК РФ действий (или бездействием):

- а) отравлением земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности;
- б) загрязнением земли этими продуктами;
- в) иной порчей земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности.

Причем все вышеперечисленные противоправные деяния должны быть совершены виновным лицом именно в результате его нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их опосредованном хранении, использовании или транспортировке.

Таким образом, следует резюмировать, по нашему мнению, и тот явно безусловный факт, что совершить анализируемое преступление можно лишь деянием в форме именно бездействия. Последнее, в свою очередь, предполагает фиксацию трех вполне самостоятельных способов совершения настоящего преступления. В этом случае способ совершения преступления будет также признан в качестве вполне обязательного признака объективной стороны состава анализируемого нами преступного деяния.

Кроме того, мы явно вправе зафиксировать при анализе основных признаков объективной стороны данного состава и такие его обязательные признаки, как общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью человека либо уничтожение или существенное повреждение как природных объектов, так и ресурсов, и прямую причинную связь между совершенным уголовно наказуемым деянием и наступившими в результате совершения последнего социально значимыми негативными последствиями.

Отсюда неизбежно следует, что состав анализируемого преступления по конструкции объективной стороны относится к материальным.

Правила, опосредованная ссылка на которые имеется в ч. 1 ст. 254 УК РФ, в свою очередь, отражены и довольно четко зафиксированы в различного рода законодательных актах, регулирующих разные сферы социального бытия современного российского общества. При этом они напрямую связаны с регламентацией, регуляцией и запретом гражданско-правового оборота удобрений, стимуляторов роста растений, ядохимикатов и иных опасных химических или биологических веществ.

Под удобрениями большинство современных российских правоприменителей вполне традиционно понимают либо органические, либо минеральные вещества, содержащие в своем составе все необходимые для растений элементы питания. Исходя из особенностей их химического состава, все удобрения подразделяются на два основных вида, а именно органические и неорганические (минеральные). При этом некоторые российские исследователи считают, что вполне имеют место быть и так называемые бактериальные удобрения.

К стимуляторам роста растений, по мнению ряда современных российских правоведов, следует относить либо естественно возникшие, либо синтетически созданные вещества, которые существенно ускоряют фитогенез растений, а, следовательно, весьма положительно влияют и на рост и развитие последних.

Современные российские ученые-химики считают, что в качестве ядохимикатов необходимо признавать пестициды, то есть такие химические или биологически активные препараты, которые изначально созданы для уничтожения вредителей сельскохозяйственных растений, борьбы с их заболеваниями, уничтожения сорняков и иных социально вредных растений, вредителями законсервированной сельскохозяйственной продукции, домашними вредителями, наружными паразитами домашних животных, а также для предварительного

удаления листьев растений, подлежащих в последующем сбору при уборке урожая (дефолианты), и для предварительной предуборочной сушки самих этих растений (десиканты).

Некоторые российские исследователи относят к пестицидам и регуляторы роста растений, разделяя их при этом на акарициды, альгициды, антигельминты, антитирезистенты, антисептики, антифидинги, арборициды, аттрактанты, бактерициды, гербициды, дефолианты, репелленты, стимуляторы роста растений, фунгициды и т.д.

Пестициды характеризуются и явно токсичными, а, следовательно, и социально опасными свойствами. Как следствие последнего, они могут концентрироваться не только в объектах окружающей нас природной среды, но и в самом организме человека, приводя порой к социально негативным последствиям в виде либо разрушения и уничтожения первых, либо в заболелании и неизбежной смерти вторых.

Таким образом, согласно действующему российскому законодательству с пестицидами вправе и могут работать только специально обученные люди, причем явно не моложе восемнадцати лет и не старше установленного законом возраста (женщины — пятьдесят, мужчины — пятьдесят пять лет) с помощью специально приспособленных машин и аппаратов, используя при этом специально созданные или приспособленные хранилища.

К иным опасным химическим или биологическим веществам следует, по общепринятому мнению, относить именно те химические или биологические вещества, которые не отражены ни в одной из вышеперечисленных нами групп. Более того, к ним явно относятся и те, которые созданы и для иных целей, однако применение последних в силах вызвать причинение либо определенного вреда, причем не только здоровью, но и жизни человека, либо реального ущерба окружающей нас природной среде.

Таким образом, правила обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами, иными опасными химическими или биологическими веществами будут признаваться подвергнутыми нарушению, если в результате действия виновного лица концентрация вредных веществ в почвенном покрове явно превышает нормативы предельно допустимого; виновным лицом использованы в своей повседневной профессиональной деятельности химические вещества или токсичные химические препараты, не нашедшие место в списке разрешенных к использованию действующим законодательством; виновным лицом использованы

прямо запрещенные в России агрохимикаты, при этом эти химикаты хранятся вне специально приспособленных для этой цели хранилищ или в отношении них осуществляется транспортировка путем использования не специально предназначенного транспорта; работники, не обладающие при этом специфической профессиональной подготовкой, тем не менее были допущены к работе с пестицидами ограниченного использования и т.п.

В свою очередь, указанные нами правила включают в себя:

- а) определенные стандарты обращения с вредными и опасными веществами при их дальнейшем хранении;
- б) определенные стандарты использования этих веществ;
- в) определенные стандарты при транспортировке последних.

Под обращением, по мнению большинства ведущих российских ученых-правоведов, явно необходимо понимать все виды ныне действующей экономической деятельности с указанными нами веществами, но исключительно в рамках их хранения. Отсюда вполне обоснованной следует признать и мысль о том, что хранение вредных и опасных веществ неизбежно предполагает и их нахождение в каком-либо, но вполне конкретном месте.

Необходимо в целом согласиться и с мнением о том, что под использованием этих веществ понимается реальное применение последних, причем как для промышленного производства сельскохозяйственных или иного рода работ, так и для осуществления иных социально значимых целей.

Таким образом, состав анализируемого преступного деяния вполне может иметь место, когда:

- а) налицо отравление, загрязнение или иная порча земли;
- б) отравление, загрязнение, иная порча происходят не в результате использования виновным лицом удобрений, стимуляторов роста растений, ядохимикатов и иных опасных веществ, а именно в результате использования вредных продуктов хозяйственной или иной подобного рода деятельности, которые образуются именно вследствие нарушения вполне определенных правил обращения с этими веществами;
- в) обращение с ними, в свою очередь, подразделяется на хранение, использование и транспортировку указанных нами веществ;
- г) отравление, загрязнение и иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной

подобного рода деятельности неизбежно повлекли за собой причинение вреда здоровью человека или окружающей нас природной среде.

Под отравлением земли, по мнению большинства современных российских исследователей, явно необходимо понимать весьма существенную степень пресыщения верхнего почвенного слоя земли на уровне его загрязнения ядохимикатами или токсичными продуктами антропогенной деятельности, в результате чего использование земли может вызвать в дальнейшем либо неизбежные заболевания или даже гибель населяющих ее людей, либо повреждение, либо полное уничтожение окружающей их природной среды.

Под загрязнением земли, видимо, следует понимать значительное ухудшение в результате экономической или иной подобного рода деятельности человека качества земель любой категории, характеризующееся при этом либо появлением, либо увеличением химических веществ или уровня радиации по сравнению с их ранее фиксируемыми значениями.

В современном российском экологическом законодательстве общее понятие порчи земли трактуется как вполне равнозначное таким понятиям, как уничтожение или существенное повреждение ее почвенного или плодородного слоя. Таким образом, под порчей земли понимают полное или частичное ее разрушение, вследствие чего пользователем земли фиксируется либо существенное ухудшение, причем как физических, так и биологических ее свойств, либо значительным понижением социально-экономической ценности земель в результате непродуманного осуществления антропогенной деятельности или непринятия мер по предотвращению природных происшествий [4].

Следовательно, под понятие «иной порчи земли» подпадает ее дальнейшее захламенение, засоление, заражение и т.д., где захламенение земли — это поверхностная и иная утилизация использованных предметов и отходов хозяйственной и иной человеческой деятельности в неустановленных законом местах.

Засоление земли, видимо, может означать весьма существенную концентрацию в ней легкорастворимых в воде минеральных солей (хлоридов, сульфатов, карбонатов натрия, кальция и магния), а, следовательно, и неизбежный перевод засоленной земли в одну из следующих категорий почв: солончаки (сильно засоленные), солончаковые (менее засоленные) и солонцы (засоленные явно ниже пахотного слоя).

Далее, заражение земли, по общепринятому мнению, может выражаться в привнесении в нее снаружи

возбудителей бактериальных, паразитарных, инфекционных и иных заболеваний.

Допустимый уровень загрязнения при этом признается содержанием в почвенном слое химических веществ, не превышающим при этом их предельно допустимых концентраций (ПДК) или ориентировочно допустимых концентраций (ОДК). Таким образом, если в результате непродуманной до конца антропогенной деятельности налицо вполне допустимый уровень загрязнения почв, то подобная порча земли не подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ.

Уголовная ответственность за порчу земли наступает именно от использования виновным лицом вредных продуктов хозяйственной или иной деятельности. Хозяйственная деятельность есть человеческая деятельность в любой сфере современной российской экономики. Под иной деятельностью, видимо, необходимо понимать все остальные виды социально полезной деятельности человека.

Осуществление такого рода противоправных деяний в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации подлежит в дальнейшем квалификации по ч. 2 ст. 254 УК РФ.

В качестве обязательного условия применения к виновному лицу уголовной ответственности по ст. 254 УК РФ признается причинение в результате совершенного им противоправного деяния вреда здоровью человека или окружающей среде.

Под вредом здоровью человека в целом российским правоприменителем вполне традиционно понимается причинение хотя бы одному потерпевшему тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью,

расстройство здоровья, временная или постоянная утрата трудоспособности.

Уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой неизбежную смерть человека, признается российским правоприменителем особо квалифицированным составом анализируемого преступления.

Вред окружающей нас природной среде, то есть флоре и фауне, может проявляться в уничтожении или гибели представителей флоры или фауны, приведении почвенного слоя в такое состояние, которое изначально непригодно для дальнейшего использования в сельском хозяйственном производстве или для осуществления экологических функций.

Анализируемое нами противоправное деяние, следовательно, уже выступает в качестве последствия. Таким образом, применительно к составу такого преступления, как порча земли, вполне допустимо говорить о последствиях двух порядков.

В связи с этим прямая причинно-следственная связь российским правоприменителем должна фиксироваться не только между нарушением правил, указанных нами выше, и последующей порчей земли, но также и между порчей земли и причинением вреда здоровью человека или окружающей среде.

Следовательно, мы считаем вполне доказанным постулат о том, что состав преступления, предусмотренный в ст. 254 УК РФ, по конструкции своей объективной стороны относится не только к материальным, но и к составам преступления с альтернативными признаками объективной стороны, каждая из которых может быть совершена только в форме преступного бездействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. — М.: Госюриздат, 1960. — 244 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. — М.: Зерцало-М, 2002. — 624 с.
3. Назаренко, Г.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций / Г.В. Назаренко — М.: Ось-89, 2005. — 256 с.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Практикум / под ред. А.С. Михлина. — М.: Юристь, 2004. — 494 с.

© Мальков Сергей Михайлович (Serqeymalkov@mail.ru),

Агафонов Александр Владимирович (aleksandravagafonov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ — АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УПК РФ

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS — AN ALTERNATIVE MEASURE OF RESTRAINT IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Z. Mirzoev
A. Isakov
Kh. Kushkhov
M. Dyshekov**

Summary. The article analyzes the prerequisites that contributed to the introduction of a new measure of restraint in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is proved that this preventive measure serves as an alternative to such preventive measures as bail, house arrest and detention. The objectives of this preventive measure are specified.

Keywords: explanatory note; preventive measures; suspect; accused; investigator; inquirer; court; bail; house arrest; detention.

Мирзоев Залим Таубиевич

Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик)
trapik80@mail.ru

Исаков Аслан Русланович

К.ю.н., доцент, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик)
isaslan@mail.ru

Кушхов Хажмурат Леонович

Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик)
khajmurat@yandex.ru

Дышеков Мурат Владимирович

К.и.н., доцент, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик)
dugur1@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются предпосылки, которые способствовали введению новой меры пресечения в УПК РФ. Обосновывается, что данная мера пресечения служит альтернативой, таким мерам пресечения как залог, домашний арест и заключение под стражу. Указываются цели данной меры пресечения.

Ключевые слова: пояснительная записка; меры пресечения; подозреваемый; обвиняемый; следователь; дознаватель; суд; залог; домашний арест; заключение под стражу.

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ внесены изменения. Глава 13 «Меры пресечения» претерпела изменения. Появилась новая мера пресечения «Запрет определенных действий» ст. 105.1. В связи с введением данной меры пресечения, в УПК РФ были внесены изменения в следующие статьи УПК РФ: 98 «Меры пресечения»; 106 «Залог»; 107 «Домашний арест». Внедрению в УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий предшествовала пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста [1])».

Анализируя положения, указанные в данной пояснительной записке, можно сделать некоторые выводы, обосновывающие необходимость введения новой меры пресечения в УПК РФ. Законодатель указывает на то, что данная мера пресечения служит альтернативой, такой мере пресечения как заключение под стражу в отношении лиц подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, а также способствует обеспечению прав личности, исполнению общепризнанных международных норм права, повышению эффективности уголовного преследования, экономии средств федерального бюджета.

Также в пояснительной записке указывается, что в 2008 году на VII Всероссийском съезде судей был задан курс на диверсификацию системы мер пресечения, в рам-

ках которой было принято решение о необходимости дальнейшей оптимизации мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, в том числе залога и домашнего ареста. Такое решение обосновывалось тем, что ранее внесенные изменения в УПК РФ, в части касающейся мер пресечения, а именно, появление таких мер пресечения как залог и домашний арест не привели к ожидаемым результатам и не стали реальной альтернативой такой мере пресечения как заключение под стражу.

Необходимо признать, что во многих случаях, суд, удовлетворяя ходатайство о применении к лицу подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления меры пресечения в виде заключения под стражу, руководствуется тем, что ни залог, ни домашний арест не будут достаточно эффективными по отношению к конкретному лицу.

Основания для избрания меры пресечения прописаны в ст. 97 УПК РФ [2].

Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать подозреваемому, обвиняемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1. скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
2. может продолжать заниматься преступной деятельностью;
3. может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Анализируя ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий, можно предположить, что законодатель усмотрел некую пробельность в перечне мер пресечения, которая заключалась в том, что на практике, применение к подозреваемому, обвиняемому такой меры пресечения, как подписка о невыезде является не достаточно действенной, а залог, домашний арест или заключение под стражу являются чрезмерно суровыми.

В связи с чем, было принято решение ввести в действующее уголовно-процессуальное законодательство, некую пограничную меру пресечения «Запрет определенных действий». При этом, в статье ст. 105.1 УПК РФ указывается, что данная мера пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Так как данная мера пресечения подразумевает под собой, ограничение конституционных прав и свобод

человека и гражданина, для ее применения предусмотрено получение судебного решения. При этом, лицо ведущее производство по уголовному делу, а именно, следователь обязан получить согласие руководителя следственного органа, а дознаватель согласие прокурора для возбуждения соответствующего ходатайства перед судом. В постановлении о возбуждении перед судом данного ходатайства, следователь, дознаватель указывают, какие именно ограничения предусмотрены ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ они считают необходимыми для применения к конкретному подозреваемому, обвиняемому и обосновывают свою позицию.

Применение данной меры пресечения преследует две цели. Первая цель заключается в своевременной явке подозреваемого, обвиняемого по вызову дознавателя, следователя или в суд. Вторая цель направлена на соблюдение запрета (запретов), возложенных судом на подозреваемого или обвиняемого.

В соответствии с ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ данную меру пресечения можно применить к любому подозреваемому, обвиняемому по уголовному делу, независимо от тяжести совершенного преступления и его возраста. Таким образом, законодатель предоставляет выбор должностным лицам органов уголовного преследования и суду, какую именно меру пресечения необходимо применить к подозреваемому, обвиняемому. При этом суд должен учитывать данные о личности подозреваемого или обвиняемого, а также фактические обстоятельства уголовного дела при принятии решения, какой именно запрет или какие именно запреты необходимо применить к лицу, подозреваемому или обвиняемому по уголовному делу.

Суд при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

1. выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
2. находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
3. общаться с определенными лицами;
4. отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
5. использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
6. управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Подозреваемый или обвиняемый, может быть, подвергнут судом всем запретам, указанным в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ либо некоторым из них.

Перечень запретов не подлежит расширительному толкованию. Такой подход представляется верным, поскольку позволяет исключить произвол правоприменителя при избрании меры пресечения, что будет неизбежно в случае реализации высказанных отдельными исследователями противоположных предложений [3].

Подводя итог исследованию, хотелось бы сделать некоторые выводы.

При решении вопроса об избрании конкретной меры пресечения, в том числе и запрета определенных действий, суду необходимо руководствоваться обстоятельствами, изложенными в ст. 97 УПК РФ. Появление новой меры пресечения в виде запрета определенных действий служит альтернативой таким мерам пресечения как залог, домашний арест и заключение под стражу, что, по нашему мнению, является позитивным нововведением в УПК РФ.

Также применение данной меры пресечения влечет экономию средств федерального бюджета, а так-

же уменьшения сумм выплат в счет возмещения вреда за нарушение прав личности при заключении под стражу.

Появление данной меры пресечения, предполагающей возможность подозреваемому, обвиняемому оставаться по месту своего проживания, хотя и с определенными запретами, установленными судом, несомненно, является составляющим элементом взятого курса направленного на гуманизацию российского законодательства.

По нашему мнению, на практике, с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, а также фактических обстоятельств уголовного дела необходимо достаточно интенсивно применять новую меру пресечения. При этом, руководствоваться тем, что запрет определенных действий может быть изменен на более строгую меру пресечения по следующим основаниям:

- ◆ нарушение обвиняемым возложенных запретов;
- ◆ отказ обвиняемого от применения технических средств контроля;
- ◆ умышленное повреждение, уничтожение или нарушение функционирования обвиняемым технических средств контроля [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» // <http://asozd.duma.gov.ru>.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // <http://pravo.gov.ru>.
3. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 87.
4. Стельмах В.Ю. Мера пресечения «запрет определенных действий» // Российский следователь. 2020. № 2. С. 25.

© Мирзоев Залим Таубиевич (trapik80@mail.ru), Исаков Аслан Русланович (isaslan@mail.ru),
Кушхов Хажмурат Леонович (khajmurat@yandex.ru), Дышеков Мурат Владимирович (dugur1@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСПАРИВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИИ ПЕРЕД ВТО

PROSPECTS FOR CHALLENGING INTERNATIONAL ECONOMIC SANCTIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S OBLIGATIONS TO THE WTO

N. Pokrovskaja

Summary. The article is devoted to the analysis of the issues of the effectiveness of countering sanctions pressure exerted on Russia in the context of its obligations to the WTO. Based on the analysis of the sources of international law, as well as the provisions formulated at the level of domestic and foreign doctrine, the author determines the legal nature of international economic sanctions, analyzes the potential for challenging them by diplomatic and judicial instruments. As a result of the study, the author comes to the conclusion that despite the very limited potential of the tools available in the international arena to counter the sanctions policy, state authorities in the field of foreign policy, as well as representatives of the Russian business community should build up the practice of interaction between entities interested in maintaining the world trade balance and participation of the Russian side in it.

Keywords: economic sanctions; WTO; obligations; UN Security Council; dispute resolution; international economic security.

Покровская Наталья Владимировна

*Соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет
nataliavlاديمirovnapokrovskaja@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросов эффективности противодействия санкционному давлению, оказанному на Россию, в контексте ее обязательств перед ВТО. На основе анализа источников международного права, а также положений, сформулированных на уровне отечественной и зарубежной доктрины, автор определяет правовую природу международных экономических санкций, анализирует потенциал их оспаривания дипломатическими и судебными инструментами. В результате исследования, автор приходит к выводу о том, что, несмотря на весьма ограниченный потенциал имеющихся на международной арене инструментов противодействия санкциям, органам государственной власти в сфере внешней политики, а также представителям деловых кругов России, следует наращивать практику взаимодействия между субъектами, заинтересованными в поддержании всемирного торгового баланса и участия в нем российской стороны.

Ключевые слова: экономические санкции; ВТО; обязательства; Совет Безопасности ООН; разрешение споров; международная экономическая безопасность.

Экономические санкции стали важным инструментом внешней политики, и в последнее время цели их применения во многом зависят от государства-адресата. Несмотря на то, что понятие «экономические санкции» в настоящее время широко распространено в публичном дискурсе о международных отношениях, использование этого термина вызывает правовые проблемы. Традиционно понятие «санкции» было зарезервировано для принудительных мер, принимаемых международными организациями на основании их учредительных актов. [11] Анализ доктринальных источников породил противоречивые выводы: с одной стороны, санкции призваны вызвать эффект депривации, заставляя общественность отворачиваться от правительства и от политики, которая вызвала международное осуждение. С другой стороны, санкции могут привести к тому, что общественность сплотится против правительства, которое избрало политику применения санкционных инструментов.

По сути, экономическая санкция — это отсутствие торгово-экономического обмена между государствами с целью наказания одного из них по политическим и военным причинам. В зарубежной юридической доктрине под экономическими санкциями понимаются коммерческие или финансовые ограничительные меры, применяемые по ряду политических, военных или социальных причин одним или несколькими государствами против другого государства, группы или отдельного лица, для достижения внутренних или международных целей. Кроме того, под международными санкциями понимают совокупность принудительных мер и действий в ответ на совершение отдельным государством (группой государств) правонарушения. [12]

Санкции могут применяться в одностороннем порядке, но при этом государство, в отношении которого они действуют, имеет право на применение контрмер, [8] исходя из принципа взаимности. В праве ЕС понятие

санкций объединяет ограничительные меры (restrictive measures, могут иметь секторальный или горизонтальный характер) и персональные меры. [5, 7] В целом характер экономических санкций заключается не в том, чтобы создать сложную ситуацию против народа того или иного государства, а состоит в том, чтобы изменить поведение и политику правительства.

С момента принятия Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1947 году оно было направлено на либерализацию торговли за счет снижения торговых барьеров и ликвидации дискриминации в международной торговле. Статьи I и III ГАТТ предусматривают режим наибольшего благоприятствования и национальный режим для всех договаривающихся государств, запрещающий применение дискриминационных мер в международной торговле. Статья XI (1) устанавливает более конкретное правило, согласно которому государство-член ВТО не может устанавливать в международной торговле никаких ограничений, кроме пошлин, налогов или других сборов. Следовательно, экономические меры, затрагивающие торговые ограничения, могут рассматриваться как противоречащие ценностям и принципам системы свободной торговли.

Однако право ВТО допускает введение ограничительных мер одним из ее государств-членов против отдельных государств или групп государств при определенных обстоятельствах (ст.ст. XIX–XX ГАТТ, ст. XIV ГАТС). Подобные меры применяются большинством государств в отношении товаров и услуг из государств-партнеров. Россия также вправе делать это. Протокол о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО (п. 4) сохраняет за Россией право применять ограничительные меры, не совместимые с положениями, например, п. 1 ст. II ГАТС, которые могут быть отнесены к ограничениям доступа на рынок. [2] И ГАТТ, и ГАТС включены в правовую систему России, что позволяет ей использовать положения этих соглашений в целях защиты национальных экономических интересов.

В праве ВТО ограничительные меры имеют широкий диапазон: это и антидемпинговые, и компенсационные, и специальные защитные меры, предусмотренные Соглашением по применению статьи VI ГАТТ, ч. II Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам, ст. 2 Соглашения по специальным защитным мерам. В качестве санкций может выступить любая из нетарифных мер (а таких мер насчитывается 16 позиций согласно Классификатору ЮНКТАД). Подобная практика приводит к выводу о том, что нетарифные меры используются обычно как главные барьеры и регуляторы внешней торговли, [6] чтобы в одностороннем порядке добиться каких-то преимуществ, но одновременно эти же

нетарифные меры преподносят как экономические санкции, хотя истинная причина их введения зачастую та же: добиться конкурентных преимуществ.

Еще до вступления России в ВТО были приняты федеральные законы, регламентирующие применение различных мер, направленных на защиту внутреннего рынка. Одним из таких законов стал Федеральный закон «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров». Данный федеральный закон (ст. 2) разрешает вводить антидемпинговые пошлины или одобрение ценовых обязательств (антидемпинговые меры), компенсационные пошлины или одобрение обязательств (компенсационные меры), импортные пошлины или специальные пошлины (специальные защитные меры). Положения этого закона полностью соответствуют ст. 1 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ, ч. II Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам, ст. 2 Соглашения по специальным защитным мерам. Таким образом, комплекс экономических ограничительных мер, урегулированных российским законодательством, соответствует нормам права ВТО.

Вторым нормативным актом в обозначенной сфере стал Федеральный закон «О специальных экономических мерах», статья 3 которого допускает временное применение специальных экономических мер, необходимых для обеспечения интересов и безопасности государства, устранения или минимизации угрозы нарушения прав и свобод граждан.

После вступления России в ВТО были созданы и иные инструменты для защиты внутреннего рынка. Примечательно, что создавались они, в том числе, в рамках Таможенного союза, а впоследствии — ЕАЭС, и представляли собой различные меры нетарифного регулирования, применимые на евразийском пространстве.

Однако во взаимоотношениях России со странами Запада, последними был смещен акцент с применения «ограничительных мер» в соответствии с правилами ВТО на применение односторонних экономических санкций, в том числе и экономического характера в силу определенных политических событий. Так, в 2012 г. в Конгресс США принял «Закон Магнитского» (Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act), который искусственно увязал определенные «ограничительные меры», вводимые в одностороннем порядке, с выполнением Россией обязательств в сфере защиты прав человека (п. 3 ст. 402). На этом основании Конгресс США узаконил «замораживание» финансовых активов лиц, заподозренных в причастности к подобной деятельности, ограничил их право на распоряжение имуществом, принадлежащим им на праве соб-

ственности, а также осуществления деловых операций на территории США.

Очевидно, что в данном случае в основе принятого нормативного правового акта находится вмешательство во внутренние дела суверенного государства. США тем самым взяли на себя роль судьи, уполномоченного на разрешение нарушений прав человека во всем мире. Данный закон США планируют распространить и на другие государства. Это является примером экстратерриториального применения законодательства и судебной практики США в отношении других государств, по своей сути подрывает основы международного права и является очередной претензией США на исключительность и верховенство в международной системе.

Начиная с 2014 г. ряд западных государств, включая Австралию, Канаду, Норвегию и США, а также Европейский союз (ЕС) ввели в отношении России различные санкции, которые до сих пор носят разнонаправленный характер: первые из них включают запрет на поездки и «замораживание» активов определенных лиц, связанных с высшим руководством РФ. Вторые запрещают финансовые операции с определенными лицами, отдельными российскими гражданами и компаниями (в основном из энергетического и банковского секторов). Третьи вводят ограничения на торговлю оружием, оборудованием двойного назначения и технологиями нефтяной промышленности. В частности, в 2014 г. в США был принят Закон о поддержке свободы Украины, согласно которому устанавливается ряд секторальных санкций против России. Наиболее жесткие меры (запрет экспорта, ограничение банковских операций, запрет на инвестиции) предусмотрены в отношении трех секторов: оборонной промышленности, энергетической отрасли, рынка финансовых услуг (ст. 4–5).

Кроме секторальных, в данном законе упоминаются и персональные санкции (ст. 4, в отношении АО «Газпром»). Из п. 3 ст. 4 следует, что основанием для принятия закона стали политические обстоятельства, причем как уже возникшие во взаимоотношениях между Россией и другими постсоветскими государствами (Украина, Грузия), так и потенциально возможными (в этом контексте упомянуты Литва, Латвия, Эстония). Фактически это означает, что принятый закон основан не на потребности защиты национальной безопасности США, а на использовании в политических целях действительной или мнимой конфронтации России и приграничных с ней государств. В связи с присоединением Крыма к России экономические санкции были введены в отношении 37 российских юридических лиц, 65 физических лиц и 8 руководителей предприятий.

Эти санкции со временем ужесточались как с точки зрения их охвата (т.е. охватили большее число физических лиц и компаний), так и интенсивности (ужесточение условий допустимых финансовых операций). Однако, по мнению представителей органов государственной власти РФ, западные санкции несовместимы с мировой торговлей и правом ВТО. Они нарушают правила доступа на рынки и принцип наибольшего благоприятствования. [14] Тем не менее, Россия не только ввела собственные контрмеры (в виде экономических санкций), но и указала на свое право инициировать официальные процедуры урегулирования споров ВТО против США и ЕС.

У практикующих юристов и ученых сформировались различные мнения о возможностях и перспективах оспаривания санкций в отношении России в рамках ВТО. Сторонники первой группы «скептиков» обращают внимание на то, что санкции против России носят политический характер. Так, статья XXI ГАТТ позволяет государствам в определенных случаях отступить от позиций ГАТТ в целях обеспечения международного мира и безопасности. Такая формулировка обозначенной статьи предоставляет государствам-членам ВТО право на любые отклонения от норм права ВТО при обнаружении существенной угрозы международной безопасности, либо интересам национальной безопасности отдельно взятого государства, оставляя объем санкций на усмотрение государства, которое их вводит. [13] В этой связи И.В. Рачков отмечает безынициативность ВТО в вопросах введения и ограничения последствий экономических санкций. По этой причине все попытки оспаривания санкций в рамках данной организации до настоящего времени остаются безуспешными. В данном отношении перспектива обращения России в ВТО по вопросу обоснованности санкций, введенных в отношении нее, остается весьма нерадушной, поскольку может привести к осложнению торгово-политических отношений в рамках организации. Тем не менее, в качестве дипломатической площадки можно рассматривать Орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, поскольку переговоры в данном формате могут способствовать компромиссным решениям между государствами, применяющими экономические санкции. [9]

Существует и группа исследователей, придерживающихся более оптимистичного настроения в рассуждениях об эффективности международных инструментов оспаривания экономических санкций. Так, С. Лапин считает, что норма ст. 11 ГАТТ (ограничение экспорта) предоставляет России право оспаривания экономических санкций, введенных в отношении представителей отечественных предприятий оборонно-промышленного и топливно-энергетического комплексов. Также, можно считать вполне реальным оспаривание санкций

против российских банков на основании нарушений ГАТС, с указанием необходимости соблюдения режима наиболее благоприятствуемой нации (Most-Favored-Nation Principle). В таких условиях государствам, вводящим санкции против России, будет весьма непросто обосновать свою позицию о безусловной необходимости их введения, даже учитывая право на использование норм ст. XIV ГАТС. Аналогичного мнения придерживается В.Н. Мулюн, который отмечает, что степень объективности оценки ситуации в Украине со стороны США делает невозможным обоснование нарушения интересов национальной безопасности данного государства. В этих условиях В.Н. Мулюн предлагает рассчитывать на «моральную» поддержку деловых кругов, осознающих степень причинения ущерба своим экономическим интересам. [3]

Обобщая позиции исследователей, а также практику оспаривания экономических санкций посредством применения инструментов международного права, мы пришли к ряду выводов о перспективах такого оспаривания в контексте обязательств России перед ВТО.

В настоящее время в условиях отсутствия специализированных институтов, уполномоченных на разрешение вопросов обоснованности наложения и оспаривания санкций между субъектами международного права, государства-адресаты санкций, вынуждены обращаться к контролирующим и судебным органам субъектов, от которых данные санкции исходят. Наиболее выраженной данная проблема представляется в отношении финансово-экономических санкций.

Важнейшим субъектом обеспечения обоснованности международных экономических санкций является Совет Безопасности ООН. Учитывая состав постоянных и непостоянных членов данного органа, следует сказать, что многие государства-члены лишены полной автономии в вопросах реализации санкционной политики. С другой стороны, у Совета Безопасности ООН отсутствуют эффективные инструменты ограничения при обнаружении ситуаций, когда отдельные государства выходят за рамки резолюций Совета Безопасности ООН при наложении экономических санкций в отношении других государств.

Вопрос о правосубъектности международных организаций и межгосударственных объединений клубного типа (например G20, ФАТФ, ОЭСР) в сфере регулирования санкционной политики, следует рассматривать с учетом ограниченной легитимности решений, принимаемых в рамках данных организаций. Несмотря на тот факт, что данные многосторонние неформальные институты претендуют на ведущие роли в определении перспектив развития мировой экономики, их решения

носят скорее репутационный характер. Однако мы считаем необходимым поддерживать открытый диалог с такими организациями, поскольку это способствует снижению риска финансово-экономической изоляции России на международной арене. Диверсификация конструктивных взаимодействий в рамках таких организаций может повысить готовность отдельных государств, обладающих политическим суверенитетом, к принятию решений в сторону ослабления санкционных инструментов.

Говоря об экономических санкциях, нельзя не упомянуть специализированные финансовые международные организации, определяющие баланс в мировой финансовой политике. Среди таких организаций следует выделить Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Несмотря на отсутствие в уставных документах данных организаций положений об оспаривании экономических санкций, их региональные представительства вправе приостанавливать сотрудничество с субъектами, в отношении которых были применены санкционные инструменты. При принятии такого решения учитывается большинство голосов в управляющих структурах указанных организаций, а возобновление сотрудничества с субъектами — адресатами санкций возможно только после их отмены.

В источниках международного права, регламентирующих вопросы функционирования Европейского Союза, предусмотрены механизмы оспаривания правовых последствий санкций. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть о нормах ст. 263 Договора о функционировании ЕС [1] о судебном контроле правомерности законодательных и иных актов, выносимых в рамках ЕС. Однако, как отмечается в многочисленных источниках, механизмы оспаривания адресных финансовых санкций в Суде ЕС на практике показывают крайне низкую эффективность. [4]

Принимая во внимание вышеизложенное, следует констатировать ограниченность использования международных институтов по вопросам позитивного воздействия на вводимые экономические санкции в отношении властей и делового сообщества России. По нашему мнению, это подтверждается неудачными попытками оспаривания санкций путем обращения к регуляторам ВТО, предпринятыми в первые годы формирования посткрымской ограничительной политики в отношении России. [10] Тем не менее, отрицать пользу от вступления России в ВТО не следует, поскольку неизвестно, насколько масштабнее оказались бы экономические санкции, не вступи Россия в данную организацию. Исходя из этого, мы полагаем, что именно механизмы ВТО оказали существенный сдерживающий

эффект при применении против России международных экономических санкций.

Использование Совета Безопасности ООН в качестве площадки для оспаривания санкций следует рассматривать лишь для достижения необходимого уровня дипломатического воздействия на субъекты международного права, доказывания необоснованности и неправомерности применения ограничительных инструментов, наносящих системный ущерб экономическому взаимодействию на международной арене.

Взаимодействие по антисанкционным вопросам с международными организациями и объединениями клубного типа необходимо для укрепления доверия между Россией и теми государствами, которые имеют влияние в ЕС, обладающими правом инициирования исков об обоснованности применения санкций со стороны США в отношении российских чиновников и предпринимателей, а также правом наложения вето на продление уже введенных санкций. Несмотря на очевидную заинтересованность многих государств ЕС в восстановлении полноценных торго-

вых отношений с Россией, степень их инициативности в данном вопросе до настоящего времени минимальная.

Подводя итог, следует отметить, что введение рядом государств-членов ВТО в одностороннем порядке широкого спектра экономических санкций против России, которые фактически нарушают идеологию, заложенную в праве ВТО, а также основные принципы международного права, следует расценивать как неправомерное ограничение экономической активности субъектов, пользующихся либерализацией режима торговли в рамках ВТО и неформальное повышение уровня экономической конкуренции по определенным видам товаров, работ и услуг между государствами-членами ВТО. Постановка вопроса об обоснованности и правомерности введения данных санкций, а также использование всех доступных (пусть и весьма ограниченных) международно-правовых инструментов, необходимо рассматривать в качестве одного из приоритетных направлений российской внешнеполитической деятельности по обеспечению интересов национальной и мировой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция) [Электронный ресурс] // URL: eulaw.ru/treaties/tfeu (Дата обращения: 01.06.2021).
2. Анисимова В.В., Романова И.А., Некрасова М.Л. География сферы обслуживания (третичный сектор экономики). — Краснодар: КубГУ, 2014. С. 259–263.
3. Владислав Мулюн: У РФ есть контраргументы опровергнуть санкции Запада в ВТО. Аргументы и Факты [Электронный ресурс] // Доступ: <https://aif.ru/money/ecopolity/1309874> (Дата обращения: 31.05.2021).
4. Гландин С.В. Суд Европейского союза о правовых основаниях для отмены ограничительных мер (санкций) в отношении физических лиц // Международное правосудие. 2015. № 4 (16). С. 103–117.
5. Дораев М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России: монография. — М.: Инфотропик-Медиа, 2016. С. 5–13;
6. Дюмулен И.И. Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 3–20.
7. Жбанков В.А., Трубачева К.И., Слепак В.Ю. Правовой режим ограничительных мер в европейском праве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 240–255.
8. Петренко Е.Г. Правовое регулирование и научные подходы к понятию «санкция» // Научный журнал КубГАУ. — 2015. 111. С. 862–873.
9. Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. 2014. № 3(11). С. 93–113.
10. Старшинова О.С. Реформа договоренности о правилах и процедурах разрешения споров ВТО // Московский журнал международного права. 2018. № 4. С. 82–95.
11. International Law Commission, Draft Articles on Responsibility for Internationally Wrongful Acts with commentaries, United Nations 2008, Commentary to Art. 22, pp. 75–76.
12. Lin, Tom C.W., Financial Weapons of War (April 14, 2016). *Minnesota Law Review*, Vol. 100, p. 1377, 2016, Temple University Legal Studies Research Paper No. 2016–25, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2765010>
13. Mitchell, Andrew. (2017). Sanctions and the world trade organization. 10.4337/9781784713034.00021.
14. Ukraine Freedom Support Act of 2014 № 113–272 // Congress.gov [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/5859/text> — Загл. с экрана.

ПРОЕКТ ОЭСР BEPS: OVERVIEW, НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

OECD BEPS PROJECT: OVERVIEW, CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

A. Sapezhinskaya

Summary. The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) has achieved significant results over more than ten years of its work in the field of countering base erosion and profit shifting (BEPS), as well as in the field of taxation of the digital economy. This article discusses the main stages in the development of the OECD BEPS plan, namely: the initial 15 Actions aimed specifically at de-offshorization of the economies of the participating countries, The Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, as well as the BEPS2.0, which emerged from the development of Activity 1 and is already aimed at equitable distribution of taxes for countries in the field of e-commerce and the digital economy. If initially the OECD BEPS was more beneficial to developed countries with a high level of taxation and The United Nations Model Double Taxation Convention, which protected the source country, was a full-fledged opponent, then the BEPS2.0, which aims at equitable distribution of taxes in the digital economy, supports developing countries, thereby becoming unique in the field of international legal cooperation. If it is possible to achieve a consensus between the participating countries (of which there are already more than 130) on the BEPS2.0, then this could become the beginning of a new stage of international legal cooperation in the field of taxation and will affect almost all multinational corporations.

Keywords: jurisprudence, international law, tax law, deoffshorization, international organizations, OECD, BEPS, UN, digital economy, taxation.

Сапежинская Анна Антоновна

*Аспирант, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Amy2006@yandex.ru*

Аннотация. За более десяти лет своей работы в сфере противодействия размывания налоговой базы и вывода прибыли/доходов из-под налогообложения (BEPS), а также в сфере налогообложения цифровой экономики Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) добилась значительных результатов. В данной статье рассмотрены основные этапы развития проекта BEPS ОЭСР, а именно: первоначальные 15 Мероприятий, направленных именно на деофшоризацию экономик стран-участниц, Многосторонняя конвенция по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS, а также проект BEPS2.0, который появился из развития Мероприятия 1 и направлен уже на справедливое распределение налогов для стран в сфере электронной коммерции и цифровой экономики. Если изначально проект BEPS ОЭСР был выгоден скорее развитым странам с высоким уровнем налогообложения и Типовая конвенция ООН об избежании налогообложения, защищавшая страну-источник дохода, представляла собой полноправного оппонента, то проект BEPS2.0, который направлен на справедливое распределение налогов в сфере цифровой экономики, поддерживает и развивающиеся страны, тем самым став уникальным в сфере международно-правового сотрудничества. В случае если удастся добиться консенсуса между странами-участниц (которых уже более 130) по проекту BEPS2.0, то это может стать началом нового этапа международно-правового сотрудничества в сфере налогообложения и затронет практически все транснациональные корпорации.

Ключевые слова: юриспруденция, международное право, налоговое право, деофшоризация, международные организации, ОЭСР, BEPS, ООН, цифровая экономика, налогообложение.

В условиях экономической глобализации национальное законодательство в сфере налогообложения не всегда успевает развиваться и меняться в соответствии с новыми обстоятельствами, вызванными, например, усложнением деятельности ТНК, развитием цифровой экономики и т.п. Одной из стратегий, которую использует ТНК для снижения своего налогового бремени является BEPS. BEPS (base erosion and profit shifting), дословно переводится как размывание налоговой/налогооблагаемой базы и вывод доходов/прибыли из-под налогообложения, и заключается в том, чтобы искусственно вывести свои доходы из страны с высокими налоговыми ставками, где данные доходы на самом деле генерируются, в страны с низкими/нуле-

выми налоговыми ставки, где экономическая деятельность на самом деле практически не ведется.

Согласно данными ОЭСР, минимальные потери от размывания налоговой базы и вывода прибыли составляют 4–10% общемировых сборов налога на прибыль, т.е. примерно от 100 до 240 млрд.

Проект ОЭСР BEPS нацелен на обеспечение стран мира эффективным инструментом налогообложения прибыли по месту осуществления генерирующей их экономической деятельности и создания стоимости, повышения прозрачности и универсальности международной налоговой среды для бизнеса. В настоящий

момент к данной инициативе присоединилось более 130 стран.

Сейчас под словом BEPS подразумевается целый ряд структур и мероприятий: это первоначальный проект BEPS состоящий из 15 мероприятий, Инклюзивная группа, которая ежегодно отчитывается G20 (большая двадцатка, клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой), MLI BEPS (Многосторонняя конвенция по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS), проект BEPS2.0. 2020 года, состоящий из Планов 1 и 2 (Pillar 1 и Pillar 2), согласование которых ожидается в ближайшее время. План (Pillar) 1 предусматривает новый порядок налогообложения, в соответствии с которым международные корпорации, консолидированная выручка которых превышает определенный порог (ориентировочно 750 миллионов евро), уплачивают налог на прибыль в тех странах, где у них есть существенная клиентская база, даже при отсутствии традиционного «физического» присутствия (например, в виде дочернего предприятия или филиала). План (Pillar) 2 предлагает ряд правил, согласно которым международные корпорации будут обязаны уплатить налог не меньше, чем по глобально установленной минимальной ставке.

Чтобы определить нынешнее положение и перспективы развития инициативы ОЭСР, обратимся к истории плана BEPS и основным 15 мероприятиям и рассмотрим их подробнее.

Мероприятие 1. Решение проблем в сфере налогообложения цифровой экономики. Представляет собой анализ следующих вопросов: «цифровое» присутствие в другой стране без уплаты налогов ввиду «физического» отсутствия; определение стоимости, которая создается в результате передач информации пользователям посредством продажи/ оказания цифровых продуктов и услуг; определение источника дохода в новых моделях ведения бизнеса; обеспечение эффективного взимания НДС и налога на торговую деятельность и оказание услуг при международной торговле цифровыми товарами и услугами.

Отдельная группа мероприятий (Мероприятия 2–5) проекта BEPS направлена на достижение согласованности на международном уровне в сфере корпоративного налогообложения.

Мероприятие 2. Нейтрализации последствий действия гибридных механизмов, включая двойное налогообложение, долгосрочную отсрочку налогообложения или двойной вычета.

Мероприятие 3. Усиление правил деятельности контролируемых иностранных компаний. Сейчас во многих странах мира распространена практика вывода прибылей компаний-резидентов на уровень дочерних компаний, зарегистрированных в низконалоговых юрисдикциях.

Мероприятие 4. Ограничение уровня минимизации налогообложения путем вычета выплат по процентам и других финансовых платежей. Рассматривается проблема вычета процентных расходов для целей налогового обложения, которая может привести к ситуации двойного неналогообложения в том случае, если компания привлекает или предоставляет заемное финансирование.

Мероприятие 5. Более эффективное противодействие неблагоприятной налоговой практике с учетом прозрачности и содержательности. Существует продолжающаяся «гонка уступок», приводящей к снижению ставок налога на прибыль и выводу прибыли международных компаний в низконалоговые юрисдикции.

Следующая группа мероприятий (Мероприятия 6–10) направлена на восстановление последствий и преимуществ международных стандартов.

Мероприятие 6. Предотвращение злоупотребления договорами. Данное мероприятие направлено на ограничение злоупотреблений соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН). ОЭСР предложила разработать «положения типового договора» (в настоящий момент оно уже разработано).

Мероприятие 7. Предотвращение искусственного уклонения от статуса постоянного представительства. Предполагает уточнение определения данного термина в связи с тем, что во многих странах мира национальное законодательство позволяет использовать так называемые комиссионные соглашения и вводить исключения из статуса «постоянного представительства» на период подготовительных и дополнительных видов деятельности.

Мероприятие 8. Проведение в соответствие результатов по трансфертному ценообразованию и увеличению капитализации: нематериальные активы. Включает разработку правил трансфертного ценообразования, которые будут препятствовать выводу прибыли путем перемещения нематериальных активов внутри группы компаний.

Мероприятие 9. Приведение в соответствие результатов по трансфертному ценообразованию и увеличению капитализации: риски и капитал. Было за-

планировано разработать правила трансфертного ценообразования, препятствующие выводу прибыли путем переноса рисков или распределения избыточного капитала между членами группы.

Мероприятие 10. Приведение в соответствие результатов по трансфертному ценообразованию и увеличению капитализации: другие операции с высокой долей риска. Включает разработку мер в отношении сделок с высоким уровнем риска, не затронутых в Мероприятиях 8 и 9.

Последний крупный блок мероприятий (Мероприятия 11–14) направлен на обеспечение прозрачности, усиление достоверности и прогнозируемости.

Мероприятие 11. Создание методик сбора и анализа данных по BEPS и мер по решению данных вопросов.

Мероприятие 12. Обязательство налогоплательщиков уведомлять о применении агрессивного налогового планирования в своих соглашениях. Также подразумевается «формирование и внедрение усовершенствованных моделей обмена информацией между налоговыми администрациями о международных налоговых схемах».

Мероприятие 13. Пересмотр документации о трансфертном ценообразовании. Было предложено разработать универсальные правила по трансфертному ценообразованию.

Мероприятие 14. Создание более эффективных механизмов урегулирования споров.

Заключительное мероприятие Плана BEPS выделено в отдельный блок.

Мероприятие 15. Разработка многостороннего инструмента. Анализ практики, позволяющий различным юрисдикциям на добровольной основе реализовать мероприятия в отношении BEPS и внести соответствующие изменения в их двусторонние СИДН.

Наибольшее развитие получили Мероприятия 1,5,6,13 и 14.

Далее обратимся к истории создания ОЭСР данного проекта, как возникла данная инициатива и развивалась.

В 1998 г. ОЭСР был подготовлен доклад «Недобросовестная налоговая конкуренция: формирующаяся глобальная проблема». Данная работа была сосредоточена на трех основных направлениях: выявление

и устранение неблагоприятных элементов преференциальных торговых режимов в странах ОЭСР, работа с «налоговыми гаванями», вовлечение в работу других стран, не являющихся членами ОЭСР.

Первые попытки создания самого проекта появились в 2009 году как реакция на международный финансовый кризис, а также как поиск решения для устранения недостатков в так называемой «международной налоговой системе» с целью повышения прозрачности, сокращения оффшорных зон и окончания эпохи «банковской тайны».

В 2010 году к проекту присоединилась G20. Лидеры «группы двадцати» обратились с призывом усилить работу по противодействию размыванию налоговой базы в развивающихся странах. К февралю 2013 г. был опубликован доклад, в котором отмечалось, что часть существующих налоговых правил была разработана десятилетия назад. В результате чего, в современной ситуации, когда деятельность компании в какой-либо стране не обязательно требует физического присутствия, ценные активы (интеллектуальная собственность) крайне мобильны, а циклы производства товаров и услуг очень сложны с точки зрения определения налоговой базы, применение таких правил становится затруднительным либо невозможным.

В итоге, окончательный проект, возглавляемый комитетом ОЭСР по фискальным вопросам, был согласован G20 в сентябре 2013 года. Далее инициативная группа перешла к подготовке 15 мероприятий, о которых уже было сказано выше. Пакет данных мероприятий был представлен и единогласно одобрен членами ОЭСР и стран G20 в Анталии 15–16 ноября 2015 г. На этом же саммите было принято решение о создании и разработки инклюзивной группы. Инклюзивность в данном случае означала, что она открыта для заинтересованных стран и юрисдикций и позволяет им работать с ОЭСР по разработке стандартов по вопросам, связанным с BEPS, а также по анализу и мониторингу их внедрения.

Первая встреча Инклюзивной группы прошла с 30 июня по 1 июля 2016 г. в Киото, Япония, а вторая с 26 по 27 января 2017 г. в Париже, Франция.

Помимо Инклюзивной группы развитие проекта BEPS шло также по направлению сотрудничества с международными организациями и региональными фискальными организациями, в частности, с Африканским форумом налоговых администраций (ATAF), Межамериканским центром налоговых администраций (CIAT), Центром встреч налоговых администраций франкофонов (CREDAF) и т.д.

Кроме того, разработка проектов 1 и 2 и модернизация 15 Мероприятий проходила в рабочих группах. Рабочие группы, будучи вспомогательными органами, проводят регулярные встречи и обсуждают проекты документов, подготовленных Секретариатом ОЭСР. В ноябре 2016 рабочей группой была доработана Многосторонняя конвенция по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS. Первая церемония подписана ее прошла 5 июня 2017 г.

Российская Федерация подписала Многостороннюю конвенцию по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS7 июня 2017 г., однако ратифицировала ее только 22 апреля 2019 г., приняв решение распространить действие документа на 71 соглашение об избежании налогообложения из 82 действующих. Тем самым Российская Федерация выбрала наиболее полным вариант реализации Конвенции.

В целом, планы BEPS продолжают развиваться постоянно. Сейчас создан так называемый проект BEPS2.0 состоящий из двух планов, о которых уже было сказано ранее. Мировое сообщество надеется прийти к общему соглашению к середине 2021 года.

Что же такое План 1 и 2? В чем они заключаются? Сам проект BEPS2.0 возник из модернизации Мероприятия 1. Решение проблем в сфере налогообложения цифровой экономики. 12 октября 2020 г. Организация экономического сотрудничества опубликовала планы предполагаемых действий для решения налоговых проблем, возникающих в результате ускоряющейся цифровизации и глобализации мировой экономики. Особое внимание в данных планах уделяется взаимосвязи и распределению прибыли, в дополнение к первоначальному «размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения».

С помощью BEPS2.0 ОЭСР стремится решить фундаментальные проблемы мирового налогообложения. Например, План 1 соответствует концепции чистого налогообложения дохода, избежание двойного налогообложения и одновременного должен быть максимально понятным и изменяемым. Говоря простым языком, ОЭСР считает, что ТНК не платят достаточно налогов в тех юрисдикциях, где они на самом деле ведут рыночную деятельность.

Возьмем для примера Facebook (крупнейшая социальная сеть в мире и одноименная компания Facebook, Inc., владеющая ею). Хотя у Facebook есть пользователи в каждой стране, сами операции, как и физическое присутствие во всех странах отсутствуют. В такой стране, как Египет, в Facebook зарегистрированы миллио-

ны пользователей, рекламодатели нацелены на этих пользователей, а значит покупают рекламу и таргет у Facebook Inc. и компания получает доход и прибыль от этих рекламодателей. Однако, поскольку физическое присутствие в Facebook Inc. в Египте нет, компания не платит там налоги.

ОЭСР утверждает, что транзакции Facebook Inc. в Египте создают значительную ценность, поэтому компания должна уплатить некоторую сумму налога там. План 1 предоставляет Египту налоговые поступления от доли прибыли Facebook Inc., полученной в его юрисдикции.

Хотя он в первую очередь ориентирован на цифровые компании, План 1 также потенциально может применяться к предприятиям, ориентированным на потребителей, в которых компания, не имеющая физического присутствия в юрисдикции, продает продукты напрямую физическим лицам. В данную группу компаний входит, например, Amazon (американская компания, крупнейшая в мире на рынках платформ электронной коммерции и публично-облачных вычислений по выручке и рыночной капитализации) и т.п.

Перейдем к рассмотрению Плана 2 BEPS2.0. Согласно предложенной структуре, План 2 допускает «право на возраст уплаченного налога», т.е. он направлен на установку минимального уровня налогообложения ТНК. ОЭСР планирует установить пороговые значения эффективных налоговых ставок, и, если окажется, что в целом сумма налога, уплаченного ТНК, ниже данной ставки, ТНК будет необходимо доплатить налог.

План 2 будет применяться после Плана 1, а не одновременно. Компании сначала распределяют налог в зависимости от юрисдикции, в которой они получают доход в соответствии с принципами Плана 1 ОЭСР, а затем, если общий уплаченный налог все еще остается ниже порогового значения, то будут применяться руководящие принципы Плана 2.

В целом, проект BEPS2.0 еще не до конца утвержден и существуют спорные детали. Например, в каких компаниях данные планы будут применимы. Пока ОЭСР предполагает, что План 1 и План 2 будут применяться только к высокодоходным компаниям, годовой доход которых составляет не менее 750 миллионов евро.

Другие важные параметры, которые еще предстоит определить, это что представляет собой бизнес, ориентированный на потребителя, какие минимальные налоговые ставки и сумма прибыли, которая должна быть распределена между рыночными юрисдикциями, где компания не имеет физического присутствия.

В настоящем момент ОЭСР обозначила 14 декабря 2021 г. крайним сроком для получения комментариев от стран-членов по предложениям, изложенным в BEPS2.0, после чего в январе 2022 года состоится открытое собрание. Организация надеется достичь подписания соглашения по окончательному проекту BEPS2.0 в середине 2022 г.

Однако, даже если ОЭСР все же придет к соглашению в 2022 году, руководящие принципы Плана 1 и Плана 2 не станут автоматически законом, принятие или отклонение каждого принципа по-прежнему остается прерогативой каждой отдельной страны, подписавшей соглашение. Но ТНК будет необходимо начать рассматривать потенциальные последствия от BEPS2.0 в любом случае, так как такое соглашение представляет собой полную перестройку текущих норм, регулирующих глобальные стратегии налогообложения и трансфертного ценообразования.

Каковы же последствия BEPS2.0 для мирового общества? Учитывая, как уже было сказано выше, что BEPS2.0 представляет собой огромное количество нововведений для действующего законодательства, то последствия для стратегий налогообложения и трансфертного ценообразования будут огромны. Используя проведенный выше пример Facebook, можно сразу задать множество вопросов: в случае принятия Плана 1 в нынешнем варианте, каков будет механизм распределения доходов в Египте, когда там по факту не существует внутрифирменных транзакций? Какая страна будет являться контрагентом, у которой вычтут данные доходы? Как Facebook сможет заплатить налог в Египте, не имея там индивидуального номера налогоплательщика или его аналога?

Что касается Плана 2, то даже несмотря на то, что минимальный налоговый порог в нем не предусмотрен, компаниям следует сосредоточиться на юрисдикциях, где у них очень низкие эффективные налоговые ставки, чтобы оценить, куда им возможно придется доплатить налог.

В целом, хотя предстоит еще огромная работа по определению всех деталей и тонкостей BEPS2.0, он представляет собой радикальный отход от текущей мировой налоговой политики. ТНК, которые будут затронуты, должны начать задумываться сейчас, как они будут реагировать, если и когда ОЭСР придет к соглашению и примет предложения, изложенные в проекте. Однако, несомненным остается то, что в отличие от своего первоначального Проекта, данные нововведения представляю собой быструю реакцию на изменение мирового порядка, а также попытки учесть интерес не только развитых стран, но и развивающихся.

Существует ли альтернативные площадки для стран для сотрудничества в сфере налогообложения? Да, но являются ли они настолько же эффективными? Хотелось бы обратиться здесь к практике ООН. Помимо ОЭСР и G20 о необходимости сотрудничества стран в сфере налогообложения заговорила и ООН. Хотя ОЭСР имеет главенствующую роль в данной сфере, так как помимо большого количества участников (139), организация также разработала 15 Мероприятий и 2 проекта действий, которые успешно внедряются в политику стран-участниц, ООН уже включила новую статью 12В по налогу у источника выплаты на цифровые услуги в «Типовую конвенцию ООН по избежанию двойного налогообложения». Но в отличие от статьи 12В, Многосторонняя конвенция по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS, вытекающая из 15 Мероприятий, предлагает модель более скоординированного и эффективного подхода к внесению изменений в налоговые соглашения.

Однако, у ООН есть особенности инициатив, отличные от ОЭСР, которые можно было бы применить и ОЭСР, например, группа ООН по международной финансовой отчетности, прозрачности и честности опубликовала в феврале 2021 года (т.е. совсем недавно, в то время как ОЭСР начала работать в этом направлении еще в 2015 году) свой отчет, содержащий 14 основных рекомендаций. В соответствии с, например, Рекомендацией 2 комиссия отметила следующее: «Чтобы ускорить внедрение статьи 12В, Типовая конвенция ООН должна содержать положения, согласно которым ее условия будут автоматически включены в налоговые соглашения подписавших сторон, чтобы им не приходилось пересматривать отдельные двусторонние соглашения». Данная рекомендация является очень важной, так как, например, у Российской Федерации в настоящий момент свыше 80 действующих соглашений об избежании двойного налогообложения и изменять каждое из них является трудоемким. Кроме того, в соответствии с Рекомендацией 4А комиссия среди прочего отметила, что «справедливое налогообложение цифровой экономической деятельности требует равного отношения к цифровому бизнесу и бизнес-моделям с традиционным бизнесом».

Можно отметить существенные различия в рекомендациях ООН по статье 12В и ОЭСР по планам 1 и 2 (консенсус между ними еще не достигнут). Однако, статья 12В Модельной конвенции ООН в целом соответствует Плану 1 ОЭСР. Сравнительная позиция рекомендаций ООН и ОЭСР выглядит следующим образом (таблицы 1, 2).

Три основных составляющих работы ОЭСР и ООН это: мандат, состав целевой группы и поддержка секретариатов.

Таблица 1

Наименование	Рекомендации ООН	Рекомендации ОЭСР
Охват рекомендаций	Узкий (только статья 12B)	Широкий (План 1 и План 2)
Рекомендация фиксированной доходности для определенных базовых маркетинговых и дистрибьюторских мероприятий	Нет	Да (План 2)
Рекомендация платить минимальный уровень налогообложения	Да	Да (План 2)

Таблица 2

Наименование	Статья 12B	ОЭСР План 1
Поле деятельности	Узкое: охватывает только автоматизированные цифровые сервисы	Широкое: охватывает автоматизированные цифровые услуги и бизнес, ориентированный на потребителя
Порог реализации	Не существует	Существует
Распределение прибыли	На валовую и чистую прибыль	На чистую прибыль
Положение о разрешении спора	Нет	Да
Реализация	Легко реализуемо	Сложно реализуемо

Что касается мандата, то инклюзивная группа ОЭСР (G 20) была уполномочена подготовить отчеты по проектам BEPS1 и BEPS2.0, что подразумевает, что Группа 20 специально уполномочила ОЭСР выполнять эту задачу, в то время как аналогичный институциональный мандат международного масштаба лежит на ООН. Комитет экспертов по международному сотрудничеству в налоговых вопросах (Налоговый комитет ООН) работал над налогообложением цифровой экономики в рамках своего обычного курса работы с 2017 по 2021 год. И только сейчас комиссия в своем отчете от февраля 2021 года предусматривает, что налогообложения автоматизированных цифровых услуг должно быть отмечено в Типовой конвенции ООН.

Поддержка от секретариата организации также играют очень важную роль. Секретариат ОЭСР состоит из 3300 сотрудников, включая экономистов, юристов, ученых, политических аналитиков, социологов, экспертов, статистов и т.д., которые оказывают огромную поддержку развитию Планов 1 и 2 и в целом Многосторонней конвенции по имплементации связанных с налоговыми соглашениями мерами для предотвращения BEPS. секретариат ООН же является абсолютно обособленным от Налогового комитета и выполняет множество функций, так что не может является такой же опорой для Налогового комитета ООН, как секретариат ОЭСР для инклюзивной группы.

Почему же G20 в первую очередь уполномочила ОЭСР работать над мерами против размывания налоговой/налогооблагаемой базы и вывод доходов/при-

были из-под налогообложения, а не возложила эту ответственность на ООН или любую другую международную организацию, такую как МВФ или Всемирный банк. Полагается, что одним из важных факторов, повлиявших на это решение, является сильная техническая поддержка, оказываемая инклюзивной группе секретариатом ОЭСР. Ведь очевидно, что техническая поддержка Налогового комитета ООН не соответствует уровню ОЭСР. Статья 12B в Типовой конвенции ООН рассматривается как работа 25 членов комитета, хотя и служащих налогового отдела, но работающих в своем личном качестве. В отличие от этого, рекомендации ОЭСР по Плану 1 и Плану 2 рассматриваются как участие в инклюзивной группе 139 государственных чиновников.

Если ООН в ближайшее время не выйдет из тени ОЭСР по данному вопросу, то его рекомендации по новым положениям в Типовой конвенции ООН, не будут включаться в новые двухсторонние соглашения, так как они будут противоречить рекомендациям ОЭСР.

Хотя развитие Типовой конвенции ООН находится в интересах развивающихся стран, а ОЭСР в своей работе в основном опиралась на интересы и опыт развитых стран, в настоящий момент проект BEPS2.0. также предполагает поддержку развивающихся стран, поэтому, пока можно сделать вывод о том, что глобальной альтернативной плану BEPS ОЭСР в мире нет.

В целом, проект ОЭСР BEPS, BEPS2.0. и Многосторонняя конвенция представляют собой эксклюзивную пло-

щадку для международно-правового сотрудничества в сфере налогообложения. В настоящий момент, например, полноценно начал работать международный обмен налоговыми данными между участниками. Если сравнить мировой рынок 10 лет назад и сейчас, тенденция к окончанию эпохи «банковской тайны» и офф-

шорных зон набирает обороты. Конечно, пока BEPS2.0 кажется больше утопией, чем реальностью, однако, это большой шаг в развитие договорной базы для цифровой экономики, которая становится все более распространённой, и с которой страны пока еще не до конца знают, как работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый обзор от экспертов PWC. — Октябрь 2020 г. — Выпуск № 54. «Простыми словами о BEPS2.0»
2. Gabriel Zucman; Thomas Wright, «THE EXORBITANT TAX PRIVILEGE». National Bureau of Economic Research: — 11— (September 2018).
3. Dhammika Dharmapala, “What Do We Know About Base Erosion and Profit Shifting? A Review of the Empirical Literature”. — University of Chicago. — 2014 — p. 1
4. Mihir A. Desai, “Tax Reform: Round One”. — Harvard Magazine. — June 2018
5. Google, Facebook and Salesforce.com dramatically expand their Dublin office hubs”. — Irish Independent. — 26 July 2018.
6. Covington & Burling LLP, International Tax Update: U.S. Outlines Position on OECD BEPS2.0 Project [электронный ресурс] — <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a0841fd7-2072-4ce7-8ea4-69643bb4929f>

© Салепинская Анна Антоновна (Amy2006@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА

STATE TRANSPORT CONTROL (SUPERVISION) AS AN ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF DETECTING OFFENSES IN THE FIELD OF TRANSPORT

**V. Stepenco
N. Korobkina**

Summary. The article considers certain legal norms regulating state transport control (supervision), as well as some areas of optimization of such control as an administrative and legal means of detecting offenses in the field of transport.

Keywords: state transport control (supervision), administrative and legal means, detection of offenses in the field of transport.

Степенко Валерий Ефремофич

*Д.ю.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск
stepenko_khstu@inbox.ru*

Коробкина Наталья Олеговна

*Адъюнкт, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел, Хабаровск
nkorobkina@mvd.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные правовые нормы, регламентирующие государственный транспортный контроль (надзор), а также некоторые направления оптимизации такого контроля как административно-правового средства выявления правонарушений в сфере транспорта.

Ключевые слова: государственный транспортный контроль (надзор), административно-правовые средства, выявление правонарушений в сфере транспорта.

Сфера транспорта является одной из наиболее динамично развивающихся сфер жизнедеятельности общества. Вместе с развитием общественных отношений в сфере транспорта эволюционируют и соответствующие правонарушения. Причем административные правонарушения преобладают в общей массе незаконных деяний в сфере транспорта, что актуализирует адекватное противодействие им со стороны правоохранительных органов.

Выявление административных правонарушений является существенной составляющей частью более общей деятельности по предупреждению правонарушений в различных сферах общественных отношений. Такая деятельность представляет собой правоприменительную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на обнаружение, фиксацию и процессуальное оформление противоправных действий.

Анализ ранее проведенных научных исследований позволяет определить административно-правовые средства как меры административного убеждения и принуждения; административно-правовые нормы;

правоприменительные акты и полномочия лиц исполнительной власти [6, 14].

Таким образом, административно-правовые средства выявления административных правонарушений в сфере транспорта можно определить как систему административно-правовых норм направленных на обнаружение, фиксацию и процессуальное оформление противоправных действий в сфере транспорта, а также и технологий их реализации уполномоченными субъектами.

Безусловно, основным источником административно-правовых средств выявления административных правонарушений является Кодекс РФ об административных правонарушениях.

Основным инструментом выявления административных правонарушений в сфере транспорта является, безусловно, государственный контроль (надзор) разных уровней (федеральный, региональный, муниципальный). Федеральный закон РФ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» содержит достаточно развернутое понятие такого контроля [2].

Не приводя легальное определение, рассмотрим его основные признаки:

- ◆ осуществляется уполномоченными субъектами — органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления;
- ◆ целенаправленность на предупреждение, выявление и пресечение нарушений;
- ◆ специальная процессуальная форма — проведение проверок и иных мероприятий по профилактике нарушений, принятие иных мер по пресечению и устранению последствий выявленных нарушений, а также наблюдению за исполнением законных предписаний при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Данный Федеральный закон, помимо прочего, выделяет и отраслевые виды федерального государственного транспортного контроля (надзора), а именно: в области гражданской авиации, железнодорожного транспорта, торгового мореплавания, внутреннего водного транспорта, автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта.

Применительно к рассматриваемой теме следует обратить внимание на Постановление Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 409, которым было утверждено Положение о полномочиях должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, осуществляющих контрольные (надзорные) функции [5] (далее — Положение).

В соответствии с п. 4 названного Положения государственный транспортный инспектор напрямую не уполномочен выявлять соответствующие административные правонарушения. Вместе с тем, анализ названного Положения позволяет сделать вывод о том, что выявление административных правонарушений на транспорте входит в круг полномочий названной категории должностных лиц. В том числе, помимо прочего, государственный транспортный инспектор осуществляет надзор (контроль) за обеспечением транспортной безопасности, соблюдением субъектами транспортного комплекса требований законодательства Российской Федерации и вправе составлять протоколы о соответствующих административных правонарушениях.

Кроме того, Положение определяет основные направления осуществления контроля (надзора), полно-

мочия государственного транспортного инспектора, а также некоторые иные аспекты его правового статуса.

Порядок осуществления отдельных государственного контроля (надзора) урегулирован соответствующими нормативными правовыми актами. Так, применительно к государственному надзору в сфере гражданской авиации это Воздушный кодекс РФ [1]. В соответствии со ст. 14 названного Кодекса государственный контроль является одной из составляющих организации использования воздушного пространства, направленную на обеспечение безопасного, экономичного и регулярного воздушного движения, а также другой деятельности по использованию воздушного пространства.

Порядок осуществления государственного надзора в области железнодорожного транспорта регулируется Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [3].

Правовая основа государственного транспортного надзора отличается мобильностью. В частности, с 2016 г. на основании Постановления Правительства РФ от 17 августа 2016 г. № 806 [4] в данной сфере применяется риск-ориентированный подход, качественной характеристикой которого является классификация объектов транспорта в зависимости от степени угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, вреда окружающей среде и прочим общественным отношениям. Всего выделено 6 классов (категорий) опасности. В зависимости от категории риска устанавливается периодичность плановых проверок в рамках осуществления государственного транспортного контроля (надзора). Именно отнесение субъектов либо отдельных подконтрольных объектов транспорта к определенной категории и вызывает, по мнению ряда специалистов, существенные проблемы [7 и др.]. А потому считаем введение риск-ориентированного подхода без выработки единой системы критериев отнесения субъектов государственного транспортного контроля (надзора) к конкретному классу опасности преждевременным.

Еще одним направлением реформирования государственного транспортного контроля (надзора) является создание правовой основы его автоматизации. Ряд мер, направленных на автоматизацию государственного контроля, нашел свое отражение приоритетной программе «Реформа контрольной и надзорной деятельности», паспорт которой был утвержден президиумом Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 декабря 2016 года. Срок реализации названной приоритетной программы — 2016–2025 гг. Согласно паспорта приоритетной

программы, ее ключевые цели программы — «снизить административную нагрузку на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и повысить качество администрирования контрольно-надзорных функций, а также уменьшить число смертельных случаев, заболеваний и отравлений, материального ущерба» [9].

Однако, создание правовой основы не должно ограничиться единственным программным документом. Ряд аспектов автоматизации и информатизации контрольно-надзорных функций следует урегулировать на уровне федерального законодательства. В настоящий момент ряд проектов таких правовых актов уже разработаны и находятся на стадии обсуждения. Это, например, проекты федеральных законов № 851072–7 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и № 850621–7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Так, по мнению О.И. Маминой, перспективным направлением проекта федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» являются положения об использовании при проведении государственного

контроля (надзора) информационных технологий. Речь идет о масштабной цифровизации контрольно-надзорной деятельности, которая должна позволить, помимо прочего, снизить издержки подконтрольных объектов, повысить эффективность государственного контроля (надзора), а также кардинальным образом повысить его прозрачность [8, 41].

К сожалению, формат научной статьи не позволяет в полном объеме рассмотреть особенности государственного транспортного контроля (надзора) как административно-правового средства выявления правонарушений в сфере транспорта. Но, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о мобильности правовой основы института государственного транспортного контроля (надзора). В современных условиях пандемии новой короновирусной инфекции COVID-19 считаем особенно актуальным направлением его оптимизации автоматизацию и информатизацию таких форм контроля как проведение проверок и осмотров объектов транспортного контроля, консультирование субъектов контроля по соответствующим вопросам, информирование о проведенных и планируемых мероприятиях и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N60-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — N12. — Ст. 1383.
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26.12.2008 N294-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — N52 (ч. 1). — С. 6249.
3. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федер. закон от 10.01.2003 N17-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — N2. — Ст. 169.
4. О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17.08.2016 N806 (ред. от 23.09.2020) (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности») // Собрание законодательства РФ. — 2016. — N35. — Ст. 5326.
5. Об осуществлении должностными лицами Федеральной службы по надзору в сфере транспорта контрольных (надзорных) функций: постановление Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 409 (ред. от 26.05.2011) (вместе с «Положением о полномочиях должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, осуществляющих контрольные (надзорные) функции») // Собрание законодательства РФ. — 2010. — N25. — Ст. 3170.
6. Бекетов, Д.В. Предупреждение преступности административно-правовыми средствами: теоретические и методологические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.В. Бекетов. — Ростов-на-Дону, 2004. — 172 с.
7. Майоров, В.И., Лисенко, В.И. Совершенствование государственного контроля и надзора в сфере транспорта: внедрение риск-ориентированного подхода / В.И. Майоров, В.И. Лисенко // Вестник Челябинского государственного университета. — Серия: Право. — 2018. — Т. 3. № 3. — С. 48–58.
8. Мамина, О.И. Цифровизация государственного контроля (надзора) в сфере транспорта как направление современной реформы контрольно-надзорной деятельности / О.И. Мамина // Транспортное право и безопасность. — 2020. — № 1 (33). — С. 39–47.
9. Утверждён паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/projects/selection/655/25930/> (дата обращения: 16.10.2020).

© Степенко Валерий Ефремович (stepenko_khstu@inbox.ru), Коробкина Наталья Олеговна (nkorobkina@mvd.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2021.07.35

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОТНИКА О БАНКРОТСТВЕ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИНИЦИИРОВАТЬ ПОДКОНТРОЛЬНУЮ ПРОЦЕДУРУ БАНКРОТСТВА

AN EMPLOYEE'S STATEMENT FOR BANKRUPTCY AS A POSSIBILITY TO INITIATE A SUPERVISED BANKRUPTCY PROCEDURE

S. Sukhanov

Summary. This article is devoted to issues of abuse of the right by creditors at the stage of initiating a bankruptcy case. The article proposes to exclude the right of employees, former employees to apply to the court with a petition for declaring the debtor bankrupt.

Keywords: debtor, competitive creditors, bankruptcy, insolvency, monetary obligation, abuse of right.

Суханов Сергей Вячеславович

Аспирант, ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
sergeysworking@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам злоупотребления правом кредиторами на стадии возбуждения дела о банкротстве. В статье предлагается исключить право работников и бывших работников обращаться в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Ключевые слова: должник, конкурсные кредиторы, банкротство, несостоятельность, денежное обязательство, злоупотребление правом.

Статус работников, имеющих требования к должнику по невыплаченной заработной плате или выходным пособиям, на протяжении всего существования Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее Закон о банкротстве) и до 29.05.2015 оставался неизменным. Работники не обладали правами конкурсных кредиторов и не могли играть активную роль в процессе банкротства (в виде инициирования данного процесса, активного участия в собрании кредиторов). Единственной привилегией, вытекающей из их статуса, было приоритетное удовлетворение их требований перед конкурсными кредиторами — требования работников подлежат удовлетворению во вторую очередь (ст. 134 Закона о банкротстве). Помимо этого, учет интересов данной группы кредиторов можно увидеть, в частности, при заключении мирового соглашения, что возможно только после удовлетворения требований кредиторов первой и второй очереди, поскольку за заключение мирового соглашения они голосовать не могут.

Федеральным законом от 29.06.2015 № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] впервые закреплено право работников и бывших работников инициировать возбуждение дела о банкротстве путем обращения в суд с заявлением, наряду с конкурсными кредиторами и уполномоченным органом. Это, однако, не делает их конкурсными кредиторами, поскольку требования по оплате труда и выплате выходных пособий законо-

датель формально не относит к денежным (хотя очевидно, что с точки зрения содержания данные требования таковыми, несомненно, являются).

В силу отсутствия статуса конкурсных кредиторов работники и бывшие работники по-прежнему не вправе принимать участие в собрании кредиторов с правом голоса. Между тем, в Закон о банкротстве была введена статья 12.1, регулирующая порядок проведения арбитражным управляющим собрания работников и бывших работников должника и избрание представителя работников должника для целей участия в собрании кредиторов, в соответствии со статьей 12 Закона о банкротстве.

В случае включения в реестр требований кредиторов только требований о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и неудовлетворения указанных требований первое собрание кредиторов не проводится, и арбитражный суд принимает решение о введении процедуры, применяемой в деле о банкротстве, в соответствии с абзацем 2 пункта 2 статьи 75 Закона о банкротстве (как в случае, если первым собранием кредиторов не принято решение о применении одной из процедур, применяемых в деле о банкротстве).

Следует также отметить, что наделение работников правом на обращение с заявлением о признании должника банкротом, не в полной мере может способствовать защите интересов работников.

Как написано в пояснительной записке к законопроекту [3], данные изменения вносились в целях повышения эффективности защиты права работников на получение заработной платы и стимулирования недобросовестных работодателей к своевременной выплате заработной платы под риском банкротства, однако, порядок подтверждения данной задолженности судебным актом не претерпел изменений.

Возможность работника получить причитающуюся ему заработную плату и связанные с трудовой деятельностью выплаты при самостоятельном инициировании банкротства никак не выше чем в случае, когда банкротство инициируется конкурсными кредиторами.

Складывается ситуация, при которой говорить о своевременной выплате заработной платы под риском банкротства не совсем уместно, т.к. право на инициирование процедуры банкротства никоим образом не ускоряет реальное получение работником заработной платы в связи с тем, что процедура банкротства длится достаточно продолжительное время.

Наделение работников, бывших работников возможностью обращаться в суд с заявлением о признании должника банкротом излишне.

Институты защиты прав работников и так достаточно развиты, например, судебный приказ, трудовые инспекции, а также деятельность органов прокуратуры. Работники могут пожаловаться в Прокуратуру и Трудовую инспекцию, подать заявление о привлечении руководства работодателя к административной (ст. 5.27 КоАП РФ), уголовной (ст. 145.1 УК РФ) и дисциплинарной ответственности (ст. 192 ТК РФ). Это куда более опасный риск для руководителей предприятия, нежели риск наступления несостоятельности их организации.

Деятельность судебных приставов-исполнителей также является очень эффективной. Приставы-исполнители наделены широкими полномочиями, прибегнув к которым более реалистично получить своевременное удовлетворение работниками своих требований, нежели, через банкротство.

Работник может и не обращаться в службу судебных приставов, а самостоятельно обратиться в кредитную организацию, в которой у работодателя открыт расчетный счет. Работнику с большой долей вероятности будет известно, в каком банке открыт счет, наверняка с такого счета он, когда-либо получал заработную плату.

Из приведенных доводов видно, что работник, бывший работник способен получить причитающиеся ему де-

нежные средства и не прибегая к банкротству своего работодателя. Более того, данные методы намного быстрее и оперативнее, в отличие от процедуры банкротства.

Как и до внесения поправок в Закон о банкротстве работники были наделены преимущественным правом на удовлетворение своих требований.

Видится достаточно опасным возможность одного работника признать организацию банкротом, так как экономическая деятельность сопряжена с рисками и не исключены сезонные, временные трудности в деятельности предприятия, возможно, экономическая ситуация в определенный промежуток времени может стать затруднительной, но к примеру, в скором бедующем, с применением эффективного управления его финансами и производством, правильным определением стратегических целей и тактик, предвидится поступление денежных средств от контрагентов за выполнение очередного заказа, заключение прибыльного контракта и т.п.

Задолженность по заработной плате и причитающимся выплатам может и не оспариваться работодателем, но требовать определенного временного промежутка, в целях наполнения фонда оплаты труда, для погашения образовавшейся задолженности, а выдача судебного приказа очень скоротечна, и должным образом отреагировать на сложившуюся ситуацию у работодателя просто не будет времени, да и возможности, так как судебный приказ выносится без судебного заседания и без вызова сторон (ст. 126 ГПК РФ), в отличие же от споров с контрагентами, с обязательным претензионным порядком и достаточно длительным судебным разбирательством.

Но в настоящее время практика применения данной нормы, дающая возможность работникам быть заявителями в деле о банкротстве, показывает, что она в большей мере стала инструментом недобросовестных владельцев предприятий, для достижения целей инициирования подконтрольной процедуры банкротства (См. например: Дело № А19–2163/2016; Дело № А19–2164/2016; Дело № 19–11332/2016; Дело № А19–11314/2016 (все должники в указанных делах входили в одну группу лиц, система инициирования банкротства для всех была одинаковой, а именно заявителями выступали работники данных предприятий). [4, 5, 6, 7]. Так как при обращении с заявлением должника, у самого должника отсутствует право указать кандидатуру арбитражного управляющего, а также саморегулируемую организацию арбитражных управляющих из числа, которых представляется выбрать последнего (п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве). Создание искусственной задолженности с контрагентом проблематично и требует значительных временных и технических затрат, для того

чтобы этот подконтрольный кредитор обратился с заявлением о признании должника банкротом, в котором указана угодная кандидатура арбитражного управляющего. С работником же гораздо все проще: начисляется искусственно созданная задолженность за три месяца и в размере достаточном для инициирования банкротства (начисление премий, переработки в нерабочее время и т.п.), затем, на основании данной задолженности, работник получает судебный приказ в течение пяти дней, после подается заявление о признании должника банкротом вместе с ходатайством о принятии мер по обеспечению заявления и вот, в течение шести дней, инициирована процедура банкротства.

На основании сделанных выводов, видится целесообразным пересмотреть возможность работников инициировать процедуру банкротства.

На взгляд автора данной статьи, сложившаяся практика применения данной нормы не отвечает тем целям

и задачам, которые перед ней ставил законодатель, а наоборот дает возможность возбуждения подконтрольной процедуры банкротства недобросовестными владельцами предприятий.

На основании изложенного, предлагается исключить право работников инициировать производство по делу о банкротстве.

Исключение данного права работников, не ограничит реальное и своевременное взыскание заработной платы и причитающихся выплат, так как институты защиты прав работников и так достаточно развиты, они более мобильны и оперативны. Даже в самой процедуре банкротства работники имеют преимущественное право на удовлетворение своей задолженности. Исключение права инициировать процедуру банкротства, наоборот, позволит пресечь возможность недобросовестных владельцев предприятий инициировать подконтрольную процедуру банкротства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // 28.10.2002, N43, ст. 4190;
2. Федеральный закон от 29.06.2015 № 186-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.07.2015. № 27. ст. 3977;
3. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). [Электронный ресурс] // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/316848-6> (дата обращения: 02.12.2019);
4. Картотека арбитражных дел Дело № А19-2163/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3b87de80-9a79-47cb-906b-ff68f552b9a3> (дата обращения: 02.12.2019);
5. Картотека арбитражных дел Дело № А19-2164/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/0c1660d4-a1fb-4f9b-879a-6d8b9d23a4a5> (дата обращения: 02.12.2019);
6. Картотека арбитражных дел Дело № А19-11332/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/7fd2b759-cdb6-49f7-883c-efbc8d5934af> (дата обращения: 02.12.2019);
7. Картотека арбитражных дел Дело № А19-11314/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/188618a0-ca86-4470-a92e-eee8365a7b75> (дата обращения: 02.12.2019)

© Суханов Сергей Вячеславович (sergeysworking@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАН ДОЗНАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ

Фадеев Илья Александрович

К.ю.н., майор полиции, старший преподаватель,
Академия управления,
Академия управления МВД России
Ilya-fadeev@yandex.ru

THE BODY OF INQUIRY AS A SUBJECT OF PROCEDURAL VERIFICATION

I. Fadeev

Summary. This article examines the issues related to the procedural activities of inquirers, (heads) of bodies of inquiry and heads of departments of inquiry at the stage of initiation of a criminal case. The readers' attention is drawn to the legislative shortcomings of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the range of participants in the procedural audit, the quality and quality of the information and documents obtained within its framework, which often require repeated re-registration (duplication) at the stage of preliminary investigation.

Keywords: inquiry, body of inquiry, head of the body of inquiry, inquirer, division of inquiry, head of the division of inquiry, legal relations, criminal procedure, internal affairs body, operational search body.

Аннотация. В настоящей статье исследуются вопросы, касающиеся процессуальной деятельности дознавателей, (начальников) органов дознания и руководителей подразделений дознания в стадии возбуждения уголовного дела. Внимание читателей обращается на законодательную недоработку норм УПК РФ, регламентирующих круг участников процессуальной проверки, качество и статус получаемых в её рамках сведений и документов, требующих нередко повторного переоформления (дублирования) в стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, орган дознания, начальник органа дознания, дознаватель, подразделение дознания, руководитель подразделения дознания, правоотношения, уголовный процесс, орган внутренних дел, оперативно-розыскной орган.

Новейшие изменения, внесенные в УПК РФ, заметно осложнили правовой режим процессуальной проверки сообщения о преступлениях. Не вдаваясь в подробности относительно поводов к возбуждению уголовного дела, которые логичнее было бы называть поводами к процессуальной проверке, обратим здесь внимание лишь на содержании ч. 2 ст. 140 УПК РФ, определяющей, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие *достаточных*¹ данных, указывающих на *признаки* преступления.

В представленной редакции, как нетрудно убедиться, законодатель сглаживает очевидную антитезу: *достаточность* данных — *признаки* преступления.

¹ Здесь и далее курсив автора.

Такой приём вызывает возражения, поскольку в единую юридическую формулу включается два взаимоисключающих тезиса. С одной стороны, используется некорректное выражение «достаточные данные», намекающее на некоторую долю их информационной насыщенности, а с другой — словосочетание «признаки преступления», подчеркивающее их дефицит.

Не менее занимательны употребляемые на равных терминологические выражения «признаки преступления» и «признаки состава преступления», истолковываемые многими авторами в качестве взаимозаменяемых [3, с. 14, 15], несмотря на то, что для подобных умозаключений нет никаких предпосылок. Говоря о *признаках* преступления, законодатель, надо полагать, адресовал свои установления не только и даже не столько власт-

ным участникам стадии возбуждения уголовного дела, сколько «рядовым» гражданам (заявителям), не имеющих никакого представления о специальной юридической терминологии и технике. Именно они в своих устных и письменных обращениях форматируют то, что условно можно называть подозрением на уголовно наказуемое деяние, совершенное в отношении того или иного лица (пострадавшего) [8, с. 28, 29].

Среди властных участников стадии возбуждения уголовного дела, полномочных проводить процессуальную проверку, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, указывает, прежде всего, *дознателя и орган дознания*. Если говорить о *дознателе*, то порядок проведения им процессуальной проверки, особых неясностей, как правило, не вызывает. Сложнее — с *органом дознания*, под которым принято подразумевать, среди прочих, *орган внутренних дел* (ч. 1 ст. 40 УПК РФ). В данном контексте возникает вопрос, как такой коллективный субъект, главным образом, административных правоотношений может осуществлять процессуальную проверку самостоятельно?

Далее в указанной норме детализируется, что поименованные должностные лица обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня *поступления* указанного сообщения [2].

Оценивая подобную редакцию текста закона, желательно учитывать, что уголовно-процессуальные правоотношения начинаются не с момента *поступления* сообщения о преступлении в дежурную часть органа внутренних дел, а с момента его *регистрации* в КУСП, что принципиально важно. Суть проблемы состоит в том, что комментируемые законодательные упущения толкают недобросовестных сотрудников органов внутренних дел (полиции), включая дознавателей, на искусственное увеличение процессуальных сроков, нормативно определенных для стадии возбуждения уголовного дела.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель и орган дознания уполномочены получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, *изымать* их в порядке, установленном УПК РФ, *назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве* и получать заключение эксперта в *разумный* срок, *производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование*, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, тру-

пов, привлекать к участию в них специалистов, давать *органу дознания* обязательное для исполнения письменное поручение о *проведении оперативно-розыскных мероприятий*.

Приведенные законодательные установления не корректны, поскольку:

- ◆ во-первых, ориентируют дознавателей и органы дознания на допустимость производства в рамках процессуальной проверки осмотра места происшествия в любое время, тогда как по смыслу ч. 2 ст. 176 УПК РФ, поименованное следственное действие должно выполняться в порядке исключения в пределах суток до начала предварительного расследования;
- ◆ во-вторых, юридически неграмотно выделяют среди прочих проверочных действий не только осмотр места происшествия, но и другие разновидности следственного осмотра¹;
- ◆ в-третьих, допускают выполнение такого проверочного действия, как *изъятие*, хотя УПК РФ такового не знает, хотя и использует его аналог в тексте других правовых норм (например, в ч. 10 ст. 182 УПК РФ). В числе следственных, но не проверочных, адекватных по технологии действий, легализованных в УПК РФ, известна только выемка (ст. 183);
- ◆ наконец, в-четвертых, используют в приложении к процессуальным срокам оценочный термин «разумный», не имеющий для уголовного процесса абсолютно никакого значения.

Таким образом, правовые средства, предоставляемые законодателем сотрудникам органов внутренних дел (полиции) на проведение процессуальных проверок, в федеральном законодательстве урегулированы и бессистемно, и некачественно.

В ч. 1.1 обсуждаемой статьи провозглашается, что лицам, участвующим в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, *разъясняются их права и обязанности*, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность их осуществления в той части, в которой они (эти права и обязанности), а также принимаемые в связи с ними процессуальные решения, затрагивают их интересы.

Обсуждаемые установления в прикладной плоскости не выполнимы, поскольку правовое положение участников стадии возбуждения уголовного дела (заявителей, лиц, дающих объяснения, очевидцев, граждан, предположительно причастных к преступлению или

¹ При условии, конечно, что подобный осмотр не охватывается осмотром места происшествия.

совершивших его, адвокатов и проч.) в УПК РФ урегулировано очень слабо.

Согласно ч. 1.2 комментируемой статьи, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Данные нормативные правовые положения равно не убедительны, поскольку полученные в стадии возбуждения уголовного дела «доказательства» в подавляющем числе случаев «перепроверяются» (дублируются) дознавателями (органами дознания) сразу же после начала официального расследования.

К тому же несовершенно содержание ст. 89 УПК РФ, ибо непонятно, как это в ходе оперативно-розыскной деятельности можно получить доказательства, отвечающие требованиям УПК РФ?

Часть 3 ст. 140 УПК РФ гласит, что *начальник органа дознания* вправе по мотивированному ходатайству *дознавателя* продлить до 10 суток срок, установленный «частью первой настоящей статьи». При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также *проведения оперативно-розыскных мероприятий ... прокурор по ходатайству дознавателя* вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием фактических обстоятельств, послуживших к тому основанием.

Как видим, согласно указанной норме, никому неизвестный начальник органа дознания (его правовое положение в УПК РФ до сих пор не регламентировано) вправе удовлетворить ходатайство дознавателя в части, касающейся продления сроков процессуальной проверки.

Не менее благосклонно к обсуждаемым инициативам дознавателя может относиться и прокурор в обход кропотливого участия в этом вопросе непосредственного начальника упомянутого субъекта доказывания — руководителя подразделения дознания, а также начальника органа дознания.

По состоянию на сегодняшний день порядок взаимодействия дознавателей (органов дознания) с оперативно-розыскными органами более чем подробно, если не сказать чрезмерно, регламентирован УПК РФ, однако, вопросы остаются [6, с. 179–182].

Анализ современного нормативного правового потенциала института дознания, в частности, и УПК РФ в целом, показывает, что парламентарии безмерно увлеклись наполнением его, скажем так, «особыми условиями», императивно рекомендуемыми к соблюдению

при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности (банковских, налоговых) и даже преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Подобная законодательная политика, на взгляд автора настоящей статьи, поддержки не заслуживает, поскольку посредством означенных интервенций российское уголовно-процессуальное законодательство теряет свойственный ему универсализм, превращаясь в труднодоступный для понимания, толкования и применения свод иллюзорных правил.

Показательными в этой связи являются положения ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ, где, к слову заметим, законодатель рассуждает об *органах дознания*, неудачно смешиваемых им в ч. 1 ст. 40 УПК РФ с органами внутренних дел и с оперативно-розыскными органами. Хотя еще профессор И.М. Гуткин подвергал конструктивной критике излишне широкую трактовку дознания с вовлечением в него оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 80].

Серьезно осложняет процессуальную проверку отсутствие у дознавателей (органов дознания) полномочий на истребование в кредитных организациях сведений о движении денежных средств по счетам проверяемых (разрабатываемых) «фигурантов».

В целях умаления негативного влияния указанных обстоятельств на процессуальную деятельность органов дознания и их должностных лиц, а также повышения учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел (полиции) целесообразно переработать действующие нормативные правовые акты МВД Российской Федерации в этом направлении.

Требования, поручения и запросы дознавателей, направляемые ими в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Тем не менее, до сих пор вышеназванные должностные лица органов дознания не обладают прямым доступом к всевозможным оперативно-справочным базам, розыскным и криминалистическим учетам, в результате чего значительную часть их служебного времени занимает бюрократическая переписка, а истребованная информация далеко не всегда отвечает предъявляемым к ней требованиям¹.

В условиях нынешнего дня постановка означенной проблемы остаётся весьма актуальной, что обусловливается:

¹ Формируется сотрудниками оперативно-аналитических подразделений в объеме, недостаточном для инициатора.

- ◆ подвижностью оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства;
- ◆ постоянным реформированием системы правоохранительных органов;
- ◆ юридически не выдержанными предписаниями, содержащимися в ведомственных (подзаконных) нормативных правовых актах.

В контексте изложенного значимо то, что органы и подразделения дознания, а также дознаватели должны в полной мере заниматься процессуальными проверками, не требующими активного оперативно-розыскного сопровождения, по всем без исключения сообщениям о подведомственных МВД РФ преступлениях. В этом смысле целесообразно отредактировать ч. 1 ст. 41 УПК РФ, в которой в непривлекательной форме декларируется, что *полномочия органа дознания* (читай — органа внутренних дел — И.Ф.), предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, возлагаются на *дознавателя начальником органа дознания или его заместителем*. Получается каламбур: полномочия органа (организации) могут возлагаться на конкретное должностное лицо никому неизвестным начальником.

Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции» [1] вышеназванных противоречий не избежал. Согласно ст. 13 названного Закона, полиции для выполнения возложенных на неё обязанностей предоставляется право:

- ◆ производить в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия;
- ◆ *изъятие* предметов, документов, материалов и иные предусмотренные федеральным законом действия при осуществлении оперативно-розыскной деятельности;
- ◆ объявлять розыск и принимать меры по розыску *лиц*, совершивших преступления или *подозреваемых и обвиняемых в их совершении*¹, лиц, пропавших без вести, иных лиц, розыск которых возложен на полицию, а также объявлять розыск и принимать меры по розыску похищенных или угнанных транспортных средств, похищенного имущества, имущества, подлежащего конфискации.

В силу этого, несовершенство законодательств уголовно-правового блока в части, касающейся регулирования порядка проведения процессуальных проверок, не лучшим образом сказывается на эффективности дея-

¹ Формулировка «принимать меры по розыску *лиц*, совершивших преступления или *подозреваемых и обвиняемых в их совершении*» тавтологична. — прим. авт.

тельности органов и подразделений дознания. На данное обстоятельство справедливо указывает профессор Б.Я. Гаврилов, убежденный в том, что досудебное производство в современном его виде остаётся чрезвычайно бюрократизированным и сущностно затратным при его недостаточной эффективности» [4, с. 152–160].

Стереотипная критика практики взаимного административного обособления субъектов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности при выявлении и расследовании преступлений, достаточно часто встречается на страницах юридической литературы. Однако объективный взгляд на эксплуатацию означенной (псевдо) правовой идеи обнаруживает поразительное сходство взглядов ученых на её антитезу. Квинтэссенцией последней является тезис о том, что совместная, рационально обустроенная деятельность органов дознания и оперативно-розыскных органов значительно повышает её эффективность, в том числе, и особенно, в условиях следственно-оперативных групп [7, с. 116–119], где провозглашаемая и критикуемая разобщенность в прикладной плоскости теряет всяческий смысл.

В теории уголовно-процессуального права неоднократно высказывалось не лишнее оснований мнение о том, что следователи, в принципе, заниматься процессуальными проверками не должны. Их задача, как утверждается, состоит исключительно в расследовании преступлений и только. В методологическом аспекте вопрос очень важный и его радикальное разрешение способно обеспечить стабильность долгосрочного сотрудничества оперативно-розыскных органов и органов дознания в обозримом будущем.

Информационная насыщенность материалов процессуальной проверки определяют своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела. Планирование и осуществление сопутствующих обеспечительных мероприятий возлагается, в том числе, на органы дознания; целью первого порядка у них выступает (профилактика), выявление, предупреждение и пресечение преступлений, а целью второго — эффективное, в пределах компетенции, установленной законом, их расследование

Как известно, рассматриваемая стадия уголовного процесса не включается во внутреннюю структуру частных криминалистических методик расследования [9], но от этого её практическая ценность не умаляется. Именно в её рамках формируются «достаточные основания» для принятия дознавателями (органами дознания) юридически грамотных процессуальных и тактических решений, обеспечивается успех предварительного расследования в его завершённом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС Консультант Плюс.
3. Белавин А.А. Процессуальные и организационные аспекты правового положения органов предварительного расследования: автореф. дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003.
4. Гаврилов Б.Я. О соотношении стадии возбуждения уголовного дела и следственной тактики при рассмотрении сообщений о преступлениях // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: 56-е криминалистические чтения 29 октября 2015 г. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 4.
5. Гуткин И.М. Некоторые вопросы теории и практики применения законодательства об органах дознания // Формы досудебного производства и их совершенствование: сборник научных трудов. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1989.
6. Одинцов В.Н. О некоторых проблемных вопросах служебной деятельности подразделений дознания // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.
7. Савенко Г.Н. Совместные следственно-оперативные группы: проблемы и тенденции // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: материалы межвузовской научно-практической конференции (к 50-летию юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) 28, 29 апреля 2005 г. М.: Академия управления МВД России, 2005. Ч. III.
8. Ульянова Л.Т. О доказывании в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского государственного университета. 1971. Серия 11: Право. № 3.
9. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2006.

© Фадеев Илья Александрович (Ilya-fadeev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия Управления МВД России

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕОПЗНАННЫХ ТРУПОВ

IDENTIFICATION: THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF UNIDENTIFIED CORPSES

D. Yakovlev

Summary. The article discusses the problems of identifying unidentified corpses. The current problems of the organization of identification research are analyzed. An algorithm for establishing the identity of an unidentified corpse by conducting operational search measures and investigative actions, including using modern forensic examination capabilities, is proposed.

Keywords: unidentified corpse, identification, algorithmization of identification studies, operational search measures, investigative actions.

Яковлев Дмитрий Юрьевич

*К.ю.н., доцент, Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
dmitrii-iakovlev@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы установления личности непознанных трупов. Анализируются актуальные проблемы организации идентификационных исследований. Предлагается алгоритм установления личности непознанного трупа путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в том числе с использованием современных возможностей судебных экспертиз.

Ключевые слова: непознанный труп, установления личности, алгоритмизация идентификационных исследований, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия.

Вопросы установления личности непознанного трупа находятся под пристальным вниманием научной криминалистической общественности уже не один десяток лет. С момента зарождения криминалистики как науки и до настоящего времени усилия большого числа исследователей направлены на разработку технико-криминалистических приемов и методов, позволяющих идентифицировать труп достоверно, быстро и эффективно. В основном эти усилия направлены на отыскание материальной фиксированной информации, отображающейся на различных предметах материального мира, с которыми человек находился в контакте более или менее продолжительное время.

Несмотря на определенные успехи в теоретическом осмыслении указанной проблемы, на практике отмечается ряд недостатков, носящих систематический характер. Их основа лежит в недостаточно полном выполнении следователями, оперативными работниками, экспертами-криминалистами, судебно-медицинскими экспертами предписанного комплекса следственных и иных действий, направленных на установление личности непознанного трупа, а также в отсутствие единообразного подхода (алгоритма) осмотра непознанного трупа [1].

В первую очередь, это связано с нарушением требований основных ведомственных нормативно-правовых

актов Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета России об обязательном присутствии на месте обнаружения непознанного трупа должностного лица, несущего ответственность за организацию и координацию работы по идентификации трупа. Нередки случаи перепоручения этой работы участковым инспекторам полиции, оперативным сотрудникам уголовного розыска. Зачастую осмотр, в нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса, проводится без участия специалистов в области судебной медицины, специалистов-криминалистов.

Анализ уголовных дел, возбужденных по фактам обнаружения непознанных трупов, позволяет выделить следующие недостатки:

1. Протоколы осмотра места происшествия и осмотра трупа составляются небрежно: по имеющемуся описанию сложно составить представление о состоянии трупа. Элементы и признаки внешности описываются недостаточно полно. Часто при таком описании не используется обязательная криминалистическая терминология, особые и броские приметы описываются с использованием бытовых (разговорных) оборотов речи. Не указывается состояние одежды, локализация и характер повреждений, обнаруживаемых на трупе, стадия развития трупного явления. Фо-

тоснимки для фототаблиц выполняются без учета разработанных криминалистической техникой правил и рекомендаций, в том числе, по сигналетической фотосъемке трупа. В случае обнаружения трупа в труднодоступном месте не проводятся повторные осмотры трупа перед проведением судебно-медицинского исследования;

2. крайне редко при осмотре неопознанного трупа применяется видеозапись;
3. сигналетическая фотосъемка проводится после судебно-медицинского исследования трупа, когда большая часть идентификационных признаков утрачена, изменена;
4. при обнаружении трупа с выраженными гнилостными изменениями одежда трупа практически не изымается, а в случае изъятия не хранится должным образом. Имеют место случаи уничтожения одежды в танатологическом отделении бюро судебно-медицинских экспертиз без разрешения следователя, суда;
5. в последнее время перед сигналетической фотосъемкой практически не проводится «туалет трупа»;
6. следователи при вынесении постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа ставят на разрешение вопросы не в полном объеме и без учета современных возможностей судебно-медицинской экспертизы;
7. при обнаружении костно-мышечных конгломератов, гнилостно измененных, скелетированных останков не изымаются должным образом черепа, кровь, костная ткань для проведения дальнейших идентификационных, в том числе медико-криминалистических исследований;
8. крайне редко выполняется реконструкция лица по черепу даже в случае необходимости проведения идентификационных исследований;
9. игнорируется необходимость дактилоскопирования неопознанного трупа, небрежно составляются дактилоскопические карты.
10. недостаточно полно используются возможности ДНК-анализа для установления личности неопознанных трупов;
11. розыскные дела на неопознанные трупы заводятся несвоевременно с явным опозданием. Кроме того, при их анализе выявляются признаки небрежности в том числе, при заполнении опознавательных карт (в 33% случаев отсутствует описание элементов внешности, опознавательные фотоснимки);
12. работа по опознанию трупов довольно часто проводится формально без использования оперативных возможностей и данных криминалистических учетов органов внутренних дел. Анализ розыскных дел приводит к выводу о том, что последние со-

держат формальный набор версий, которые отрабатываются формально и поверхностно. Не редки случаи, когда поисковые оперативно-розыскные мероприятия проводятся без расширения границ поиска, только в районе обнаружения трупа;

13. в розыскные дела не включаются документы, перечень которых предусмотрен инструкциями МВД России — копии протоколов ОМП, постановлений о назначении судебных экспертиз, справок о местах хранения вещественных доказательств;
14. в недостаточной степени организовывается взаимодействие со средствами массовой информации при установлении личности неопознанного трупа.

На наш взгляд, мощным средством повышения эффективности деятельности по установлению личности непознанных трупов является аналитическая работа, направленная на обобщение положительного опыта идентификации трупов, усиления координации действий различных субъектов идентификации — следователей Следственного комитета РФ, сотрудников уголовного розыска, экспертов криминалистов и судебно-медицинских экспертов, прокуроров, внедрения новых форм и методов работы по установлению личности непознанных трупов и лиц без вести пропавших.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в этой области, установление личности непознанного трупа на сегодняшний день остается серьезной проблемой.

В настоящий момент идентификация трупа осуществляется на основании анатомо-демографических данных при изучении внешней и внутренней морфологии человека с включением в перечень указанных данных и признаков приобретенного характера. При полной или частичной утрате указанных данных применяется целый комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе назначение и производство судебных экспертиз. Можно сказать, что задача установления личности решается на основании отождествления обнаруженных и/или выявленных признаков по материально-фиксированным следам — отображениям, либо идеальным образом, запечатленным в сознании других людей.

Мы поддерживаем точку зрения В.Е. Корноухова, который отмечает, что важной чертой механизма идентификации неопознанного трупа является комплексность [2, с. 13–41]. При этом под комплексностью следует понимать использование всего спектра современных криминалистических возможностей выявления, фиксации и оценки идентификационных признаков. Однако в последнее время наметилась тенденция необоснованного сужения круга применяемых методик. В частности, практически не используются в идентификации

признаки зубочелюстного аппарата. Практика идет по пути применения методов генотипоскопического исследования [3]. Следует отметить, что применение таких методов не всегда целесообразно с точки зрения экономичности. Некоторые из возникающих идентификационных задач вполне могут быть решены при использовании традиционных криминалистических методов исследования [4].

По нашему мнению, гораздо эффективнее алгоритмизировать деятельность по установлению личности непознанного трупа, руководствуясь принципом от простого к сложному. При этом, сначала применять традиционные малозатратные методы криминалистического установления личности, переходя на более поздних этапах к применению наукоемких и, как правило, более затратных.

Таким образом, можно говорить о этапности применения различных методов для установления личности.

- ◆ На первом этапе допустимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных действующим законом об ОРД. Опрос, отождествление личности, наведение справок, исследование предметов и документов, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств;
- ◆ второй этап предполагает проведение комплекса следственных действий, включающего осмотр места происшествия, осмотр трупа, предъявление для опознания, назначение и производство судебных экспертиз.

Практическое использование предлагаемого алгоритма направлено на повышение эффективности идентификационных исследований при установлении личности, повышению доказательственной значимости получаемых результатов, более детальному выбору объектов и методов идентификационного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асатрян, Х.А. Современные проблемы идентификации неопознанных трупов / Х.А. Асатрян, Д.О. Эрдынеева. // Молодой ученый. — 2019. — № 28 (266). — С. 95–97.
2. Корноухов, В.Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека / В.Е. Корноухов. — Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 1982. — С. 13–41.
3. Перепечина, И.О. Комплексная разработка вопросов судебно-медицинской генетической идентификации: специальность 14.00.24: автореферат диссертации ... доктора медицинских наук / И.О. Перепечина. — Москва, 2005. — 25 с.
4. Токарева, Ю.А. Особенности портретной идентификации по изображениям трупа / Ю.А. Токарева // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2021. — № 1. — С. 2–3.

© Яковлев Дмитрий Юрьевич (dmitrii-iakovlev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Agafonov A. — Candidate of Law, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
aleksandravagafonov@yandex.ru

Aidinova D. — Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk
diana.aidinova@mail.ru

Antoshchenko A. — Associate Professor, Vladivostok branch of the Federal state educational institution of the Russian interior Ministry
Kotova-vg@rambler.ru

Aristarkhov D. — Postgraduate student, Bashkir State University, Ufa
Dimaris90@mail.ru

Bagirova E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kemerovo State Institute of Culture

Baldanov R. — Ural State Law University
Ruslanbaldanov@gmail.com

Baranov G. — Deputy Chairman of the Berezniki city court of Perm Krai, Berezniki
GennadyBaranov@yandex.ru

Bogatova I. — Postgraduate student, Moscow University of Finance and Law; assistant lawyer, Bar Association «Lawyer»
ira010187@rambler.ru

Botashev R. — Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk
botashevruslan@mail.ru

Chamkin P. — Russian Academy of the National Economy and State Services under the President of the Russian Federation
champaul3@gmail.com

Chen Zhenguang — Lecturer, Heihe University
1060396560@qq.com

Dyshekov M. — Candidate of historical sciences, associate professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik)
dugur1@mail.ru

Fadeev I. — PhD in Law, Police Major, Senior Lecturer, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ilya-fadeev@yandex.ru

Gantemirov K. — Postgraduate, Kuban state University
kazbek.27@yandex.ru

Glavatsky V. — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher, Perm Branch of the Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
pfie@list.ru

Gurkov R. — Postgraduate Student of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Leading Advisor of the South-East Asia and Oceania Division of the Department of Asia, Africa, Latin America of the Ministry of Industry and Trade of Russia
gurkov_rodion@mail.ru

Isakov A. — Candidate of legal sciences, associate professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik)
isaslan@mail.ru

Kalendarishvili Z. — Candidate of Law, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
zurab.kalendarishvili@yandex.ru

Kanatov T. — Dr. Law, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University
natan82008@mail.ru

Kokorev S. — Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics
srgkkrv@gmail.com

Korobkina N. — Adjunct, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Khabarovsk
nkorobkina@mvd.ru

Kovaleva Ye. — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Perm Branch of the Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Kozlov M. — Specialist, Auckland University of Technology, Auckland, New Zealand
maksim.kozlov@live.ru

Krishka V. — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)
kryshka@mail.ru

Kurenkov G. — Post-graduate student, St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions
kurencov.spb@gmail.com

Kushkhov Kh. — Senior lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik)
khajmurat@yandex.ru

Kuzmicheva A. — Associate Professor, FGBOU VPO Moscow Aviation Institute (National Research University)
allamai@list.ru

Lazareva M. — Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer, Kemerovo State Institute of Culture
elenabagirova@hotmail.com

Li Na — Lecturer, Heihe University
1060396560@qq.com

Luchina A. — Kutafin Moscow State Law University, Moscow
anluchina@mail.ru

Malkov S. — Candidate of Law, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Serqeymalkov@mail.ru

Mashkina V. — Financial University under the Government of the Russian Federation
lerka-neka@yandex.ru

Metreveli E. — Postgraduate student, teacher, MPEK of Plekhanov Russian University of Economics
metrevelieg@yandex.ru

Mirzoev Z. — Senior lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik)
trapik80@mail.ru

Ovchinnikov A. — Ph.D. in Economics, associate professor, Russian University of Transport (MIIT)
alexovchinnikov@mail.ru

Pavlenkov I. — Ph. D., Rector of the Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education
kaf-fin-df@yandex.ru

Plotnik M. — Assistant to the Head of the Study Department, Military Unit 42984, Saratov
Expest.on@mail.ru

Pokrovskaya N. — Competitor, Kazan Federal University
nataliavladimirovnapokrovskaya@gmail.com

Polyakova V. — Graduate student, Russian Customs Academy
vladissyneo@yandex.ru

Pytkina S. — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Perm Branch of the Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Sapezhinskaya A. — Graduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Amy2006@yandex.ru

Stepenco V. — Doctor of Law, Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk
stepenko_khstu@inbox.ru

Sukhanov S. — PhD student, Department of Civil Law at Russian State University of Justice
sergeysworking@gmail.com

Vasilyev I. — Ph.D., Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
vasilev-1962@inbox.ru

Vilisova I. — Postgraduate student, Ural Institute of Management - branch of RANEPA
vilisova_i@mail.ru

Yakovlev D. — Candidate of Law, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
dmitrii-iakovlev@mail.ru

Zubkova S. — C.E.S. associate professor, Department of the financial markets and banks, Financial University under the Government of the Russian Federation
zubkovasv@inbox.ru

Zyulkov D. — Postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
dmitryzyulkov@gmail.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).